

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

**АБУ МАЗЕН
(МАХМУД АББАС)**

ПУТЬ В ОСЛО

**ЧЕЛОВЕК, ПОДПИСАВШИЙ СОГЛАШЕНИЕ,
РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ ПЕРЕГОВОРОВ**

МОСКВА 1996

Абу Мазен (Махмуд Аббас)
ПУТЬ В ОСЛО

Человек, подписавший соглашение, раскрывает тайны переговоров.

ISBN 5–89394–001–6

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Представленная на суд читателя книга – уникальный исторический документ. Она интересна не только как свидетельство одного из архитекторов современной ближневосточной политики о наиболее животрепещущем и наименее известном не только широкой публике, но и специалистам ее аспекте – израильско–палестинском урегулировании. Впервые на русском языке выходит работа не западного или отечественного политика, а непосредственного участника ближневосточного противостояния, человека, вся жизнь которого неразрывно связана с ближневосточным конфликтом, более того – одного из лидеров конфликтующих сторон.

Это очень конкретная книга. Почти стенографические записи разговоров, фамилии, даты, внешне сухое перечисление всего многообразия фактов, сопутствовавших переговорному процессу, вплоть до самых мельчайших, дают читателю редчайшую возможность заглянуть за кулисы Большой Политики и почувствовать атмосферу одного из главных событий в политической истории 90–х годов нашего столетия.

Это очень честная книга. Она написана не "на публику". Отношение автора к окружающим его людям, находятся ли они в его собственном лагере, в стране его противников или являются посредниками между конфликтующими сторонами, настолько четко изложено, что не остается никакого места для двусмысленного толкования. Возможно, большую роль в этом сыграл тот факт, что мало известный широкой публике Абу Мазен на деле хорошо представляет свою роль в ближневосточной политике и не считается с условностями, обязательными для фигуры меньшего масштаба.

Едва ли не главная ценность труда Абу Мазена в том, что в нем впервые представлены взгляды на ближневосточное урегулирование самих палестинских лидеров, а не кого–либо из союзников, противников, "патронов" или "независимых экспертов". Взгляды эти изложены более чем беспристрастно для человека, биография которого – почти непрерывное участие в жестком и бескомпромиссном вооруженном конфликте в его самых жестоких формах. Это тем более радует, что в специальной литературе советского периода, посвященной ближневосточному конфликту, хотя и популяризировалась исключительно палестинская точка зрения, но

озвучена она была в столь зашоренной, сверхидеологизированной форме, что реально была такой же неизвестно русскоязычному читателю, как и запрещенная израильская.

Ближневосточная политика как СССР, так и России до последнего времени базировалась в немалой степени на мифах. Это могло привести и приводило к разорительному и бесплодному противостоянию с Соединенными Штатами – "вероятным противником № 1" или не менее разорительному и бесплодному "молчаливому нейтралитету", прикрытому символическим фиговым листком ритуального "коспонсорства в мирном процессе". Современные реалии заставляют в корне пересмотреть российскую политику в этом регионе, который не только соседствует с нашей страной на географической карте, но и влияет на ее внутреннюю политику и обстановку на южных границах едва ли не в той же степени, что и столетие назад. Книга Абу Мазена – важный ключ к реальному пониманию обстановки на Ближнем Востоке. В этом ее значение для отечественных политиков.

В заключение этого небольшого предисловия я хотел бы искренне поблагодарить переводчиков и экспертов Института, сотрудников и руководство МИД России и, особенно, – работников российской дипломатической группы в Газе, чей самоотверженный труд сделал возможным издание этой книги в столь сжатые сроки. Особую признательность я выражаю автору этой книги – Абу Мазену, любезно предоставившему Институту право на ее перевод и издание на русском языке.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ

Президент
Института изучения Израиля
и Ближнего Востока

Москва
25 августа 1996 года

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемые читатели,

Вашему вниманию предлагается книга, жанр которой определить однозначно вряд ли получится. Это и научное исследование, и документальная хроника, и автобиографические заметки, а, может, и политический детектив – со своей логикой противостояния позиций, таинственностью, распутыванием сложных загадок.

Калейдоскоп событий и персонажей объединяет разнообразные ситуации и коллизии в пестрое полотно, рассказывающее об одном из самых сложных процессов современной политической действительности ближневосточном урегулировании, его главном узле – палестинской проблеме. В книге отразилась многолетняя надежда народов региона жить в мире – желание страстное, неослабевающее, но изо дня в день подавляемое гнетом войн, насилия и несправедливости.

Тяжелые испытания выпали в последние десятилетия на долю палестинского народа. Изгнание, оккупация – эти слова болью прошли сквозь палестинскую историю, затронули каждую палестинскую семью. Сколько их, лишенных на многие годы возможности жить нормальной жизнью на своей земле, растить детей, пользоваться плодами своего труда. Их судьба – лагеря беженцев, работа за гроши, бедность. Ни своей страны, ни своего дома.

Неужели так будет всегда? Неужели один из самых талантливых, образованных, культурных народов Арабского Востока будет и далее влачить жалкое существование? История, надо отдать ей должное, все-таки распорядилась иначе. Не на поле брани, не во взаимной вражде, переходящей из поколения в поколение, определять евреям и арабам свое место под солнцем на земле Палестины. Кто прав, кто виноват – пусть судит время, пусть спорят ученые. Людям же надо жить. А политикам – если выяснять отношения, то за столом переговоров. Именно таким здравым смыслом руководствовались главные герои произведения, с которым вы, уважаемые читатели, начинаете знакомиться.

Болезненно и трудно происходит перелом: первый взгляд друг другу в глаза, первое рукопожатие, первое совместное заявление, первые подписи под общим документом. Они – поистине мужественные люди – те израильтяне и палестинцы, которые

встали на "путь Осло", и с которого, хочется верить, свернуть уже не удастся...

Я давно знаю Абу Мазена. Десятки встреч, консультаций, переговоров. Мы вместе руководим работой российско–палестинского комитета по Ближнему Востоку, эффективно содействующего развитию мирного процесса в регионе и укреплению двусторонней координации. В глубоком уме, эрудиции, политическом чутье, смелости и обаянии этого человека мне не раз доводилось убеждаться. Всего себя он посвятил делу служения палестинскому народу, вложил без остатка душу в его возрождение и счастливое будущее, в котором палестинцы и израильтяне будут, наконец, жить в мире и согласии. Книга "Путь в Осло" – частица этой души, которой он делится с вами, уважаемые читатели. Прошу вас, примите ее с благодарностью.

В.ПОСУВАЛЮК

заместитель министра
иностраных дел
Российской Федерации

ОТ АВТОРА

Мы долго страдали в поисках мира. Нас сотрясали многочисленные войны, к которым мы не имели никакого отношения, и в которых не выражали желания участвовать, но которые, в конечном счете, принесли народам региона много крови, вражды и ненависти. Наконец, мы и народ Израиля пришли к очевидному выводу о том, что противоречия можно разрешить не путем войны, разрушения и злобы, а через такое урегулирование, которое убедит каждую из сторон в том, что она получит то, что она хочет. Из наших отношений с российским народом на протяжении пяти десятилетий мы вынесли, что мир – это самый верный путь разрешения противоречий. Мы видели, что, строя свои отношения с нами, россияне побуждали нас сесть за стол переговоров и признать международную законность, поскольку в этой позиции – наша сила и сила наших друзей, стоящих на нашей стороне. Именно поэтому мы получили полную поддержку руководства Советского Союза, когда Национальный Совет Палестины в 1988 г. выдвинул политическую инициативу, основанную на признании резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН. Мы ощутили энтузиазм российского руководства в связи с созывом Мадридской конференции и переговорам в Вашингтоне, коспонсором которых, а также их итогов и соглашений, была и остается Россия

Выбрав путь Осло, параллельный Вашингтону, но не заменявший его, мы получили поддержку российского руководства, и советовались с ним. Конфиденциальные контакты между нами продолжались на протяжении всех переговоров в Осло, вплоть до достижения окончательного успеха.

Долг путь к достижению окончательного мира и справедливого и прочного урегулирования. В той мере, в какой мы осознаем необходимость поддержки со стороны дружественной России, в той же мере мы знаем, что она действительно на нашей стороне, на стороне права как справедливый спонсор, честный арбитр политического процесса, государство, действительно заинтересованное в установлении мира и безопасности в мире, государство, принесшее миллионы жертв во имя того, чтобы на нашей планете воцарились стабильность, любовь и солидарность между народами.

АБУ МАЗЕН (МАХМУД АББАС)

ГЛАВА 1

В САМОЛЕТЕ ПО ПУТИ В ВАШИНГТОН

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

12 сентября 1993 г. делегация Организации Освобождения Палестины (ООП) вылетела из Туниса в Вашингтон на самолете, официально предоставленном палестинскому руководству королем Марокко Хасаном II, В течение десяти с половиной часов я находился в глубоких размышлениях, стараясь проанализировать тот путь, который мы прошли за тридцать лет борьбы и почти полвека жизни, сопровождавшейся утратами и прозябанием, за пределами родины. Я спрашивал себя, можно ли считать эту поездку путешествием, цель которого возвращение на родину, или всего лишь voyage для подписания соглашения об отказе от значительной части родной земли? Почему я направляюсь на подписание соглашения, которое меня лично как бы не касается? Возможно, я не получу ни дома, ни места жительства? То, что мы хотели сделать, откроет перед нами дверь в будущее или явится преградой в это будущее? Поступились ли мы правами нашего народа или, наоборот, отстаивали их?

Я понимал, что мы взяли на себя тяжелое бремя и огромную ответственность. Возможно, проблем будет больше, чем успехов. Какой будет реакция нашего народа, проживающего как на палестинской территории, так и за ее пределами? Кто поддержит, а кто выступит против? И, наконец, что напишет о нас история?

Возможно ли в течение десяти часов полета, отделяющих Тунис от Вашингтона, заново совершить вековое путешествие народа–изгнанника? Разве можно забыть тех, кто своей кровью обильно полил родную землю? Вправе ли мы, накануне исторической победы, забыть многие поколения народа и его павших героев, которые внесли огромный вклад в достижение этой победы?

Поезд, на котором ехал наш народ, двигался сто лет, делая остановки на многих важных станциях. Одни пассажиры сходили, другие входили. А он продолжал свой путь, то набирая скорость, то застревая. Сильные ветры, сыпучие пески, каменные глыбы препятствовали его движению, а он, несмотря ни на что, продолжал продвигаться вперед.

Порой мы оказывались в положении корабля, который, потеряв компас и сбившись с пути, оставался наедине с бушующей морской пучиной. И никому неизвестно, когда он подойдет к безопасному берегу, когда его пассажиры смогут сойти на землю стабильности и спокойствия.

Наш народ пережил четыре восстания и пять войн. Некоторые из них вспыхивали друг за другом без перерыва, не давая участникам никакой возможности для отдыха или передышки. Наши деды не жили в условиях спокойствия и стабильности, их внуки не попробовали вкуса жизни по-человечески. Все они боролись и продолжают бороться за надежду, которая казалась миражам и иллюзией. Однако они не отчаивались и не теряли надежду, их решимость никогда не ослабевала. Одно поколение передавало знамя борьбы другому, новое поколение перенимало знамя верности из рук предшественника, никто не предал боевого знамени, никто не предал идеалов чести.

Конечно, мы обязаны вспомнить самыми добрыми словами муфтия Палестины, а также Ахмеда Хильми Абд аль-Баки, Ахмеда аш-Шукейри, Яхью Хамуда и назвать их народными героями. Мы никогда не забудем погибших в битве за свободу участников и руководителей народных восстаний, таких как Аз ад-Дин аль-Касам, шейх Фархан ас-Саади, шейх Хасан Саляма, Абд аль-Кадер аль-Хусейни, Абд ар-Рахим Махмуд. В этот список славы мы с полным правом можем внести имена героев, погибших в последние годы, ибо они ценой своей крови проложили путь к свободе и возродили надежду народа. Вот их имена: Ахмед аль-Муса, Абд аль-Фаттах аль-Хамуд, Абу Сабри, Абу Али Айяд, Камаль Адван, Мухаммед ан-Наджар, Камаль Насер, Гасан Канафани, Саад Саяль, Маджид Абу Шарар. Мы всегда будем помнить десятки тысяч солдат, офицеров, активистов, а также детей, женщин и стариков, отдавших свои жизни в борьбе за права своего народа.

Коварная рука убийцы жестоко расправилась с выдающимся сыном нашего народа Абу Джихадом. В результате предательства погибли видные руководители палестинского движения сопротивления: настоящий рыцарь – Абу Айяд,¹ много сделавший для единства наших рядов, и Абу аль-Холь, ставший символом самопожертвования. Список славы можно продолжать бесконечно. Река

¹Салах Халаф – один из руководителей движения ФАТХ. По арабской традиции его называли Абу Айяд, т.е. отец Айяда. (прим. перев.)

крови протекает через каждый дом, квартал, деревню, лагерь беженцев и город.

Душа каждого из погибших успокоилась, видя, что некоторые надежды становятся реальностью, а некоторые мечты воплощаются в жизнь, что народ стал чувствовать свою национальную принадлежность и индивидуальность. И сегодня Айяд может сказать своему отцу: "Я был без роду и племени, а ты ценой своей жизни одарил меня национальной индивидуальностью".

Множество вопросов родилось в моей голове пока мы летели в Вашингтон. Я внимательно всматривался в окружавшие меня лица, в моем воображении появлялись другие, и я вновь погружался в себя. И это был я, кто скоро предстанет перед миром, чтобы подписать соглашение и взвалить на себя историческую ответственность. А все остальные, как те, кто будет присутствовать на этой церемонии, так и те, кого там не будет, смогут заявить о своей непричастности.

К концу полета я все-таки пришел к выводу, состоящему из двух пунктов. Во-первых, я совершаю дело исторического значения, которое надо рассматривать как величайшее достижение нашего народа. Во-вторых, без всякого сомнения, среди обеих сторон существуют силы, чьи опасные действия и отсталые взгляды могут ликвидировать это завоевание. И все же, меня охватывали противоречивые чувства: с одной стороны, я чувствовал правоту нашего дела, с другой, я испытывал страх за его претворение в жизнь.

Мы прибыли на военную базу Эндрюс неподалеку от Вашингтона, совершив посадку на специальном аэродроме, где обычно встречают государственные делегации и официальных лиц, прибывающих в США.

Нас встретили Эдвард Джереджан, а также заведующая протокольным отделом госдепартамента, послы арабских стран и несколько известных палестинских деятелей. Прямо с аэродрома мы направились в отель, где познакомились с заранее подготовленной программой пребывания, предусматривавшей встречи со многими известными лицами из США, арабских стран, а также известными палестинцами. Таким образом, мы впервые встретились с экс-президентами Картером, Бушем, со всеми, кто приехал поприветствовать палестинскую делегацию. Картер показался мне скорее монахом или святым, но никак не президентом великого государства. Его улыбающееся лицо излучало исключительную непороч-

ность и невинность, заставляющие каждого, кто с ним встречался, с первого взгляда полюбить его и принять близко к сердцу.

Что касается Джорджа Буша, который был президентом в очень ответственный период не только в истории США, но и всего мира, то он произвел на меня впечатление рыцаря, который добился многих побед, но скорее вынужден был отдать их другому, подчиняясь и соглашаясь с принципами демократической процедуры.

Итак, за очень короткий срок ООП и ее руководство перестали быть террористами в глазах американской администрации, а стали предметом особого внимания со стороны Белого дома. Его обитатели стали рассматривать руководителей Организации достойными того исторического события, ради которого они приехали в США. Тогда я вспомнил период, когда Америка начала диалог с ООП после того, как Национальный Совет Палестины (НСП) выдвинул политическую инициативу, а Ясир Арафат обнародовал ее в Женеве в 1988 г. Именно эти два события и стали началом так называемого мирного наступления палестинцев. Однако тот диалог оказался непродолжительным, так как зашел в тупик. Не менее важным был и другой диалог, который проходил вне рамок этих официальных встреч, за закрытыми дверями, в ходе которого я и американский посол в Тунисе Пеллетро со своим помощником Халлом углубленно обсуждали основные проблемы арабо–израильского конфликта. В центре же внимания тех дискуссий был вопрос о начале палестино–израильского диалога, который, по общему мнению, являлся ключом к миру на Ближнем Востоке.

Посол США был убежден в том, что только Партия труда способна решиться на начало диалога. Он высказывал свои опасения в связи с упрямством блока Ликуд и возможностью его прихода к власти в Израиле.

Я вспоминал те дни, стоя на трибуне у Белого дома, слева от государственного секретаря США госдепартамента, а также окруженный особым вниманием почетный гость – министр иностранных дел Норвегии человек, который с большим искусством руководил секретными переговорами в Осло.

Полтора часа мы стояли под обжигающим солнцем. Однако теплота царящей атмосферы возобладала над солнечным жаром. Находясь на лужайке Белого дома, освещенной яркими солнечными лучами, я чувствовал себя так, как будто весь наш народ, наконец, занял свое место под солнцем, а те, кто отрицал его право на жизнь, стали свидетелями этого события. Миллионы людей, через

сотни телекамер с волнением следили за торжественной церемонией, за тем, что проходило на небольшой трибуне, на которой писалась новая история не только Ближнего Востока, но, возможно, и всего мира. И я понял, что все, кто следил за ходом торжества, обращали внимание на все наши движения и взгляды, как бы пытались проникнуть в глубину наших умов и сердец, чтобы понять наши чувства, мысли, тревоги и волнения, чтобы ощутить биение наших сердец.

После того, как я произнес свою речь, мне надо было обменяться рукопожатием только с президентом Клинтоном. Но я прошел дальше и пожал также руку Рабину, Козыреву и Пересу. Это вызвало одобрителльные аплодисменты всех присутствующих, хотя обмен рукопожатиями не был предусмотрен заранее согласованным протоколом. Позднее меня многие спрашивали обо всем, что происходило во время церемонии, Мне, например, сказали, что президент Клинтон подвинул стул, когда я садился, чтобы подписать соглашение. Я, конечно, этого не заметил, скорее всего потому, что царящее волнение и мои собственные мысли не позволили запечатлеть многие детали происходящего.

А всего лишь несколько дней тому назад не было ни одного ответственного израильского деятеля, который осмелился бы на встречу с представителем ООП. И всего лишь несколько месяцев тому назад любому гражданину Израиля было запрещено упоминать ООП и, следовательно, встречаться с ее представителями. Со многими израильтянами мы встречались тайно, и они просили не сообщать об этом, так как их могли подвергнуть суду и заключению. Мы, конечно, хранили тайну этих встреч.

Участники таких встреч уделяли главное внимание одному вопросу: как прийти к миру. Мы знали, что встречаемся с израильтянами, которые не могут принимать ответственные решения. Однако мы надеялись, что они передадут то, что слышат от нас тем, кто может выслушать их рассказы о нас. Мы также осознавали, что пройдет много времени, прежде чем нам удастся достучаться до сердец израильтян, которые не понимают нас, да и не хотят понять, а их лидеры к тому же препятствуют этому пониманию. Несмотря на это, мы считали такие контакты очень полезными, поскольку они осуществлялись в то время, когда между палестинцами и израильтянами продолжалась война, а в Израиле действовал закон, официально запрещающий подобные встречи. Я же рассматривал их как правое дело, которое подрывало позиции сторонников войны.

В ходе бесед израильские участники всегда стремились получить нужную информацию, задавая нам определенные вопросы, которые, как мы понимали, шли не только от них, но и выражали интерес официальных кругов Израиля, желавших, конечно, знать нашу точку зрения. Такие вопросы нам задавали не только израильтяне, но и американцы, как, например, Гарольд Сондерс и Билл Квандт², а также Оузи Оуэн, Дан Абрахам и другие.

Нам задавали такие вопросы:

– Действительно ли мы хотим независимого палестинского государства?

– Возможно ли создание конфедерации между палестинским государством и Иорданией?

Насколько глубокими будут отношения палестинского государства с Советским Союзом?

Будет ли палестинское государство создавать армию и какая будет эта армия?

Как мы видим сосуществование и сотрудничество с Израилем после установления мира?

– Какими должны быть границы между Палестиной и Израилем?

– Каково наше видение решения проблемы беженцев?

– Каким мы видим будущее Иерусалима?

Отвечая на эти вопросы, я говорил, что мы хотим жить в независимом государстве как и другие народы, борющиеся за национальную независимость. Однако мы хотим создать конфедеративный союз с Иорданией, и, если Израиль захотел бы присоединиться к этому союзу, то мы были бы готовы серьезно рассмотреть этот вопрос. По поводу отношений с Советским Союзом я говорил, что мы не являемся коммунистами и что вряд ли мы будем строить коммунистическое государство и что не в наших интересах превращать собственное государство в оплот коммунизма на Ближнем Востоке.

Когда же американские или израильские оппоненты выражали опасения из-за наличия у палестинского государства армии, мы им разъясняли, что создание армии не является самоцелью, а будет отвечать лишь потребностям обороны. И если нашему государству будет гарантирована безопасность, то не будет нужды и в

² На встрече с американскими учеными из Института Брукингса 15.02.1989 г. в Тунисе, в которой также участвовали Герман Эйлтс, Томас Фридман, Карин Давиша и Хелена Коббан.

обороне. Следовательно, спрашивали мы, есть ли у США возможность направить американские войска на границу между нами и израильтянами? Или наши собеседники согласятся с идеей о том, чтобы международные силы выполняли ту же задачу?

Все, с кем мы встречались, просили нас признать резолюции СБ ООН 242 и 338. При этом подчеркивалось, что признание этих двух резолюций откроет путь к миру, и что правительство Израиля в этом случае обязательно согласится на переговоры с ООП. Однако следует с удивлением отметить, что самым сложным вопросом на переговорах как в Вашингтоне, так и в Осло был вопрос о выполнении резолюций 242 и 338. Израильские делегации каждый раз, особенно в Осло, затягивали время, внося то одни предложения, то другие, лишь бы избежать слова "выполнение" этих двух резолюций.

Нужно сказать, что одно наше предложение ставило в тупик и израильтян, и американцев. Я говорил, что мы стремимся к нормальному сосуществованию, к открытым границам, чтобы можно было свободно выбирать где работать и жить, чтобы был свободный поток товаров и капиталов. Когда же это предложение отвергалось, я выдвигал альтернативное, т.е. о полном закрытии границ. Но и эта идея не находила поддержки. Тогда я просил наших оппонентов представить их идеи о формуле сосуществования, и мы были готовы их принять.

Одной из наиболее сложных проблем для умеренных израильтян была проблема палестинских беженцев. Они отвергали даже саму идею обсуждения этого вопроса и не хотели также рассматривать принятые международным сообществом документы по проблеме беженцев. Именно поэтому прекратились наши переговоры с партией РАЦ, так как ее представитель Деди Цукер решительно отказался обсуждать уже имеющиеся у международного сообщества документы, которыми оно руководствуется при решении вопросов о беженцах. Это случилось несмотря на то, что состоялась целая серия переговоров между нами. Последняя встреча проходила 31 января 1989 г. в столице бывшей Чехословакии – Праге.

Проблему же Иерусалима вообще старались не затрагивать, считая ее очень сложной. Предлагалось отодвинуть эту тему на неопределенно долгое время, хотя многие считали ее красной линией, которую нельзя перейти.

Все эти мысли теснились у меня в голове, пока мы летели в самолете короля Марокко в Вашингтон. Я как-будто хотел еще раз

пережить долгий период борьбы и страданий всего лишь за несколько часов, прежде чем мы прибудем в Вашингтон, чтобы положить начало новой эре в жизни нашего народа, не зная, когда эта эра закончится. Я не питал иллюзий о том, что подписание соглашения решит все наши проблемы. Наоборот, я был уверен, что это соглашение породит новые трудности, так как в соглашении не предусматривалось разрешение многих проблем, не давалось разъяснение многих важных вопросов, над которыми предстояло еще долго и упорно работать.

В своих мыслях я вернулся в далекое прошлое, когда посвятил свое время изучению израильского общества. Тогда я был энтузиастом проведения встреч с теми израильтянами, которые этого хотели. В то время я подвергался жесткой критике даже со стороны близких мне людей из движения ФАТХ, не говоря уже о том, что стал предметом насмешек и издевательств со стороны многих.

Мои критики спрашивали: разве можно изменить израильское общество с помощью неизвестных израильтян, с которыми ты встречаешься? Какой толк от этой небольшой горстки малоизвестных представителей израильской общественности?

В 1968 г. некоторые руководители ФАТХ выдвинули лозунг создания демократического палестинского государства. Этот лозунг долго оставался в центре внимания, пока не был решительно отвергнут израильской пропагандой, считавшей его никчемной игрой. Я же нашел в нем рациональное зерно, особенно в его практической части. Ведь, в конце концов, он предусматривал сосуществование с израильским обществом, которое мы игнорировали. В этом лозунге содержалась точка отсчета, ведь нам нужно идти к миру. Однако как это сделать? И вновь меня наполнили воспоминания.

После окончания 16-й сессии НСП, которая подтвердила позицию ООП по вопросу о проведении встреч с демократическими и прогрессивными силами Израиля, один из лидеров ФАТХ Абу Айяд, трагически погибший позднее, выехал 11 марта 1987 г. с визитом в Венгрию. Он встретился с государственными и партийными деятелями, чтобы проинформировать их о решениях НСП. Особенно подробно он остановился на разъяснении резолюции о встречах с представителями различных еврейских организаций, которая получила позитивную оценку венгерских руководителей. Они, в свою очередь, сообщили Абу Айяду, что сейчас в Венгрии находится делегация движения "Мир – сегодня", и предложили, воспользовавшись случаем, организовать встречу при наличии согласия как у палестинцев, так и израильтян.

Абу Айяд почувствовал некоторое замешательство. Ведь в прошлом он не встречался с израильтянами и не готовился к подобным встречам, хотя и много говорил о такой возможности, не очень желая этого на самом деле. Однако в сложившейся ситуации отказаться было нелегко. И встреча состоялась. С израильской стороны в ней приняла участие известная журналистка Хана Зиммер и несколько видных членов Партии труда. Беседа продолжалась целых четыре часа.

Возвращаясь в памяти к той встрече, я стал вспоминать все этапы палестино–израильского конфликта, который продолжался целых семьдесят лет. Встреча началась во враждебной обстановке. Стороны обменивались взаимными обвинениями, словесно выстреливая друг в друга резкие, грубые выражения. Однако концовка была совсем другой. Участники пришли к твердому убеждению о необходимости установления мира, отвечающего интересам двух народов и обеспечивающего их право на самоопределение. Договорились о секретном характере встречи. Но Хана Зиммер опубликовала о ней полный отчет в своей газете "Гаарец".

В Толедо, город, который в средние века продемонстрировал наилучшим образом возможность сосуществования мусульман и евреев, направились две делегации – палестинская и израильская.³ Однако, в действительности, израильская делегация включала не только евреев – граждан Израиля восточного происхождения, но и евреев, проживающих во Франции, Канаде, США и Марокко.

Собралось сорок пять человек, которые долго говорили и приводили много примеров тому, как пятьсот лет назад их предки жили в мире и согласии.

Среди израильтян были палестинские арабы – граждане Израиля, которые приехали послушать рассказы евреев об успешном жизненном пути, хотя сегодня, когда мир так изменился, не удастся договориться о мирном сосуществовании. А среди палестинцев были евреи, которые вместе с ними боролись за возвращение оставшейся в прошлом совместной мирной жизни. Однако единоверцы в этой сложной ситуации смотрели друг на друга с чувством гнева и горечи.

Встреча началась с трудных переговоров о повестке дня, об очередности выступлений, о рассадке ее участников, о том, кто же первый предложит свой мирный план. Атмосфера встречи под-

³ Встреча состоялась 3–5.7.1989 г.

тверждала, что мы разделены на два враждебных лагеря, участвующих в кровопролитной войне.

Первые два часа прошли в очень напряженной обстановке. А уже в последующие семьдесят часов невозможно было понять, кто из какой делегации.

Собравшиеся окунулись в атмосферу дружеских бесед, рассказывая о своей жизни, о радостях и трудностях, вспоминали о прошлом. Евреи с удовольствием говорили о личных воспоминаниях, о воспоминаниях своих родителей, о том, как они жили в арабских странах. Никто не стеснялся говорить друг другу приятные и неприятные факты. Семьдесят часов пролетели незаметно, и никто не хотел расставаться. Однако всему есть конец.

Следует сказать, что каждый участвующий во встрече еврей использовал представившуюся возможность, чтобы от себя лично открыто заявить о поддержке права палестинского народа на самоопределение и создание независимого государства.

Да... Израильское общество изменилось. Конечно, это произошло не только в результате имевших место контактов. В основе этих изменений много причин, главной из которых является непрекращающаяся борьба палестинского народа, его восстание (интифада), в котором участвовали даже дети. И все же палестино–израильские встречи обогатили израильтян новыми фактами о борьбе нашего народа, о восстании на оккупированных территориях. Они явились чем–то вроде послания к израильтянам с призывом отказаться от неуступчивой позиции и сесть за стол переговоров: "Услышьте же нас! Пусть восторжествует голос разума и надежды! Задумайтесь о будущем своих детей!"

Прошли годы, и небольшая горстка израильтян превратилась в многочисленные группы, ряды которых пополнили влиятельные и ответственные представители законодательного органа – кнессета, общественных организаций и политических партий, прежде всего. Партии труда, стоящей у руля управления государством. И вот наступил день 22 сентября 1991 г, когда агентство Франс–пресс получило обращение от имени 24–х депутатов кнессета, представляющих Партию труда, а также РАЦ, МАПАМ, ШИНУЙ. Они призывали Национальный Совет Палестины изменить подход к Израилю и согласиться на созыв мирной конференции, отметив при этом, что только в условиях мира возможно решение палестинской проблемы, а Израилю – добиться своей безопасности наравне с арабскими народами. Среди подписавших это обращение были Эзер Вейцман (нынешний президент Израиля), а также нынешние мини-

стры Хаим Рамон, Йоси Сарид, Амнон Рубинштейн, Шуламит Ало-ни, и, наконец, Йоси Бейлин, нынешний заместитель министра иностранных дел, один из тех, кто взял на себя ответственность за начало переговоров в Осло и их продолжение до полного завершения.

Информационные агентства и газеты часто связывали мою персону с именем Эзера Вейцмана, который неоднократно заявлял о готовности встретиться с любым руководителем ООП. Однако этому не суждено было осуществиться, поскольку он подвергался сильному давлению со стороны руководства Партии труда. Так, когда он встретился с Набилем Рамлави в Женеве, то чуть не лишился своего министерского портфеля из-за кампании, развязанной против него Шамиром. Несмотря на это, мы осуществляли контакты с Вейцманом через посредников. Однажды он выразил желание посетить Советский Союз. Советское руководство оказалось в неловком положении, так как не могло направить ему приглашение. Ведь дипломатические отношения с Израилем были прерваны, и Советский Союз боялся негативной реакции со стороны арабских государств. Когда же меня спросили в МИД, в Москве, о моем мнении, я горячо поддержал идею визита Вейцмана, что вызвало удивление и недоумение советской стороны. Мне пришлось разъяснить, что Вейцман считается "голубем" в руководстве Партии труда, поэтому необходимо поддержать его и, конечно, направить приглашение. Встреча с ним будет полезной, отметил я. И действительно, после того, как состоялась встреча Вейцмана в Москве, последовало официальное признание Советским Союзом палестинского государства, а представительство ООП в Москве получило статус посольства государства Палестины. И было удивительно, что в Израиле стали обвинять Вейцмана в том, что он просил Москву повысить уровень представительства ООП.

Через несколько часов после подписания соглашения в Вашингтоне я отправился на встречу с Шимоном Пересом в его резиденции. Я не просил этой встречи. А случилось вот что. Кто-то из нашей делегации позвонил начальнику его канцелярии, чтобы обсудить вопрос о поправках в названии обеих сторон, подписавших соглашение. Израильцы же подумали, что именно я хочу встретиться с Пересом. И хотя произошло недоразумение, я не чувствовал, что есть какие-то препятствия, которые могли бы помешать мне встретиться с ним, тем более, что мы только что подписали соглашение, у меня и раньше не было боязни встречаться, потому что средства массовой информации довольно часто сообщали о

наших контактах. Я никогда не пытался опровергнуть эти сообщения.

Однако сегодня после церемонии подписания мы встречаемся в открытую перед представителями средств массовой информации, и это продлится целых сорок минут. Во встрече участвует израильская делегация, которая вела переговоры в Осло, и наша делегация, которая тоже была там, а также Ясир Абд Раббо. Мы (я и Перес) обратили внимание, что все присутствующие очень тепло разговаривали друг с другом. А это означало, что между людьми возникли добрые отношения, что их объединяют общие воспоминания. Тогда Перес, повернувшись ко мне, сказал: "Кажется, что на этой встрече только мы с вами плохо знакомы". В ходе заседания Перес старался быть объективным и реалистичным по вопросам о будущем. Он даже высказался за развитие экономики на оккупированных территориях, подтвердив, что во время своего недавнего визита в Европу, он просил европейцев разработать экономическую программу по возрождению этих регионов. Я пытался изучать этого человека, с которым был знаком по газетам и письмам, переговорам в Осло, а также по специальным докладам, которые поступали ко мне. И сейчас я пытался сравнить его образ, который сложился у меня в голове, с человеком, представшим передо мной.

Подлинный образ не отличался от того, который я нарисовал в мыслях. Я лишь подметил, что он настоящий дипломат, обладающий ясным политическим видением будущего, желанием добиться мира, соответствующего его представлению. У меня сложилось мнение, возможно поверхностное, что Перес не по всем вопросам согласен с Рабином. И когда один из членов нашей делегации высказал недовольство в связи с выступлением Рабина, Перес сделал знак рукой, как бы пытаясь сказать, не обращайтесь особого внимания на это, а потом сказал:

"Знаете, он приехал сюда, а там погибли четыре его солдата, поэтому прошу вас понять его". Потом он добавил: "Мы с ним можем спорить по поводу одного слова целый год... Но уж если пришли к согласию, то будьте уверены, что будем навсегда верны достигнутой договоренности".

Во встрече участвовал Йоси Бейлин, заместитель Переса. С ним у меня также состоялась беседа, которая имела несколько другой характер. С первых же слов между нами исчезли все предубеждения. Беседа носила совсем не протокольный характер. Я обратил внимание, что Бейлин выглядит довольно молодым, как будто ему не более тридцати. На самом же деле это мужчина лет

сорока, пользующийся значительным влиянием в Партии Труда. Он был одним из немногих, кто сохранил хорошие отношения с Пересом и не перешел на сторону Рабина, как это сделали многие другие. Я также попытался очень быстро изучить личность Зингера, который в Осло выступал как ярый ястреб, и обнаружил, что он недоволен экстремизмом Абу Аля. Он сказал мне, смеясь: "Прошу вас одолжить нам Абу Аля, если мы будем вести трудные переговоры с кем-либо".

В Вашингтоне же как будто волшебная палочка коснулась всех сторон бытия, совершая чудеса. Мы оказались в центре внимания как официальных лиц, так и многих известных американских деятелей. Средства массовой информации восхваляли ООП за ее конструктивную позицию и огромные усилия, направленные на достижение мира. На этом действие волшебной палочки не закончилось. Оно распространилось и на отношения между еврейской и арабской общинами Америки, которые до этого дня, 13 сентября 1993 г., были враждебными. Теперь же мы видели как представители двух общин обменивались поздравлениями и добрыми пожеланиями, освобождаясь от чувств вражды, которые наслаивались долгие годы.

Со дня подписания соглашения и до дня отъезда мы встречались с разными людьми, известными и неизвестными. К нам шли с приветствиями и улыбками, с просьбами оставить автограф. Мы чувствовали себя кинозвездами. Американцы расценили факт подписания соглашения как историческое событие, и поэтому стремились подойти к тем, кто стоял на трибуне, желая получить автограф. Мы уехали из Вашингтона, и радость этого исторического события стала постепенно уступать место повседневным заботам о будущем.

ГЛАВА 2

НАЧАЛО ПУТИ

Только в 1964 г. после трудных испытаний и долгого ожидания, пережитого Палестиной и ее сынами, как оставшимися на ее земле, так и покинувшими ее, возникла Организация Освобождения Палестины. Ее появление было ответом на страстные и горькие призывы и желания. Ее коснулась рука арабских режимов, и я ощущал ее подобно тому, как ощущают раскаленные уголья под серым пеплом.

ООП была детищем арабских режимов. Но это было не то, что отвечало настроениям масс в силу их убежденности, что все порожденное этими режимами, должно по определению нести в себе гены ущербности, унаследовав от них их характерные черты и все то, что обуславливало их пороки.

Но, несмотря на это, палестинцы видели в ООП свой дом, которого они лишились в результате поражения, свое знамя, под которым они могли выступать в условиях разобщенности и раскола своих рядов, и, наконец, ООП стала для них духовной родиной, после того, как земля на которой они существовали, стала недоступной.

В этот же год движение ФАТХ закончило все приготовления, чтобы начать вооруженную борьбу на оккупированных территориях. Таким образом, без заранее разработанного плана сформировалось два органа, чтобы дополнять друг друга в процессе борьбы палестинского народа за свои права. В то время, когда ООП, как официальный представитель, легально стремилась укрепить позиции палестинцев на политической карте мира, движение ФАТХ, выражая волю народа, вело борьбу за освобождение родины, за возвращение беженцев теми же методами, которыми наша земля была захвачена, а ее народ был изгнан.

Через четыре года после создания ООП и начала вооруженного сопротивления укрепилось представление, что с помощью оружия можно добиться более весомых результатов, чем политическими средствами. Это объясняется тем, что ООП оставалась пленницей арабских режимов и не могла действовать независимо от них. А палестинское движение сопротивления (ПДС), используя

различные формы как вооруженной, так и невооруженной борьбы, смогло действовать вне арабских режимов и игнорировать их официальные обязательства. Движение сопротивления не только пользовалось определенной свободой в ведении боевых действий. Оно также обладало возможностями, опираясь на свой собственный опыт, выступать с политическими инициативами, которые считало необходимыми и полезными для продолжения борьбы во всех формах.

Время от времени мы как бы приостанавливали активные военные действия, чтобы дать оценку пройденного и наметить перспективы на будущее. Мы считали, что подобная передышка просто необходима, чтобы придать нашей борьбе новое содержание и свежие силы для ее продолжения. В такие моменты мы уделяли главное внимание повышению морального духа наших бойцов. Они должны были понять, что цель, ради которой мы ведем борьбу, будет достигнута, несмотря на то, что палестинская проблема очень сложная, и, возможно, она будет решена очень не скоро. Такая реальность иногда вызывала у нашего народа чувства отчаяния и безысходности.

Среди некоторых видных деятелей палестинского движения сопротивления⁴ распространилась идея создания демократического палестинского государства, в котором на равноправной основе проживали бы иудеи, христиане и мусульмане. Вот таким было начало политической активности палестинцев, направленной на поиск мирных вариантов решения палестинской проблемы с учетом существующих реальностей как в данном регионе и арабском мире, так и на международной арене.

В то время эта идея означала для палестинцев огромную уступку, т.к. признавала и узаконивала право евреев на существование в Палестине. Она также свидетельствовала о неспособности арабов оказать нам поддержку, и о невозможности для палестинцев в одиночку бороться за освобождение своей родины. В действительности же, этот план уже тогда представлял собой смелое и объективное стратегическое видение урегулирования проблемы с учетом расстановки сил на международной арене, возможностей арабских государств и значительной мощи Израиля.

⁴ Первым, кто выдвинул эту идею был д-р Набиль Шаат (впоследствии глава палестинской делегации на переговорах в Вашингтоне и Табе), который в 80-х годах стал членом ЦК движения ФАТХ.

Израиль оккупировал часть нашей территории и в 1948 году изгнал часть нашего народа. Затем захватил все наши земли. Одни палестинцы оказались под властью оккупантов, другие стали беженцами. Израиль также захватил часть Голанских высот у Сирии и Синайский полуостров у Египта. Таким образом он мог бы осуществить свою экспансию так далеко, насколько это позволили бы гусеницы его танков и сапоги его солдат, возводя стены и укрепления, стремясь уничтожить каждого, кто пытался воспрепятствовать новым поселенцам захватывать земли и дома, оставшиеся без хозяина.

Все, что мы знали об Израиле, сводилось к его мощи и последствиям его экспансии. Мы видели его авиацию, полностью господствующей в своем и нашем воздушном пространстве. Мы видели его танки, бесцеремонно раскатывающимися по нашей земле. Мы не знали, да и не могли знать, более того, нам не позволяли узнать об Израиле больше этого. Священным лозунгом, который был написан на стенах наших домов, который заполнял страницы арабских газет, журналов и книг, были слова: "Знай своего врага". Этот лозунг можно было только прочесть, его невозможно, да и непозволительно было претворить в жизнь. Таким образом арабские народы жили в условиях полного отсутствия информации о своем противнике, который временами наводил на них панический страх. А мы все равно продолжали преступно пренебрегать им.

Считалось позорным как для палестинцев, так и арабов проявлять интерес к израильскому обществу, читать книги об Израиле, чтобы узнать различные стороны существования этого государства, его политический и социальный строй, слабые и сильные стороны его развития, чтобы понять образ жизни его народа.

Главный принцип передовой военной науки обязывает любого военачальника прежде, чем начать наступление, заняться сбором информации о своем противнике с целью определить его силы, виды вооружения, численность личного состава, места его дислокации, состояние управления войсками, пути их снабжения, а также многие другие незначительные детали, позволяющие оценить обстановку, возможные последствия и степень возможности добиться победы.

С политической точки зрения это означает, что государства сначала должны направлять различных представителей, шпионов, сотрудников разведывательных служб в недружественные страны, чтобы на месте получить информацию о настроениях населения, его социальном составе, о сильных и слабых сторонах жизни этих

стран, о внутренних противоречиях и конфликтах в них. Затем в целях повышения морального духа своего народа необходимо дать ему нужную информацию о противнике. И, наконец, изучить своего врага, как говорится, под микроскопом, и только после этого можно начинать действовать.

У нас же, в арабском мире, само стремление к знанию стало поводом для обвинения в отсутствии патриотизма у тех, кто пытался получить информацию в этой области. Мы считали, что необходимую информацию о противнике должны знать лишь главы государств, высокопоставленные лица, сотрудники служб безопасности и разведки, чиновники министерства иностранных дел, дипломаты. Однако впоследствии, к нашему удивлению, да и не только к нашему, мы обнаружили, что эти деятели, стоящие у руля власти, были плохо осведомлены о государстве, с которым они находятся в конфронтации и четыре раза воевали.

В начале 1970 г. я возглавил организационно-воспитательный отдел движения ФАТХ. И обнаружил, что наши кадры изучали лишь революционный опыт Вьетнама, Китая, Алжира и произведения Че Гевары. Что же касается истории сионизма со времен Герцля до момента создания Израиля и до настоящего времени, то мы знали лишь несколько названий книг, которых никто не изучал.

Однажды я прочитал сообщение в одной местной газете, что евреи, выходцы из арабских стран, стали составлять более половины населения Израиля. Эта информация вызвала у меня не только живой интерес, но и несколько вопросов: каким же образом арабские государства стали источником пополнения населения Израиля? Как же живут там евреи, выходцы из арабских стран? Как складываются их отношения с евреями, приехавшими с Запада, и целый ряд других вопросов, на которые я не находил ответа. И я понял, что необходимо начать новый этап, этап глубокого изучения Израиля.

С 1970 г и по 1977 г. я опубликовал две книги об эмиграции евреев из арабских и западных стран, материалы об отношениях Израиля и США, об израильских сторонниках мира, а также другую информацию, которая была полезной для формирования первоначальных знаний об Израиле.

В то время я выдвинул два лозунга. Первый призывал арабские государства содействовать возвращению евреев в страны, из которых они выехали, и прежде всего в арабские. Этот лозунг нашел позитивный отклик у Египта, Ирака, Ливии, Туниса, Марокко,

Йемена. Правительства этих стран приняли решение, разрешающее евреям вернуться. Второй лозунг призывал к установлению контактов с израильтянами и проведению с ними диалога в целях установления мира. И если первый лозунг встретил критику со стороны некоторых политических деятелей и представителей интеллигенции, то второй был встречен в штыки среди широких слоев как палестинской, так и арабской общественности, включая официальные круги.

Но были и те, кто поддержал эту идею, за что им пришлось расплатиться своей жизнью. Это погибшие от пуль убийц: Сайд Хамаи – представитель ООП в Великобритании, Аз ад-Дин аль-Калак представитель ООП во Франции, Наим Хадар представитель ООП в Бельгии, Исам Сартави, который по моему поручению выполнял миссию по связям с израильтянами, выступающими за мир.

С 12 по 22 марта 1977 г. проходила 13-я сессия НСП. Созыву сессии предшествовали встречи Исама Сартави с несколькими израильтянами. И все без исключения отряды палестинского движения сопротивления развязали против него враждебную кампанию, которую трудно было предвидеть. В этой кампании приняли участие и некоторые руководители и авторитетные деятели движения ФАТХ, членом которого был и сам Сартави.

По этому вопросу на сессии разгорелась острая дискуссия. И прежде, чем председатель Совета прекратил обсуждение данного пункта повестки дня, я взял слово, чтобы дать ответ на критику всех выступавших. Я тогда сказал, что они плохо знают вопрос, который обсуждают, что их знания об Израиле ограничиваются только названием этой страны, о которой им известно лишь одно – Израиль наш враг, против которого необходимо продолжать войну. Таким образом я пытался использовать слабые стороны своих оппонентов с тем, чтобы разъяснить им различные методы взаимодействия с противником. Я пытался показать, что помимо вооруженной борьбы есть другие пути, ведущие к цели, не менее важные, чем применение оружия. В своих доказательствах я опирался на те знания, которые приобрел за семь лет изучения различных материалов, а также на написанные мною две книги. Поэтому я уверенно выступал целых сорок пять минут, логично и последовательно доводя до своих слушателей то, что хотел. Тишина в зале и глаза присутствующих доказывали, что они впервые слышат подобную информацию. Когда я защищал Исама Сартави, то я защищал свои идеи, которые я высказывал повсюду. Я говорил, что если здесь есть те, кто обвиняет Сартави, то они должны начинать

с меня, так как он действовал не по собственной инициативе, а в соответствии с моими указаниями. Принципиальность заставляет руководителя нести ответственность за те указания, которые не находят широкой поддержки у людей, и не отказываться от того, кто выполнял эти указания. Я также подчеркнул, что решение об установлении контактов с израильтянами не было принято мной единолично. Эта идея получила поддержку у нескольких членов руководства ФАТХ, которые сами пришли к подобным выводам, но только не были еще готовы их отстаивать. Чтобы быть защитником своей идеи, они должны были вооружиться знаниями и информацией, которых у них не было. Но даже если бы у них были необходимые знания, вряд ли они смогли взяться за осуществление этой идеи, поскольку они считали, что этот вопрос в целом еще не созрел до такой степени, чтобы браться за его практическое воплощение.

Через сорок восемь часов Совет принял резолюцию, в которой подчеркивалась важность установления контактов и осуществления координации действий с демократическими прогрессивными еврейскими кругами как в Израиле, так и вне его, выступавшими против теории и практики сионизма. Эта резолюция также получила подтверждение на 15-й сессии НСП (11–19 апреля 1981 г.), на 16-й (14–22 февраля 1983 г.), на 18-й (20–25 апреля 1987 г.), на 19-й (12–15 ноября 1988 г.) и на съезде движения ФАТХ в августе 1989 г.

Таким образом, установление контактов с израильтянами стало делом, узаконенным резолюцией, принятой Национальным Советом Палестины. Вместе с тем, среди палестинцев было еще много тех, кто психологически не мог принять подобную практику. Это объясняется тем, что многие поколения палестинцев воспитывались в духе запрета даже на простое упоминание евреев или израильтян. Иногда подобная практика распространялась и на палестинцев, имевших гражданство Израиля. Так, на Всемирный фестиваль молодежи в одной из восточноевропейских стран (в прошлом коммунистической) приехал из Израиля известный палестинский поэт Махмуд Дервиш, стихи которого пользовались большой популярностью у палестинцев, где бы они ни проживали. Среди участников фестиваля был также Фейсал Хаурани, палестинец, но представлявший партию БААС Сирии. И произошло странное событие. Когда руководство партии узнало, что Хаурани приветствовал Дервиша, он был исключен из партии за то, что протянул руку "Израилю".

И все же я должен сказать, что многие продолжали руководствоваться подобным мышлением, несмотря на решения НСП. Они издавали воззвания, протестуя против каждой встречи с миролюбивыми силами Израиля. И как я уже отметил, многие, кто содействовал палестино–израильским контактам, поплатились жизнью. Но усилия в этом направлении не прекращались, способствуя установлению взаимопонимания между ООП и Израилем.

В этих целях мы действовали в двух направлениях. Во–первых, мы стремились развивать контакты со всеми миролюбивыми еврейскими силами, которые причисляли себя к движению "Мир – сегодня". Они отличались широкой идеологической палитрой, разным пониманием путей, ведущих к миру, их разъедали и глубокие противоречия и разногласия. Однако, несмотря на это, их объединило слово "мир", которое трактовалось очень по–разному и не имело единого определения и содержания.

Во–вторых, целью наших усилий стали израильские евреи андалузского происхождения, приехавшие в Израиль из арабских стран, Турции, Болгарии. Эта часть евреев отличается от ашкенази, выходцев из Европы, своими обычаями, традициями, образом мышления. Как раз они и составляют две трети населения Израйля. Эти люди приехали в Израиль в смутные времена, когда плелись интриги и заговоры, совершались убийства, проводились военные операции. Они жили, и значительная часть из них продолжает жить, на самой низкой ступеньке социальной лестницы. Это объясняется как той средой, в которой они сразу же оказались, так и, возможно ошибочными иллюзиями о своем будущем, которое им рисовали опередившие их иммигранты, в большинстве своем ашкенази. Однако эта ситуация породила странное явление, суть которого в том, что восточные евреи проявляли большую жестокость и нетерпимость к арабам. Более того, именно эта часть евреев пополняла ряды экстремистов, которые были воодушевлены идеями ашкенази, призывавших их доказать, что только они и есть самые истинные израильтяне. Восточные евреи поддержали движение Херут, которое в 1977 г. возглавило оппозицию Партии труда и ее союзникам. Когда же блок Ликуд, состоявший из движения Херут, его союзников и сторонников, вернулся к власти в Израиле, восточные евреи думали, что наконец–то будут осуществлены их цели и надежды, которые игнорировались Партией труда в течение тридцати лет.

Начиная с 1977 г., мы организовали десятки встреч и конференций. В них приняли участие израильтяне различной политиче-

ской ориентации, как сторонники движения "Мир сегодня", так и восточные евреи, в которых мы видели мост мира между палестинцами и Израилем. При этом мы не обращали внимания на подбрасываемую нам информацию о том, что израильтяне – участники встреч настроены и против арабов, и против палестинцев, хотя мы знали, что некоторые из них являются сторонниками правых экстремистских сил. В ходе контактов мы почувствовали, что эти люди готовы в рамках своего влияния и возможностей, а они очень ограничены, сыграть роль связующего звена между палестинцами и израильтянами, между евреями и арабами. Конечно, правые круги Израиля распространяли лживую информацию, стремясь сорвать продолжение палестино–израильских контактов, особенно после принятия кнессетом в августе 1986 г. Постановления № 6, которое запрещало любые встречи израильтян с представителями ООП, предусматривая за его нарушение тюремное заключение.

Для израильтян просто недопустимо жить на Ближнем Востоке и не знать своих соседей, жителей этого же региона. Недопустимо для Израиля оставаться чужим государством, расположенным в самом сердце арабского мира. Я не думаю, что Израиль, если он хочет гарантировать свои интересы, должен руководствоваться позицией своего бывшего министра обороны, члена блока Ликуд Аренса – выходца из США, который гордился тем, что сказал: "Я знаю о травах Аляски гораздо больше, чем об арабах".

Долгое время израильтяне жаловались мировому сообществу на то, что палестинцы, в первую очередь, да и все арабы в целом не принимают руку мира, которую протянул им Израиль. При этом израильтяне говорили, что арабы хотят их уничтожить, сбросить евреев в море. Одновременно они не переставали утверждать о своей готовности признать международное право как основу для мирного урегулирования конфликта, будучи убежденными в том, что арабы не готовы согласиться на это. Поэтому инициативы, выдвинутые нами с 1977 г. и имевшие официальную, правовую и реалистичную основу, ставили израильтян в тупик. Поэтому им приходилось искать причину, чтобы не отвечать на наши инициативы. И такая причина была найдена. Они всегда повторяли, что не может быть никаких переговоров с террористами, бандитами и убийцами.

Однако следует сказать, что принятое кнессетом постановление испугало отдельных представителей израильской общественности, которые, заведомо зная, что подвергаются наказанию вплоть до тюремного заключения, продолжали свои контакты во имя высокой миссии мира. В этой связи следует упомянуть

здесь Эби Натана, создателя радиостанции "Мир", которая начала свои передачи в начале 60-х годов и продолжала без устали нести знамя мира и призывать к миру. Эби Натан – еврей, родившийся в Иране, был офицером–летчиком в 1948 г. Однажды ему был дан приказ бомбить деревни в Галилее. После выполнения задания он вернулся на базу и вновь получил приказ повторить эту операцию на следующий день. Однако уже в первый день он увидел из своего самолета картину, которая глубоко потрясла его. Он видел на холмах и в долине женщин, детей, стариков, потерявших свои дома и свою родину, обезумевших от горя и страха до такой степени, что человеческий разум не мог не воспротивиться содеянному. Поэтому на следующий день Эби Натан направил свой самолет к городу Акко и сбросил бомбы в море, а вернувшись на базу, написал рапорт об увольнении из армии.

С тех пор он посвятил свою жизнь борьбе за мир. Он построил радиостанцию на судне, плавающем в Средиземном море, и стал выступать с призывами к миру. Однажды в годы правления Абдель Насера в Египте Эби Натан направился на своем судне в город Порт–Саид, чтобы начать с египтянами диалог о поисках мира. Однако египетские власти арестовали его и выдворили в открытое море. Но эта неудача не обескуражила Эби Натана, и он со всей решимостью продолжал свою миссию.

После принятия упомянутого постановления Эби Натан не прекратил контакты с нами, бросая вызов этому закону. Он даже хотел быть осужденным по этому закону, так как считал, что процесс над ним и его заключение в тюрьму взволнует израильскую общественность и пробудит у граждан скрытые чувства. Его дважды приговаривали к тюремному заключению сроком на один год. Однако наказание не только не изменило его убеждений, но и усилило его волю к борьбе за свои цели. Удивительно, но этот человек, очень богатый, уже многие годы носит только черную одежду, объясняя это так: "Я сниму черное только тогда, когда стану свидетелем освобождения Западного берега и сектора Газа от израильской оккупации".

Конечно, следует вспомнить еще одного известного деятеля, сыгравшего большую роль в движении за мир. Это генерал Мата-тьяху Пелед, с русскими чертами лица, который был заметной фигурой во время июньской войны в 1967 г. После ухода из армии на пенсию он занялся изучением арабского языка, а позднее стал преподавать его в университете Тель–Авива.

Пелед сотрудничал с Ури Авнери, Арие Элиавом и другими деятелями для установления контактов с ООП через Исама Сартави. Мы поддерживали связь с этой группой довольно долгое время. Пеледу удалось стать депутатом кнессета от прогрессивного списка вместе с Мухаммедом Миари. Потерпев поражение на последующих выборах в кнессет, Пелед стал выезжать в США с лекциями о положении на Ближнем Востоке, призывая к установлению мира в этом регионе.

Арабские союзники Пеледа в Израиле неоднократно наносили большой урон его авторитету. Однако он не изменил своих убеждений и продолжал настойчиво выступать в защиту идеалов мира. И нам, конечно, следует отдать дань большого уважения и признания этому человеку и его друзьям. Когда же прочный мир воцарится в этом регионе, миролюбивые силы Израиля и государства Палестина должны будут увековечить память этих людей.

Как я уже говорил выше, мы поддерживали контакты с представителями движения "Мир – сегодня", а также с евреями-выходцами из восточных стран как с социальной силой, которая могла быть связующим звеном между арабами и израильянами. У нас состоялись три продолжительные встречи с восточными евреями. Первая была в Румынии 6 ноября 1986 г., вторая в Венгрии 12 июня 1987 г. и третья, самая важная, в Толедо, в Испании, 5 июня 1989 г. Последнюю встречу организовала г-жа Симон Битен. Она – еврейка, родилась в Марокко, детство и юность провела в Израиле, а затем уехала во Францию на постоянное место жительства. Однако она не утратила прочных связей с Израилем и не забыла о своей главной задаче – борьбе за установление мира на земле мира. Она долгое время сотрудничала с нами в организации встреч, контактов, в средствах массовой информации и т.д. Особая роль принадлежит Симон Битен в проведении встречи в Толедо. Мне хотелось бы рассказать о тех, кто принял в ней участие.

Среди участников были: Шломо Альбаз, профессор университета и один из руководителей Еврейского агентства; Серж Бердиго⁵, лидер еврейской общины в Марокко; Наим Гилады, лидер общины восточных евреев в Америке; Андрэ Азулай⁶, председатель Ассоциации за диалог и гражданство с центром во Франции. Помимо них, в Толедо прибыли еще сорок человек, представляющих восточных евреев как из Израиля, так и из других стран. Это были

⁵ С.Бердиго занимал позднее пост министра туризма Марокко.

⁶ А.Азулай – советник короля Марокко Хасана.

известные и влиятельные люди, пользующиеся уважением даже у своих противников.

Дискуссии продолжались целых три дня. Я уехал раньше, не дождавшись окончания встречи. При этом я не просил принятия заключительного коммюнике или текста сообщения для печати, чтобы не создавать затруднений для еврейских участников встречи. Я и так был удовлетворен итогами состоявшегося диалога. Однако они сами настояли на обнародовании заявления, в котором приветствовали ООП за признание документов по Ближнему Востоку, принятых международным сообществом, за осуждение ею терроризма, и призвали к созданию палестинского государства наравне с Израилем.

Итак, соглашение о мире, которое мы подписали 13 сентября 1993 г. в Белом Доме в Вашингтоне, не было неожиданностью. Его подписание стало возможным не только в результате переговоров, которые проходили в Вашингтоне или Осло. Это соглашение надо рассматривать как итог длительной и кропотливой работы палестинского движения сопротивления в военной, политической и информационно–пропагандистской областях. Его подписанию способствовало благословенное восстание (интифада) населения оккупированных территорий, продолжавшееся целых шесть лет, жертвами которого стали тысячи детей, женщин, мужчин. Несомненно, что встреча в Вашингтоне состоялась и благодаря тем переменам, которые произошли во всем мире в результате окончания "холодной войны", крушения системы социализма и ведения разрушительной войны в Персидском заливе. Следует подчеркнуть и значение широких контактов, которые установила ООП с миролюбивыми еврейскими силами как в Израиле, так и во всем мире в целях воздействия на израильское общественное мнение, на сближение позиций двух народов по вопросу о возможности сосуществования в условиях мира, достижение которого вполне реально.

Надо отдать должное ООП. Ведь именно она открыла путь к возможности достижения мира на Ближнем Востоке, когда в 1988 г. участники 19–й сессии НСП, воодушевленные решимостью поднявшегося на восстание населения, признали резолюции 242 и 338 СБ ООН, которые рассматриваются международным сообществом как основа для урегулирования ближневосточного конфликта.

Мы также должны отдать дань уважения и признания палестинцам, которые потеряли свои жизни на пути к миру, и израильтянам, которые преодолевали огромные трудности, борясь за мир.

Они навсегда должны остаться в памяти народов региона. Их светлые незабываемые образы должны стать для грядущих поколений живым, ярким примером бескорыстного героизма. И если народы всегда с почетом и уважением относились к героям войн, то пусть они проявят такие же чувства к героям–борцам за мир, так как построить мир намного труднее, чем разжечь войну.

В последующих главах я постараюсь рассказать о роли некоторых государств, которые способствовали развитию мирного процесса, а также о трудностях, с которыми сталкивались ООП, а также государства и отдельные деятели, борясь за то, чтобы начать движение по пути к миру на Ближнем Востоке. Ведь поначалу все казалось невозможным. И чтобы сдвинуться с мертвой точки, необходимо было создать определенные факторы, приложив усилия, сформировать условия, которые стали бы началом конца конфликта, вызывавшего напряженность во всем мире более чем полвека.

ГЛАВА 3

РОЛЬ ШВЕЦИИ

После войны 1967 г. международное сообщество приняло 22 ноября 1967 г. резолюцию 242, которая потребовала от Израиля вывода войск с захваченных территорий, призывала к справедливому решению проблемы беженцев, гарантировала право всех государств региона на мирное существование в безопасных границах. В преамбуле резолюции говорилось о недопустимости захвата чужих территорий силой.

Военные действия в октябре 1973 г. завершились принятием Советом Безопасности ООН 22 октября 1973 г. резолюции 338, которая призывала воюющие стороны к ведению переговоров под соответствующей эгидой. Вслед за этим две великие державы – СССР и США – призвали к созыву конференции в Женеве. Египет и Иордания позитивно откликнулись на этот призыв. Однако Сирия не согласилась с этим предложением. Нас, палестинцев, не пригласили тогда на конференцию. Египет все же пытался добиться нашего участия в какой-либо форме, но его попытки оказались тщетными, так как и сама конференция не имела продолжения. Международные усилия трансформировались в челночные поездки государственного секретаря США Генри Киссинджера в район Ближнего Востока.

В 1977 г. Сайрус Вэнс, занимавший тогда пост государственного секретаря США, предложил Египту и Саудовской Аравии воздействовать на ООП с тем, чтобы она признала резолюцию 242, высказав любую критику в ее адрес. В этом случае С.Вэнс был готов приложить усилия для того, чтобы США начали диалог с ООП.

12-я сессия НСП приняла тогда резолюцию, в которой говорилось следующее: "Мы отвергаем резолюцию 242 в связи с тем, что она рассматривает палестинскую проблему как проблему беженцев". По-моему, следовало бы сформулировать эту мысль так: если бы резолюция 242 не рассматривала палестинскую проблему как проблему беженцев, подошла бы к ней как к проблеме народа, обладающего законными правами, мы бы согласились принять ее.

Такую формулировку предложили Исмаил Фахми, бывший министр иностранных дел Египта, и Сауд Фейсал, министр ино-

странных дел Саудовской Аравии. Подобная формулировка не меняла самой сути принятого документа, так как подходила к проблеме в соответствии с понятием "от противного". И с этой формулировкой можно было бы согласиться. Если бы мы приняли ее, то не только ничего не потеряли, но и приобрели бы признание ООП со стороны США.

Время шло. Каждый раз, когда в Москву приезжали официальные палестинские делегации, Андрей Громыко говорил на встречах с ними: "Перед вами нет другого выбора, кроме как признать резолюции 242 и 338. Эти резолюции сильный козырь в ваших руках, который нужно использовать в подходящий момент. Смотрите, не упустите момент. Иначе придет время, когда этот козырь потеряет свою ценность. Прошу вас, дайте нам возможность разыграть этот козырь на переговорах с американцами, европейцами и израильянами. Возможно, тогда нам удастся найти нужное вам решение". В ответ палестинцы постоянно твердили: "Нет, мы не можем принять эту резолюцию".

Некоторые палестинские организации были связаны особыми отношениями с Советским Союзом, считая его символом прогресса и социализма, другом угнетенных народов, опорой мирового освободительного движения. Многие из этих организаций, если не большинство, приняли марксизм, чтобы во всем быть похожими на Советский Союз. В то же время они очень часто спекулировали своими союзническими отношениями с Москвой. И Москва последней узнавала об этом, поскольку единственным связующим звеном между нами и Советским Союзом была ближневосточная проблема. Заняться же вплотную этой проблемой Советский Союз мог лишь с помощью резолюции 242, которую отвергали мы. Поэтому советская сторона часто задавалась вопросом о природе и принципе стратегического союза с нами, ввиду того, что обе стороны имели принципиальные разногласия в отношении единственного элемента, который связывал Москву с ближневосточной проблемой.

В 1982 г. во время блокады Бейрута, продолжавшейся почти три месяца, некоторые видные палестинские деятели, проживающие в Аммане, направили руководству ООП в Бейруте послание, подписанное видными адвокатами Ибрагимом Бакром и Ясиром Амром (ныне член исполкома ООП). Они предлагали палестинскому руководству немедленно выступить с инициативой, заявив о признании резолюций 242 и 338. Они считали, что подобная инициатива могла бы способствовать прекращению блокады, сохране-

нию ООП и изменению враждебного к ней отношения со стороны мирового сообщества.

После окончания блокады Бейрута и созыва второй встречи глав арабских государств в Фесе в 1982 г. выкристаллизовалась следующая программа решения проблем Ближнего Востока, в основе которой лежали принципы международного права, предложения президента Туниса Бургибы, план короля Саудовской Аравии Фахда с учетом замечаний других глав арабских государств:

пункт 1–й: Вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г., включая арабскую часть Иерусалима.

пункт 2–й: Ликвидация поселений, созданных Израилем на оккупированных территориях после 1967 г.

пункт 3–й: Гарантия свободы отправления религиозных культов представителями трех религий в святых местах.

пункт 4–й: Признание неотъемлемых национальных прав палестинского народа, включая право на самоопределение, под руководством ООП – его единственного законного представителя; выплата компенсации тем палестинским беженцам, которые откажутся от возвращения к родным местам.

пункт 5–й: Передача Западного берега и сектора Газа под контроль ООН на переходный период длительностью в несколько месяцев.

пункт 6–й: Создание независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме.

пункт 7–й: Предоставление Советом Безопасности ООН гарантий на сохранение мира для всех государств региона, включая независимое палестинское государство.

пункт 8–й: Обеспечение Советом Безопасности ООН гарантий выполнения этой программы.

7 декабря 1987 г. на оккупированных территориях вспыхнула интифада. Необходимо было наполнить народные выступления политическим содержанием, чтобы они приняли длительный характер, а не вылились в сиюминутный порыв.

Я понимал, что разговор о политической платформе восстания можно вести лишь с тем, кто обладает умом, способным широко мыслить, не отягощенным догматическими представлениями и взглядами. В то же время такой человек должен чувствовать ответственность перед своим народом, думать о его интересах и нуждах. Нельзя с гордостью говорить об успехах интифады и ее жертвах, как нельзя говорить о детях, которые с камнями в руках день и ночь

противостояли оккупационной армии без того, чтобы не думать об их будущем, о школах для них, об их здоровье, об условиях их существования, которые известны лишь Аллаху. Мы не вправе говорить о стойкости и героизме нашего народа, не думая как накормить его, обеспечить ему достойные условия жизни, гарантирующие хороший уровень здравоохранения, образования и другие необходимые потребности.

Через несколько месяцев после начала интифады я встретился с человеком, который обладает рассудительностью и глубокомыслием. Это был Наим аль-Ашхаб, член политбюро Палестинской коммунистической партии. Я задал ему прямой и конкретный вопрос: "Готов ли ты вместе со мной подумать над политической платформой восстания без всяких предубеждений, не боясь затронуть так называемые запретные темы?" Он ответил: "Да". Тогда я спросил: "Ты разделяешь мое мнение о том, что восстание направлено на то, чтобы добиться вывода израильских войск из сектора Газа и Западного берега?" Он сказал: "Да". Я продолжал: "А считаешь ли ты, что, если мы обратимся с призывом к жителям оккупированных территорий продолжать забрасывать израильтян камнями, чтобы заставить их уйти из Хайфы и Акко, согласятся ли они на это?" Он ответил: "Нет". Тогда я спросил: "Каков же будет их ответ на такой наш призыв?" В ответ я услышал: "Они забросают нас камнями?" И тут я сказал: "Итак, давай вместе подумаем, что мы можем предложить нашему народу?"

Тогда-то мы и пришли к выводу о необходимости поставить вопрос о признании резолюций 242 и 338 в качестве основы для политической программы ООП, которая позже была обнародована и получила название палестинская политическая инициатива.

Мы договорились, что, не разглашая деталей нашего плана, начнем обсуждать эту тему в общем с лидерами палестинских организаций, с руководством некоторых арабских государств и Советского Союза. Во время визита в Египет мы встретились с министром иностранных дел Исметом Абдель Маджидом, который горячо поддержал наш план, отметив, что подобную инициативу можно рассматривать как исторический прорыв в борьбе палестинского народа. Он также подчеркнул, что эта инициатива окажет позитивное влияние на позицию Запада и на сам Израиль, который не сможет ее отвергнуть.

Затем мы посетили Москву, где имели беседу с первым заместителем министра иностранных дел Александром Бессмертных, который позднее стал министром. В беседе также принимали

участие ответственные работники международного отдела ЦК КПСС. Советская сторона также поддержала нашу инициативу, подчеркнув, что она создаст благоприятные условия для решения палестинской проблемы. При этом было отмечено, что ни Америка, ни Израиль не только не смогут воспрепятствовать ей, но вынуждены будут принять ее, и что США, возможно, пойдут на диалог с ООП, если этот план будет утвержден Национальным Советом Палестины.

Однако было ясно, что НСП не примет соответствующих решений в поддержку нашего плана, если не будут предложены документы, мобилизующие палестинский народ на продолжение борьбы за свои права. Поэтому началась дискуссия о необходимости провозглашения палестинской независимости. Однако мы боялись, что содержание декларации будет противоречить принципам политического плана. Следовательно, все документы, принятые на сессии Совета, потеряют свое значение.

При обсуждении вопроса о принятии декларации некоторым палестинским юристам удалось внести в ее текст такие формулировки, которые не соответствовали поставленной нами цели и открыто противоречили разработанному нами политическому плану. Видя это, мы предложили переделать текст документа. Работа над новым текстом была поручена Махмуду Дервишу, которому пришлось мобилизовать всю свою энергию мыслителя и мастерство литератора. В результате получился превосходный документ, не только написанный утонченным языком и высоким стилем, но и по содержанию отвечающий принципам политической инициативы. В нем было столько пафоса, что наши противники были удовлетворены.

15 ноября 1988 г. Национальный Совет Палестины принял Политическое коммюнике подавляющим большинством, а Декларацию независимости единогласно. В Политическом коммюнике НСП, как высшая законодательная власть, дал толкование понятия "права палестинского народа", заявил о своих обязательствах по претворению этих прав в жизнь в качестве первоочередной цели на пути возможного урегулирования. Это толкование было сформулировано таким образом, который в будущем давал возможность внести необходимые дополнения и разъяснения.

Итак, мы получили реалистическую программу мирного урегулирования. Несомненно, что интифада, оказавшая большое воздействие на израильское общество, явилась той основой, на которую опирался НСП при разработке программы политической борь-

бы палестинского народа. Начался быстрый процесс признания палестинского государства как арабским миром, так и международным сообществом в целом. Более ста стран заявили о своем признании палестинского государства. Некоторые палестинцы считали, что это произошло благодаря Декларации независимости. Однако они заблуждались, поскольку международное сообщество, заявляя о своем признании палестинского государства, выражало, тем самым, свою поддержку программе мира, которую предложила ООП, и надеялось, что палестинцы не свернут с этого пути.

Как показала дискуссия на сессии НСП, план мирного урегулирования поддержали руководители ФАТХ, Коммунистической партии, часть независимых. Лидер Демократического фронта освобождения Палестины Найиф Хаватме колебался до последнего момента. Он был вынужден заявить о своей согласии, благодаря давлению части членов Политбюро Фронта, угрожавших расколом.

Как исторический факт, хочу отметить роль Абу Айяда на этой сессии НСП. Именно ему принадлежит заслуга в том, что Совет поддержал нашу мирную инициативу. Он выступил с продолжительной и очень убедительной речью, в которой разъяснил цели и задачи инициативы, ее позитивные последствия для нашей борьбы, подчеркнул важность ее одобрения со стороны НСП.

Самым важным элементом мирного плана палестинцев явился принцип признания ООП норм международного права, к чему постоянно призывало международное сообщество, считая, что только в этом случае можно добиться урегулирования на Ближнем Востоке, включая и решение палестинской проблемы.

Сессия Национального Совета Палестины завершила свою работу. И мы почувствовали, что США удовлетворены в определенной степени документами, принятыми на сессии. Однако их удовлетворение не привело к началу диалога с ООП. Этому мешала такая проблема как терроризм, о которой я хочу поговорить открыто и откровенно.

Итоги работы сессии НСП вызвали положительный отклик среди американских евреев, которые активизировали свои действия в целях начала диалога с ООП. Они обратились за поддержкой к правительству Швеции, которое с большим энтузиазмом восприняло идею проведения этого диалога на шведской земле. Шведское руководство, как бы предвидя ход истории, считало, что оно может укрепить международный авторитет своей страны, содействуя решению ближневосточного конфликта, и что начинать

надо с организации встречи между палестинцами и американскими евреями.

Принимая упомянутые документы на сессии Совета, мы стремились лишить Западную Европу, США и Израиль всех предлогов, с помощью которых они оправдывали свою позицию в отношении ООП и палестинской проблемы в целом. Мы почувствовали, что принятые нами решения загоняют США и Израиль в угол, изолируют их на международной арене. В то же время все западноевропейские страны без исключения и независимо от того, признали ли они палестинское государство или нет, с одобрением восприняли итоги сессии НСП. Они высказались за то, чтобы США и Израиль, со своей стороны, предприняли шаги навстречу палестинской инициативе. Подобная точка зрения ясно выражалась западноевропейскими государствами как по отдельности, так и коллективно в документах, принятых во время саммита на острове Родос.

Мы также понимали, что США в переходный период накануне смены власти переживают состояние невесомости. Президент, готовящийся уйти со своего поста, не может принимать столь ответственные решения в момент, когда вновь избранный президент не имеет на это полномочий. В то же время мы осознавали, что нам все-таки неизвестна истинная позиция США в отношении палестинского народа и по вопросу признания ООП. И мы хотели лучше понять ее, несмотря на наши национальные чувства к Америке, несмотря на ее историческую враждебность к нашим интересам и чаяниям, несмотря на ее органически тесную связь с Израилем, усиленную общностью интересов.

Мы все же надеялись, что американская администрация с пониманием воспримет послание, которое было как бы направлено сессией НСП, и в котором мы определили свою политику на будущее. Наша надежда укреплялась тем, что большинство государств мира дало положительную оценку принятого нами политического курса. Однако мы просчитались, так как американская администрация не восприняла нашего послания. США настаивали на более подробных разъяснениях, без которых они не собирались менять свое отношение к ООП. Но американцы подспудно осознавали, что занятая ими позиция слаба, и ее нельзя хорошо обосновать. Они также понимали, что не смогут игнорировать изменившиеся реалии, не замечать упрочения позиций ООП за четверть века борьбы. Поэтому США избрали тактику компромисса, иначе говоря, американская администрация продолжала проводить официальную линию в отношении ООП, выражавшуюся в отказе от встреч с ее

представителями, но в то же время пыталась использовать неофициальные каналы для контактов с ней. Состоялись встречи послов или других ответственных сотрудников посольств США в Анкаре, Тунисе, Алжире с главами наших представительств в этих странах. По просьбе американцев встречи проходили в условиях строжайшей секретности.

Несмотря на то, что шаги, предпринятые ООП на сессии НСП, поставили США в затруднительное положение, американская администрация продолжала свой прежний курс, хотя и стала думать над тем, как найти выход из создавшейся ситуации. Вашингтон пришел к выводу, что контакты с ООП по тайным неофициальным каналам не дают желаемого результата. Тогда администрация решила обратиться к лидерам еврейской общины США с предложением о проведении встреч между ними и представителями ООП, чтобы по итогам этих переговоров определить свои действия в будущем. Предполагаемым контактам предшествовала кампания давления на Израиль. Лидеры еврейской общины США зачастили с визитами в Израиль. Они выступали с критикой политики израильского правительства, выражали беспокойство по поводу засилья в правительстве религиозных ортодоксов, чей консерватизм, по их мнению, наносил урон религиозным позициям американских евреев, а также подрывал на мировой арене престиж Израиля, как демократического государства, представляющего образец западной цивилизации на Ближнем Востоке.

21 ноября 1988 г. представитель ООП в Стокгольме сообщил нам, что группа известных американских евреев, среди которых были представители и республиканской, и демократической партий, изъявили желание встретиться с кем-либо из представителей ООП, чтобы лично от них услышать толкование документов, принятых НСП. Американцы также предлагали в конце встречи принять совместное коммюнике, в котором могли бы быть затронуты волнующие обе стороны вопросы.

Сначала мы не придали этой информации большого значения. Ведь и раньше мы неоднократно встречались с представителями еврейской общины США. И, как мы убедились, эти люди не имели какого-либо влияния ни в американской администрации, ни в Израиле. Тем не менее было принято решение направить на предлагаемую встречу делегацию во главе с Халедом аль-Хасаном. В ее состав были также включены Хишам Мустафа, Афиф Сафия и представитель ООП в Стокгольме Юджин Махлюф. Позднее, однако, мы обратили внимание на то, что встреча прохо-

дила под патронажем шведского министра иностранных дел, а правительство Швеции проявило заметное внимание к обеим делегациям. В заключение было принято совместное коммюнике, подписание главными делегаций, которое опубликовано не было. Ниже приводится текст этого, все еще хранящегося в тайне, документа:

"Министр иностранных дел Швеции Стен Андерссон направил представителям ООП и еврейской общины США приглашение посетить Стокгольм 21 ноября 1988 г. На встречу в Стокгольм прибыли Халед аль-Хасан, Хишам Мустафа, Афиф Сафия и Юджин Махлюф, Рита Хаузер, Стэнли Шейнбаум и Дора Кац.

В первом заседании принял участие министр иностранных дел Швеции, на последующих заседаниях присутствовали официальные шведские представители. Участники встречи договорились о следующем:

12–15 ноября 1988 г. в Алжире состоялась сессия Национального Совета Палестины. Сессия приняла Декларацию независимости, которая провозгласила создание государства Палестина и Политическое коммюнике. Ниже приводятся разъяснения некоторых положений Декларации независимости, которые были даны представителями ООП.

Руководствуясь принципами, содержащимися в резолюциях ООН, призывающих к справедливому ближневосточному урегулированию, к созданию двух государств – Израиля и Палестины, Национальный Совет Палестины:

Первое: согласен на проведение мирных переговоров в рамках международной конференции под эгидой ООН при участии постоянных членов Совета Безопасности и с участием ООП в качестве единственного представителя палестинского народа на равноправной основе с другими сторонами конфликта. Конференция должна быть созвана на основе резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН и законных прав палестинского народа, включая право на самоопределение без вмешательства извне и право на создание независимого государства в соответствии с принципами Устава ООН. В ходе конференции необходимо найти решение всех аспектов палестинской проблемы.

Второе: провозглашает создание независимого государства Палестина и заявляет о признании существования Израиля как государства, расположенного в этом регионе.

Третье: заявляет об отказе от терроризма и осуждает все виды терроризма, включая государственный терроризм.

Четвертое: призывает к поискам решения проблемы палестинских беженцев в соответствии с нормами международного права и резолюциями ООН по этой проблеме (включая право на возвращение и получение компенсации).

Американские представители заявляют о своей поддержке и приветствуют Декларацию независимости государства Палестины и Политическое коммюнике, которые были приняты на сессии НСП в Алжире. Они считают, что теперь не существует каких-либо препятствий для проведения прямого диалога между правительством США и ООП".

В то время некоторые руководители, видные деятели культуры и журналисты Израиля неоднократно выступали с заявлениями, в которых говорилось: "США должны спасти нас от самих себя, ибо мы не можем идти по пути мира по вине наших руководителей. Мы движемся к самоубийству. Район Ближнего Востока нуждается в принудительном урегулировании".

Думающие израильтяне обращали взоры к Америке в надежде, что она заставит Израиль согласиться с каким-либо вариантом урегулирования. Однако сами США не были убеждены в необходимости поиска путей решения проблемы Ближнего Востока. Они не только не видели, что обстановка уже созрела для урегулирования, но, возможно, даже считали, что в самом регионе нет желания идти по пути мира.

Это объясняется тем, что США в течение сорока лет были удовлетворены существующим здесь положением, считая его идеальным. Ведь благодаря состоянию "ни войны, ни мира", Америка могла продолжать истощать ресурсы региона, иметь в нем доминирующее влияние.

Несомненно, что множество важных и значительных событий, произошедших на Ближнем Востоке и во всем мире заставили США пересмотреть свою политику в отношении ООП. Хотя на официальном уровне Вашингтон продолжал придерживаться прежнего курса, мы стали замечать, что американцы предпринимают шаги, свидетельствующие об их намерении внести коррективы в свою ближневосточную политику. Рассмотрим причины, повлиявшие на изменение позиции США:

1 – Разрядка международной напряженности, в условиях которой после подписания договора между двумя великими державами по ядерным ракетам среднего радиуса действия и после того, как начались переговоры по большинству существовавших тогда в мире конфликтов, международное сообщество осознало необхо-

димось заняться обсуждением проблемы Ближнего Востока, как одной из самых взрывоопасных в мире.

2 – Интифада, которая продемонстрировала всю серьезность палестинской проблемы и подтвердила перед всем миром и особенно перед Америкой тот факт, что палестинцы не растворились в песках арабской пустыни, как это предрекал Джон Фостер Даллес, занимавший пост государственного секретаря в 50–е годы.

3 – Внутренняя обстановка в Израиле, сложившаяся после парламентских выборов, которая свидетельствовала об укреплении радикальных и ортодоксальных сил, что в той или иной степени подрывало международные позиции Израиля и угрожало его будущему.

4 – Стремление США обеспечить гарантии поступления нефти из района Залива на мировой, и, особенно, на американский рынок по приемлемым ценам, а также вернуться на рынок арабских стран, которые стали закупать оружие в Европе.

5 – Активизация роли Западной Европы в ближневосточном регионе и в связи с этим нежелание США видеть Западную Европу равноправным партнером на Ближнем Востоке.

6 – Решение короля Иордании Хусейна об отказе от притязаний на Западный берег и снятие с повестки дня так называемого иорданского варианта.

7 – Появление большого числа критических материалов в американской печати в адрес еврейской общины за ее чрезмерное влияние на жизнь в Америке. Американская администрация была обеспокоена ростом антиеврейских настроений, что могло вызвать раскол между американцами и еврейской общиной. И хотя американская администрация стремилась сохранить образ сионистского лобби, особенно в глазах арабов, в то же время она не хотела представлять в таком откровенном образе среди своих граждан. В действительности же, стремление подчеркнуть свою безграничную приверженность роли защитника сионистских интересов привело к противоположным результатам. Простые американские граждане стали проявлять беспокойство в этой связи и справедливо говорить о господстве евреев над властными структурами США.

8 – Образ сионистского лобби, взятый на себя американской администрацией, породил иллюзии у сионистских организаций США о том, что они способны определять политику США и влиять на нее. Их чрезмерная активность вынудила американскую администрацию взять под контроль сложившуюся ситуацию и указать

этим организациям то место, которое они должны занимать в политической жизни Америки.

Могло случиться так, что процесс развития контактов остановился бы на встрече в Стокгольме с несколькими представителями еврейской общины США. Однако этого не произошло, благодаря инициативе шведского правительства, направившего приглашение Абу Аммару⁷ посетить с краткосрочным визитом Швецию в самое ближайшее время. Учитывая пожелание Швеции, Абу Аммар принял приглашение и прибыл в Стокгольм 6 декабря 1988 г. в сопровождении Ясира Абдо Раббо и Махмуда Дервиша. В самом начале встречи с палестинской делегацией министр иностранных дел Швеции С. Андерссон представил полученное от государственного секретаря США Джорджа Шульца послание вместе с приложением, которое представляло собой два проекта заявлений – одно от имени ООП, другое от имени правительства США.

Как говорилось в послании, Шульц был против каких-либо изменений в текстах обоих заявлений, но допускал некоторые добавления в пункте, касающемся ООП. Однако наша делегация все-таки решила сделать свои поправки там, где считала нужным. Внеся ту или иную поправку, наша делегация передавала ее шведскому министру, который исчезал, а затем возвращался, чтобы сказать, что американцы согласны с изменениями. Таким образом, поправки были сделаны как в палестинском варианте, так и в американском. Одновременно Абу Аммар обратился с просьбой дать ему необходимое время, чтобы проинформировать исполком Организации о том, что происходит на встрече, заверив шведов, что лично он согласен с предложением Шульца. Затем Абу Аммар созвал пресс-конференцию, на которой сообщил о соглашении между Халедом аль-Хасаном и группой американских евреев, заявив: "В соглашении дается верное разъяснение документов, принятых сессией Национального Совета Палестины".

Итак, осуществляемые через шведов контакты палестинцев с официальными американскими лицами по-прежнему сохранялись в тайне. Сообщено было лишь о встречах с американцами, представляющими неофициальные круги. По-видимому, шведы пригласили евреев в Стокгольм, чтобы скрыть диалог, который начинался с официальными американскими представителями. Заявление Абу Аммара на пресс-конференции получило противоречивые отклики

⁷ Абу Аммар – псевдоним Ясира Арафата. (прим. перев.)

со стороны членов еврейской делегации, правительств Израиля и США.

Шульц, например, заявил 7 декабря 1988 г., что высказывания Арафата в Стокгольме не могут быть положены в основу двусторонних переговоров между ООП и США. Однако Мэрфи в тот же день выразил надежду, что Ясир Арафат заявит о признании Израиля в речи на Генеральной Ассамблее ООН в Женеве.

Одновременно выступил Шимон Перес, отметив: "В заявлении Арафата содержатся лишь дополнительные разъяснения завуалированной позиции, о которой было объявлено в Алжире". Далее он также сказал: "Мы со всей серьезностью отнесемся к ООП только в том случае, если она ясно заявит об отказе от террора и подстрекательств, о признании резолюции 242 Совета Безопасности ООН и права Израиля жить в мире".

Когда 7 декабря 1988 г, Ицхака Шамира попросили прокомментировать заявление Арафата, он ответил: "Я не вижу и не ожидаю каких-либо коренных перемен в позиции палестинцев. Они создали ООП для уничтожения Израиля. И когда они осознают, что эта цель неосуществима, они распустят свою организацию".

Рита Хаузер, глава делегации американских евреев, заявила в тот же день, что высказывания Арафата в Швеции разогнали тучи вокруг решений, принятых в Алжире, что Арафат со всей очевидностью заявил о готовности признать государство Израиль. Она также добавила, что разъяснения Арафата открывают перед ООП путь к прямым переговорам с США.

Официальный представитель государственного департамента США, комментируя сообщения из Стокгольма, заметил что, если информация, которую сообщают агентства новостей из Стокгольма, подтвердится, то заявление, сделанное в Стокгольме, представляет собой еще одно разъяснение двойственности позиции ООП, которая пытается с помощью Швеции подтвердить приверженность документам, принятым в Алжире. Однако, продолжал он, это надо рассматривать лишь как очередную попытку и не более.

Хочу вернуться к посланию Шульца в адрес нашей делегации, переданному министром иностранных дел Швеции на встрече в Стокгольме. Здесь следует сказать, что наша делегация не согласилась с формулировками Шульца как в тексте, касающемся палестинцев, так и в тексте, касающемся американцев. Она пред-

ложила целый ряд поправок в обоих текстах. Окончательная их редакция выглядела следующим образом:

Проект заявления от ООП:

"Руководствуясь стремлением внести свой вклад в дело поиска справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, Исполком ООП в качестве временного правительства государства Палестина хотел бы обнародовать следующее официальное заявление:

1 – Исполком ООП готов начать переговоры с Израилем с целью достижения всеобъемлющего мирного урегулирования арабо–израильского конфликта в рамках международной конференции на основе резолюции 242 и 338 СБ ООН.

2 – Исполком ООП принимает обязательство жить в мире с Израилем и другими соседями, уважать их право на мирное существование в рамках безопасных и общепризнанных границ. Палестинское демократическое государство, к провозглашению которого стремится ООП, будет создано на палестинских территориях, оккупированных в 1967г.

3 – Исполком ООП осуждает одиночный, коллективный и государственный терроризм во всех формах и не будет их использовать.

4 – (изъятый пункт) Исполком ООП готов объявить запрет на все виды насилия на взаимной основе в случае начала переговоров".

Проект заявления от США:

"ООП приняла заявление, в котором объявила о принятии резолюций 242 и 338 СБ ООН и признании права Израиля на существование, об отказе от применения насилия. В результате этого США готовы начать обстоятельный диалог с представителями ООП. США убеждены, что переговоры о достижении мирного урегулирования арабо–израильского конфликта должны основываться на резолюциях 242 и 338 и призывают все стороны к немедленному возобновлению усилий по поиску путей к миру. США признают за представителями палестинского народа право обсуждать на переговорах любые вопросы по их усмотрению".

Затем следовали заранее подготовленные вопросы, которые журналисты должны были задать Джорджу Шульцу:

Первый вопрос: "Означает ли Ваше заявление, что палестинцы могут высказать на переговорах свою позицию о создании палестинского государства?"

Ответ: "Да. По нашему мнению, у палестинцев есть право выражать стремление к созданию независимого государства путем

переговоров. В процессе переговоров и прямой дискуссии заинтересованных сторон можно добиться желаемого результата".

Второй вопрос: "Вы согласны с тем, что переговоры должны осуществляться в рамках международной конференции?"

Ответ: "США давно заявляли, что поддерживают прямые переговоры. Мы всегда готовы рассмотреть любое предложение, направленное на проведение прямых переговоров с целью достижения всеобъемлющего мира. Инициатива, с которой я выступил в начале года, призывает к созыву международной конференции для начала прямых переговоров. Любая подобная конференция должна быть правильно организована, чтобы не подменить прямые переговоры".

Вот такие два проекта привезла наша делегация в Тунис, чтобы представить их Исполкому ООП, собравшемуся для обсуждения только этого вопроса. В течение трех дней продолжались долгие споры по каждому пункту предложенных проектов. Некоторые участники пытались доказать, что оба документа выходят за рамки тех обязательств, которые были приняты на сессии Национального Совета Палестины в Алжире. Однако большинство так не считало. Поэтому участники заседания в основном говорили о гарантиях, которые нам могут быть даны, и о последствиях, которых нам следует ожидать. В результате Исполком принял решение согласиться с обоими проектами.

В это же время проходили активные консультации с Советским Союзом. Мы пригласили Временного Поверенного в делах СССР в Тунисе и подробно проинформировали его обо всем, что мы получили из Стокгольма. Наша делегация, находившаяся в Тунисе, встретила с советским послом в Швеции. Предоставив ему полную информацию о состоявшейся встрече, она просила МИД СССР как можно быстрее высказать свое мнение. Однако ответ из Москвы задержался, так как президент Горбачев и сопровождавшие его руководители находились тогда в Нью-Йорке, где он принимал участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Затем Горбачев должен был встретиться с американским президентом и посетить Кубу и Великобританию. Итак, Москва опаздывала с ответом, несмотря на наше предостережение о том, что американцы любой ценой хотят добиться встречи с нами, чтобы повлиять на советскую позицию и на выступление Горбачева в Нью-Йорке и чтобы показать Москве, что она выведена из игры, и что мы, палестинцы, активно этому содействовали. Мы также очень хотели заранее знать позицию Советского Союза, чтобы учесть ее, давая

наш окончательный ответ шведам. В этой ситуации меня направили в Москву с целью ознакомиться с мнением советской стороны, а Махмуд Дервиш вылетел в Стокгольм, чтобы проинформировать о происходящем министра иностранных дел Швеции.

В Москве на встрече с министром иностранных дел мы проанализировали новую обстановку. Он выразил следующее мнение: независимо от того, будут ли США соблюдать договоренности или нет, происходящие события окажут большое влияние на мировое сообщество. В будущем необходимо активизировать взаимный обмен мнениями. Следует ожидать, что действующая американская администрация, стремясь исправить ошибку с отказом в выдаче визы Абу Аммару на въезд в Нью-Йорк для выступления на Генеральной Ассамблее ООН, будет действовать так, чтобы облегчить задачу новой администрации. Есть основания полагать, что нынешнее руководство США намерено оказывать воздействие на израильское правительство. Палестинцы, исходя из позиции США, должны активизировать свой реалистический курс; Советский Союз тоже должен более активно действовать на Ближнем Востоке. В свете всего происходящего вокруг ближневосточной проблемы необходимо продолжать поддерживать советско-палестинские контакты с целью достижения позитивных результатов.

Мы также проанализировали возможную реакцию Израиля, допустив и провокационные действия с его стороны, такие как убийства палестинских деятелей, расширение агрессивных акций. Мы пришли к выводу, что Израиль окажется в растущей изоляции в мире, чему будут способствовать и наши совместные действия. Состоялся обмен мнениями о сложной ситуации в самом Израиле, возникшей в результате формирования правительства. У нас было достаточно информации, чтобы предположить реальный ход событий. Израильцы испытывали доверие к Бейкеру, несмотря на его широкие связи с арабами, в то же время жесткость израильской политики была всегда результатом американской поддержки. Наш заключительный вывод был такой: как бы ни складывалась ситуация в Израиле, палестинцы все равно окажутся в выигрыше.

После того, как США отказались выдать Ясиру Арафату визу на въезд в Нью-Йорк для выступления в ООН, мы обратились к Генеральной Ассамблее с просьбой рассмотреть этот вопрос. Подавляющее большинство государств-членов ООН приняло решение (154 – за и только 2 (США и Израиль) – против) перенести заседание Генеральной Ассамблеи в Женеву, где находится вторая штаб-квартира ООН. Таким образом, 14 декабря 1988 г. Ясир

Арафат выступил с трибуны ООН. И снова весь мир позитивно откликнулся на его выступление. Америка же заняла негативную позицию, считая высказанные Арафатом предложения недостаточными для начала диалога с ООП и не отвечающими поставленным ею условиям.

Но на сессии присутствовал министр иностранных дел Швеции, который будучи посредником на переговорах досконально знал суть вопроса. Он считал, что в своем выступлении Арафат не был точным в передаче текста, который от него требовался. Поэтому он с трибуны ООН произнес речь, в которой поддержал все, сказанное Арафатом. Министр заявил: "Я категорически утверждаю, что господин Арафат в своей речи на Генеральной Ассамблее выполнил свои обязательства в отношении всех условий, которые выдвинули Вашингтон для начала американо-палестинского диалога. По нашему мнению, он четко заявил о своих обязательствах, что не дает повода для сомнений в искренности палестинских руководителей, формирующих позицию ООП. В своем выступлении Арафат твердо подтвердил свою готовность к переговорам с Израилем в рамках международной конференции на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН, он подтвердил свое уважение права Израиля на существование в безопасных и общепризнанных границах, он также осудил все формы терроризма, включая государственной. Все это и требовал Вашингтон от Арафата.

В кулуарах ООН шел интенсивный и бурный обмен мнениями о позиции США. Министры иностранных дел арабских государств пытались успокоить возмущенного Арафата. Они просили его не прибегать к провоцирующим действиям, уверяя, что Америка скоро изменит свою позицию.

На этом фоне с Абу Аммаром связались также некоторые арабские лидеры, и прежде всего король Хусейн и президент Мубарак. Одновременно осуществлялись интенсивные контакты с США, чтобы добиться изменения их позиции. Однако американцы не отреагировали на обращения к ним, ограничившись лишь заявлением, что Арафат не удовлетворил все их условия. И тут палестинская делегация и ее союзники раскололись на два лагеря. Одни предлагали Я.Арафату выступить с разъяснением своего выступления, употребив те выражения, которые от него требовались. Другие считали, что ООП и так сделала достаточно уступок.

Я следил за развитием событий, находясь в Москве. Мое мнение было таковым, что если есть необходимость в дополнительных разъяснениях, то надо их дать, не выходя за рамки приня-

тых нами документов. Я считал, что придирчивость американцев к формулировкам и терминам не что иное, как уловка для отказа от переговоров с ООП. Я так же, как и другие, понимал, что диалог между ООП и США – это не формальный вопрос, а качественный поворот, имеющий огромное значение. И уж если мы приняли реалистические документы на сессии НСП, то ведь мы сделали это с целью приобрести поддержку друзей, изменить позицию врагов и загнать их в тупик.

Абу Аммар понимал это тоже, поэтому искал выход из создавшегося положения таким образом, чтобы вынудить американцев пойти на диалог. В Женеву прибыли Хасиб Саббаг и Басиль Акль с задачей внимательно следить за ходом событий.

Когда они убедились, что сложилась действительно тупиковая ситуация, Хасиб связался по телефону с Ричардом Мэрфи. Состоялся детальный обмен мнениями о том, как найти взаимоприемлемую основу для выхода из тупика. Стало ясно, что единственным препятствием стало одно выражение – отказ от террора. Тогда удалось убедить Абу Аммара в необходимости использовать его во время пресс-конференции, которая должна была состояться через час. Вот что он сказал на этой пресс-конференции:

"Меня попросили разъяснить мою точку зрения перед вами. Наше стремление к миру – это стратегическое, а не временное, тактическое стремление. Мы будем добиваться мира, как бы ни развивалась ситуация.

Создание нашего государства даст палестинцам свободу, оно обеспечит мир и палестинцам, и израильтянам в равной степени.

Право на самоопределение означает для палестинцев право на существование израильтян, как об этом говорят их руководители. Вчера в своем выступлении я говорил о резолюции 181 Генеральной Ассамблеи как основе для палестинской независимости. Я также подчеркнул, что мы признаем резолюции 242 и 338 как основу для переговоров с Израилем в рамках международной конференции. Именно о признании этих трех резолюций заявил Национальный Совет Палестины на сессии в Алжире.

В моем выступлении было ясно сказано, что под правами нашего народа мы понимаем его право на свободу и национальную независимость в соответствии с резолюцией 181 и право всех вовлеченных в ближневосточный конфликт сторон жить в мире и безопасности, включая государство Палестина, Израиль и другие соседние государства в соответствии с резолюциями 242 и 338.

Что касается терроризма, то вчера я объявил со всей очевидностью, и я повторяю это, чтобы зафиксировать нашу позицию, что мы полностью и решительно отвергаем все виды терроризма, включая одиночный, групповой и государственный.

В период между сессией НСП в Алжире и Генеральной Ассамблеей в Женеве мы занимались разъяснением нашей позиции. Любые легковесные высказывания типа "палестинцы должны пойти на большие уступки", "... выполните такой лозунг", или "это недостаточно", или "палестинцы занимаются пропагандистскими играми, манипулируют международными отношениями", "подобные высказывания нанесут вред и не приведут к каким-либо результатам".

..."Хватит. Пора обсудить все имеющиеся проблемы на международной конференции".

И пусть все поймут, что ни Арафат, ни кто-либо другой не сможет остановить интифаду.

Интифада прекратится только тогда, когда будут предприняты конкретные практические шаги для достижения наших национальных целей и создания палестинского государства.

В этом контексте, я надеюсь, государства-члены Европейского Экономического Сообщества будут играть более эффективную роль в деле укрепления мира в нашем регионе. На них лежит политическая и моральная ответственность за решение ближневосточной проблемы.

В заключение, заявляю перед вами и прошу вас передать мои слова, что мы хотим мира, мы обязуемся сохранить мир, мы хотим жить в собственном палестинском государстве, и пусть другие также живут. Благодарю за внимание".

Через несколько часов после пресс-конференции Абу Аммар вылетел из Женевы в Берлин. И когда он был в воздухе из Америки просочились сведения о том, что американская администрация в течение часа выступит с сообщением о начале диалога. И, действительно, менее чем через час были опубликованы два заявления, одно от имени Джорджа Шульца, государственного секретаря, другое от имени президента Рональда Рейгана о начале диалога с ООП и о поручении американскому послу в Тунисе приступить к выполнению этой миссии, сосредоточив на ней особое внимание.

Итак, мы добились большого успеха. Наконец-то нам удалось преодолеть препятствие, воздвигнутое на нашем пути четырнадцать лет назад Генри Киссинджером. Тогда он дал официальное заверение Израилю в том, что США пойдут на диалог с ООП только в том случае, если она признает резолюции 242 и 338 и

право Израиля на существование. Затем он добавил третье условие – осуждение терроризма. Но и этого ему показалось недостаточным, и он способствовал принятию конгрессом резолюции по этому вопросу.

В чем же было значение диалога США с нами? Это означало, что ООП бесповоротно становилось официальной и основной стороной в любых переговорах о ближневосточном конфликте. И если Америка действительно хотела добиться всеобъемлющего мирного урегулирования, то Израиль вынужден будет, в той или иной форме, согласиться с нашим существованием, а затем и признать его. Уже в ближайшем будущем мы сможем удостовериться в серьезности позиции Америки. И в этом случае Израиль не сможет в одиночку противостоять всему миру, так как он понимает, что для него означает иметь или не иметь поддержку США.

На решение американской администрации последовали различные отклики. Например, Жорж Хабаш приветствовал это решение, рассматривая его как еще одну победу палестинской революции. Палестинский народ, руководствуясь природным инстинктом, испытывал чувства удовлетворения. Он давно убедился, что диалог с Америкой решает не только формальный и правовой аспекты, но и приобретает огромное значение, поскольку противопоставляет Израиль не только всему миру, но и самой Америке, бороться с которой Израиль просто не сможет. В арабском мире отклики были в целом позитивными. Средства массовой информации передавали заявления арабских лидеров в поддержку начала диалога.

В Израиле реагировали по-разному: одни осуждали, другие приветствовали. В официальных кругах решение США вызвало страх. Некоторые руководители называли его соломинкой, которая переломила спину верблюда. Ведь раньше Израиль прикрывался упрямством США, а теперь оказался изобличенным и в полной изоляции. Кабинет министров Израиля выступил 15 декабря 1988 г. с заявлением, в котором выразил сожаление в связи с решением американской администрации. В заявлении также подчеркивалось, что позиция США не способствует делу установления мира и что Израиль не изменит свое отношение к ООП и не пойдет на переговоры с ней. В свою очередь, израильский МИД заявил, что это решение вызывает беспокойство Израиля и заставляет его быть более бдительным в связи с тем, что ООП после этого обратится к США за признанием провозглашенного палестинского государства. В самой возможности подобного обращения Израиль видит угрозу своей безопасности и поэтому не будет сидеть сложа руки. Рабин и

Перес в своих заявлениях призвали принять во внимание происходящие в регионе изменения и выступить с израильской политической инициативой в духе складывающейся после решения США ситуации. Они указали на появившуюся возможность переговоров с теми палестинцами, которые признают резолюции СБ ООН, осуждают терроризм и воздерживаются от его применения. Левые круги Израиля осмелились даже призвать к прямым переговорам с ООП.

В самих США раздавались многочисленные голоса в поддержку американской позиции. В этих кругах рассматривали решение Вашингтона как шаг в сторону мира, как гарантию мирного и безопасного существования Израиля, и, наконец, как тест готовности Арафата выполнить поставленные перед ним условия, его способности сочетать слово и дело.

Некоторые из этих голосов подчеркивали, что продолжение американо–палестинского диалога будет зависеть от выполнения ООП и Арафатом принятых обязательств как на словах, так и на деле. В то же время выступивший 18 декабря 1988 г. по телевидению Ричард Мэрфи высказал понимание американской стороной положения Арафата, его возможностей влиять на оппозиционные палестинские организации. Он также заявил о готовности США рассматривать каждую террористическую акцию в отдельности, использовать надежные данные об участниках таких акций, не обвинять ООП в причастности к той или иной подобной акции, детально рассматривать обстоятельства свершения террористических актов.

Другие высокопоставленные американские деятели тоже высказывали свое мнение, призывая Израиль выступить со своей политической инициативой, если он хочет жить в безопасности. Они говорили: Израиль должен признать, что палестинцы имеют свои законные политические права.

Возможно, с наиболее примечательным заявлением выступил по радио Монте Карло 16 декабря 1988 г. министр иностранных дел Франции Ролан Дюма. Он высказал удовлетворение своей страны в связи с решением США, считая его значительным шагом по пути к миру, а также выразил надежду на скорейший созыв заседания пяти государств–постоянных членов СБ ООН для обсуждения путей активизации мирного процесса.

Итак, в посольстве США в Тунисе начались американо–палестинские переговоры. И хотя состоялось несколько заседаний, дискуссия носила общий характер. Участникам не удалось подняться на уровень обсуждения краеугольных вопросов, решение

которых могло бы содействовать активизации процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

Диалог прекратился в результате реакции Вашингтона на операцию, которую провели боевики группировки Абу аль-Аббаса на побережье в районе Тель-Авива. США назвали эту операцию нарушением условий американо-палестинского диалога.

ГЛАВА 4

ЗАКУЛИСНЫЕ КОНТАКТЫ С БЛОКОМ ЛИКУД

Однажды, находясь в Москве в 1982 г. после вторжения Израиля в Ливан, я встретился с генеральным секретарем израильской коммунистической партии Меиром Вильнером. И он рассказал мне об интересном случае. Как-то, выходя из здания кнессета, Вильнер в дверях столкнулся с Ариэлем Шароном, и они молча посмотрели друг на друга. Шарон, взяв Вильнера за плечо, сказал: "Почему ты со мной не здороваешься? Почему отворачиваешься от меня? Вильнер ответил: "Я не здороваюсь с теми, у кого руки в крови". Тогда Шарон спросил: "Ты говоришь о палестинцах? Вильнер парировал: "Да, я имею в виду кровь палестинцев в осажденном Бейруте, твою страсть убивать. Не думаешь ли ты, что они такие же люди как мы, что у них такие же права, как у нас? И тогда Шарон, уходя, сказал: "Когда-нибудь ты поймешь, что именно я буду создавать палестинское государство".

Я спросил Вильнера: "Думаешь, он был искренен в своих словах? Или он имел в виду Иорданию, ведь он всегда так говорит?" Вильнер ответил: "Не могу сказать с уверенностью, но я почувствовал в его голосе серьезный тон, которого раньше не слышал. Возможно, он имел в виду то, что сказал, а может быть что-то другое. Как бы там ни было, я рассказал тебе об этом случае, чтобы вы подумали над этим. Политика – дело темное, и политики могут обсуждать самые немислимые вещи". Я был очень удивлен, узнав о таких высказываниях от экстремистского лидера блока Ликуд, партия которого руководствуется в своей политике теорией об изгнании палестинцев вплоть до настоящего времени. Ведь Ликудовцы пишут под картой двух берегов: это наше и это тоже наше... и только с помощью этого (рисуня винтовку). Мы знаем, что Жаботинский, основатель движения Херут, вышел из Еврейского Агентства, обвинив его в предательстве целой сионистского движения и в согласии на ограничение территории национальной родины евреев лишь палестинскими землями.

Разговор Вильнера с Шароном не выходил у меня из головы. Я спрашивал сам себя: Почему это будет неправильно? Почему бы

нам не попробовать установить контакт с этим человеком или с кем-либо из его партии? Диалог нужно вести не только с друзьями, но и с врагами. НСП принял решение, позволяющее нам поддерживать связи только с теми, кто признает наши права. Я хотел, чтобы Совет расширил свое согласие, чтобы можно было установить контакты даже с враждебными палестинцам кругами Израиля. Только в этом случае мы смогли бы достичь соглашения как с друзьями, так и с врагами. Начиная с 1977 г. и прихода блока Ликуд к власти, роль Партии Труда в политической жизни страны стала ослабевать. Как никогда низко упало влияние Партии Труда после выхода из нее Игала Ядина и группы его сторонников из числа деятелей, стоявших у истоков создания партии. Она последовательно проиграла несколько избирательных кампаний, потеряв былой авторитет. Пальма первенства перешла к блоку Ликуд и его союзникам из "ястребов" Партии Труда и религиозных партий. Даже когда итоги выборов были одинаковыми для обеих главных партий, блоку Ликуд чаще предоставлялась возможность возглавить правительство. Это объясняется, прежде всего, сплочением блока и его устремленностью к власти, накопленной за тридцать лет пребывания в оппозиции. За это же время Партия Труда из-за личного и политического соперничества Рабина и Переса раскололась и ослабла. Таким образом, перед нами не было другого выбора, как искать среди членов блока Ликуд тех, кто хотел иметь с нами дело. Наши усилия привели к встрече между Амиравом и Нусейбой.

Встреча Амирава и Нусейба

Почти одновременно со встречей между Амиравом и Нусейбой состоялись и другие контакты в различных местах. Эти акции вызвали политические споры как среди израильтян, так и палестинцев. И хотя эти встречи не дали каких-либо заметных и конкретных результатов, они создали благоприятную почву для бесед и дискуссий, заложили фундамент, на котором со временем стало возможным воздвигнуть пирамиду успехов последующего времени, увенчанную победой, к которой мы пришли 13 сентября 1993 г.

Ведя вооруженную борьбу, мы стремились не только к тому, чтобы израильтяне услышали грохот стрельбы. Мы также хотели, чтобы вместе со свистом пули они услышали слово, обращенное к ним с призывом: "Давайте поговорим, давайте сядем вместе за один стол и обсудим наши общие болевые проблемы, наши общие надежды и мечты, давайте начнем строить для наших детей лучшее будущее, и если мы пришли к убеждению, что вы существуете,

то и вы должны руководствоваться таким же убеждением. Мы надеемся, что вы уже пришли к следующему выводу: солнце арабской пустыни не расплавил палестинский народ. И если вы ведете переговоры с соседями, то необходимо начать диалог с народом этой земли, который мечтает иметь свое национальное лицо, свой адрес. Долгие и горькие годы эмиграции, лишений, исторического небытия лишь укрепили чувства и устремления палестинцев обрести вечные ценности".

Арабо–израильский конфликт, а точнее палестино–израильский, происходит по причине отрицания друг друга. Это – конфликт двух народов, проживающих на одной земле, каждый из которых заявляет, что только он имеет право на эту землю, представляя доказательства и доводы. Однако конечный результат определяется не правом, доказательствами и доводами, а реальностью и силой. В наше время, так же, как в предшествующие времена, сила и реальность остаются той властью, которая выносит приговор в решении любой проблемы.

Сложность нашей борьбы заключается в том, что мы имеем дело с теми, кто видит мир в соответствии со своим пониманием процесса его развития, исходя из идеологии, которая складывалась веками. И если к этому добавить их научно–техническое превосходство, военную мощь и международную поддержку, то я не думаю, что они с легкостью откажутся от своей точки зрения.

Именно такой подход следует применить ко многим деятелям из блока Ликуд, религиозных и право–экстремистских партий. Они продолжают смотреть на мир через черную повязку, чтобы не видеть перемен, происходящих на международной арене и заставляющих каждого принимать их в расчет и менять свои взгляды. Нежелание осознать новые реалии на Ближнем Востоке загнало Израиль в стратегический тупик, из которого можно выйти лишь при условии их признания и взаимодействия с ними. Прежде всего Израилю необходимо признать право палестинского народа на свою территорию и пересмотреть политику в отношении государств и народов региона.

История, связанная со встречей Амирав – Нусейба, показывает, что некоторые группы из правого лагеря начали пересматривать свои взгляды и замечать новые реалии, несмотря на чувство смущения и неловкости. Давайте посмотрим как шел этот процесс и как он закончился. История началась 4 июля 1987 г., когда в дом Моше Амирава, одного из руководителей партии Херут и члена блока Ликуд, человека очень близкого к Ицхаку Шамиру, пришли

Сари Нусейба и Садах Захика. Участники встречи обсуждали вопрос о наилучшем варианте решения палестинской проблемы. Подобная беседа стала возможной, поскольку Амирав был известен своими либеральными взглядами на отношения с арабами и считал, что в любых переговорах должна принимать участие ООП. Посредником на этой встрече выступил Давид Эйш Шалом, еврей, написавший недавно книгу "Страх и надежда". В своей книге он предложил создать палестинское образование на территории Иудеи, Самарии и сектора Газа во главе с ООП, но без права иметь вооруженные силы. Он занялся распространением этой книги среди министров, депутатов кнессета, прежде всего, из Партии Труда. Но самый внимательный отклик его идеи нашли в партии Херут и среди палестинцев. В процессе распространения Эйш Шалом почувствовал, что часть членов партии Херут обеспокоена продолжением существующего положения и считает, что решением палестинской проблемы будет гарантировать существование израильского государства.

Моше Амирав и многие другие в партии Херут считали, что если Ликуд выступит с инициативой по палестинской проблеме, то поставит Маарах в очень неловкое положение, так как Маарах не сможет отвергнуть ее, и тогда Ликуд добьется победы на выборах 1988 г. Исходя из этого, Амирав считал, что у Ликуда и палестинцев есть общая заинтересованность в создании самоуправления, как временное решение, приемлемое для обеих сторон. Осуществить же этот план можно лишь с ООП, поскольку никто из палестинцев не согласится стать членом административного совета без согласия Организации.

Эйш Шалом и Амирав договорились популяризовать эти идеи. Первый должен был сделать это среди палестинцев, а второй среди членов партии Херут. И когда Амирав высказал свои взгляды Шамиру, тот не отверг их, но и не поддержал. Шамир выразил обеспокоенность тем, что эти идеи окажут на членов партии Херут негативное воздействие, отвечающее интересам палестинцев. Позднее Амирав говорил, что группа руководящих деятелей в Херут согласна с его мнением о необходимости скорейшего решения палестинской проблемы, но они никак не могли преодолеть себя, чтобы сделать шаг в этом направлении. В эту группу входили министр Моше Кацав и члены кнессета Менир Шитрит, Дан Мери-дор, Иехуда Ольмерт и сын бывшего премьер-министра Беньямин Бегин.

Нусейба и Захика информировали о настроениях в Херут Фейсала аль-Хусейни. Затем 13 июля 1987 г. состоялась встреча в доме Сари Нусейба в деревне Абу Дис. Во встрече участвовали журналист Ашалом, Амирав и Фейсал аль-Хусейни. В ходе беседы Амирав и аль-Хусейни пришли к обоюдному убеждению, что ни мечте о двух берегах Иордана⁸, ни мечте о Яффе и Хайфе никогда не суждено осуществиться. Обсуждению подверглись самые различные вопросы. Так, например, отмечалось, что первым делом Израиль должен признать ООП в качестве законного представителя палестинцев. Много говорили о будущем палестинском государстве и каким образом оно должно решать проблему обороны, о международных гарантиях, переговорах, о прекращении насилия и т.д. В заключение договорились, что Амирав подготовит рабочий документ, в котором выскажет свои соображения и предложения.

Третья встреча состоялась в Институте арабских исследований 30 июля 1987 г., где опять собрались Амирав, Эйш Шалом, Нусейба и Фейсал аль-Хусейни. Амирав сообщил, что позже должны подойти члены кнессета Иехуда Ольмерт, Дан Меридор, а также начальник канцелярии премьер-министра. Однако они не появились в назначенное время потому, что не удалось сохранить тайну этой встречи, о которой сообщила газета "Ал-Гамишмар". Все-таки Ольмерт встретился с Нусейба в его доме, но в разговоре не затрагивались серьезные вопросы. На четвертой встрече 22 августа 1987 г. участники разработали варианты документа о взаимопонимании как основу для дискуссии на уровне руководства и рассмотрели возможность поездки Амирава в Женеву для встречи с Арафатом. В состоявшейся беседе затрагивались самые разные детали, например, говорилось о валюте в палестинском государстве, о посольствах, будут ли для выезда заграничного паспорта или специальные визы и о многом другом. Обсуждали так, как будто работали над настоящим соглашением о мире.

Последняя встреча имела место 22 августа 1987 г. в отеле Orient House, которым владеет семья аль-Хусейни. Амирав сообщил, что разработанный им документ передан авторитетным членам делегации, вылетающей в Румынию во главе с премьер-министром. В документе предлагается начать урегулирование с переходного периода сроком от трех до пяти лет. В этот период предусматривается создание невооруженного палестинского обра-

⁸ Лозунг партии Херут "Два берега Иордана" означал, что еврейское государство должно включать не только Палестину, но и Иорданию.

зования на Западном берегу и в секторе Газа с административной столицей в восточной части Иерусалима. Это образование наделяется важными полномочиями и атрибутами, включая флаг, национальный гимн и конфедеративные отношения с Иорданией. Во время переходного периода Израиль выводит армию из арабских населенных пунктов, но оставляет войска в стратегических точках, расположенных вдоль реки Иордан. В заключении документа приводились три условия, необходимые для начала двусторонних переговоров: первое – взаимный отказ от применения силы; второе – прекращение строительства поселений; третье – взаимное признание Израиля и ООП.

Предполагалось, что этот документ будет вручен Арафату в Женеве. Однако аль-Хусейни не смог вылететь туда, так как был арестован на восемь дней. Амирав также не полетел в Женеву, из-за того, что, как он выразился, не получил зеленый свет от Шамира.

Когда все раскрылось, Шамир на заседании правительства признал, что знал об одной из встреч в доме Амирава, но отрицал, что знает другие факты. Но Амирав говорил, что передал Шамиру отчет о встрече с Сари Нусейба, а это означает, что Шамир был в курсе этого дела. Он также уверял, что Шамир получил документ о взаимопонимании.

В свою очередь, Эйш Шалом сообщил, что Амирав 16 августа 1987 г. просил его подписать бумагу, на которой было написано: любая публикация о действиях или высказываниях премьер-министра, его помощников и даже депутатов кнессета по вопросу о контактах с палестинским национальным движением может быть осуществлена только с письменного согласия Амирава. По мнению Эйш Шалома, это означало, что премьер-министр и его окружение являются соучастниками этой акции.

6 октября 1987 г. Сари Нусейба в интервью журналу "Гаолам Газе" сказал, что у него есть друзья из блока Ликуд, которые проявляют интерес к контактам с ООП. Это те люди, которые следили за ходом встреч между израильтянами и палестинцами в Бухаресте и Будапеште и в доме Амирава. Затем он назвал их имена: депутаты кнессета Дан Меридор и Иехуда Ольмерт, доктор Беньямин Бегин, сын Геулы Коэн Цахи Ханегби и другие. Далее он говорил, что считает палестинцев народом, обладающим такими же правами на землю Израиля, как и еврейский народ, что у них есть право на самоопределение и создание собственного государства, на избрание своих представителей. И если палестинцы считают ООП своим

представителем, это их право, но он сам не может сделать открыто такое признание, не навредив себе. Он все время подчеркивал, что все встречи должны быть тайными. Но мы и сами не собирались сообщать об этом, так как не видели в них чего-то нового. Все, о чем мы говорили, не противоречило точке зрения палестинцев. Конечно, мы уважали мнение Эйш Шалома и не разглашали информацию о контактах.

Когда Эйш Шалом встретился в Женеве с Арафатом и спросил его, готов ли он вручить послание, содержащее те же пункты, о которых говорится в согласованном документе, Арафат поинтересовался о том, что не является ли он представителем правительства. Услышав отрицательный ответ, Арафат сказал, что он не политический дилетант, и не будет иметь дело с кем попало. Поступив так, Арафат одним выстрелом убил двух зайцев: с одной стороны, он не передал никакого послания, с другой, ему косвенно удалось сообщить израильтянам, что он согласен и готов обсуждать волнующие их вопросы.

Из израильских источников стало известно, что через три часа после окончания работы над совместным документом Фейсал аль-Хусейни был арестован, а Ицхак Рабин отдал приказ о массовой бомбежке лагеря Айн аль-Хильве. Все это произошло в то время, когда Амирав должен был вылететь в Женеву для встречи с Арафатом.

Посмотрим на фоне случившегося, каково рациональное зерно документов, разработанных Амиравом, каково их содержание, какие были выдвинуты предварительные условия и т.д. Обо всем этом мы сможем узнать из иерусалимской газеты "Аш-Шааб" от 22 сентября 1987 г.:

1. Национальные права, включая право на самоопределение обоих народов на этой земле, являются неотъемлемыми правами.
2. Организация освобождения Палестины является законным представителем палестинского народа, только она обладает полномочиями представлять палестинский народ на любых переговорах с израильским правительством, признавая право Израиля на существование в рамках безопасных и признанных границ.
3. Любые попытки достичь соглашения о мире без участия блока Ликуд и ООП обречены на провал.
4. Сложившиеся условия не способствуют достижению урегулирования палестино-израильского конфликта.

Мы пришли к соглашению о следующем:

1. Переговоры между ООП и правительством Израиля будут проходить в два этапа. В течение подготовительного этапа будет заключено временное соглашение, а в течение второго достигается окончательное соглашение о мире.

2. Подготовительный этап переговоров будет организован с помощью другой страны, избранной по взаимной договоренности. Второй этап переговоров начнется через год с начала выполнения временного соглашения. Участники переговоров должны будут твердо определить содержание и форму мирной конференции, а также необходимые гарантии для выполнения окончательного соглашения о мире. Для всех будет понятно, что временное соглашение действует в течение периода от трех до пяти лет.

3. Мы исходим из того, что главной целью переходного периода будет создание палестинского образования на территории районов, оказавшихся под израильским контролем в июне 1967 г., с местопребыванием административной столицы в арабской части Иерусалима. Палестинское население этих районов будет само осуществлять управление своими делами в соответствии с порядком, определенным на первой стадии переговоров. Принимается во внимание как законное право этого палестинского образования на природные ресурсы, так и потребности Израиля в них. Палестинское самоуправление начнет осуществляться через год после подписания временного соглашения.

4. Признать, что это образование имеет право на обладание национальными атрибутами, такими как флаг, собственная валюта, национальный гимн, независимая сеть радио и телевидения, а также на использование специальных удостоверений личности и выездных документов и на другие полномочия, по которым будет достигнута договоренность на переговорах, учитывая при этом, что эти полномочия не нанесут урон желанному миру между палестинским образованием к Израилем.

5. Всеобъемлющая договоренность о создании этого образования о статусе израильских поселений и их жителей, о возвращении палестинцев и их обустройстве, разделении природных ресурсов, торговом сотрудничестве и т.д. должна быть достигнута на первом этапе переговоров между Израилем и ООП.

В дополнение к вышеизложенному и принимая во внимание необходимость создания благоприятной атмосферы для проведения переговоров, стороны договариваются о следующем:

а). Израиль заявляет о признании ООП законным представителем палестинского народа. Одновременно ООП заявляет о признании государства Израиль.

б). Стороны объявляют о своей готовности начать прямые переговоры между собой для достижения урегулирования.

в). Израиль официально заявляет о приостановлении всех действий по строительству поселений на оккупированных территориях, о неприменении силы против палестинцев и их собственности на первом этапе. ООП также заявляет о приостановлении всех силовых акций против Израиля, его народа и его собственности; при этом признается, что результатом заключительной стадии переговоров будет создание палестинского независимого государства.

Попытки установления контактов с Шароном.

Несмотря на неудачу эксперимента Амирав – Нусейба, мы пришли к выводу, что его не следует рассматривать как полный провал. Изучив особенности этого эксперимента, мы убедились, что Амирав действовал не по собственной инициативе, а консультируясь с некоторыми руководителями блока Ликуд, включая начальника канцелярии Шамира. Несколько министров также знали о беседах Амирава. А это значит, что в принципе Ликуд не отвергает саму идею контактов. Следовательно, мы должны найти другой путь для продолжения диалога. А мы очень хотели наладить диалог с самым враждебным и жестким из израильских лидеров Ариэлем Шароном.

Шарон как личность всегда стремился занять положение лидера. Однако его амбиции намного превышают его политические и личные качества, хотя он сам так не считает, и все же он человек напористый, вдохновенный, постоянно стремящийся к переменам. Возможно, и наступит такой день, когда он займет кресло премьера. В начале 70-х Шарон был членом партии Херут, которая в союзе с некоторыми мелкими партиями объединилась в блок Гахал. Этот блок входил в правительство национальной коалиции, сформированное накануне июньской войны 1967 г. Затем Шарон вышел из Херут и возглавил независимый список "Шломит цион", который на выборах в кнессет получил два места. Одно занял Шарон. Вскоре он вновь вернулся в блок Ликуд, заняв в нем ведущее положение. После выборов 1977 г., когда Ликуд сформировал правительство, Шарон не был очень заметной фигурой. Лишь дважды его имя привлекло к себе внимание. Первый раз во время форсирования Суэцкого канала, второй раз при захвате Бейрута в июне 1982 г.

Будучи министром жилищного строительства, Шарон с особым рвением занимался строительством поселений, чтобы осуществить свою сионистскую мечту о вечном владении оккупированными территориями.

На выборах в кнессет тринадцатого созыва Ликуд потерпел поражение. Тогда Шарон попытался встать во главе блока. претендентов на пост лидера было четверо: Шамир, Аренс, Леви и Шарон. После выхода из игры Шамира и Аренса казалось, что счастье ему улыбнется. Однако он проиграл Нетаньяху, который и возглавил Ликуд.

Подготовкой встречи с Шароном занимался М.Д., имя которого я называть не буду в его же интересах. Сначала он встретился с одним из директоров израильской разведки, который говорил по-арабски и имел степень магистра политических наук. Он назвался Бони. Встреча состоялась 20 марта 1992 г. в отеле Шератон в Тель-Авиве. Произошел следующий разговор:

Бони: Как и каким образом ты познакомился с Абу Мазеном?

М.Д.: Я знаю его очень давно. Мы учились в одной школе.

Бони: Кто поддерживает его в исполкоме?

М.Д.: Он представляет тех, кто выступает за диалог с Израилем. Большинство членов ООП принадлежит к этой группе.

Бони: О чем он хочет говорить с нами?

М.Д.: Вам известно, что переговоры застопорились, а он хочет, чтобы диалог шел непосредственно с ООП. Нет запретных тем для разговора.

Затем 25 апреля 1992 г. состоялась вторая встреча, но уже с другим представителем израильской разведки. После этого 2 мая 1992 г. в том же месте вновь встретились Бони и М.Д. Разговор шел о следующем:

М.Д.: Я палестинец и, конечно, заинтересован в урегулировании. Успех моей миссии обеспечит мне авторитет среди народа.

Бони: Ты встречаешься с Абу Мазеном в Иордании?

М.Д.: Да. Мы встречаемся.

Затем Бони сказал: "Мы, пятеро директоров, встретились и дали свое заключение о результатах встреч, которое направили правительству. Прошу вас правильно понять ситуацию. Если мы не дадим быстрого ответа, это не значит, что ответ негативный. В любом случае мы информировали правительство о том, что Арафат знает о состоявшихся контактах".

Итак, эти встречи способствовали установлению первого контакта с Шароном через М.Д., палестинца с Западного берега,

имеющего брата в Израиле. 6 июня мы передали Шарону наши вопросы, на которые нам были даны ответы. Вот этот текст:

Вопрос: Вы готовы обсуждать вопрос о мирном процессе?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы готовы встретиться с нами?

Ответ: Да.

Вопрос: Какова тема для разговора?

Ответ: Любая.

Вопрос: Где?

Ответ: Об этом можно договориться.

Когда в прессе появилась информация о контакте, М.Д. впервые встретился с Шароном лично. Шарон кипел гневом и говорил: "Они хотят меня заманить, разрушить мою политическую карьеру". Затем, успокоившись, сказал: "Мы поручили Сали Моридору встретиться с вами. Но они должны понять, что далеко от Америки никакая встреча не возможна. Они ошибаются, если думают иначе".

Попытка Дэвида Кимхе:

Дэвид Кимхе – имя известное в кругах Мосад. Он специалист по Ирану, а сейчас возглавляет отдел по связям с исламскими республиками, входившими в прошлом в Советский Союз. Его корни уходят в Иран, откуда его семья выехала в Палестину еще до создания государства Израиль. Одно время работал в области отношений Израиля с Африкой, затем возглавлял комиссию по беженцам в израильской делегации в Оттаве на многосторонних переговорах. Играл видную роль в организации еврейской эмиграции. Вместе со своим братом Джоном Кимхе они опубликовали книгу под названием "Тайные тропы" о незаконной эмиграции в Палестину. Они также издавали газету "Джуиш Кроникл". В период Кэмп-Дэвидских переговоров он занимал пост генерального директора МИД Израиля, затем был послом по особым поручениям.

Дэвид Кимхе является членом блока Ликуд. И хотя контакты с этим блоком имели место, они не привели к каким-либо результатам и были приостановлены, так как получили огласку на самой ранней стадии. Членам Ликуд не нравились такие контакты, которые осуществлялись с каким-либо одним человеком или с одной группой в тайне от других. Это порождало конкуренцию внутри блока, и в итоге тайна становилась известной. Однако сам факт установления подобных связей заставлял нас внимательнее следить за деятельностью Ликуд, стремиться понять идеологические или политические причины, вынуждавшие ликудовцев идти на контакты с

нами. Ведь было известно об экстремизме этого блока, который пришел к власти под руководством Менахема Бегина, а с 1982 г. возглавляется Ицхаком Шамиром.

Я не могу согласиться с утверждением, что все евреи руководствуются одними идеями, одними политическими и человеческими критериями только лишь потому, что Израиль – еврейское государство, или государство евреев, как некоторым нравится его называть. Если же мы задумаемся глубже, то придем к другому выводу, а именно, что сионисты или приверженцы сионистской идеи не похожи друг на друга, что они исповедуют разные идеи и ведут различный образ жизни. Этот вывод распространяется и на партии. Не каждый, кто принадлежит к правой партии, является экстремистом, и не каждого, кто входит в левую партию, можно считать умеренным. Так, членами Ликуд были Эзер Вейцман и Менахем Бегин, два совершенно разных человека как по взглядам, так и по политической ориентации, чьи жизненные пути в конце концов разошлись.

Но многие в подобной ситуации не обязательно расстанутся. По разным причинам такие люди продолжают сосуществовать, связанные партийной принадлежностью. Именно так обстояло дело с Моше Шаретом, Давидом Бен-Гурионом, Абой Эбаном и Голдой Меир из Партии Труда. Несомненно, что с течением жизни, с возрастом человек меняет свои взгляды, переживает некую эволюцию. Например, Моше Даян, замешанный в скандальном деле "Лавона" в 50–е годы, отличается от Моше Даяна в 70–е, когда он выступал за мир и даже ушел в отставку с поста министра иностранных дел, не согласившись с политикой Бегина по достижению мира с Египтом.

Можно часто услышать о существовании различных фракций в одной партии. Например, в Партии Труда была группа "17", названная так по количеству человек. В нее входили депутаты кнессета, так называемые "голуби". И в этой же партии была группа "ястребов", объединявшая почти такое же количество депутатов. Первую возглавлял Шимон Перес, вторую Рабин. И в годы правления коалиционных правительств мы часто видели, что Ицхак Рабин, занимая экстремистские позиции, был гораздо ближе к Ицхаку Шамиру, чем к коллеге по партии Шимону Пересу. А затем приходит день, когда Рабин стоит на трибуне у Белого дома и обменивается рукопожатием с Ясиром Арафатом. В этой связи можно привести пример из ситуации в блоке Ликуд, где было как умеренное крыло, состоявшее из группы интеллектуалов, так и экстремистское крыло, которое возглавляли зрелые опытные политики. Делая вы-

вод в целом, следует сказать, что подходить с одной меркой ко всем израильтянам будет неправильно, также как неправильным будет подобный подход к партиям, объединениям, социальным группам. И мы сделаем еще более грубую ошибку, если подойдем с одной меркой к евреям всего мира. Возвращаясь к истокам, давайте обратимся к Ахаду, родившемуся в 1886 г. и известному под именем Ашер Гинзбург, который основал движение Дети Моисея и создал сионистские культурные ассоциации в Палестине. Он говорил: "Они гневно возмущались теми, кто им напоминал о существовании другого народа, проживающего там в Палестине и не желающего уходить из нее. Герцль считал, что у Палестины нет народа. Я, как и он, представлял ее как сплошные болота. Однако я увидел народ, его культуру, его детей, его апельсины. И если мы придем в Палестину и прогоним ее жителей, то мы совершим большой грех".⁹

Здесь уместно также вспомнить, что Эдвин Самуэль Монтегю, единственный министр–еврей в английском правительстве подверг резкой критике позицию премьер–министра Ллойд Джорджа и министра иностранных дел Артура Бальфура в отношении известной декларации. Он считал, что эта декларация не отвечает интересам евреев, что ее авторы думают не о прошлом и будущем евреев или их проблемах, а заботятся прежде всего о проблемах империи. Монтегю заявил тогда: "Мы, евреи, превратились в игрушку великих держав, которую они используют для сохранения своих колоний и обеспечения путей сообщения с ними". Сам Ллойд Джордж заявил на заседании правительства: "Если мы оставим святыне места под контролем Франции, то окончательно подорвем влияние Британии".

Анализируя разногласия между Герцлем и Ахадом Гаамом, отцами–основателями сионистского движения, следует отметить, что несмотря на их глубокий и принципиальный характер, они имеют свою специфику. В позиции же Монтегю отражается другой тип идейно–политических разногласий в отношении принципов, целей и перспектив сионизма, но уже между евреями и неевреями.

Поэтому упрощенный и умиротворенный подход к этому явлению не позволит сделать правильные выводы в отношении путей взаимодействия в настоящем или будущем с проблемой арабо–израильского конфликта. Следовательно, совершенно невозможно

⁹ "Свидетельство о заговоре", стр. 52, Изд–во Аль–Фата аль Арабий, 1991 г.

для нас понять, что происходит в нашем регионе, на нашей территории без глубокого аналитического взгляда на прошлое, настоящее, на организации, идейные теории, на персоналии, условия, партии и т.д. Только такой подход гарантирует нам правильное понимание сути происходящих событий.

В 30-е годы этого столетия Владимир Жаботинский вышел из Еврейского Агентства и возглавил, по выражению его врагов, ревизионистское движение. Сам же он назвал свое движение исправительным. Оно и стало организационной, идейной и политической основой нынешнего блока Ликуд, или в более точном смысле, партией Херут, являющейся хребтом этого блока.

В своей книге "Железная стена" Жаботинский писал об арабах и палестинцах. Его взгляды в значительной степени не соответствовали идеям Герцля. Он не отрицал существование палестинского народа на земле Палестины, не отрицал его права жить в Палестине и рассматривать ее как свою родину. Однако он пытался найти такую формулу, которая не превращала бы Палестину в родину двух народов. Жаботинский писал: "Изгнание арабов из Палестины совершенно недопустимо ни в какой форме. На ее земле вечно будут жить два народа. Я горжусь тем, что принадлежу к той группе людей, которая разработала план Хельсинки. Мы предложили этот план не только ради евреев, но и ради всех народов, так как в его основе лежит принцип равенства всех наций. Я готов поклясться перед нашим поколением и перед нашими внуками, что мы никогда не разрушим это равенство, что мы никогда не предпримем попыток изгнать арабов или угнетать их". Затем он продолжает: "Среди нас есть те, кто пытается доказать, что арабы – глупцы, чью бдительность можно обмануть, используя успокоительные формулировки наших целей, что они сброд, жаждущий денег, готовый отказаться от своих унаследованных прав в Палестине за экономическую выгоду. Я категорически отвергаю подобную оценку палестинских арабов". Далее он говорит: "Палестина всегда будет для палестинцев не только пограничным районом, но местом их рождения, центром и оплотом их собственного национального бытия. Я не ставлю перед собой задачу выявлять благие намерения в мыслях и планах некоторых сионистских лидеров или изобретать добрые дела и помыслы для этих планов. Я стремлюсь понять реальность такой, какой она есть, чтобы действовать в реальных условиях и руководствоваться ими, а не иллюзиями".

Израильтяне хорошо знают, что Палестина никогда не была землей без народа, они также знают, что создав свое государство,

они покорили этот народ, принесли ему много горя, попытались уничтожить его. Но признают ли они это? – вот в чем суть трудной проблемы, стоящей перед нами.

Вот что говорит американская еврейка Хильда Сильвермэн: "Прежде, чем еврей или израильтянин сможет солидаризироваться с палестинцами, он должен заново взглянуть на то, что он сделал против них в прошлом. Такой взгляд в прошлое необходим, чтобы определить объем трагедии, которую палестинцы пережили из-за него. Однако для большинства утверждать, что все было сделано правильно, значит продолжать занимать враждебные позиции по отношению к палестинцам. Ведь такое решение проще, чем переоценка прошлого и признание совершенных ошибок".

Итак, сегодняшняя реальность такова, что многие израильтяне продолжают полностью игнорировать свою жертву, всячески стараются уничтожить ее материальное и духовное существование, поскольку не хотят отвечать за пересмотр прошлого. По их мнению, переоценка пройденного пути разрушит непоколебимость сионистской идеи и возможность ее практического воплощения в человеческом, идеологическом, историческом и даже религиозном плане. Ведь известно, что основополагающим принципом этой идеи является неприятие инородцев, которых на иврите называют альгивейм. Этот принцип распространяется на каждого нееврея, т.е. и на нас, палестинцев.

Стоит лишь израильтянам признать инородцев, суть палестинский народ, как будет положено начало процессу переоценки прошлого. Но подобный процесс нельзя ограничить рамками одного класса или социального слоя, или одной политической партии. Он должен охватить все общество, которое живет в мире как с самим собой, так и с существующей реальностью. Такой процесс может пойти двумя путями: или через изучение, осмысление и дискуссию, или через ежедневное столкновение с действительностью. Именно это и произошло. Благодаря такому анализу мы не были удивлены наличию противоречий в израильской семье, в партии, в городе, деревне и поселении.

А теперь давайте вернемся к началу этой истории, к Давиду Кимхе, члену блока Ликуд, которому поручались трудные миссии. Однажды он связался с британским журналистом Аленом Хартом и предложил ему многоплановый сценарий для осуществления тайных контактов между Шамиром и Аренсом, с одной стороны, и Арафатом, с другой.

Ален Харт не очень поверил словам Кимхе, так как считал невозможным выдвижение мирных инициатив от имени блока Ликуд. И хотя его одолевали сомнения в отношении услышанного, он не хотел упускать из своих рук такой шанс, несмотря на слабую надежду. Его мнение разделял Жан Клод Эмс, который поддержал его намерение продолжать действовать в этом направлении, поскольку игра стоила свеч. Эти двое были типичными западными прагматиками, которые не занимаются построением гипотез, а имеют дело с реальностью. И хотя они, как и мы, считали, что Ликуд отвергает мир, они не хотели всего лишь из-за предположения потерять возможность попытки.

Ниже следует текст письма Алена Харта председателю Арафату:

"Дорогой председатель,

Давид Кимхе представил мне широкоплановый сценарий для осуществления тайных контактов Шамира и Аренса с Вами с условием, что связным буду я. На этой стадии я не могу утверждать, что знаю истинные намерения Кимхе. Могу сделать лишь два предположения: или он блефует с целью дезинформации, или выступает с серьезным предложением.

Наш общий друг Жан Клод Эмс, будучи нейтральным, разделяет мое мнение в том, что значимость вопроса заставляет нас убедиться в искренности Кимхе. Для этого я хочу попросить его организовать мою встречу с Аренсом. Каково Ваше мнение?

Буду ждать Вашего приглашения, так как необходимо обсудить этот и другие вопросы, в том числе мою первую попытку осуществить идею Хани аль-Хасана о создании независимой рабочей группы из известных и титулованных персон, представляющих различные политические силы, под вывеской Комитета (Организации) за мир и прогресс на Ближнем Востоке. Необходимо обменяться мнениями по персоналиям в кандидаты в члены исполкома (организации) из арабов, евреев, европейцев, американцев и т.д.

Другие попытки.

В начале декабря 1992 г. мы вновь возобновили диалог с израильтянами из окружения Шарона с целью восстановить контакты и найти дополнительные возможности, чтобы сдвинуть с мертвой точки переговоры в Вашингтоне. Эти люди выразили удовлетворение результатами встречи, состоявшейся в одной из европейских столиц. Мы же не были довольны ими в связи с тем, что нам не удалось договориться по некоторым запросам из-за нехватки вре-

мени. Поэтому мы намеревались взять тайм-аут для подготовки, а затем провести еще одну встречу в Риме, в доме палестинского посла.

Как раз в тот период начинал свою работу канал в Осло. Мы возлагали большие надежды на канал связи через Осло, несмотря на довольно вялое начало. Нас также огорчает, что израильтяне пытались придать контактам в Осло неофициальный характер. И все же мы видели в них луч надежды, который старались защитить от различных помех.

Поэтому, когда приехал наш связной, назовем его К.Д., чтобы выяснить мое мнение и установить срок встречи, детали которой были полностью согласованы, он был удивлен моим отказом от проведения этой встречи вообще. Однако я не мог отменить ее без уважительных причин, учитывая, что К.Д. четыре раза ездил в Израиль именно по этому вопросу. И когда он спросил меня о причине отказа, я не мог сказать ему правду из-за строжайшей секретности, которая была воздвигнута вокруг канала связи в Осло с самого начала. Мне пришлось сказать нашему связному следующее: "Сообщите своим коллегам, что я не могу встретиться с ними из-за причины, которая им известна". Он меня спросил: "Что это за странный ответ я им должен передать?"

Я сказал: "Они хорошо знают, что это значит и поймут мой ответ". На самом деле я неспроста дал такой ответ. Я долго думал над ним. Если те люди, кому он предназначался, занимают важные посты в системе госбезопасности, они несомненно поймут, что существуют тайные каналы для контактов между нами и их правительством. Если же они принадлежат к тем, кто ничего не знает о тайных делах и не в курсе развития событий, то и нет необходимости их посвящать в эти секреты, учитывая возможность их принадлежности к оппозиции. Ведь в этом случае они раскроют секреты и разоблачат канал в Осло.

Чем глубже мы были осведомлены о политической и партийной жизни в Израиле, тем осторожнее становились в контактах с любым израильтянином. Мы остерегались обсуждать с ним все детали вопроса, даже если он был высокопоставленным чиновником или депутатом кнессета или даже министром в правительстве. Мы понимали, что соперничество имеет место не только между правительственными партиями и оппозиционными, тем более что у оппозиции есть свои люди во всех государственных учреждениях. Разногласия имеются не только среди партий правительственной коалиции, но и в самой Партии Труда, то есть между Рабином и Пере-

сом. Ведь у каждого из них была своя точка зрения, свои расчеты, свое понимание вопросов урегулирования, свой подход к двусторонним и многосторонним переговорам. Мы хорошо знали, что Рабин лично контролирует все дела, связанные с двусторонними переговорами, и не позволит никакому министру, депутату или высокопоставленному чиновнику, за исключением самых верных, вмешиваться в них.

И хотя мне было известно, что аппарат безопасности со всеми управлениями и отделами подчиняется непосредственно премьер-министру, я не собирался открыть свои планы этим людям, считая, что они могут быть связаны с другими лицами, не посвященными в нашу общую игру. При этом следует учитывать, что контакты в Осло начинались, как мы увидим позднее, через одного ученого, связанного с депутатом Йоси Бейлиным, одним из самых доверенных лиц Шимона Переса, и его заместителем в МИДе. А это прежде всего означает, что Рабин, возможно, не был согласен на контакты в Осло. Если он и знал о них, то это совсем не означало, что он дал свое полное согласие на их проведение. Таким образом, израильская разведка могла бы помешать этим контактам, что побудило бы Рабина отказаться от этой идеи под предлогом, что палестинцы не умеют хранить секреты. С учетом всех этих нюансов я дал связному такой ответ, который считал нужным, и стал ждать ответа от другой стороны, строя догадки, что если ей известно о контактах в Осло, то она ограничится этим и будет хранить молчание, а если она не знает о них, то у меня пропадет интерес к этим людям и, соответственно, исчезнет потребность во встрече с ними, тем более, что они, помимо всего отмеченного мною выше, теряют право принимать решение. Я прождал несколько месяцев. Наконец связной вернулся и передал от них следующий ответ: "Нам известна причина отказа от встречи с нами. Она связана с высылкой четырехсот палестинцев". Этот ответ подтвердил мой анализ, что другая сторона ничего не знала о канале связи в Осло, и поэтому теперь не было необходимости в продолжении диалога на этом уровне. Я сказал посреднику, что в настоящее время условия не благоприятствуют проведению встреч, но все же выразил пожелание не прерывать связи в надежде на лучшие времена. Подчеркнув наше стремление к миру, я призвал израильскую сторону проявлять большую гибкость и понимание нынешнего этапа, который обязывает содействовать большему прогрессу в переговорах, рассматриваемых многими как спасительное бревно при наличии доброй воли. Я также отметил, что израильтянам не сле-

дует думать, будто ситуация, в которой сейчас оказался палестинский народ, заставит его пойти на беспредельные уступки. Ведь палестинцы стойкий и выносливый народ, способный преодолеть возникшие трудности, которые не будут длиться до бесконечности.

Связной уехал с моим ответом. Мы встретились вновь только в июне 1993 г. Его внезапное появление удивило меня. Он начал разговор так: "Они просили передать, что очень недовольны тобой. Ведь ты хорошо знаешь израильтян, написал о них много книг. И, несмотря на это, допускаешь ошибки в азбучных истинах. Разве ты не знаешь, что Рабин управляет Израилем? Разве ты не знаешь, что остальные министры не обладают таким влиянием, включая министра иностранных дел Шимона Переса. Как ты мог совершить такую ошибку, установив контакты с мелкими чиновниками МИД и отказавшись от нас, представителей властных структур, принимающих решение? Мы ждем твоего согласия на проведение встречи в Риме в ближайшее время, чтобы обсудить все вопросы, представляющие для нас общий интерес".

После того, как связной передал мой ответ израильской стороне, мы больше не встречались. Я забыл о нем, хотя он поддерживал контакты со своими коллегами в течение некоторого времени. Обстоятельства так и не позволили увидеться с ним и узнать реакцию тех израильтян. Затем было подписано соглашение, и необходимость в тех контактах сама по себе отпала. Однако меня удивил один случай, происшедший во время тех перипетий. Как раз тогда в Израиле с визитом был д-р Усама аль-Баз. Он предложил одному руководителю из службы безопасности встретиться со мной или с Саидом Кемалем, послом Палестины в Каире. Израильчанин проявил равнодушие к этому предложению, хотя и не отверг его в принципе.

Д-р аль-Баз тогда же сообщил мне об этом. Я поблагодарил его, но не стал никак комментировать. Ведь израильский ответ не нуждается в комментариях, поскольку в нем не содержится "ни да, ни нет".

Через неделю после этого разговора я встретился с д-ром Усамой аль-Базом, который тут же сказал мне, что этот высокопоставленный израильтянин согласен приехать и встретиться со мной в Каире в согласованное время.

Ситуация была таковой, что я не мог уклониться от ответа. Я должен был сказать да или нет. Не было никакой зацепки, чтобы дать отрицательный ответ, тем более, что мы постоянно обращались за содействием в установлении закулисных каналов связи с

влиятельными израильскими представителями. Когда же они соглашались, мы отказывались, приводя довольно слабые оправдания. Поэтому я сказал д-ру аль-Базу: "Прошу иметь в виду, что мы сейчас ведем секретные переговоры с израильтянами в Осло, и ты знаешь об этом. Возможно, уровень израильских собеседников не вселяет уверенности в серьезность их правительства, возможно, они не представляют все правительство, а только его часть. Однако будет некрасиво, если мы введем их в заблуждение, начав другие переговоры. Я также боюсь, что те, кто предлагает новые контакты, хотят испытать нашу искренность и серьезность в отношениях с ними, пытаясь затянуть нас в подобные связи. Разве ты со мной не согласен, что лучше подождать результатов встреч в Осло?"

Будучи яркой личностью и тонким политиком, д-р аль-Баз согласился со мной, сказав: "Конечно, лучше подождем. Придумаю солидные оправдания для переноса предлагаемой встречи на неопределенный срок".

ГЛАВА 5

КОНТАКТЫ С ПАРТИЕЙ ТРУДА

В 1977 г. Партия Труда уступила власть. Блок Ликуд не только нанес ей поражение, но и сумел расколоть ее ряды, переманив одного из авторитетных деятелей партии, отставного генерала Игала Ядина. Этому генералу и его союзникам удалось завоевать семнадцать мест в кнессете, благодаря сторонникам Партии Труда. Однако после выборов он встал на сторону Ликуда и вошел в коалиционное правительство, получив пост заместителя премьер-министра. Но его звезда быстро закатилась. Через несколько лет генерал скончался. Его группировка распалась. В самом большом выигрыше от этого исторического раскола оставался Ликуд, в то время как Партия Труда в течение пятнадцати лет не могла от него оправиться, несмотря на улучшение ее позиций в массах. Это подтверждается тем, что дважды после выборов Партия Труда входила в коалиционное правительство с блоком Ликуд, а в кнессете двенадцатого созыва ей даже удалось получить на одно место больше, чем ее главный соперник. Таким образом, ей представился случай сформировать правительство. По поручению президента лидер Партии Труда Шимон Перес начал консультации с различными парламентскими блоками. Ему удалось заручиться поддержкой шестидесяти одного депутата для получения вотума доверия. Перес был твердо уверен, что при голосовании он получит необходимое большинство и станет премьер-министром Израиля. Я в тот момент был в Каире и встретился с министром иностранных дел Египта Исметом Абд аль-Маджидом. Мы заговорили о формировании Пересом израильского правительства. Я почувствовал, что министр рад этому, так как, по его мнению, с приходом к власти Партии Труда появится большая надежда на подвижки в вопросе о мирном урегулировании на Ближнем Востоке. Однако министр был удивлен, когда я ему сказал, что Перес не сможет сформировать правительство, что его расчеты на получение шестидесяти одного голоса ошибочны. Я уверял министра в своей правоте.

После разговора со мной Исмет Абд аль-Маджид немедленно передал мое мнение Шимону Пересу. Перес был сильно удивлен, но, казалось, оставался уверенным в себе. Затем все же не

замедлил спросить египтянина, кто же этот ненадежный депутат и что еще ему известно. Я, в свою очередь, ничего нового не сказал, подчеркнув лишь надежность моей информации, и посоветовал Пересу самому докопаться до истины. Я также отказался раскрыть источники, от которых я получил эту информацию и которым я очень доверял. Когда Абд аль-Маджид передал мои слова Пересу, тот ответил, что просмотрел все документы, перепроверил все данные, проанализировал позиции всех сил и отдельных личностей, и не нашел подтверждения моей информации. Абд аль-Маджид передал мне мнение Переса. Я решил хранить молчание и ограничиться тем, что уже сказал.

Во время голосования по вотуму доверия правительству появился депутат¹⁰, о котором я говорил. Он-то и воздержался от поддержки правительства. Таким образом, Шимон Перес потерпел неудачу. Правительство было сформировано Ицхаком Шамиром. Неоднократно израильское правительство состояло из представителей обеих главных партий, Партии Труда и блока Ликуд. Их лидеры по очереди занимали пост премьер-министра в течение половины срока полномочий парламента, который избирается на четыре года.

Некоторые полагали, что подобное сотрудничество двух партий приведет к разумному политическому курсу израильского правительства. Но единственным преимуществом такой практики стало усмирение оппозиции. Сотрудничество двух партий привело к полному параличу. Так, если одна из партий намечала какую-то политическую линию, то другая сразу же отвергла ее. Никакие планы не могли быть осуществлены.

Старания ад-Дарауша

Абу аль-Вахаб ад-Дарауша в начале своей политической карьеры был членом Партии Труда Израиля. Он неоднократно выставлял свою кандидатуру на выборах в кнессет и был избран по списку этой партии. Однако, когда прошли выборы в кнессет одиннадцатого созыва, он решил выйти из партии и сформировать центристскую арабскую партию. Она получила название Арабская демократическая партия. Но на политической арене Израиля уже действовали силы, представляющие умеренные арабские круги.

¹⁰ Депутат был членом Агудат Исраэль. Он получил указания не голосовать за правительство Переса от раввина Абрахама Вердигера, проживающего в Америке.

Это – коммунистическая партия Израиля, которая долгое время пользовалась поддержкой арабов, и Прогрессивный список, возглавляемый адвокатом Мухаммедом Аль–Миари, в который входили, в основном, арабы, но были и евреи. Старые партии, представляющие интересы арабского населения, встретили в штывы детище Аль–Миари, считая его своим конкурентом. Однако, вопреки всему, Аль–Миари удалось упрочить свои позиции и даже получить одно место в кнессете. Это место досталось ему самому как стоящему первым в партийном списке. На выборах в кнессет тринадцатого созыва Аль–Миари получил уже два места. Вторым членом кнессета от Прогрессивного списка стал адвокат Талаб ас–Сания, который и обеспечил кворум Рабину для формирования правительства.

Сохранив свои связи с Партией Труда и наладив хорошие отношения с ООП после создания арабской партии, Аль–Миари решил взять на себя роль посредника между ними как раз в тот момент, когда Партия Труда была партнером Ликуда по правительству. В этих целях он неоднократно выезжал в Тунис, будучи защищенным парламентской неприкосновенностью и разрешением на выезд от Рабина или какого–либо другого высокопоставленного чиновника.

12 апреля 1989 г. Ад–Дарауша прибыл в Тунис, привезя с собой проект политического документа. Он подчеркнул, что этот проект составлен Рабином, и он привез его в Тунис, чтобы обсудить с нами. Разъяснив содержание проекта, Аль–Миари сделал анализ и дал общую оценку роли Рабина и Партии Труда в израильском правительстве, в которое входили и блок Ликуд. Я должен отметить, что план, представленный Рабином в 1989 г. мало чем отличался с точки зрения идей от договоренностей, достигнутых в Осло. Он также не отличался в основных пунктах от письма, в котором содержались американские заверения. И если этот факт о чем–то говорил, то, прежде всего, о двух моментах: во–первых, о том, что Партия Труда давно готовилась к нынешнему этапу, и во–вторых о том, что между Партией Труда и американцами существует полная координация как в отношении идей, так и предложений.

План Ицхака Рабина по мирному урегулированию в два этапа.

I. Переходный период:

Продолжается пять лет. В этот установленный срок осуществляются следующие мероприятия:

а) Палестинцы формируют местный совет с властными полномочиями, местную администрацию с органами управления; в их

компетенцию входит решение внутренних вопросов: жилье, сельское хозяйство, почта, финансы, здравоохранение, муниципалитеты и других, носящих характер внутренних проблем.

б) в течение переходного периода, срок которого определен в пять лет, решение вопросов внешних сношений, безопасности и вопросов, связанных с поселениями, входит в компетенцию Израиля.

в) развитие экономического сотрудничества между палестинским образованием, Израилем, а также Иорданией в различных областях, как например, электроэнергия, водные ресурсы, денежная система, трудовые ресурсы.

г) принятие мер по развитию экономики в интересах как палестинской, так и израильской сторон.

II. Этап окончательного урегулирования:

– Через три года после начала переходного периода должны состояться переговоры об окончательном урегулировании.

– В первые годы создается основа для взаимопонимания и доверия между двумя сторонами и для снижения напряженности в регионе.

– В основе переговоров лежат два краеугольных положения:

1) резолюции 242 и 338 СБ ООН и принцип: земля в обмен на мир.

2) о палестинском представительстве:

В переговорах от имени палестинской стороны участвуют представители жителей территорий и палестинцев, проживающих за рубежом. Их кандидатуры должны быть согласованы.

III. Меры, которые необходимо принять для выхода из стагнации.

– В случае достижения взаимопонимания между сторонами в отношении этого всеобъемлющего плана создаются благоприятные условия для проведения в течение шести месяцев выборов на Западном берегу и в секторе Газа.

– В ходе выборов население будет избирать своих политических представителей, а не представителей в органы местной власти.

– Израильская сторона полностью готова принять предложения палестинской стороны о порядке проведения выборов: будет ли выдвижение кандидатов по списками или персонально, или от блоков, или по объединенным спискам – решают сами палестинцы.

– В соответствии с итогами выборов определяется и формируется местное руководство на переходный период.

IV. Порядок проведения выборов:

- Выборы имеют всеобщий демократический характер, который подтверждается израильской стороной.
- Выборы будут проходить под международным контролем, предпочтительно только под американским с согласия Конгресса. Допускается участие европейских наблюдателей. Не допускается участие наблюдателей от государств третьего мира (так как эти государства не являются демократическими).
- Предложения о порядке проведения выборов должны получить одобрение.
- Жители Восточного Иерусалима имеют право выдвигать кандидатов и участвовать в выборах. Однако они голосуют в Рамалле и в Вифлееме.
- На этапе окончательного урегулирования жители Восточного Иерусалима получают право выбирать палестинское или израильское гражданство.
- Правила и принципы проведения выборов определяются на переговорах между двумя сторонами.
- Израильское правительство должно быть готово к выводу войск из населенных пунктов на период подготовки к выборам.

V. Рамки переговоров:

- Предпочтение отдается проведению минikonференции, в которой примут участие США, Советский Союз, делегации Израиля, Иордании и палестинская делегация.
- В принципе, возможно проведение конференции в расширенном составе.
- Иордания не может заменить собою палестинцев.
- Палестинская делегация участвует в конференции как независимый представитель палестинцев.
- Представленный план рассматривается как всеобъемлющий план, включающий в себя переходный период.

Ад-Дарауша, в свою очередь, высказал Рабину несколько предложений по нормализации обстановки и подготовки благоприятных условий для активизации мирного процесса без требования о прекращении восстания. Ицхак Рабин согласился с этими предложениями. Его согласие не увязывалось с политическим планом, а выражало готовность начать дискуссию и свидетельствовало о проявлении доброй воли.

Встреча Рабина с Дарауша показала, что израильский лидер с пониманием и готовностью относится к так называемым инициативам по нормализации обстановки, которые предусматривали не-

медленное открытие школ и университетов. Он обещал принять решение по этому вопросу сразу же после обсуждения с военными и гражданскими властями на Западном берегу, а также освободить нескольких заключенных до начала праздника разговления и разрешить некоторым категориям лиц свободный выезд за границу. Он также обещал дать разрешение на возобновление работы общественных национальных организаций, на свободу передвижения и политической деятельности, на вывод армии из населенных пунктов. В заключение он пообещал смягчить репрессии против населения. Рабин подчеркнул, что по всем этим вопросам можно договориться.

17 марта 1990 г. Абд аль-Вахаб ад-Дарауша приехал в Тунис, чтобы выяснить позицию ООП по вопросу о конференции. Он привез с собой письмо, в котором была просьба дать письменный ответ по этому вопросу. И, конечно, мы дали наш ответ в письменной форме, который был незамедлительно опубликован в израильских газетах. Ниже приводится текст нашего ответа.

Наша позиция по вопросу о конференции:

"Начиная с 1983 г., Национальный Совет Палестины (на 16-й сессии, и последовавших за ней вплоть до последней, состоявшейся в Алжире в 1988 г.) обсуждал вопрос о конфедерации между Иорданией и Палестиной. В течение некоторого времени мы ведем серьезные двусторонние переговоры о перспективах этой конфедерации, ее правовых аспектах и т.д. Обе стороны проявляют повышенное внимание к этой проблеме, так как она является жизненно важной как для иорданского, так и для палестинского народов. В этом суть позиции ООП. Альтернативы ей мы не видим".

В период между началом кампании по выборам в кнессет тринадцатого созыва и победой Партии Труда, сформировавшей правительство, состоялись контакты между неоднократно подвергавшимся арестам видным членом ФАТХ на оккупированных территориях Саидом Канааном и одним депутатом кнессета, близким к Рабину, а также между Амром Мусой, Ицхаком Рабином и Шимоном Пересом.

И хотя эти встречи не дали немедленных результатов, они способствовали разъяснению точек зрения каждой из сторон и заложили основу для переговоров в Осло. С такой же повышенной бдительностью, которую мы проявили для сохранения секретности переговоров в Осло, мы стремились обеспечить тайный характер этих контактов, чтобы не причинить вреда израильским деятелям, которые участвовали в чрезвычайно напряженной избирательной

кампании. Если бы в средства массовой информации арабских стран, Запада или Израиля просочилась информация об этих встречах, то Партия Труда потеряла бы значительное количество мест и не смогла бы сформировать правительство. Израильские партии внимательно следят друг за другом, выжидая малейшей ошибки соперника, чтобы затем раздуть ее и ослабить конкурента. К тому же множество журналистов, специализирующихся на скандалах, стоят на чеку, ожидая скандальной информации, чтобы привлечь к ней внимание общественного мнения.

Первое правительство Рабина пало в 1974 г. из-за банковского счета, открытого на его имя в одном из американских банков, когда он был послом в США. Рабин скрывал это. Тогда он потерял не только пост премьер-министра, но и пост лидера Партии Труда в 1975 г. Новым лидером стал его конкурент Шимон Перес.

Человек должен искренне сотрудничать со всеми людьми, как с врагами, так и с друзьями. Это не значит, что он должен доверять всем без разбора. Однако надо видеть разницу между искренностью в сотрудничестве и доверием. По моему убеждению, в нашем сотрудничестве с израильтянами, а мы – враги, мы должны были руководствоваться высокой степенью искренности, несмотря на ту цену, которую мы могли за это заплатить.

И если наши контакты с Партией Труда осуществлялись на высоком уровне искренности, то и с блоком Ликуд мы сотрудничали так же. Мы получили много писем и провели много контактов через различных посредников, сообщая о наших предложениях или получая информацию об инициативах Ликуда. И мы всегда храним все это в тайне. Лишь один раз по тактическим причинам мы рассекретили наши контакты с Шароном. В отместку в израильской прессе был напечатан наш ответ на письмо Шамира о конфедерации с Иорданией, которое нам передал Ад-Дарауша.

В этой связи можно также вспомнить о секретной встрече в Тунисе в 1987 г. с Деди Цукером, членом партии РАЦ, а ныне депутатом от движения МЕРЕЦ. Он просил нас ни при каких обстоятельствах не разглашать тайну его визита, чтобы не навредить ему лично или его партии, которой не нужны были потрясения. Мы так и хранили этот секрет вплоть до настоящего времени. Впоследствии он встречался с нами много раз в различных местах Европы. У обеих сторон (ООП и РАЦ) было намерение провести официальную гласную встречу. Однако мы так и не договорились в какой форме проинформировать о ее результатах. Мы продолжили хра-

нить в тайне все последующие контакты, уважая пожелание другой стороны, которая постоянно об этом просила.

Секретность в любом деле объясняется желанием добиться положительных результатов, в то время как гласность может нанести урон этому делу.

В этой связи хотел бы отметить, что, хотя от нас не требовали хранить молчание вокруг всего, что происходило в Вашингтоне, мы сами приняли обязательство ничего не разглашать. Давая этому политическое толкование, следует исходить из формулы, что секретность означает взаимное признание сторон, способствующее достижению конкретных результатов, о которых можно будет заявить во всеуслышание. Поэтому палестино–израильские контакты, осуществляемые на уровне руководителей, уполномоченных принимать решение, означали, в реальном смысле, взаимное признание. И мы считаем своим долгом внести ясность во многие детали, чтобы снять завесу с картины тех событий, которые сопровождали этот процесс. Несомненно, многие люди, внесшие тот или иной вклад в наше общее дело, имеют право на то, чтобы их имена и их старания стали известны. Ведь совсем недавно связь с ООП считалась в Израиле преступлением, и за него по израильскому закону полагалось наказание. А сегодня эти контакты рассматриваются как героические деяния, которые привели оба народа к историческому прорыву, о котором будут говорить поколения.

10 апреля 1992 г. Саид Канаан встретился с высокопоставленным деятелем из Партии Труда, близким к Ицхаку Рабину. Он передал ему послание от палестинского руководства, в котором было три пункта:

1. Мы удовлетворены вашей предвыборной программой.
2. Что бы вы хотели получить от нас? Мы готовы заключить соглашение.
3. Мы хотим провести встречи на уровне (И.Р.) или другого деятеля, которого он назначит.

Ответ пришел в письменном виде на иврите. Тот самый высокопоставленный представитель продиктовывал его по–английски. Каждый раз в конце абзаца. Канаан просил его повторить второй раз, чтобы быть уверенным в каждой букве. Пока оба были заняты письмом, зашел Ицхак Рабин всего на несколько минут с целью подтвердить серьезность намерений. Он сказал следующее:

1. Мы настроены серьезно.
2. Ни в коем случае нельзя допустить огласку этих контактов.

3. Я готов обсудить любое другое послание.
4. Будьте внимательны к каждому слову, которое вы произносите. Мы следим за каждым вашим заявлением. Примите строгие меры, обязывающие ваших представителей нести ответственность за свои высказывания.

Когда Рабин ушел, Канаан и его напарник продолжили работу с письмом. В нем были следующие пункты:

1. – Мы настроены серьезно, говорим то, что думаем. Мы понимаем, что занимаемся серьезным делом (Real Business).
2. – Мы предполагаем (We presume), что Ясир Арафат знает обо всем, что происходит, в т.ч. и об этой встрече.
3. – Мы не будем участвовать в каких-либо встречах до выборов.
4. – Нам известно, что только четверо из вас знают о наших контактах: Вы, Ясир Арафат, Махмуд Аббас и Саид Кемаль. С нашей стороны о них знают и в них участвуют двое: Ицхак Рабин и этот высокопоставленный деятель.

5. – Мы не допустим использование никакого другого канала для контактов. Мы доверяем Вам, уважаемый Саид Канаан.

6. – В случае утечки информации об этих встречах мы будем все отрицать и возложим на вас ответственность за провал этих контактов.

7. – Только сейчас мы приступили к решению серьезных дел. Надеемся на постоянные контакты при полной секретности. Мы готовы обсуждать любые вопросы и понимаем важность происходящего.

8. – Надеемся и полагаем, что ваши намерения серьезны, что вы сотрудничаете с нами так, как это требует наше дело, имеющее судьбоносное, историческое значение.

Высокопоставленный израильтянин напомнил, что он уезжает 20 апреля и вернется через неделю. Поэтому он хотел бы получить ответ или до 20 апреля или в конце месяца. Ниже я привожу текст письма, в котором содержались ответы израильтян на сообщения в нашем письме к ним, о котором я упоминал выше.

1 – Просим воздержаться от выражения симпатий или поддержки в наш адрес или в адрес левого блока (МАПАМ, РАЦ, ШИНУЙ и др.).

2 – Мы поддерживаем действия Аль-Дарауша и Аль-Миари по формированию единого списка. Если они не объединятся и не преодолеют полупроцентный барьер, то поданные за них голоса отойдут блоку Ликуд. Мы также положительно относимся к

договоренности между ними и РАКАХ в отношении голосов, полученных сверх нормы.

3 – В принципе, мы за ваше содействие более активному участию в выборах. Вы в состоянии воздействовать на людей, чтобы они приняли участие в голосовании. Важно повлиять на исламистов в этом вопросе, так как, в конечном итоге, они не будут голосовать ни за левых, ни за Ликуд, ни за сионистские партии. Мы не возражаем, если вы направите разъяснительное письмо, где ясно и четко призовете не голосовать за партии, выступающие за территориальную экспансию.

Ликуд в настоящее время расходует огромные деньги. Так, Дэвид Маген дает деньги на строительство мечетей, выделяет стипендии учащимся. Значительные суммы раздаются арабам, бедуинам, даже исламистам.

4 – Вы не должны прекращать переговоры о мире в Вашингтоне. В то же время не старайтесь представить их как значительный успех Шамира.

Мы также считаем, что вам не следует добиваться обсуждения в Вашингтоне вопросов, провоцирующих израильское население. Это, прежде всего, два вопроса:

- а) вопрос об Иерусалиме;
- б) окончательный статус.

Подготовьте для обсуждения на переговорах конструктивные и реальные предложения об:

- 1 – Автономии (самоуправлении).
- 2 – Политических выборах.

Эти два вопроса внесены в Кэмп–Дэвидские соглашения. Поэтому Ликуд не сможет дать положительный ответ. В этом случае в обществе усилятся настроения против Шамира. Если же вы поднимете вопросы о Иерусалиме и палестинском государстве как окончательном урегулировании, то вы сыграете в пользу Ликуд, так как тогда они заявят, что нет общей основы для переговоров.

В заключение хотим сообщить, что если будет поднят вопрос о прекращении строительства новых поселений, то в ответ будет предложен вопрос о прекращении экономического бойкота Израиля со стороны арабских стран.

20 апреля 1992 г. Саид Канаан передал своему высокопоставленному израильскому партнеру, представляющему руководство Партии Труда, наше ответное письмо следующего содержания:

- 1 – Абу Аммар знает и поддерживает эти контакты.

2 – Мы внимательно прочитали ваше письмо и согласны с вашими соображениями. Мы предпримем шаги по выполнению ваших предложений в связи с выборами.

3 – Мы твердо намерены развивать политический процесс.

4 – Мы будем соблюдать положения, высказанные в письме об американских заверениях, о котором вы знаете. Надеемся, что ваша позиция будет такой же.

5 – Мы хорошо понимаем, что вопрос дифференциации между экспансией в целях безопасности и политической экспансией изобретен для внутреннего пользования в целях предвыборной пропаганды. Мы понимаем, что на самом деле никакой разницы между этими понятиями нет.

6 – Ознакомились с вашими заявлениями по вопросу о конфедерации с Иорданией или с Израилем и отнеслись к ним со всей серьезностью. Если для обсуждения этой темы у вас есть другая политическая или идейная основа, то мы готовы с ней ознакомиться после выборов.

7 – Мы также внимательно изучили ваши соображения относительно вашей готовности к диалогу с палестинцами и создания самоуправления на срок от шести до девяти месяцев. Мы считаем вашу позицию политически ответственной и серьезной.

8 – Как вы расцениваете отношения между Шамиром и Леви? В каком направлении они будут развиваться?

Через некоторое время израильский деятель, по указанию Рабина, передали Саиду Канаану следующие замечания:

1 – Мы очень возмущены в связи с сообщением французского журнала о тайных контактах Рабина с Арафатом через Саида Канаана.

2 – Мы неоднократно вас предупреждали, что если произойдет утечка информации о контактах, они будут немедленно прекращены.

3 – Источник утечки находится в Тунисе. Это сделано с целью подорвать мирный процесс.

4 – Случившееся подтверждает, что вы не совсем заинтересованы в мире и не отнеслись серьезно к нашим пожеланиям.

5 – Итак, практика осуществления контактов с вами, как показала утечка, оказалась негативной. Вы не можете хранить секреты. Несмотря на это мы готовы открыть новую страницу, а вы должны понять, что это последний раз, когда мы позволили произойти утечке информации о контактах.

6 – Мы понимаем проблему "кухни", и у нас нет возражений, если ваш подход серьезный. Мы предлагаем трех человек от вас и двоих от нас – меня и Рабина.

7 – Контакты будем поддерживать только через Саида Канаана. Хотели бы знать ваше представление о механизме процесса и о контактах, связанных с "кухней". Какие полномочия у делегации, помимо выполнения договоренности?

8 – Мы приостановим все контакты с людьми в Лондоне и Париже.

9 – В данный момент давайте обсуждать только вопрос о переходном периоде. Сначала решим его, а затем будет говорить об окончательном варианте урегулирования.

10 – Какие меры доверия вы предлагаете в окончательном варианте урегулирования.

11 – Мы настроены более чем серьезно. Вы сами это поймете. Это значит, что надо действовать быстро. Надеемся, вы ответите нам взаимностью.

12 – Просим вас осознать, что мы являемся пленниками израильского избирателя, который дал нам неповторимый шанс для осуществления плана автономии. Мы должны добиться успеха в его осуществлении, зная что повторно такой шанс никогда не представится. Твердо уясните складывающуюся ситуацию и действуйте в соответствии с ней.

13 – С иорданским вариантом безвозвратно покончено.

14 – Мы решительно настроены на переговоры с вами по всем вопросам, связанным с палестинской проблемой. Что касается объединенной делегации, то она должна решать вопросы, связанные с Иорданией и общими проблемами.

15 – Вопрос о конфедерации, о которой вы говорите, должен быть решен между вами и Иорданией. О варианте конфедерации с Израилем упоминалось мимоходом в комментарии на заявление Хейдара Абд аш-Шафи. По нашему мнению, этому не стоит придавать значение. Мы этот вопрос не ставим.

16 – Вопрос о поселениях вызывает сомнения. Он прояснится после визита Рабина в Америку.

Далее привожу текст нашего письма, которое вручил Саид Канаан высокопоставленному израильскому деятелю, с ответами на поставленные им вопросы:

Сейчас, когда стали известны итоги выборов, хотим сообщить вам, что мы пережили трудный период, боясь возврата Шамира к власти и утраты шансов на мирный процесс. Поэтому мы с

нетерпением ожидали успеха Рабина после того, как детально изучили программу Партии Труда, содержание дискуссии на ее съезде и заявлений ее кандидатов на депутатские мандаты во время предвыборной кампании.

Хотя нам и не удалось добиться создания единых арабских списков, все же мы можем смазать, что наши усилия содействовали достижению таких окончательных итогов выборов, которые уничтожили всякую надежду Шамира вернуться к власти.

И мы горим желанием сообщить Рабину, что рады его успеху и хотели бы высказать это открыто. Теперь, по нашему мнению, Рабин должен понять, что он несет ответственность не только перед израильским избирателем, но и перед каждым палестинским арабом, принадлежа к израильскому руководству, которое обладает необходимым мужеством для достижения мира. Поэтому мы надеемся, что не будут обмануты надежды ни израильского избирателя, ни палестинского араба.

Если же господин Рабин пожелает узнать суть нашей позиции, то он должен знать, что мы оборудовали пять оперативных пунктов в различных уголках мира, чтобы ежеминутно следить за ходом выборов.

Теперь нам необходимо высказаться по поводу утечки информации о якобы состоявшейся встрече, появившейся во Франции. Хотим заверить, что мы совершенно непричастны к этому случаю. Как способ подачи сообщения, так и его содержание показывают, что за этим скрываются противники Рабина по выборам. Они попытались увязать одни события с другими приплели сюда эту информацию с целью навредить ему в ходе выборов. Они узнали о пребывании NN в Каире одновременно с Абу Аммаром, и сострепали в свете этой неожиданности свою информацию.

Мы полностью согласны с намерением сократить каналы связи и ограничить их лишь стороной, которой вы удовлетворены. В то же время мы очень хотим, чтобы "кухня" начала свою работу в подходящий для вас момент, хотя считаем, что чем быстрее, тем лучше для всех нас.

Поскольку мы хотим – все мы – подлинного и прочного мира, поскольку мы решили – твердо и искренне – жить вместе в одном регионе, то с этого момента должны проявить инициативу в налаживании мостов доверия без формальностей, пустозвонства и уловок. Рабин, несмотря на шумиху, фанатизм, жесткую конкуренцию предвыборной борьбы, не побоялся выдвинуть ряд позитивных предложений для достижения урегулирования. Поэтому его сме-

лость более весома, чем смелость, которая тоже потребовалась палестинскому руководству, чтобы, преодолев препятствия на палестинской арене и в арабском мире, объявить недвусмысленно и бесхитростно, что оно признает международное право, предложения президента Буша, а также положения письма об американских гарантиях и других посланий – призывов, направленных в его адрес.

На фоне таких смелых шагов с обеих сторон приходится очень сожалеть, что одна из них выдвигает такие проблемы, которые, а мы уверены в этом заранее, не будут способствовать безопасности, стабильности и сосуществованию. В прошлом мы вместе уже испробовали прелести и горести совместного проживания в Андалузии. Мы там жили вместе, изгнали нас оттуда вместе.

Поэтому, когда вы спрашиваете о нашем представлении (пункт 1) в отношении переходного периода, то мы отвечаем, что оно соответствует тому, что написано в письме о гарантиях, т.е. должен быть мирный, организованный переход власти от израильтян к палестинцам, которые будут наделены полномочиями самим принимать решения по политическим и экономическим вопросам и определять перспективы будущего развития. В этой связи мы хотели бы открыто и честно обратиться к Рабину за разъяснениями о том, как он будет претворять в жизнь положения о переходном периоде, имея в виду его высказывание, что израильский избиратель возлагает на него осуществление автономии (пункт 5), за которой последует окончательное урегулирование (из его выступления во время предвыборной кампании).

Отказ от иорданского варианта (пункт 6) со стороны израильтян – признак здравого смысла. Представление о том, что конечная цель переговоров – это конфедерация с Иорданией, является признаком глубокого осознания будущего региона. Мы не только согласны с этой целью, но и продолжаем призывать к ней. И наш вопрос о тройственной конфедерации, включая Израиль, – не что иное, как истинное желание укрепления основ сосуществования, как подтверждение нашего стремления протянуть руку подлинного мира, который нельзя построить на обмане и лжи. Претворить в жизнь подобную задачу можно лишь при условии наличия огромной воли у каждой стороны. По принуждению этого сделать нельзя. И, возможно, в будущем наступит такой момент, когда все стороны почувствуют заинтересованность в конфедеративном союзе и будут к нему стремиться (пункт 8).

Нас возмутили заявления Аренса и Шамира об их намерении растянуть переговоры на десять лет и превратить их в пустую болтовню. И хотя нам были известны взгляды бывшего правительства, мы не могли себе представить, что существуют такие злые намерения сбросить весь регион в бездну, устроить авантюру с судьбой его народов, в т.ч. и с судьбой вашего народа, который на последних выборах высказался за совсем иную политику, чем та, которую проводило это правительство. Поэтому мы полностью с вами согласны в необходимости более быстрых и эффективных действий на предстоящих переговорах. Вы найдете с нашей стороны полное взаимопонимание (пункт 4).

Наши традиции и обычаи заставляют нас уважать смелого и умного противника. И до настоящего момента мы записывали имя Рабина в графу наших врагов, которые захватили нашу землю и угнетают наш народ. В то же время мы видим, что он военный человек и способный политический лидер, который понимает происходящие в мире перемены и обладает глобальным взглядом на перспективы мирового развития. Следовательно, он способен понять, что означает безопасность. И если вы нуждаетесь в ней, – а это ваше право, – то мы тоже нуждаемся в ней. Однако мы заинтересованы в безопасности в тысячу раз больше. Так как ваша мощь несравнима с нашей. Поэтому, пока мы не создадим факторов доверия между нами, проблема безопасности будет беспокоить нас всех. Но нам непонятно следующее. Как в конце 20-го века, века межконтинентальных ракет, можно смешивать понятие безопасности с географией. К сожалению, в Израиле продолжают связывать эти понятия между собой, что вызывает у нас растущее беспокойство. Мы видим много признаков, подтверждающих, что подлинное желание мира все еще не созрело. Поэтому мы объясняем вашу позицию по вопросу о поселениях предвыборными соображениями, когда вы говорили об этом не только в политическом смысле, но и в увязке с проблемой безопасности. Если рассматривать переговоры как торги за лучшие условия, то мы не можем принять от стратегически мыслящего человека, как Рабин, подобных разъяснений. Так, в пункте 10 следует противоречивая формулировка. Сначала вы говорите "Мы заморозим строительство поселений". И это мы принимаем, но при условии, если имеются в виду все земли, оккупированные в 1967 г., включая Иерусалим. Но далее вы делаете такое дополнение: "Мы сохраним поселения, обеспечивающие безопасность, особенно в переходный период".

Большое беспокойство и страх вызывают у нас слова "особенно в переходный период".

Мы находимся в состоянии войны, и мы будем воевать пока существует оккупация. Однако мы воюем не потому, что нам нравится война и насилие. Мы боремся за свои права, которые предоставлены нам в соответствии с нормами международного права. Мы такой же народ как и другие народы. Мы хотим жить в нормальных условиях и мы намерены доказать вам, что осуществляем наше право сознательно и политически грамотно. Поэтому сообщаем, что мы провели работу среди других палестинских организаций, чтобы они проявили себя дисциплинированными накануне выборов, с целью не дать Шамиру воспользоваться каким-либо поводом и использовать его против вас.

Мы понимаем ваше внимание к проблеме безопасности. В этом мы убедились на своем опыте в прошлом. Мы точно знаем, что вы делаете в этой области (пункт 12). Но мы не перестаем спрашивать себя и хотим задать вопрос вам: Разве вы не можете предпринять такие меры безопасности, которые успокоили бы людей и прекратили бы столкновения? (необходимые меры указаны в пункте 3 приложения). Мы также считаем, что быстрый прогресс в переговорах вселит в людей надежду о приближении конца их страданий. Вы, конечно, знаете, что наши дети взяли в руки камень, с которым они вот уже пять лет борются против ваших солдат. Хочу подчеркнуть, что эти дети понимают и политический смысл этого камня. Эти дети быстро осознали и политическое значение оливковой ветви, которую они подняли после встречи в Мадриде. Разве этот политический символ не обращен к детям Израиля, его политикам и солдатам? Что случится с надеждой, вспыхнувшей после мадридской встречи, если наш народ узнает, что Шамир пытается выиграть время для дальнейшей экспансии, еще большего угнетения и новых депортаций? Как можно убедить наш народ в том, что правительство, которое направится в Рим, отличается от правительства, которое было представлено в Мадриде и Вашингтоне? Убедить его а этом смогут лишь реально происходящие изменения, а не смена лиц. От вас зависит дальнейший ход событий. Мы сделали все возможное.

У нас положительные сведения о высокопоставленном израильском представителе, о котором мы ведем переговоры. Однако дело не в нем, а в тех директивах, которые он получает. Если они носят позитивный характер, то несомненно, что в этом случае он улучшит их своими личными качествами.

Разрешите нам прокомментировать ваши слова о том, что впереди долгий и трудный путь (пункт 11). При этом вы ссылаетесь на политическую ситуацию в Израиле. Мы утверждаем, что нам известна политическая ситуация в Израиле. Мы видим причину роста экстремизма в популизме, в стремлении завоевать поддержку обывателя с целью сохранения власти. Это нам напоминает высказывание Ицхака Шамира накануне поражения на выборах: "Израильский народ устал бороться за Великий Израиль. Нам не удалось убедить израильского избирателя в правильности наших целей". Можно также вспомнить слова Моше Аренса, который, покидая политическую сцену, сказал: "Я не был среди тех, кто боролся за Великий Израиль" – и т.д.

Оставив в стороне экстремистские партии Мелидет и Цомет, мы можем сказать, что суть целей религиозных партий нам известна. А вы разбираетесь в этом лучше нас. Просим также понять настроение израильского избирателя, который отказал в доверии Геуле Коэн и ясно высказался за мир. Поэтому просим вас не превращать вопрос о политической ситуации в Израиле в причину промедления (пункт 11). Если же позволите кому-либо из нас ссылаться на внутренние политические противоречия, то нам первым нужно дать такую возможность, ибо мы стоим как мощной палестинской оппозиции выступающей против мирного процесса, так и силам в арабском мире, оказывающим поддержку этой оппозиции. И даже в той сложной обстановке наши законодательный и исполнительный органы приняли решение взять курс на мирное урегулирование несмотря на жесткое противодействие.

Процесс строительства мира неидеален. В результате оккупации у Израиля имеются спорные проблемы с Сирией и Ливаном. Стремление к миру должно быть всеобъемлющим и серьезным на всех фронтах. И как мы поняли (пункт 2), вы вместе с нами уделяете главное внимание проблеме переходного периода, однако это не должно мешать вам в поисках мирного решения с другими сторонами.

Как известно, на переговорах состоялось уже пять раундов, последний был в Вашингтоне. Мы разделяем ваше мнение о том, чтобы в Риме начать с того, чем мы закончили в Вашингтоне. Мы представили разъяснительные записки, другие документы по вопросам о передаче власти, проведении выборов в законодательный орган и поселениям. Правда, отклика на них со стороны израильской делегации не последовало. Разрабатывая эти документы, мы стремились к тому, чтобы они точно соответствовали междуна-

родному праву, положениям письма об американских гарантиях и положениям, вложенным в письменных приглашениях .т. е. в тех письмах, в которых американцы заверяют, что их содержание не противоречит содержанию тех писем, которые были вручены израильской стороне. Мы подтверждаем со всей откровенностью, что точно следуем содержанию этих писем, несмотря на сомнения, которые мы ранее передали американской администрации. Любое отклонение от их содержания поставит нас в сложное положение перед нашим народом, который лишит нас своего доверия, если мы пойдем на такие уступки. Но мы этого не сделаем. В этой связи надеемся, что новый израильский уполномоченный будет руководствоваться объективностью и убедится, что представленные нами документы и реалистичны, и логичны. Такой характер наших предложений призывает вас немедленно приступить к разработке мер доверия, а затем сразу же перейти к проведению выборов и договориться о порядке передачи власти.

Вместе с письмом было передано приложение о мерах доверия следующего содержания:

- 1 – Освобождение всех политзаключенных.
- 2 – Отмена положения об административном заключении и законов о чрезвычайном положении, действующих со времен мандата.
- 3 – Закрытие концентрационных лагерей Ансар 3 и Нафха.
- 4 – Отмена запрета и ограничений на свободу политической деятельности.
- 5 – Возвращение депортированных в соответствии с резолюциями СБ ООН.
- 6 – Отмена налогов, введенных с 1967 г. (пять видов налогов).
- 7 – Прекращение конфискации земель и собственности, возвращение конфискованного его законным владельцам.
- 8 – Содействие процессу объединения семей.
- 9 – Отмена ограничений на экспорт товаров с оккупированных территорий и содействие осуществлению проектов развития.
- 10 – Отмена ограничений на строительство.
- 11 – Отмена системы зеленых удостоверений и обеспечение свободного входа в Иерусалим.

Встреча Амра Мусы с Рабином и Пересом.

В пятницу 9-го октября 1992 г. я встретился с министром иностранных дел Египта, который только что вернулся из поездки в

Израиль. Он мне рассказал о встрече сначала с Ицхаком Рабином, затем с Шимоном Пересом, а потом о встрече всех троих в Тель-Авиве. Министр сообщил, что в ходе этих встреч он обсудил те вопросы, на которые мы ожидали ответа от израильтян. А нас интересовали следующие темы: о резолюциях 242 и 338, как основы переговоров, об участии в многосторонних переговорах, о выборах, Иерусалиме, предлагаемого комитета, закулисных контактах, о поселениях, безопасности, конфедерации, о секторе Газа, контроле, об инициативах доброй воли и о временных графиках. Рассмотрим все эти вопросы:

1 – О резолюциях 242 и 338:

На первой встрече Рабин сказал, что резолюция 242 не распространяется на переходный период. Однако министр настаивал на необходимости упоминания этой резолюции в той или иной форме. Тогда Рабин ответил, что это будет сделано в общих словах и что он сообщит вечером свой вариант. Он также добавил по этому поводу, что, если палестинцы хотят с ним что-то обсуждать, то это должно быть только за столом переговоров. Однако, продолжал Рабин, учитывая заинтересованность президента Мубарака, которого он уважает и который играет видную роль, он даст ответ на этот вопрос сегодня вечером. На второй встрече с участием Переса Рабин представил следующую формулировку:

Переговоры по окончательному урегулированию палестинского вопроса, которые должны начаться не позднее чем на третий год переходного периода, будут основываться на резолюциях 242 и 338.

Затем Рабин подчеркнул, что он сам объявит об этой формулировке, или она будет официально представлена за столом переговоров в качестве документа.

2 – Об Иерусалиме и Совете (выборы).

Рабин привлек внимание министра к вопросу об Иерусалиме, сказав, что это очень чувствительная тема, которая не подлежит обсуждению сейчас. Однако министр Амр Муса ответил, предложив идею о создании "комитета по Иерусалиму" и о проведении выборов в мечети или церкви. Таким образом этот комитет будет иметь тесную связь с избирателем.

Рабин сделал такой комментарий:

"Очень хочу, чтобы палестинцы серьезно подошли к переговорам со мной и не увлекались второстепенными деталями. Если они этого не сделают, я не буду обсуждать все эти проблемы. У меня сложилось мнение, что сирийцы настроены более серьезно,

чем палестинцы". Далее он продолжал: "У каждого члена делегации свое собственное мнение. Они думают лишь о бумагах, предназначенных для пропагандистской кампании в прессе. Что касается меня, то я и шага не сделаю, если будет такой подход с их стороны. Я готов сотрудничать с теми, кто настроен по-деловому и серьезно".

На предложение министра Амра Мусы в отношении Иерусалима Рабин высказался за создание двух групп:

"Первая группа занимается изучением вопроса о выборах; палестинцы должны представить предложения по Иерусалиму. Он готов рассмотреть их, если они не будут иметь пропагандистский характер. "Или серьезно заниматься делом, или нет. Я ничего не теряю".

Вторая группа занимается изучением вопроса о полномочиях и функциях Совета. Рабин отказался говорить о полномочиях Совета, что накалило обстановку. Тогда он попросил время, чтобы подумать. Министр ответил, что Египет хотел бы предложения, устраивающие обе стороны. Через некоторое время Рабин предложил свой вариант названия Совета – Executive body. Министр, в свою очередь, предложил такое название: "Палестинский исполнительный совет". Рабин ответил: "Пусть палестинцы предложат это название во время переговоров, но не сообщают о нем в печати".

Собеседники долго обсуждали вопрос о количественном составе. Рабин предложил 27 членов, министр настаивал, чтобы число было в два раза больше. Они так и не договорились.

3 – Закулисные каналы:

Рабин видел в Египте единственное место для тайных контактов в случае обострения ситуации, так как он не верил, что столько людей могут сохранить все в тайне. Он считал, что Египет удобен для обеих сторон, которые в случае разногласий могли обратиться к египтянам.

4 – Об участии в многосторонних переговорах.

Рабин сказал, что он согласен на участие палестинцев, в т.ч. извне, в пяти комиссиях, руководствуясь следующим подходом:

1 – Ни один из членов комиссий не должен быть жителем Иерусалима;

2 – Среди членов комиссии не должны быть члены ООП или ее органов;

3 – Нынешние члены двух комиссий остаются в их составе, их замена происходит регулярно (Юсеф ас-Саиг или Эли Санбар) [Перес сказал, что есть третий человек].

Рабин заметил: "Все, что я сказал, будет недействительным, если Арафат осуществит то, что он заявил вчера в Аммане по поводу созыва Совета с участием как палестинцев–изгнанников, так и с оккупированных территорий. Министр, в свою очередь, подчеркнул, что для нас важно воспрепятствовать выполнению слов Абу Аммара, и мы проинформируем Израиль об этом.

5 – О тройственной конфедерации:

Когда министр попросил Рабина разъяснить заявления о тройственной конфедерации, тот сказал: "Да, я в принципе согласен, но обсуждать детали будем позднее, будет ли это конфедерация трех: Израиль – Палестина – Иордания или двух: Иордания – Палестина. Как вы знаете, господин министр, это идея хорошая, но сначала ее надо обсудить с Иорданией".

6 – Поселения и безопасность:

Мы рассказали министру, что Рабин разделяет проблему поселений на два аспекта: один – политический, другой связан с вопросом безопасности. По нашему мнению, проблема поселений означает одно – экспансию. Мы сказали министру: "Если уж Рабин озабочен обеспечением безопасности, мы готовы обсудить этот вопрос детально и откровенно, поскольку безопасность для нас также важна, как и для него. Только зачем обсуждать проблему безопасности с точки зрения логики взаимного страха? Лучше обсудить ее, руководствуясь логикой обеспечения общих интересов". В ответ на эти слова, которые министр передал Рабину, последний сказал: "Мы с таким подходом в принципе согласны, но обсуждать этот вопрос нужно за столом переговоров".

Амр Муса по этому поводу сказал нам: "Пусть этот вопрос не будет главным, и обсуждать его надо на закрытых встречах в рамках официальных переговоров. Если у вас есть готовые варианты, я готов передать их".

7 – Временные графики:

Рабин подчеркнул, что если они по–деловому подойдут к решению поставленных задач, то мы готовы закончить с формальностями в январе 1993 г., если выборы состоятся в апреле–мае 1993 г. Если они не хотят проведения выборов, мы готовы договориться о списке членов Совета.

8 – Контроль:

Рабин заявил, что вопрос о контроле в целом следует увязывать с этапом окончательного урегулирования. Что касается переходного периода, то вопрос о контроле должен быть решен путем соглашения между правительством Израиля и избранным Советом.

9 – сектор Газа:

С учетом мнения Абу Мазена в отношении многочисленных заявлений израильских руководителей по вопросу о секторе Газа министр не стал ставить вопрос о выводе израильских войск оттуда. На встрече с ним Перес уделил главное внимание кризису нехватки воды в секторе Газа. Он предложил разработать проект опреснения воды в этом районе с помощью Саудовской Аравии, Европы и других стран. Перес добавил: "Израиль готов оказать содействие. И пусть эта вода будет собственностью жителей Газы. Пусть они распоряжаются ею в своих интересах, а излишки воды они могут продавать. Возможно, что мы будем их покупателями".

10 – Меры по укреплению доверия:

Рабин сказал: "...Я предпринял много шагов, выражающих наши добрые намерения. Однако они встретили негативную реакцию, поэтому я прекратил работу в этом направлении".

В заключении нашей беседы министр Амр Муса подчеркнул, что ни в коем случае нельзя допустить утечки информации об этой встрече. В противном случае, Рабин не согласится вновь обсуждать поднятые запросы и поступит так, как он предупреждал. Опубликовать можно лишь то, о чем есть такая договоренность, как, например, вопрос о пяти комиссиях.

15 ноября 1992 г. состоялась встреча Хасиба Саббага с Генри Сигманом, который передал устное послание для ООП. Авторы послания предлагали ООП облегчить задачу, поставленную перед ее делегацией, обратив внимание на позитивную роль, которую могут играть американские евреи в процессе поисков мира. Через несколько месяцев после начала контактов в Осло я заметил, что многие видные израильские деятели изъявляют желание встретиться со мной. Такой повышенный интерес меня удивил. Я отказывался от предлагаемых встреч, имея в виду возможные последствия, о которых я уже говорил. Прежде всего, я учитывал позицию правительства Рабина, которое хотело испытать нас на искренность – в приверженности действовать через Осло и убедиться, что мы не занимаемся хождением по канату, открывая новые каналы для контактов. Именно поэтому я уклонился от встречи с министром образования Израиля Шуламит Алони, которая неоднократно назначала дату такой встречи в самых различных местах. Последний раз она пригласила меня в Рим 13 июля 1993 г. Но встретился с ней Махмуд Дервиш. Однажды мне позвонил Басиль Акль и сообщил, что очень высокопоставленный израильтянин из окружения Рабина хотел бы со мной встретиться. Я просил организовать

встречу между ним и Набилем Шаатом, которая состоялась в Вашингтоне во время десятого раунда двусторонних переговоров. Через некоторое время наш посол в Риме сообщил, что два члена движения Мерец Йоси Сарид и Деди Цукер, депутат кнессета, обратились с просьбой встретиться со мной в Риме. Я просил посла извиниться от моего имени и предложить им встречу с Набилем Шаатом, с которым они встретились в Каире. Шаат информировал меня об этой встрече и представил ее запись. Одновременно он сообщил, что Сарид передал ему по секрету слова Рабина о наличии тайного канала связи. Хотя это меня очень огорчило, я сказал Шаату, что Сарид не в курсе дела, и что Рабин имел в виду каирский канал и поездки министра иностранных дел Египта Амра Мусы в Израиль. Я добавил: "Эти встречи не являются официальным каналом, так как Рабин с самого начала отказался иметь скрытые каналы с нами, считая, что мы проговоримся, и не веря в нашу искренность. Поэтому не обращай внимания на подобные высказывания".

Затем Басиль Акль сказал мне, что Генри Сигман, исполнительный директор Американского еврейского конгресса, хочет встретиться со мной в Каире. Этот деятель раньше уже обращался к Басилю за разъяснением по поводу нашей позиции по урегулированию. Тогда я написал для него информацию с изложением нашего видения решения ближневосточной проблемы. Он не ответил. А сейчас запросил прямую и открытую встречу. И в этот раз я считал более правильным, если Набил Шаат встретится с этим человеком.

Встреча состоялась в Каире 23 июля 1993 г.

Израильяне, стремившиеся встретиться с нами, подкрепляли свои просьбы заявлениями, что они из окружения Рабина, как это делал тот высокопоставленный израильтянин, или, что они близки к тем, кто принимает решения, как это говорили Йоси Сарид и Деди Цукер. Однако мы чувствовали, что Рабин никому не поручал провести такие контакты. Возможно, все было наоборот. Эти люди предлагали Рабину свои услуги по организации контактов с нами, а он не возражал.

Конечно, нам было безразлично знать, кто стоит за той или иной просьбой. Поэтому я просил Набиля Шаата выяснить у своих собеседников – поручал ли им кто-нибудь прийти на встречу или они сами проявляли инициативу. Я также очень хотел докопаться до другой истины, а именно: соображения, которые они нам высказывали, принадлежат им, и они их затем доводят до сведения Ра-

бина, или эти соображения исходят от Рабина? И это нам было безразлично. Одно дело, когда кто-то предлагает Рабину довести до нас какие-то идеи, и совсем другое, когда Рабин приглашает кого-либо и поручает ему передать нам специально разработанные идеи и предложения. Мы обратили внимание, что все, кто хотел с нами встретиться, выступали по собственной инициативе и высказывали свои личные соображения. Они искали роль лично для себя. Ни Рабин, ни Перес никому, кроме участников переговоров, не поручали вести с нами дискуссии.

Учитывая все это, я укреплялся в сознании, что надо воздерживаться от любых встреч вне рамок контактов в Осло. Поэтому я всегда отказывал под предлогом, что в Вашингтоне идут переговоры, и мы не хотим подрывать их искреннюю основу, не хотим раздражать их участников, открывая новые каналы.

25 июля 1993 г. в Тунис прибывал д-р Ахмед ат-Тиби, палестинец из города Тиба, гражданин Израиля. Он интересовался политикой, был хорошо осведомлен о том, что происходит во внутренней жизни Израиля, а также имел тесные связи с некоторыми видными израильскими деятелями. Он был жизнедеятельным и патриотически настроенным. В 1990 г. Абу Айяд назвал его палестинским патриотом, борющимся за мир. Д-р Тиби имел доверительные отношения с Эзером Вейцманом, Хаимом Рамоном и другими деятелями из Партии Труда и партии Мерец. Одновременно у него были тесные дружеские и искренние отношения с рядом палестинских руководителей. Он часто передавал письменные и устные послания как политического, так и личного характера. В то время он прилагал усилия для организации встречи между мной и Вейцманом, который раньше принадлежал к "ястребам" Ликуда. Однако в ходе кэмп-дэвидского процесса он изменил свои взгляды. Говорят, что причиной этих перемен было влияние бывшего президента Анвара Садата, который называл его дорогой Эзра и уделял ему особое внимание. Говорят, однако, что была и другая, личная, причина. Ведь его единственный сын и наследник Вейцманов во время войны на истощение был тяжело ранен в голову и остался калекой. Это событие потрясло его и он понял, что продолжение войны выводит из строя сыновей других семей. Он стал выступать за мир и перешел из Ликуда в Партию Труда, а позднее сформировал свой список независимых. Затем он вновь вернулся в ряды Партии Труда и стал активно призывать к миру.

Давайте вернемся к Ахмеду ат-Тиби, который содействовал контактам между нами и израильянами. Однажды, после его

встреч с Хаимом Рамоном, министром здравоохранения Израиля и самым близким министром к Ицхаку Рабину, он приехал к нам с целым рядом вопросов, на которые мы должны были дать ответ.

Миссия Ат–Тибби очень помогла Арафату, когда он рассказывал о контактах в Осло, не упоминая их. Имя Ат–Тибби так часто упоминалось, что стало условным символом, когда речь заходила о тайном канале. Арафат постоянно повторял его имя, когда хотел разъяснить кому–нибудь палестино–израильскую Декларацию принципов.

У нас не было возможности уклониться от ответов даже под каким–либо предлогом.

Ат–Тибби сообщил мне, что до приезда к нам он дважды встречался с министром здравоохранения Хаимом Рамоном. Он также передал мне запись этих бесед, к которой приложил вопросы, написанные самим Рамоном, подчеркнув, что Рамон мог это сделать только с согласия Ицхака Рабина.

Протокольная запись.

Место встречи: Министерство здравоохранения.

Дата: 14.7.1993 г.

Х.Р.: Мне известно, что ты очень близок с Арафатом.

А.Т.: Я встретился с тобой с его согласия. Он знает об этой встрече.

Х.Р.: Рабин не знает о нашей встрече. Но я, с учетом того, как она пройдет, проинформирую его в деталях о беседе между нами.

А.Т.: Я уполномочен выслушать ваши предложения и передать их председателю Арафату. Я не могу принимать решения или давать ответы на любые замечания по основным вопросам. Но я попытаюсь убедить тебя, и, следовательно, Рабина в неизбежности серьезных переговоров с Ясиром Арафатом. Он единственный, кто может принимать решение от имени палестинского народа и подписать соглашение с вами.

Х.Р.: Я сейчас против контактов с ООП, находящейся в Тунисе. Но это объясняется прагматическими, а не идеологическими причинами.

А.Т.: Мне говорили, что ты согласен на переговоры с ООП. И Рабин согласен на переговоры с ними с целью выработать совместную декларацию принципов.

Х.Р.: Я хочу быть точным. Мое мнение таково. Если станет ясно, что ООП способна прийти вместе с нами к подписанию совместной декларации принципов о поэтапном урегулировании, я

лично согласен. И пусть тогда Перес и Абу Мазен или кто-либо другой по выбору Арафата... Набиль Шаат, к примеру, или кто-то еще, подпишут ее. Я также считаю, что Рабин, как деловой человек, будет тоже согласен при условии, если он убедится, что ООП обязательно пойдет на подписание совместной декларации. Имеется в виду, что ООП должна будет подписать соглашение официально на правительственном уровне. Однако Рабину присуще подвергать все сомнению. И иногда это оправдано. Он должен быть твердо уверен в намерении палестинского руководства в Тунисе в том, что оно серьезно настроено выработать такое соглашение и подписать его.

А.Т.: Все-таки разногласий по декларации принципов много. Так, американское предложение отвергается полностью, поскольку оно отражает позиции Израиля.

Х.Р.: Ты же, Ахмед, понимаешь, израильский обыватель. Вопрос об Иерусалиме для нас – это красная линия.

А.Т.: Для нас тоже. Мы же говорим о Восточном Иерусалиме, а не о Западном.

Х.Р.: Я понимаю, чего вы хотите. Мы пошли вам на большие уступки по сравнению с предыдущим правительством. Вы делаете ошибку, отвергая это.

А.Т.: Складывается такое впечатление, что вы даете палестинцам автономию, действие которой распространяется на людей, но не на землю.

Х.Р.: О чем ты говоришь. Мы передали под ваше управление 60% территории. Вы должны понять, что Израиль не может отдать власть над поселениями на переходный период. Ты же знаешь настроение израильского обывателя.

А.Т.: Но вы превращаете поселения в экстерриториальную зону. (Exterritorial)

Х.Р.: Мы говорим только о переходном периоде.

А.Т.: Палестинский обыватель потерял веру в переговоры из-за того, как они протекают сегодня. Давно следует отказаться от формулы Мадрида. Практически, нынешние переговоры себя уже исчерпали. Нет никакого прогресса. Необходимо поднять уровень переговоров и вести диалог с тем, кто может принимать решение в Тунисе.

Х.Р.: Нужно спросить ООП, готова ли она смягчить свою позицию в отношении пунктов, по которым есть разногласия. Однако это надо сделать, соблюдая строгую секретность.

А.Т.: Что от нас требуется?

Х.Р.: Есть несколько вопросов, на которые мы хотим получить ответ.

А.Т.: Я их запишу и передам руководству в Тунисе.

Х.Р.: Я сам напишу на белом листке.

А.Т.: Но в этом случае мы не дадим ответ на официальном бланке ООП.

Х.Р.: Наша цель – получить их ответ, а затем идти вперед с ними. Мне все равно. Пусть дают ответ на простом листке.

А.Т.: Я передам это. Где вопросы?

Х.Р.: Вопросы касаются следующего:

1 – Согласна ли ООП с поэтапным урегулированием?

2 – Согласна ли ООП отложить вопрос об окончательном статусе Иерусалима до начала переговоров об окончательном статусе территорий?

3 – Согласна ли ООП с тем, чтобы Израиль сохранил контроль над поселениями в переходный период?

4 – Согласится ли ООП с тем, чтобы Израиль обеспечивал внешнюю безопасность территорий?

А.Т.: Думаю, что со стороны ООП будут как ответы, так и вопросы. Разногласия существуют по многим пунктам.

Х.Р.: Надо построить мост доверия и подписать совместную декларацию принципов. Хочу сказать, что эти вопросы, которые я написал (он написал вопросы своей рукой на бланке Министерства здравоохранения), я покажу Ицхаку Рабину, и давай встретимся через неделю. Эта встреча секретная.

А.Т.: Теперь я предлагаю обсудить другую важную тему. Она касается положения арабского населения Израиля, особенно тех, кто получил высшее образование. Вы должны создать условия, чтобы эти люди могли получить соответствующую работу.

Х.Р.: Разве ты не видишь, что наши методы работы с арабским населением в корне отличаются от того, как это делало правительство Ликуд. Мы сейчас выделяем много средств в местные бюджеты, чтобы восполнить нанесенный вам ущерб. При канцелярии премьер-министра действует специальный комитет, который занимается предоставлением арабам должностей в правительственных учреждениях.

А.Т.: Закон о здравоохранении, который ты сейчас предлагаешь, хороший. Желаю успеха при голосовании в кнессете.

Х.Р.: Дай-ка мне все твои телефоны.

А.Т.: Вот номера моих телефонов дома и на работе.

Х.Р.: Встретимся с тобой через несколько дней, поскольку Рабин сейчас занят положением на ливанской границе. Считаю, что наша встреча интересна.

Протокольная запись.

Вторая беседа.

Дата: 20.7.1993.

Место: То же.

Х.Р.: Что тебе известно о контактах в Египте?

А.Т.: Кое-что известно, но не все.

Х.Р.: В Каире действует канал связи. Тебе он известен. Это Абу Мазен через египетских посредников, Амра Мусу и Усама аль-База, с согласия Арафата. Но дело в том, что все остановилось из-за проблемы Иерусалима. Если она будет решена, то и другие вопросы найдут решение. С нашей стороны и Рабин, и Перес готовы обсуждать любые вопросы. Сейчас я пришел специально после встречи с Шимоном Пересом. Нас волнует проблема Иерусалима. Давай обсудим ее сегодня.

А.Т.: А юрисдикцию?

Х.Р.: Нет. Мы сейчас не говорим об этом. Мы говорим о поселениях и всеобъемлющей безопасности. А это подразумевает географическое пространство, ведь палестинцы хотят, чтобы автономия включала все территории, оккупированные в 1967 г. А это и Иерусалим. Давай вернемся снова к проблеме Иерусалима. Что тебе сказали в Тунисе после нашей первой встречи?

А.Т.: Я сообщил Арафату, что мы с тобой обсудим важные вопросы, и он ждет результатов этой встречи. Ты же мне говорил, что пойдешь к Рабину, что Рабин – прагматик, что если мы договоримся или приблизимся к соглашению, то Рабин пойдет на то, чтобы ООП подписала соглашение официально.

Х.Р.: Да, я это говорил. Это мое мнение. Официально, да, но взамен суть ...

А.Т.: Ты имеешь в виду соглашение о принципах?

Х.Р.: Да. Да. Соглашение о географическом пространстве и о Иерусалиме. Это понятно? Но у Рабина сомнения. Он думает, что будет официально объявлено, но не будет подписано каких-либо документов по этому вопросу. Палестинцы находятся в более выгодных условиях, чем мы, так как встречи проходят до подписания, и официальное объявление опять до подписания. Мы боимся, что официальная встреча не приведет к соглашению. Мы хотим получить заверения на 99% в том, что соглашение будет достигнуто.

А.Т.: Ты мне сказал, что проинформируешь Рабина о нашей прошлой беседе и принесешь на эту встречу вопросы в адрес ООП, которая затем даст свои ответы. Я думаю, что ООП захочет получить ответы на свои вопросы тоже. Тогда мы придем к выводу, что нужна встреча между тобой или другим представителем правительства на уровне министра с ...

Х.Р.: ... с соответствующим по уровню представителем от руководства ООП в Тунисе.

А.Т.: Да.

Х.Р.: Попытаюсь, это вопрос серьезный. Я встречался с Рабином. Попытаюсь быть осторожным.

А.Т.: Нам важно знать мнение Рабина, а Арафат сообщит вам свое мнение.

Х.Р.: Рабин готов пойти на многое, и это известно палестинцам в Тунисе. То, что делает Перес в Каире, не противоречит желанию Рабина. С ним все согласовано. И они это знают.

А.Т.: Египетский канал связи необходим постоянно. ООП считает его важным. Он важен для всех сторон. Но ООП хочет прямых контактов, и египтяне говорят об этом открыто. Я поддерживаю контакты в Каире. Тунис стремится к прямым контактам прежде всего.

Х.Р.: Я согласен с этим. Лично я не вижу в этом проблемы. Я согласен с твоими доводами в отношении официального характера подписания, я также с мнением Набиля Шаата о необходимости поднять уровень переговоров, или о прямых контактах. Однако, основываясь на переговорах в Каире, мы не пришли к такому выводу, что это главное дело для Туниса. Хочу сказать, между нами, что, если все это не столь важно, как я считал, тогда в чем же дело? Главная карта в моих руках – это официальный характер встреч на высоком уровне. У нас на самом верху, т.е. на "вершине пирамиды" говорят, что нет признаков того, что ООП заинтересована в официальных встречах на высоком уровне. Это меня беспокоит. Ведь в ходе контактов в Египте обсуждаются, в основном, практические шаги, и там речь об этом не идет. Между нами, о чем будем говорить сейчас, о том, что ООП смягчит свою позицию по Иерусалиму?.

А.Т.: Нет, совсем не так. Я говорю, что ООП проинформирует вас о своей позиции по этому вопросу сначала в такой форме, т.е. путем обмена письмами, а затем при личной встрече. Сближение позиций двух сторон возможно. Я выражаю свое мнение, которое не совпадает с тем, что ты сейчас сказал. Я говорю, что руковод-

ство в Тунисе, и особенно Арафат и Абу Мазен, заинтересованы в прямых переговорах с Ицхаком Рабином или с его представителем.

А.Т.: Когда ты упоминаешь Абу Мазена, то вы должны знать, что Абу Мазен и Арафат координируют все свои действия. Арафат знает обо всем. Контакты в Каире осуществляются в соответствии с коллективным решением.

Х.Р.: Мы это понимаем, и когда я говорю "Абу Мазен", я имею в виду и Арафата.

А.Т.: В отношении контактов через Каир, Абу Мазен является человеком...

Х.Р.: Конечно, я как раз об этом и говорю.

А.Т.: Когда нет прямых контактов, то приходится прибегать к дополнительным каналам, т.е. к третьей стороне. Иногда ООП обращаемся к правительству Туниса для передачи посланий к американской администрации. Но, в основном, связь осуществляется через Египет. Иногда через палестинскую делегацию. Было бы лучше, если бы были прямые контакты между ООП и американской администрацией.

Х.Р.: Египетский канал действует, в основном, через Шимона Переса.

А.Т.: Из твоих слов я понял, что именно Шимон Перес боится установления прямых контактов с ООП, чтобы не потерять египетский канал, которым он руководствуется, что дает ему возможность контролировать события. Он также недоволен тем, что египтянам это не нравится. У них другая точка зрения. Они будут удовлетворены, если будут налажены прямые встречи. Они об этом неоднократно говорили.

Х.Р.: В результате мы договорились о том, чтобы я передал тебе вопросы. Что ты будешь делать? Я не хочу, чтобы ты послал их факсом. Когда ты уезжаешь?

А.Т.: Если ты передашь мне вопросы сегодня, я вылечу в течение 48 часов.

Х.Р.: Я возьму вопросы сегодня.

А.Т.: Я с интересом воспринял твои слова о прагматизме Рабина. Он согласится сесть за стол переговоров с ООП?

Х.Р.: Я твердо убежден, что он пойдет на это. Больше всего Рабина волнует проблема Иерусалима и безопасности. На остальные проблемы он смотрит широко.

А.Т.: Для палестинцев главным является вопрос о временных организационных мероприятиях в переходный период в Восточном Иерусалиме, а также о гарантиях стабильности в период

переговоров об окончательном статусе. Надеюсь, что нам удастся договориться по этим вопросам.

Х.Р.: То есть, мы имеем в виду, что внимание палестинцев, в основном, сосредоточено на вопросе о Восточном Иерусалиме.

А.Т.: В основном, да.

Х.Р.: Что ты подразумеваешь под временными мероприятиями в Иерусалиме?

А.Т.: Имеется целый ряд вопросов. Но эта тема для обстоятельных переговоров. Мне лучше сначала вернуться к руководству, а затем вновь встретимся с тобой.

Х.Р.: Но дай мне какой-нибудь пример.

А.Т.: Я не имею права говорить на эту тему. Дай мне возможность встретиться с руководством в Тунисе. В конце недели в Тунисе состоится заседание.

Х.Р.: Между прочим, вчера по телевидению передали интересное выступление Набиля Шаата. Телевидение с недавних пор стало более свободным. Не так ли?

А.Т.: Да, кое-какие перемены происходят.

Х.Р.: В каком виде передать тебе вопросы: в напечатанном или написанном от руки?

А.Т.: Как тебе удобно.

Х.Р.: Вопросы будут напечатаны на белой бумаге. Будем ждать вашего ответа из Туниса.

А.Т.: Наступит момент, когда, возможно, возникнет необходимость встречи между тобой и Абу Мазеном или другими лицами, которых назначит Арафат.

Х.Р.: До сих пор Абу Мазен ни с кем не встречался. В прошлом случались неприятные события. Я сейчас стараюсь подобрать мягкие выражения. Есть люди, которые заявляют, что Абу Мазен заинтересован встретиться с ними. Но они не встречались, или им не разрешали встречаться... Другим встречаться можно, но встречи так и не состоялись. Думаю, что Абу Мазен не хочет с ними встречаться.

А.Т.: Ты все понимаешь. Абу Мазен сам не предлагает никаких встреч. Вы обращаетесь с такими просьбами.

Х.Р.: Видишь, я выбираю осторожные выражения... Но как будет в действительности, если мы продвинемся вперед и возникнет необходимость для встречи, и Абу Мазен согласится и подтвердит это Рабину, и Рабин согласится. Думаю, что именно там и должно произойти в этом случае. Ведь некоторые заявляли, что

Абу Мазен хотел встретиться с ними, однако встречи так и не состоялись.

А.Т.: Прошу разъяснить Рабину следующее: обладая гибкостью и прагматизмом, Абу Мазен в настоящее время не заинтересован в бесполезных встречах с израильскими официальными лицами. Те, кто перед Рабином заявляли, что Абу Мазен просил их о встрече, несут за это личную ответственность.

Х.Р.: Я передал ему твои слова. По-моему, Рабин знает об этом. Рабин должен быть полностью убежден, что предлагаемая встреча происходит с согласия Абу Мазена и Арафата. Почему я так спешил на эту встречу с тобой? Потому, что я принимал участие в очень важных заседаниях, продолжавшихся два дня. Я спешил, поскольку вопрос очень важный. Вы должны понять, что мы не хотим, чтобы наши встречи нанесли урон контактам через египетский канал, так как он нас устраивает. Я говорю с тобой откровенно. Для меня вопрос о мире – самый главный. Я не ищу личной выгоды. Важно, чтобы мы не навредили контактам через Египет. Еще один момент, связанный с тобой лично. Рабин с тобой еще не встречался, но он знает о тебе. Он говорит, что ты близок к Арафату, но не имеешь на него большого влияния. Ты не можешь оказывать на него такое влияние, какое могут египтяне. Я откровенен с тобой.

А.Т.: Передай Рабину, что я и не собираюсь влиять, и на самом деле у меня нет возможности для этого. Да я и сам не хочу давить. Но значение нашего канала заключается в том, что он в большей степени прямой, чем другие каналы связи. Он непосредственно связывает две стороны. Он быстрее, чем другие, приведет к встрече Рабин – Арафат.

Х.Р.: Может быть. Этот канал непосредственный и более быстрый, он соединяет Рабина и Арафата. Но египетский канал для нас очень важен.

А.Т.: Расскажу о твоих опасениях. В прошлом одни контакты не оказывали негативного воздействия на другие.

Х.Р.: Мы не хотим, чтобы этот канал препятствовал достижению успехов через другой канал. Ведь палестинцы не поднимали вопрос о прямых контактах. (!)

А.Т.: Значение прямых контактов заключается в том, что правительство Израиля вступит в переговоры с национально-освободительным движением... Встречаясь со мной, вы должны понимать, что я не могу принимать решения... Я же тебе говорил, какими должны быть следующие шаги. Это будет правильный и

постепенный путь. Я выскажу свое мнение руководству. Иногда они со мной соглашаются, иногда нет. Я не могу заменить руководителей в Тунисе. Я лишь временно уполномочен на эта встречи.

Х.Р.: Мы знаем твои полномочия и не считаем тебя представителем ООП. Однако, если я встречаюсь с Аль-Хусейни, то можно сказать, что встречаюсь с представителем другого руководства. Так думает Арафат.

А.Т.: Я неоднократно подчеркивал, что нет и не может быть никакого другого руководства. Сам Аль-Хусейни и его коллеги по делегации говорили об этом.

Х.Р.: Теперь понятно.

А.Т.: Видишь ли ты возможность встречи Арафат – Рабин?

Х.Р.: Если будет достигнута договоренность об Иерусалиме, то такая надежда есть.

А.Т.: А что ты можешь сказать по поводу конфедерации?.

Х.Р.: Я не хочу говорить в форме вопросов о проблеме окончательного статуса. Пусть они поднимут этот вопрос. Сначала надо обсуждать поэтапный вариант.

А.Т.: Можно указать на необходимость быстрого достижения окончательного урегулирования параллельно с подписанием соглашения о декларации принципов переходного периода.

Х.Р.: С началом практического осуществления автономии и подписанием соглашения по автономии, а не по декларации принципов... Тебе надо выяснять в Тунисе, если подтвердится, что не прямые контакты более плодотворны, чем прямые, есть ли необходимость в прямых контактах?.. Конференция в Мадриде стала возможной после давления американцев и египтян, так как они могут оказать давление, а ты ведь говоришь, что не хочешь, да и не можешь оказывать давления.

А.Т.: Поэтому-то Арафату и нравится этот канал связи.

Х.Р.: Между прочим... Мешают ли тебе власти, как это было в период правления Шамира?

А.Т.: Нет, нет. Шамир трижды запрещал мне поездки на основании закона британского мандата. Рабин, по крайней мере, разрешает свободу выезда... для всех... право прежде всего...

Х.Р.: Это доказательство того, что мы, хотя бы в этой области, лучше, чем прежнее правительство.

А.Т.: Это точно. До свидания.

Х.Р.: Позвони мне сразу же, как только вернешься.

Ниже приводится содержание вопросов, которые передал нам Ахмед ат-Тибби:

1 – Согласится ли ООП в принципе с положением о временном урегулировании как этапе, предшествующем окончательному урегулированию?

2 – Согласится ли ООП с положением о том, что окончательный статус Иерусалима будет обсуждаться и решаться в рамках окончательного урегулирования?

3 – Согласится ли ООП с положением о том, что ответственность за еврейские поселения в переходный период будет нести Израиль?

4 – Согласится ли ООП с тем, что ответственность за всеобщую безопасность территорий в переходный период будет нести Израиль?

Ниже следуют наши ответы на вопросы Хаима Рамона, которые были переданы Ахмеду ат-Тибби 26.7.1993.

1 – О двух этапах: Мы согласны с наличием двух этапов: переходного и окончательного. Положения об окончательном урегулировании будут определены в соглашении о принципах, чтобы был сделан переход от одного этапа к другому. Эти положения будут касаться Иерусалима, беженцев, поселений, границ и других вопросов в соответствии с соглашением.

2 – Об Иерусалиме: мы согласны с тем, чтобы его окончательный статус обсуждался при разработке окончательного урегулирования.

В настоящее время: участие жителей Иерусалима в выборах с правом голосования и выдвижения кандидатур; учреждения Иерусалима должны иметь связь с властями переходного периода и контролироваться ими...

3 – О поселениях: мы согласны с предложением о том, что окончательный статус поселений будет обсуждаться при разработке окончательного урегулирования.

В настоящее время: они находятся в переходный период под контролем израильской армии. Учитывая чрезвычайную сложность вопроса о поселениях, будет разработано специальное соглашение о путях взаимодействия с поселениями во время переходного периода.

4 – О безопасности: ответственность за внешнюю безопасность в переходный период возлагается на Израиль, а за внутреннюю безопасность – на палестинские власти. Будет сформирована комиссия по связям и координации, отвечающая за преодоление общих проблем и разногласий.

5 – Мы считаем, что объявление и подписание соглашения о Декларации принципов должно происходить на хорошо организованной церемонии с участием руководства ООП и правительства Израиля.

1 августа 1993 г. я получил от Ахмеда ат–Тибби письмо следующего содержания:

"Как я вам сообщил вчера, ответ, в общем, был положительный и четкий. От нас не требовали изменений в тексте. Однако лидер поставил следующий вопрос: если мы добавим в этом месте, т.е. к вопросу о географическом пространстве, схему, будет ли это противоречить содержанию четырех пунктов?"

Лидер говорит, что Абу Мазен займет следующую позицию: географическое пространство будет распространяться на все оккупированные в 1967 г. Территории, за исключением Иерусалима и поселений.

Лидер говорит, что этот текст имеет определенное противоречие с ответами на четыре вопроса. Он хочет знать ваше предложение о том, как увязать вопрос о юрисдикции с двумя другими, т.е. об Иерусалиме и поселениях, чтобы избежать противоречия, о котором он говорит. Например: в географическое пространство будут включены территории Западного берега и сектора Газа, исключая Иерусалим (и здесь дается подробный разъяснительный ответ о Иерусалиме, а также о поселениях), или тогда дайте другое предложение, которое вы считаете правильным".

Мы дали ответы на поставленные выше вопросы. И 18 августа 1993 г. Ат–Тибби прислал нам свое письмо с реакцией на наши ответы. В нем говорилось: "Приветствую вас ... Ваши ответы нашли положительный отклик у лидера. Он попросил две недели, чтобы принять окончательное решение по пятому пункту (т.е. прямые переговоры). Он понял, что ответы неразрывно связаны с переговорами с ООП. Лидер попросил такой срок, чтобы принять впервые такое важное решение, учитывая кризис в коалиции, вызванный разногласиями с ШАС. Он боится, что может лишиться большинства в течение ближайших десяти дней.

В свете этого, я придерживаюсь такого мнения, что на следующем раунде переговоров следует обсудить только протокол. Условия для успеха более чем благоприятные. Такого же мнения придерживается и третья персона после нашей третьей санкционированной встречи, состоявшейся вчера вечером.

Попытки правительства Шамира воспрепятствовать

тайным контактам с ООП

Вечером 31 декабря 1989 г. Шамир объявил о решении удалить из правительства министра по науке Эзера Вейцмана. Это решение вступало в силу через 48 часов, т.е. днем во вторник 2 января 1990 г. Министра обвиняли в двух проступках:

1 – установление контактов с высокопоставленным деятелем ООП.

2 – направление своих представителей с письмами в адрес Арафата.

Как сообщала газета "Гаарец", израильская разведка 31 декабря 1989 г. представила Шамиру доклад о письмах Ахмеда ат-Тиби. Шамира охватил гнев, когда он узнал, что письма Вейцмана Арафату в значительной степени повлияли на положительное решение ООП в отношении плана Бейкера, а также содействовали присоединению палестинцев из ООП к процессу мирного урегулирования.

Случай с Вейцманом свидетельствовал, что он поддерживает прямые переговоры между Израилем и ООП. Он постоянно призывал Партию Труда выйти из правительства национального единства, чтобы придать новый импульс мирному процессу на Ближнем Востоке, находясь в оппозиции.

Шамир считал, что сложились благоприятные условия, когда можно нанести серьезный удар по позициям Партии Труда, переживавшей трудные времена. Она находилась в состоянии раскола. Поэтому, если будут выборы, то ей нечего будет предложить избирателю, следовательно, поражение ей обеспечено. Если бы Партия Труда поддержала Вейцмана, то это означало бы, что она признает контакты с ООП законными. Но у партии, а точнее у Рабина и Переса, не хватало решительности сделать такой шаг в данный момент. Поэтому Шамир обвинял в предательстве всех, кто налаживал контакты с ООП. Таким образом он хотел укрепить свои позиции в глазах американцев и завоевать авторитет среди израильтян. Заставив Вейцмана уйти в отставку, Шамир заранее предупредил Партию Труда и стремился взять под контроль настроения в израильском обществе. Он также хотел поставить американцев перед свершившейся реальностью, стремясь убедить их в укреплении своего влияния и дать им понять, что ему нет альтернативы и что Партия Труда будет вынуждена играть по правилам блока Ликуд.

В то время существовала точка зрения, что Израиль переживает серьезный политический кризис. Поэтому было необходимо

воспользоваться ситуацией и развернуть информационную кампанию в прессе с целью разъяснения палестинской мирной инициативы и намерений ООП начать диалог со всеми политическими силами Израиля о возможности проведения переговоров только в рамках международной конференции. Одновременно назрела необходимость провести дипломатические контакты на высоком уровне, направленные на противодействие сползанию Израиля на позиции диктата и самоизоляции и подавления сил, выступающих за мир путем диалога и переговоров.

Мы должны были проявить осторожность, чтобы защищать не Вейцмана, обвиненного Шамиром в преступных связях с ООП, а все силы, осознавшие необходимость продвижения к миру и подвергшиеся за это со стороны Шамира обвинениям в предательстве.

Вейцман неоднократно заявлял, что он готов встретиться с Арафатом, готов признать ООП, что он поддерживает достижение мирного урегулирования на основе уважения интересов и прав двух народов. Однако каждый раз отказывался от встречи, когда такой случай предоставлялся. Это объясняется тем, что он не хотел осложнений со своим правительством, учитывая и позицию Партии Труда, выступавшей против таких встреч. А блок Ликуд был готов не только осуждать эти контакты, но и судить каждого, кто осмеливался на них. Поэтому Вейцман считал, что если встреча состоится, то он потеряет пост министра, а он не хотел этого.

И все же, когда Мосад узнала о встрече Вейцмана с Набилем Рамлави, разразился скандал, едва не приведший коалиционное правительство к отставке. Тогда договорились о компромиссе, в соответствии с которым Вейцман сохранял министерский портфель, но в течение полутора лет не мог участвовать в заседаниях мини-кабинета.

После скандала, названного его именем, Вейцман совершил поездку в Советский Союз, о которой давно мечтал. Он просил нас организовать встречу с высокопоставленным деятелем. Его принял министр Эдуард Шеварднадзе, и он был доволен. Однако его радость была омрачена. Шеварднадзе сообщил ему о повышении уровня палестинского представительства до ранга посольства. Это дало повод Шамиру вновь обвинить его в сговоре, на этот раз с советским министром. Он подвергся резкой критике и за то, что отказался взять на встречу с Шеварднадзе исполняющего обязанности израильского консула в Москве, поскольку, якобы, не хотел, чтобы его слова дошли до правительства в Тель-Авиве.

В интервью московской газете "Известия" Вейцман сказал: "То, что я сделал, это не ошибка, а как раз наоборот, я поступил правильно. Мои дела в будущем принесут пользу моей стране. Международная обстановка заставит правительство Израиля осознать, что время работает не на нас. Чем быстрее мы поймем это, тем быстрее сядем за стол переговоров. Одновременно мы должны найти в арабском мире людей, способных взять ответственность и начать переговоры с нами. Я уверен, что такие люди есть. Они представляют ООП, и с ними надо установить контакты".

Последующие события подтвердили правильность слов Эзера Вейцмана. Израильское правительство блока Ликуд приняло участие в Мадридской конференции.

ГЛАВА 6

КОНТУРЫ МАДРИДА

Бывший президент США Джордж Буш за время пребывания на своем посту дважды добился победы. Первый раз, когда выиграл войну в районе Залива, второй, когда развалился Советский Союз и социалистические страны. США стали единственной великой державой, не имеющей конкурента. Тогда Буш решил продолжить свои победы и обратил взоры на Ближний Восток. Он сделал это не только ради еще одной победы, а ради того, чтобы продемонстрировать готовность США, на примере их быстрых действий по выполнению резолюций об освобождении Кувейта, к серьезному подходу к осуществлению резолюций, касающихся Ближнего Востока. Естественно, США по-разному подошли к выполнению задач в каждом из регионов с точки зрения энтузиазма и механизма исполнения. В первом случае США привлекли на помощь своим войскам силы более 30 государств, принявших участие в этой операции. Во втором случае они обеспечили участие более 30 стран в многосторонних переговорах по Ближнему Востоку, демонстрируя тем самым международную поддержку усилиям по достижению мира путем интенсивных переговоров в практическом смысле под эгидой США и Советского Союза, который впоследствии заменила Российская Федерация.

В свете сложившейся обстановки президент Буш 6 марта 1991 г. объявил о своей инициативе по решению проблемы Ближнего Востока, состоящей из четырех пунктов:

- выполнение резолюции 242 и 338
- принцип земля в обмен на мир
- законные права палестинского народа
- безопасность и мир Израилю.

Палестинское руководство сразу же заявило о своей поддержке этой инициативы. Когда американская администрация приняла решение о направлении на Ближний Восток государственного секретаря Джеймса Бейкера, стало ясно, что американцы готовы сотрудничать с палестинцами на оккупированных территориях с условием, что они войдут в состав совместной иордано-палестинской делегации. Такой подход вызвал недовольство

большинства в палестинском руководстве, которое, во-первых, не согласилось с тем, что среди палестинцев с оккупированных территорий, участвующих в мирной конференции, не должно быть жителей Иерусалима, и во-вторых, с тем, что палестинцы могут быть представлены на конференции только в составе совместной иорданопалестинской делегации.

Мы же хотели участвовать как самостоятельная палестинская делегация или в составе совместной арабской делегации. Однако первый вариант был отвергнут американцами и израильянами, а второй арабами. Арабские участники – Сирия, Ливан и Иордания – не хотели сформировать единую делегацию между собой, тем более с палестинцами, которые мешали бы достижению урегулирования по отдельным секторам из-за сложности их проблемы. Поэтому ото всех без исключения мы слышали, что идея о совместной арабской делегации бесперспективна.

Когда мы убедились, что наши оба варианта не приемлемы, мы согласились, после длительного обсуждения, участвовать в переговорах вместе с Иорданией, чтобы определить характер и задачи совместной иорданопалестинской делегации.

Мы не ставили каких-либо условий в отношении мирного процесса. Мы только попросили советскую сторону, чтобы она обратилась к американцам с просьбой предоставить нам письмо с гарантиями, в котором содержались бы основные принципы американского подхода к мирному процессу на базе норм международного права. Министр иностранных дел Бессмертных быстро отреагировал на нашу просьбу, обратившись к Бейкеру с таким предложением. Американцы представили письма с гарантиями всем сторонам.

Правительство Ицхака Шамира было против участия Европы в мирном процессе. Оно также выступало против предоставления ООН какой-либо, пусть даже небольшой, роли в этом процессе. Оно отвергало идею созыва международной конференции и предлагало провести региональную. Занимавший в то время пост министра иностранных дел Советского Союза Александр Бессмертных направил свои усилия на сближение точек зрения в ходе встречи с палестинской делегацией во главе с Абу Аммаром и в составе Абу Мазена, Сулеймана ан-Наджаба, Ясира Абдо Раббо и Набиля Амра. На этой встрече, состоявшейся в Женеве 14 мая 1991. г., были предложены следующие принципы мирного процесса:

– конференция будет называться Мирная конференция.

- Европа участвует в качестве наблюдателя в этой конференции.
 - ООН также участвует в качестве наблюдателя.
 - Достигнутые соглашения сдаются на хранение в ООН.
 - Достигнутые соглашения должны быть заверены ООН.
- Вышеперечисленные принципы помогли преодолеть препятствия, воздвигнутые некоторыми сторонами на пути поисков мирного урегулирования.

Джеймс Бейкер считал необходимым убедить Шамира в том, что иордано–палестинское соглашение будет подписано с палестинцами, проживающими на оккупированных территориях. Поэтому он каждый раз настаивал на том, чтобы в Амман на встречи с королем Хусейном или с премьер–министром Тахером аль–Масри выезжали Фейсал аль–Хусейни, Ханан аль–Ашрауи и Закария аль–Ага. Именно так давали понять правительству Шамира, что ООП не играет никакой роли в этом процессе, а Шамир, в свою очередь, угрожал палестинцам, проживающим на оккупированных территориях, применить закон, принятый кнессетом 6 августа 1986 г., который предусматривал тюремное заключение для каждого, кто войдет в контакты с ООП.

23 октября 1991 г., т.е. за несколько дней до созыва Мадридской конференции, мы находились в Аммане, чтобы наложить последний штрих на иорданско–палестинское соглашение. В это же время туда прибыли Фейсал аль–Хусейни, Ханан аль–Ашрауи и Закария аль–Ага. По просьбе Бейкера, все внимание было сконцентрировано на визите делегации во главе с Аль–Хусейни. А наша делегация спряталась за кулисы, чтобы можно было сказать, что соглашение будет подписано не с нами, а с Аль–Хусейни и его коллегами. Мы также договорились, что делегация Аль–Хусейни примет участие в официальной встрече с премьер–министром, а затем выйдет к журналистам и подтвердит факт подписания соглашения. И только потом появлялись мы, чтобы завершить эту акцию. Вот так было подписано иорданско–палестинское соглашение, которое предоставило нам возможность принять участие в Мадридской конференции.

Те, кто выбрал Мадрид в качестве первой остановки поезда, направившегося к историческому урегулированию на Ближнем Востоке, несомненно, разработали сценарий конференции. Этот сценарий предусматривал различные смысловые нагрузки в отношении участников и приглашенных, вводил их вглубь истории для то-

го, чтобы извлечь из нее назидательный урок и научить тех, кто так и не понял, что такое история и как из нее делать выводы.

Накануне 1992 г. происходит важное событие, которое дает нам возможность как бы оценить прошлое как ушедшее безвозвратно, так и имеющее продолжение сегодня. Это событие можно также представить как день рождения шейха, вспоминающего свое прошлое со всем, что в нем было, или как празднование знаменательной даты, вспоминая которую люди открывают свои дневники, чтобы заново пережить факты, запечатленные на их страницах. Однако, только автор сценария или главный режиссер имеет право распределять роли, расписывая их до мельчайших подробностей, и составлять сложнейшие смысловые диалоги. Все нити управления остаются у него в руках, и он дергает за них по своему желанию, чтобы достичь заветной цели.

Режиссер написал на большом экране: "Вот и прошло пятьсот лет с того события, которое волнует всех нас, присутствующих. Давайте вернемся в прошлое, чтобы посмотреть, прочитать и сделать выводы. Возможно, это будет полезно и поучительно для нас, и тогда мы поймем, а если мы поймем, то поймут и те, кто идет за нами, и, наконец—то, многие поколения осознают, что надо делать. Ведь чтение истории — это не занятие для интеллектуалов, а извлечение полезных уроков для тех, кто этого хочет.

Итак, мы написали перед своими глазами — 1492 г. Это значит, что мы сидим и празднуем пятьсот лет с того времени. Тот год для всех нас имеет большое значение. Он стал годом, наполненным событиями и фактами. В тот год соучастники счастливого эксперимента с тяжелыми ранами уходили с насиженных мест, преследуемые казнями инквизиции. Выдергивалось с корнем все, что напоминало об их затянувшемся пребывании. Остановился процесс развития этой человеческой цивилизации. От нее остались только развалины, на которые приходят смотреть. И кто видел эти развалины, тот видел свидетельства самых ужасных проявлений жестокости и дикости, и сегодня те, кто собрались в Мадриде, видят в этой встрече наилучшую возможность вернуть землю и освободить ее от захватчиков.

За прошедшее время соучастники стали врагами. Мы не будем судить историю, а будем взаимодействовать с ней. Почему это произошло? Как это случилось? И все же это случилось. И нам ничего не остается, кроме как залечивать раны в зависимости от их состояния. И сегодня вы приехали сюда, чтобы вас рассудили в том месте, где вы когда—то собрались, где вас в те дни объединили

раны и горе, постигшее вас... Те, кто когда-то хотел вас казнить, сегодня намереваются решить ваши споры, выслушать ваши жалобы, рассудить вас и сказать вам – хватит, совсем не обязательно, чтобы вся жизнь была наполнена ненавистью, кровью и несчастьем. Вы сами в состоянии преобразовать ее, если измените свои взгляды на нее. Человек стоит перед этим выбором, пока он прислушивается к голосу разума, который наделен способностью отличать, различать и осознавать".

На экране было также написано, что в тот год отверженный всеми авантюрист вышел в море и отправился куда глаза глядят. Он взял направление на запад, не имея никакой цели. Возможно, в глубине души он надеялся найти землю и покорить ее, после того как он освоил свою землю. Возможно, он хотел повторить свои деяния, которые ненавидел и которым противился. Может быть, он забыл свои чувства в момент опьянения и в час победы. Он не пахал землю, не выравнивал горы, он хотел ударом меча рассечь океан, чтобы разверзлась тьма, и в лучах света он открыл бы то, что не видели первопроходцы, и то, что навсегда запомнят его последователи. И вот он исчез из виду в морской пучине. Но, к своему удивлению, он причалил к девственной земле, насытился ее богатствами, достал из ее недр то, о чем не мог мечтать на своей родине. Она стала его владением, где он своим мечом расправлялся со всеми живыми существами и людьми, пока не насытил свою жадность, алчность и инстинкты.

И он основал королевство, населенное людьми из племен разных, с различным цветом кожи. Туда устремились все, кто искал полезные ископаемые и драгоценные клады, кто скрывался от правосудия и кто жаждал его найти, кто искал свободы и кто хотел подавить ее. То были люди, которые несли с собой различные обычаи и традиции, они представляли взаимоисключающие цивилизации.

На большом экране написали: "Мы пришли через пятьсот лет, чтобы восстановить правосудие и истину, поскольку сейчас мы руководствуемся идеалами справедливости и истины, а не склоняемся перед силой. Мы пришли, чтобы воссесть на большом троне после того, как уничтожили все троны и всех, кто мечтал о троне. Такова наша судьба, которую избрал для нас рок. И мы должны объять этот мир своими крыльями, сделав его безопасным и спокойным, так как теперь мы несем ответственность за него. И, возможно, только мы одни, и, возможно, навечно. Мы обратились к тем, кто связан со временем, постоянно вспоминая о нем, кто свя-

зан с местом, возвращаясь к нему в своей памяти. Мы тоже помним и вспоминаем и место, и время. И так, всех нас связывает общее достояние, канувшее в историю. Однако из истории нельзя вычеркнуть пятьсот лет. Сегодня, как и тогда, те же стороны участвуют в исторических событиях. И это естественно.

На большом экране было написано: "Мы пришли через пятьсот лет, чтобы восстановить справедливость и истину, поскольку сегодня мы вершим правосудие и закон, обладая силой. Однако ход времени оставил свои отпечатки на актерах, изменив их роли и обстановку, возможности и характер".

Все собрались. Над сценой поднялся занавес. В зале сошлось множество людей, самых разных: актеры, музыканты, хористы, действующие лица пьесы. И все запели мелодичный гимн, гимн мира. Если бы исполнители пели искренне, если бы они пели сердцем, а не горлом, то этот гимн распространился бы по всему миру, в котором воцарилась бы безопасность, стабильность и спокойствие. Но были ли исполнители искренними?

И вот появился среди собравшихся старый шейх в роли древней земли и древних людей. Он есть, и его нет, его знают и не знают, он ранен, а не убит, у него два крыла, но он не летает. И вот он заговорил. Все прислушались и сделали вид, что они слышат его в первый раз, стали обмениваться взглядами, как судьи во время суда, чтобы посоветоваться, глядя друг другу в глаза. Все стали безмолвно спрашивать самих себя, чтобы не сбиться с текста. И тут картина затряслась и лопнула веревка, на которой она висела.

И послышался его голос из глубины веков, спокойный как огонь Ибрагима,¹¹ согревающий как зов его сына Нуха,¹² затерявшегося на своем ковчеге среди волн. Этот голос призывал людей вернуться к благоразумию, установить истину и укрепить правосудие. Он разъяснял то, что понятно, и то, что известно, зная, что они знают, но притворяются. Это удобный для него случай, которого никогда раньше не было, когда ему разрешено защитить самого себя, произнести самому речь в защиту своих прав, а не поручать кому-то другому, к чему он сам привык, да и все остальные тоже привыкли, получая от этого удовольствие.

Еще раз шейх заговорил во весь голос, обращаясь с призывом, распространившимся по всей вселенной:

¹¹ Библейский Авраам. Прим. перев.

¹² Библейский Ной. Прим. перев.

"Наступил момент истины, и вы должны обладать отвагой, чтобы признать ее, вы должны обладать волей, чтобы воплотить ее в жизнь. Нельзя допустить, чтобы нашу истину могли скрыть в темных углах забвения. Народ Палестины обращает свои взоры прямо на вас, пристально глядя в ваши глаза, стремясь коснуться ваших сердец. Вы, собрав все свое мужество, возродили в нас надежду, такую надежду, от которой невозможно отказаться. Теперь вы не имеете права предать нас, ибо мы поднялись на высоту тех принципов и идеалов, которые вы защищаете, ибо мы преданы нашему делу".

Его речь поразила всех. Все в ней было удивительно: ее тональность, ее выражения. Все думали, что увидят вампира, сосущего кровь, с острыми, как ножи, когтями, вонзающимися в шею человека, с пронзающими, как мечи зубами, пожирающими человеческую плоть. К сожалению, появился человек, точь-в-точь похожий на любого другого человека, со своими мечтами, надеждами, чаяниями. У него семья, сыновья, дочери, внуки. А сам он потомок создателей цивилизации той страны, которая принимала гостей. Эта цивилизация не только свысока смотрит на историю, но и сокращает историю на пятьсот лет.

В Мадриде пятьсот лет назад были те же, кто приехал в Мадрид через пятьсот лет. Их роли распределились в соответствии с мудростью, которая гласит: "У каждого времени свое государство, свои мужи". Неужели мы стоим перед историей, которая вновь повторяется? Или перед историей, которая судит себя? Или перед историей, которая не знает себя. Все эти предположения можно принять к рассмотрению. Перед судом инквизиции вместе предстали и мусульмане, и иудеи. Конференция в Мадриде созвана для примирения мусульман и иудеев. И теперь не имеет значения, мало или много потребует времени, и никто себя не спрашивает: "Почему это? Кто сделал это? "

Мы допустили ошибку в своих расчетах. И Шамир тоже ошибся. Мы думали, что Мадрид – это конец, а на самом деле это было только начало. Мадридская встреча стала церемонией открытия продолжительного сезона. И никто не мог угадать, когда он закончится и каким образом. Многие из нас полагали, что мы совсем близко от осуществления наших надежд, что сон совсем скоро прекратится, что кошмар ненависти исчезнет, и долгая ночь жизни на чужбине закончится.

Что касается Шамира, то он делал совсем другие расчеты. Ему и в голову не приходило заняться поисками путей к историче-

скому соглашению, участником которого он бы стал или от заключения которого он мог бы что-то выиграть. У нас сложилось впечатление, что он приехал в Мадрид лишь для того, чтобы ему заплатили и за настоящее, и за прошлое. Сегодня, думал Шамир, я снизошел до того, чтобы одарить своих врагов миром. И они должны отплатить мне тем, что с радостью и благодарностью воспримут этот мой божественный дар. А за прошлое он хотел получить компенсацию и наследство, считая себя наследником всех евреев со времен Моисея. Ведь немцев заставили выплатить компенсацию. Следовательно, есть прецедент, чтобы выставить новые претензии. По его мнению, такие события не должны быть забыты с истечением времени, и на них не должен распространяться принцип давности. Поэтому испанцы должны поступить так же как и немцы. Разве они не признают, что совершали преступления, вешая предков евреев и грабя их деньги и ценности?

Однако международное сообщество отвергло взгляды и бесконечные требования Шамира. После такого поражения ему ничего не оставалось делать как раскрыть свои скрытые намерения. Его разнузданный язык выболтал все, что он замышлял. Оказалось, что Шамир приехал лишь для того, чтобы затянуть переговоры на десятки лет, и, в конце концов, сделать их безрезультатными.

А в это время палестинские дети, которые совсем недавно с камнем в руках противостояли оккупантам, побросали камни и взяли в свои руки оливковые ветви. Они положили их перед танками и солдатами, которые еще вчера стреляли в них, травили нервно-паралитическими газами. Дети разобрались в ситуации и предприняли свою акцию, не сговариваясь и не планируя ничего заранее. Они уловили момент и поняли его, в то время как жестокие и профессиональные политики из руководства Ликиуда продолжали говорить о воплощении в жизнь сюжетов из легенд и сказок.

Иордано-палестинское соглашение стало первым шагом, без которого невозможно было запустить механизм мирного урегулирования в Мадриде. Джеймс Бейкер расположился в Иерусалиме, ожидая сигнала белой ракеты. Он знал, что без этого соглашения не будет палестинского участия в переговорах, не будет приемлемого представительства палестинцев на них. Он также понимал, что если Центральный Совет Палестины не утвердит это соглашение, палестинцы с оккупированных территорий не смогут согласиться участвовать в дальнейших шагах. Бейкер оказался перед сложным многоступенчатым уравнением, суть которого была такова: соглашение должно быть подписано между Иорданией и ООП,

но так, чтобы никто не мог сказать, что ООП является одной из сторон; соглашение должно быть утверждено Центральным Советом Палестины, который не мог заявить, что он утвердил его или что он ознакомился с его текстом; наши братья с оккупированных территорий ожидали этого утверждения, но не могли об этом говорить; и, наконец, руководство ООП должно было определить и утвердить состав палестинских участников, но не имело право объявить об этом. Все знали о реальной ситуации, но все должны были заявлять, что не знают. Израилю был известен этот сценарий, но он смотрел на него с закрытыми глазами. И Бейкер знал обо всем, но заявлял, что ему ничего не известно. Наши братья с оккупированных территорий ожидали указаний из-за рубежа, но должны были говорить, что они сами несут ответственность за решение этих вопросов. ООП управляла всем процессом, но ничего об этом не сообщала.

А в Аммане я вел переговоры с премьер-министром Иордании Тахером аль-Масри, тогда как делались заявления, что переговоры идут с делегацией во главе с Фейсалом аль-Хусейни. В Тунисе Центральный Совет Палестины обсуждал пункты соглашения и ничего не говорил ни о соглашении, ни о дискуссии. В Иерусалиме Джеймс Бейкер в течение трех дней встречался с нашими братьями с оккупированных территорий, делая вид, что обсуждает кандидатуры, вопрос о которых на самом деле решался в Тунисе.

Бессмысленная политика Шамира несла вину за всю эту закулисную чехарду. Мы вели себя спокойно и терпеливо перед этими трудностями, понимая, что цель более важна, чем формальности.

Перед палестинскими представителями на переговорах стояли огромные задачи. Для того, чтобы оказать им содействие в их выполнении самым лучшим образом, мы сформировали комиссию по наблюдению за ходом переговоров из нескольких руководящих членов ООП. Эта комиссия должна была снабдить членов делегации четкими недвусмысленными инструкциями, подготовить для них справочные материалы, которыми они могли бы пользоваться в зале заседаний, представлять отчеты о ходе переговоров руководству, направлять соответствующую информацию в наши посольства и заинтересованные департаменты.

Таким образом мы проделали значительную подготовительную работу, обеспечив нашу делегацию необходимыми документами, справками и даже техническими средствами, чтобы она была

готова вести серьезные переговоры и добиваться ощутимых итогов, несмотря на степень заинтересованности другой стороны.

В иордано–палестинском соглашении говорилось, что иорданские представители в объединенной делегации должны были заниматься иорданскими проблемами, а палестинские, соответственно, своими. Мы полагали, что американская администрация, а, следовательно, и израильское правительство, ознакомились с этим соглашением и в принципе с ним согласны. Тем более, что Джеймс Бейкер с самого начала следил за переговорами в Аммане, в результате которых оно и родилось. Мы также считали, что иорданские братья не могут подписать соглашение, которое не устраивало ни нас, ни американцев. Поэтому мы были полностью уверены, что в начале переговоров в Вашингтоне израильтяне не будут ставить какие–либо препятствия, и если бы они это сделали, то американцы должны были бы вмешаться, чтобы их убрать.

Однако израильтяне настояли на том, чтобы переговоры шли с совместной делегацией как по иорданским, так и по палестинским проблемам. В этой связи наша делегация приняла решение воздержаться от появления в зале заседаний. Иорданская делегация солидаризовалась с нами. Через неделю нашли формулу решения вопроса, которая удовлетворила израильтян. Суть ее заключалась в следующем: палестинскую делегацию возглавил Хайдар Абд аш–Шафи, и в нее вошли два иорданских представителя, а иорданскую делегацию возглавил д–р Абд ас–Салям аль–Маджали, и вместе с ним были два палестинских представителя. Таким образом сохранили преемственность варианты совместной делегации.

Мы начали переговоры в коридорах здания Государственного департамента США, поэтому эти переговоры и получили название коридорных. Что касается сирийской и ливанской групп, то они приступили к работе, как и предполагалось, 10 декабря 1991 г. А мы и иорданцы – только 18 декабря 1991 г. после того, как выиграли битву за самостоятельное палестинское представительство в двусторонних переговорах. На первых пяти раундах, которые проходили при правительстве Ликуда, главное внимание обе стороны уделили заранее намеченным вопросам и проблемам, по которым было более четкое представление. Однако мы заметили, что каждая из сторон, дойдя до определенного пункта, не двигалась дальше. Так, израильская делегация перекрыла все пути, не давая сделать какой–либо позитивный шаг для продвижения вперед. Стороны даже не смогли договориться о повестке дня переговоров и за-

нялись тем, что направляли друг другу послания, в которых выражали свою точку зрения и пожелания.

Мы знали, что израильтяне не согласятся с нашими соображениями и попытаются их проигнорировать. Ведь они исходили из предпосылки, что земля принадлежит им, а мы должны исходить из реальностей, которые они нам навязывают.

Поэтому мы пытались добиться хоть частичных побед, накапливая их день ото дня, и таким образом прийти к удовлетворительным результатам. Другого выбора у нас не было, так как между нашими позициями лежала огромная пропасть.

Во время четвертого раунда имел место небольшой прогресс в запросе о палестинском представительстве, когда госсекретарь Джеймс Бейкер направил 10 февраля 1992 г. официальное послание Фейсалу аль-Хусейни как главе палестинской команды на мирной конференции, а затем 19 февраля 1992 г. официально принял его в госдепартаменте. Мы увидели в этом позитивный сдвиг в позиции США по вопросу о палестинском представительстве на конференции.

Вопрос о наблюдении за происходящим в стане политических сил Израиля, представленных в кнессете, всегда был в центре нашего внимания. Мы стремились не упускать из виду любые подвижки, значительные или едва заметные, в отношениях между этими партиями, свидетельствовавшие или о создании союза или установлении контактов, или о расколе между ними.

С 1977 г. мы пытаемся оказывать поддержку как небольшим левым силам, так и тем, кто призывает к миру между двумя нашими народами с тем, чтобы их голос был услышан с трибуны кнессета, голос, который будет отличаться от тех голосов, которые мы привыкли слышать с момента возникновения государства Израиль, а, может быть, и еще раньше.

Выступление палестинцев было одним из самых неприятных для слуха израильского народа, потому что оно напомнило ему, а израильтяне не любят напоминаний, о народе, который жил на этой земле, называемой Палестина, которая многое пережила и так изменилась, что превратилась в Израиль. Они не хотят слышать таких напоминаний потому, что с самого начала этого века они подверглись идеологической расистской пропаганде, которая вдалбливала в их умы идейные и теоретические планы сионизма, постулат которых таков: "Земля без народа, народ без земли". И откуда Палестина – земля без народа, необходимо уничтожить это название и покончить со всем, что связано с ним. Именно поэтому изра-

ильтяне попытались сделать так, чтобы это ненавистное для них слово нельзя было ни прочитать, ни увидеть, ни услышать. Таким образом идея об "иноверцах" стала неотъемлемой частью сионистской доктрины, ее теории и практики.

В начале 20-х годов в Палестину приехал еврей из Голландии по имени Де Хаан. Прожив там несколько лет, он пришел к выводу, что жить на земле Палестины нормальной стабильной жизнью невозможно без взаимопонимания с коренным населением. И он стал призывать к взаимопониманию и к сосуществованию с этим населением. В результате, в 1925 г. его арестовали, чтобы никто другой не осмелился провозглашать подобные призывы.

Со своей стороны, мы также отвергали существование евреев на нашей земле. Когда они объявили о создании своего государства, мы отказались признать его. В 1948 г. две трети нашего народа покинули свою землю, и эта ситуация сохраняется по сей день. Затем была создана Организация Освобождения Палестины. В 1965 г. вспыхнула революция под руководством движения ФАТХ. С тех пор мы вели борьбу под лозунгом освобождения всей палестинской территории.

Пришло время выработать политическую позицию... А что, если мы протянем руки евреям, чтобы понять друг друга? Подобный вопрос вызвал бурю в умах многих людей, причем с обеих сторон. Тут-то мы и попытались найти тех, кто бы с нами вступил в диалог. Мы хотели найти таких людей, чей голос имел бы вес в политических кругах Израиля и звучал бы с самой высокой трибуны, трибуны кнессета. И вот депутатами кнессета стали Ури Авнери, генерал Мататьяху Пелед и несколько арабских деятелей, которые с ними сотрудничали. Мы убедились, что наша деятельность в этом направлении приносит хорошие плоды. Поэтому мы решили с еще большим вниманием следить за парламентскими выборами в Израиле.

Во время выборов в кнессет двенадцатого созыва мы предприняли некоторые слабые попытки для объединения партий или достижения договоренностей между ними. Однако эти попытки ни к чему не привели, и каждая из партий оставалась на своих позициях. В результате Ракаха получила 4 места, а Демократический список и Арабская партия по одному. Они потеряли два места только потому, что не сумели договориться о лишних голосах. Эти два места ушли к сионистским партиям, что обеспечило большинство блока Ликуд.

Последние выборы в кнессет проходили в то время, когда начались переговоры в Мадриде и Вашингтоне с участием блока Ликуд, с которым, как мы заранее знали, невозможно будет сделать ни одного шага в направлении заветного мирного урегулирования.

Поэтому мы с удвоенным вниманием отнеслись к подготовке к выборам, о которых было объявлено в июне 1992 г. Мы начали изнурительную работу с ориентирующимися на арабское население партиями, которые должны были участвовать в выборах. Их успех в значительной степени мог повлиять на окончательные итоги выборов. И если они добиваются хороших результатов, это значит, что в Израиле наступает новая эра, когда к власти приходит Партия Труда и ее союзники, как например, движение МЕРЕЦ, представляющее собой союз трех левых партий, занимающих прогрессивную позицию по палестинской проблеме. Как показали итоги съезда Партии Труда, ее политическая платформа также претерпела позитивные сдвиги и стала заметно отличаться от позиции блока Ликуд.

Предвыборная битва в Израиле требует очень точных расчетов: ведь каждый голос имеет значение, и, следовательно, он должен оказаться в нужном месте. А у нас есть возможности влиять на арабское население, которое втайне симпатизирует нам, но в то же время нуждается в нашей поддержке, особенно во время предвыборных баталий, чтобы добиться, хотя бы необходимого минимального успеха.

При выборах в кнессет двенадцатого созыва еще действовал избирательный закон, по которому партийный список получивший около двадцати тысяч голосов имел одно место. После этого барьера количество мест возрастало вдвое по сравнению с числом голосов, поданных за этот список. Однако потом этот закон изменили, чтобы исключить из выборов не имеющие влияния списки, которые попросту теряли голоса. По новому закону надо было получить сорок тысяч голосов, чтобы иметь два места. Если список не набирал такого количества голосов, то он терял и все остальные.

Среди арабского населения, которое насчитывает около семисот тысяч человек, имеется более трехсот тысяч избирателей. Чисто теоретически они могли бы избрать почти четырнадцать депутатов в кнессет. Но на практике получается, что 30 процентов из них не реализуют свое избирательное право. Таким образом, эти проценты отходят прежде всего к крупным партиям: Партии Труда, МЕРЕЦ и блоку Ликуд, а также к партии, к которой принадлежит министр внутренних дел, так как он несет ответственность за рабо-

ту социальной сферы в деревнях, где проживают арабы. Оставшиеся голоса распределяются среди арабских партий и партий, имеющих влияние на арабское население, как, например, коммунистическая.

Следует отметить, что египетское правительство в лице д-ра Усамы аль-База давно видело необходимость сближения арабских политических сил Израиля в целях получения возможно большего числа депутатских мест в кнессете. Поэтому оно выразило готовность оказать помощь и поддержку демократическому движению за мир и равноправие, которое объединило Коммунистическую партию и некоторых ее сторонников. В Движении участвовали как арабы, так и евреи. К этому спектру сил относятся также Арабская партия во главе с Абу аль-Вахабом ад-Дарауша и Прогрессивный список, возглавляемый адвокатом Мухаммедом аль-Миари.

Мы хотели, чтобы эти три силы чувствовали себя уверенно во время выборов, чтобы между ними не было конкуренции за голоса арабских избирателей, чтобы они не вступали в перебранку друг с другом, как это обычно бывает между соперничающими группировками. Поэтому в ходе наших встреч с представителями этих трех сил мы предложили совместную программу действий на период избирательной кампании:

1 – стороны принимают кодекс чести об отказе от агрессивности в отношении друг друга и о неучастии в перебранке в средствах массовой информации.

2 – Арабская партия и Прогрессивный список формируют единый избирательный список.

3 – Демократический фронт за мир и равноправие и единый список двух партий заключают соглашение о лишних голосах.

4 – Мы принимаем меры, чтобы убедить исламские группировки не отказываться от участия в голосовании, так как бойкот выборов отвечает интересам сионистских партий.

5 – Мы берем на себя обязательства по оказанию политической и информационной поддержки нашим трем партнерам.

Затем был разработан проект соглашения между Прогрессивным списком и Арабской партией, гарантирующий права каждой из сторон по следующей формуле:

- Если лидер списка из партии А,
- то список Б получает второе и третье место,
- а четвертое место предоставляется кандидату из списка А или независимому и т.д.

Голоса арабских избирателей позволили Рабину одержать внушительную победу над Ицхаком Шамиром и сформировать правительство. И все же значение голосов арабских избирателей и арабских депутатов в кнессете заключается лишь в том, что они воспрепятствовали Шамиру возглавить правительство. Однако эти голоса не обеспечивают левым кворума при формировании кабинета министров, поскольку ни один премьер-министр Израиля не может опираться на поддержку депутатов-арабов. Так как исторически они находятся вне рамок национального согласия. И это при том, что голоса депутатов-арабов имеют количественное значение при получении вотума доверия.

Результаты выборов свидетельствовали о серьезном поражении правых, которые управляли Израилем в течение пятнадцати лет. Шамир решил уйти из политической жизни страны и объявил сынам израилевым о смерти сионистской доктрины. Его примеру последовал Моше Аренс. Он также заявил об уходе на покой, стараясь при этом отмежеваться от неразумной политики блока Ликуд за прошедшие годы. Бросая упреки в адрес Шамира, он сказал: "Израиль не должен продолжать политику оккупации всех земель. Шамир несет вину за медлительность переговоров по автономии. Это и привело к поражению Ликуд". Затем Аренс добавил: "Я никогда не участвовал в движении за Великий Израиль, т.е. за такой Израиль, который включал бы оккупированные территории".

Вот так обстояло дело с блоком Ликуд. Что касается других правых и религиозных партий, то большинство из них поспешило вступить в переговоры с Рабином о получении министерских постов. Войти в состав правительства прежде всего хотели религиозные партии, такие как ШАС и Иегудат Ха-тора, которые стремились получить финансовые средства для поддержки своих религиозных школ и организаций.

В период подготовки и проведения выборов в кнессет тринадцатого созыва мы стали распространять идею о создании закулисного канала связи в целях содействия переговорному процессу в Вашингтоне. В других местах этой книги мы рассказываем о наших попытках осуществить эту идею. Ведь горький опыт, который мы приобрели в течение пяти раундов переговоров с Ликудом, обязывал нас без колебаний заняться поисками тайного канала для контактов, в ходе которых можно было бы обмениваться взглядами в более свободной и неформальной обстановке, избегая какого-либо контроля. Мы серьезно задумались над этой идеей, хотя и надеялись, что с победой лейбористов и их союзников переговоры

примут более активный характер и появятся новые предложения. Однако наши надежды оказались преждевременными.

Правительство сменилось, но делегация на переговорах осталась прежняя. В этом мы видели плохой знак и зловещее предостережение, поскольку Ильяким Рубинштейн, который вел с нами переговоры при правительстве Ликуда, продолжал оставаться нашим партнером по переговорам при правительстве Партии Труда. Как бы он ни пытался сменить кожу, мысли и тональность речи, все равно он не мог воспринять новое. Он, как чиновник, должен был выполнять указания. И здесь многое зависело от его личных качеств, даже если он и пытался подделаться под взгляды своих новых начальников.

Помню, как-то я встретил в Каире Стива Когена, одного из приближенных к Шимону Пересу. Мы обменялись мнениями по вопросу о содержании переговоров и пришли к единой точке зрения по вопросам правовой основы, названия избираемого совета и его полномочий. Я попросил Когена сообщить нашу общую позицию Пересу. Он согласился. Таким образом, единственное, что он должен был сделать, это вылететь в Вашингтон, чтобы проинформировать о наших идеях палестинскую и израильскую делегации. Со своей стороны, я убедил Набиля Шаата положительно отнестись к этим идеям, когда Коген их представит. Так оно и случилось. Однако, когда те же самые предложения были высказаны Рубинштейну, он решительно отверг их и обозвал Когена неприличными словами, заявив, что ни Коген, ни Перес не могут давать ему указания. Наша инициативам таким образом, ни к чему не привела.

Я всегда полагал, что в странах с утвердившимися традициями и институтами, субъективный или личностный фактор прекратил свое существование. Я также считал, что такие факторы существуют только у нас, жителей третьего мира. Однако, теперь я со всей очевидностью заявляю, что субъективный фактор присутствует везде, имея различные формы и проявления, и его нельзя игнорировать. Он также не исчезает с укреплением института государства, демократических основ в обществе, с повышением экономического и культурного развития.

С началом шестого раунда переговоров 24 августа 1992 г. международное сообщество и арабский мир находились в состоянии оптимизма. Оно было связано с приходом к власти в Израиле политического альянса, который руководствовался программой, нацеленной на прямое участие в политических переговорах с арабскими странами на основе резолюции СБ ООН 242 и 338 и предо-

ставления уступок на различных региональных направлениях, включая палестинское. В политических кругах считали, что существенные перемены в Израиле положительно скажутся на характере переговорного процесса. Поэтому от шестого раунда ожидали чего-то особого, тем более, что израильское правительство согласилось продолжать переговоры в течение более длительного периода, чем тот, который предлагало бывшее правительство. Оно также дало согласие на возобновление переговоров в Вашингтоне после того, как было решено созвать их в Риме. Этот факт также вселял больше оптимизма, поскольку американская администрация являлась спонсором и играла особую роль в переговорном процессе. Позитивным моментом во всем этом было и то, что переговоры начинались накануне президентских выборов в США.

Однако в действительности дела пошли в другом направлении. Это объяснялось тем, что американская администрация объявила о решении предоставить гарантированные кредиты на сумму десять миллиардов долларов, разрешить израильскому правительству завершить строительство одиннадцати тысяч жилых домов в поселениях на оккупированных территориях, включая Иерусалим. Данное решение, как превентивный удар, обрушилось на палестинскую сторону. Затем выборы американского президента отвлекли внимание от шестого раунда переговоров. С победой Клинтона переговоры прервались на десять дней. Затем делегации вновь вернулись для участия в переговорах, ожидая прихода новой американской администрации вместо той, которая с самого начала наблюдала за ходом политического процесса. Мы считали, что смена американского руководства не должна изменить его подходов к стратегическим проблемам, одной из которых и являлся политический процесс по урегулированию ближневосточного конфликта. Что касается израильской делегации, то она решила использовать период смены американской делегации для затягивания переговоров, ухода от серьезного и глубокого изучения вопросов урегулирования, предложенных к обсуждению.

В ходе подготовки к этому раунду палестинское руководство провело несколько продолжительных заседаний. В результате оно приняло только одно решение, которое обязывало палестинскую делегацию предложить концентрировать все внимание на вопросе о выполнении резолюций 242 и 338, являющихся основой для начавшегося мирного процесса. При этом следовало подчеркивать, что всеобъемлющее урегулирование подразумевает полное выполнение этих резолюций, что переходный период ограничивается

временным рубежом и затем переходит в окончательный вариант урегулирования, предусматривающий полный вывод израильских войск и создание независимого палестинского государства.

Это решение палестинского руководства, выполнение которого возлагалось на нашу делегацию, явилось ответом на бескомпромиссную и несерьезную позицию в отношении переговоров. Затягивание переговорного процесса заставило нас серьезно задуматься о поиске других способов ведения переговоров, отличных от того, который применялся в данный момент. Мы стали думать о возможности ведения неофициальных переговоров, которые практически и начались на этом раунде. На самом же деле, за нашим стремлением начать неофициальные переговоры, скрывалась глубоко засевшая в наших умах идея о поиске тайных переговорных каналов.

Мы считали, что такой способ ведения переговоров позволит избавиться от протокольных формальностей, отложить в сторону официальные заготовки, которые сковывали участников переговоров, а также даст возможность каждому человеку говорить свободно, раскрывая свои природные данные. Таким образом можно будет вычленивать вопросы, представляющие взаимный интерес, которые передаются затем для обсуждения на официальных заседаниях. А это означало, что официальные переговоры продолжаются, не прерываясь, и вместе с ними действуют и неофициальные комиссии.

Израильская сторона приветствовала и приняла наше предложение. Были сформированы три неофициальные комиссии для обсуждения следующих тем:

- концепция
- территория
- экономика и права человека.

В протоколах заседаний седьмого раунда отмечалось, что эти комиссии провели несколько встреч и что палестинская делегация стремилась выяснить глубину намерений израильской делегации, прозондировать ее позицию. С этой целью она выдвигала практические вопросы, обсуждение которых давало возможность лучше понять замыслы израильской стороны. Палестинская делегация в ходе неофициальных встреч сконцентрировала внимание на темах, внесенных в переговорный план. При этом она исходила из таких предпосылок, что вся территория передается нам, что переходный период является началом процесса, который нельзя повернуть назад. Следовательно, за ним следует этап окончательно-

го урегулирования, в котором будет осуществлено право на самоопределение, а также законодательные и юридические права. Полномочия нашего законодательного совета будут распространяться на всю палестинскую территорию, включая Иерусалим. Оккупационная администрация передает всю полноту власти временному правительству, которое распространяет свои полномочия на все сферы жизни за исключением согласованных вопросов, связанных с внешней безопасностью и международными отношениями. Делегация руководствовалась переговорной теорией, в основе которой лежал принцип – все нам. Если хотите, то будем обсуждать исключения. Этот принцип и был той нитью, который связывал обсуждение всех вопросов.

Седьмой раунд переговоров закончился, но никакого прогресса мы не заметили. Возлагаемые нами надежды на изменение тактики переговоров также не оправдались. Неофициальные комиссии не изменили ни план работы, ни ее методов. Единственно, что произошло, так это то, что обе делегации разделились на три группы, каждая из которых занималась рассмотрением какой-то одной темы. Члены этих групп встречались в определенное время для дискуссии, вели протокол и записывали особые мнения. Как мы видим, желаемых перемен не наступило. Эксперимент с неофициальными встречами потерпел фиаско, так как стороны не смогли осознать главную цель подобных контактов.

Итак, нам становилось ясно, что, несмотря на год работы, переговоры зашли в тупик. Ответственность за это несла израильская сторона, которая не выполняла даже первоочередные обязательства в отношении принципиальной основы переговоров. Протестуя против итогов предыдущих раундов, против твердолобой позиции Израиля, выражая разочарование в связи с невыполнением обещаний, содержащихся в приглашении и письменных заверениях, палестинское руководство приняло решение сократить количество членов делегации до четырех – пяти человек.

Восьмой раунд переговоров продолжался всего шесть дней, потому что наша делегация попросила сделать перерыв в связи с пятой годовщиной начала интифады. Другие арабские делегации также отмечали эту годовщину, поэтому все двусторонние переговоры остановились. Вновь переговоры были прерваны, когда 17 декабря 1992 г. израильские власти депортировали четыреста пятнадцать палестинцев – членов движения "Хамас" на ливанскую территорию в районе границы. В такой накаленной обстановке закончился восьмой раунд. Дискуссия по основным вопросам этого

раунда оказалась бесполезной. Мы подняли вопрос о депортированных также в ходе встречи с президентом Бушем и во время беседы в госдепартаменте США. Нашей делегации были даны указания активно следить за ходом дискуссии в Совете Безопасности, чтобы гарантировать принятие резолюции 799, призывающей к возвращению депортированных в Мардж аз-Захур на юге Ливана.

Восьмой раунд закончился. Делегации разъехались, не назначив срок будущих встреч. Было ясно, что отпуск продлится долго, т.е. переговорный процесс застопорится на неизвестное по длительности время. Это не могло не повлиять на общую ситуацию в районе Ближнего Востока. Народы региона почувствовали, что наступили трудные времена, и никто не мог предсказать, чем они закончатся. Интифада продолжалась, напряженность нарастала день ото дня.

Сложившаяся обстановка как в целом, так и в деталях была в поле зрения израильского правительства, которое также испытывало беспокойство. Надо сказать, что проблемы, стоявшие перед руководством Израиля, не на много отличались от тех, с которыми сталкивались мы. Невозможно было скрыть разногласия между Рабином, который контролировал двухсторонние переговоры и Пересом, который руководил многосторонними переговорами и не мог вмешиваться в двухсторонние.

Что касается нас, то мы все больше убеждались, что вашингтонские переговоры заходят в тупик. Поэтому мы обратились к Рабину и Пересу с предложением о проведении тайных контактов, чтобы вывести переговоры в Вашингтоне из кризиса. Несмотря на отрицательный ответ Рабина, мы сделали несколько таких попыток, прибегая к помощи египтян и русских.

После нашей инициативы в 1988 г. была создана советско-палестинская комиссия по координации действий, которая ежемесячно собиралась то в Москве, то в Тунисе. Эта комиссия продолжала свою работу вплоть до развала Советского Союза, преемником которого стала Российская Федерация.

Несмотря на ослабление роли России в международных делах из-за переживаемых экономических, финансовых и социальных трудностей, мы сохранили уровень и серьезный характер отношений с нею. В России мы всегда видели одного из спонсоров как двусторонних, так и многосторонних переговоров, имеющего официальную и прямую связь с переговорным процессом и осуществляющего с нами официальные контакты. Мы прибегали к помощи российской стороны, чтобы передать американцам и изра-

ильтянам наши соображения и предложения. Русские всегда добросовестно передавали наши предложения, стараясь разъяснить их другим сторонам.

Мы просили российских представителей обсудить с израильтянами возможности создания секретного канала в Москве, имея в виду, что Россия будет играть роль гостеприимного хозяина и спонсора. Они приложили много усилий в этом направлении, но ответ Переса был следующим: "Достаточно того, что мы имеем сейчас". Однако мы продолжали обращаться с этим предложением, используя различные поводы. Наконец, мы получили ответ от Переса уже тогда, когда действовал канал Осло. Он сказал, что русские поняли, что переговоров в Вашингтоне достаточно. Я конечно, поблагодарил российскую сторону за проделанную работу и не стал комментировать ответ Переса.

Принципы американской позиции наглядно прояснились в ходе развития мирного процесса и сводились к следующему: твердое соблюдение положений, зафиксированных в приглашениях и в гарантийных письмах, цель переговорного процесса – передача власти палестинскому народу, прекращение израильской оккупации и установление новых отношений между двумя народами, переходный период является составной частью мирного процесса, и его следует рассматривать в контексте резолюций 242 и 338 как часть всеобъемлющего урегулирования; резолюции 242 и 338 являются основой всеобъемлющего урегулирования. США также призывали обратить внимание на вопрос избрания власти, считая выборы практическим путем достижения политической власти.

На встречах в госдепартаменте мы обсуждали с американцами и вопросы, которые выходили за рамки переговорной темы, в частности, такой вопрос, как экспансионистская практика Израиля на оккупированных территориях. Эти дополнительные дискуссии способствовали продвижению вперед как переговоров, так и самого мирного процесса. На фоне этой картины со всеми ее деталями Шимон Перес пошел на авантюру, направив двух своих представителей с целью установления неофициальных контактов с делегацией ООП на многосторонних переговорах в Лондоне. По прибытии, эти два человека связались с нами, сказав, что они два ученых, которые хотят помочь активизировать мирный процесс. Вот так зарождался канал Осло во время длительного перерыва, когда было достаточно времени, чтобы каждая сторона убедилась в намерениях другой, вдали от взоров Вашингтона и участников проходивших там переговоров, без каких-либо заранее принятых обя-

зательств. Пяти месяцев, которые разделяли восьмой и девятый раунды, хватило для того, чтобы пощупать пульс друг друга, убедиться в глубине взаимной искренности, выявить позиции и намерения сторон. Что было, то было. Начался девятый раунд переговоров в Вашингтоне. А к этому времени мы уже провели более четырех месяцев в интенсивных и обстоятельных переговорах в Осло.

Август 1993 г. стал решающим. Переговоры в Вашингтоне оказались в сложной тупиковой ситуации, когда палестинцы и израильтяне перестали понимать друг друга, а американские варианты уже не содержали каких-либо новых идей, способных сблизить позиции сторон. Вашингтонское направление оказалось парализованным. Американцы оказались бессильны привести процесс в движение. Об этом свидетельствовал безрезультатный визит Кристофера в регион, когда ему не удалось разрекламировать американский проект из-за больших разногласий между сторонами. В Осло также не было никакого движения в результате возникших трудностей, из-за которых этот канал едва не прекратил свое существование. Нам казалось, что сильный порыв ветра подхватил весь мирный процесс. Наши надежды, связанные с обоими каналами, стали исчезать. Мы почувствовали, что нас ждет полный провал.

В Израиле руководство мучительно решало вопрос – чему же отдать предпочтение Вашингтону или Осло? Рабин, от которого зависело решение, даже после визита Кристофера считал, что делать ставку надо на Вашингтон. По его мнению, переговоры в Вашингтоне таили меньше опасностей, чем контакты в Осло, поскольку они проходили под взором американского пастыря и на условиях, определенных в Мадриде с согласия Ликуда, и в рамках которых продолжала действовать Партия Труда. Самый же главный плюс вашингтонских переговоров Рабин видел в том, что США, по крайней мере, формально исключили из процесса ООП, взаимодействуя только с палестинцами с оккупированных территорий.

Борьба двух тенденций в Израиле особенно обострилась в период между девятым и десятым раундами, когда американцы представили свой вариант совместного заявления в ходе девятого раунда и свой проект рабочей программы десятого раунда. Мы, со своей стороны, понимали, что предложенные американцами документы не приведут переговоры к желаемым результатам. Однако мы хотели, чтобы и израильтяне были убеждены в этом. И я полагаю, что они в конце концов пришли к такому же заключению. Им

стало ясно, что надежда на достижение соглашения находится в Осло, тем более, что собравшиеся там представители выработали хорошую для него основу, и им лишь оставалось обсудить еще несколько деталей, чтобы придать проекту Декларации принципов окончательную форму, готовую к подписанию. Хотя это и не исключало возможности того, что, при желании, любая сторона могла бы воспрепятствовать разработке этого проекта, возражая против хотя бы одного пункта, главного или второстепенного, если бы у нее не было искреннего намерения и твердого желания добиться результата, или, наоборот, если бы перед ней был другой выбор. Однако выбора уже не было, а сильное желание договориться было у каждой стороны. В усилиях Вашингтона они разочаровались и устремили свои взоры к Осло.

Подход арабских делегаций к многосторонним переговорам не отличался особым энтузиазмом и целеустремленностью. Сирийцы, вслед за ними и ливанцы, заняли жесткую позицию в отношении многосторонних переговоров, отказавшись от участия в них без каких-либо ясных причин. Они попытались заручиться широкой поддержкой в арабском мире, но это у них не получилось. Тогда они стали подстрекать палестинцев на выход из переговорного процесса, чтобы создать более широкий фронт для укрепления своей позиции.

Участие палестинских представителей в деятельности рабочих групп сводилось прежде всего к тому, чтобы разъяснять нашу позицию в каждой группе, а также, чтобы выяснить перспективы двусторонних переговоров, возможности достижения на них позитивных результатов, которые могли бы содействовать прогрессу многосторонних переговоров. Участие же израильской делегации можно расценить как негативное, так как оно, в основном, сводилось к тому, чтобы оправдывать свое отсутствие и бойкот заседаний рабочих групп по экономическому развитию и беженцам. Шесть рабочих групп собирались на свои заседания в период с 11 по 27 мая 1992 г. в Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Оттаве, Токио и Лиссабоне. Они обсуждали жизненно важные аспекты палестино-израильского и арабо-израильского конфликта, касающиеся водных ресурсов, беженцев, экономического развития, окружающей среды, безопасности и контроля над вооружениями и координационного комитета.

ООП оказывала заметное влияние на деятельность рабочих групп. Во главе делегаций в группах по экономическому развитию и по беженцам стояли видные палестинские деятели, занимающие

важные посты в аппарате ООП. Когда нам не дали возможности участвовать в заседаниях рабочей группы по безопасности и контролю за вооружениями, мы все же направили свою делегацию в эту группу. И хотя ее членам не позволили присутствовать в зале заседаний, они сумели установить контакты с другими делегациями, включая американскую, стараясь разъяснить важность палестинского участия в этой группе.

Заседания рабочих групп в рамках второго раунда многосторонних переговоров проходили в шести мировых столицах в период между 18 сентября и 4 декабря 1992 г. В Москве 18–19 ноября состоялись заседания группы по безопасности и контролю за вооружениями, на которых нашей делегации запрещалось присутствовать, так как она не представляла государство. Однако перед началом работы этой группы американцы сообщили нам, что они готовы допустить нашу делегацию, включая палестинцев диаспоры, на заседания, если мы согласимся отстранить от участия в работе групп по экономическому развитию и беженцам их председателей Юсефа ас-Саига и Ильяса Санбара, поскольку оба являются видными деятелями ООП и поэтому израильтяне не хотят присутствовать на заседаниях этих групп.

Американцы, однако, сняли свое предложение, не дожидаясь нашего ответа. Этот вопрос был поднят также министром иностранных дел Египта Амром Мусой на переговорах с его коллегой Шимоном Пересом в Израиле. Перес выдвинул три условия, при которых Израиль был готов участвовать в заседаниях рабочих групп по экономическому развитию и беженцам и не возражал бы против присутствия на них палестинцев, представляющих как жителей оккупированных территорий, так и диаспору. Эти три условия сводились к следующему:

- среди членов палестинской делегации не должно быть жителей Иерусалима;
- среди членов палестинской делегации не должно быть депутатов Национального Совета Палестины;
- Ас-Саиг и Санбар должны уйти с поста председателя в своих комиссиях и оставаться рядовыми членами палестинской делегации.

Палестинское руководство, рассмотрев возникший вопрос с учетом этих трех условий, направило 20 октября 1992 г. министру Амру Мусе письмо для передачи Пересу, в котором говорилось:

Без ссылки на итоги обсуждения в Вашингтоне между палестинской делегацией и американской администрацией (Дан Керт-

цер) по вопросу о палестинском участии в группах многосторонних переговоров мы предлагаем следующее:

1. – Председатели групп по экономическому развитию и беженцам не будут принимать участие только в одном раунде.

2 – Взамен этого палестинская сторона будет участвовать во всех рабочих группах многосторонних переговоров, включая и группу по безопасности и контролю за вооружениями.

Это письмо, подписанное Абу Аммаром, было направлено послу ООП в Египте Саиду Камалю, который 22 октября 1992 г. прислал ответ, где со ссылкой на посла Набиля Фахми, говорилось, что Шимон Перес сообщил о намерении Израиля принять участие только в этом раунде многосторонних переговоров и что в дальнейшем израильтяне определят свою позицию в отношении следующего раунда, исходя из новой ситуации.

Благодаря обмену этими письмами, была достигнута договоренность о форме участия палестинцев, а израильтяне согласились работать в группе по экономическому развитию, заседания которой они прежде игнорировали.

В эти два дня проходили важные встречи с представителями американской администрации. Наиболее важная из них состоялась 21 октября 1992 г. в госдепартаменте между Джереджаном и Ханан. На ней обсуждалась концепция участия палестинцев в многосторонних переговорах. Ниже приводится протокольная запись состоявшейся беседы:

Джереджан: Русские сообщили нам очень интересную информацию об их консультациях с палестинскими руководителями в Москве.

Ханан: Имеется в виду, с Абу Мазеном.

Джереджан: Да, с Абу Мазеном, о концепции участия палестинцев в многосторонних переговорах. Хотелось бы узнать, о чем там говорили. Мы слышали несколько интерпретаций. Если вашей целью было поставить сопредседателей в затруднительное положение, то вы ее достигли.

Ханан: Не знаю, хотите ли вы услышать наш ответ сейчас, или в следующий раз.

Джереджан: Надеюсь, у вас есть позиция.

Ханан: Позиция у нас есть. Мы обсуждали этот вопрос как с вами, так и в других местах. Этот вопрос обсуждался неоднократно. Мы его почти решили. Наш текст отличается от того, что мы получили от Амра Мусы. Этот вопрос можно решить быстро.

Джереджан: Вы будете настаивать на этом пункте?

Ханан: Да, но мы могли бы вновь обсудить это попозже сегодня.

Джереджан: (после разговора о полиции) Безопасность – очень важный вопрос. Мы и раньше обсуждали это, и после Мадрида. У нас есть основания считать, что израильтяне готовы дискутировать этот вопрос с вами. В связи с этим хочу сказать, что мы беседовали с вашими людьми в Иерусалиме о необходимости подготовки высококлассных палестинских специалистов в области административного управления. Мы планируем развивать это направление на парижских переговорах в рамках рабочей группы по экономическому развитию, а также на двусторонней основе между США и палестинцами, если дела пойдут успешно. Скоро вы должны будете взять на себя некоторые функции, а у вас нет никакого опыта, чтобы с этим справиться. А что касается многосторонних переговоров, то прошу разъяснить ваши позиции.

Ханан: По поводу переговоров. В беседах с Амром Мусой израильтяне говорили, что в них участвуют два наших представителя, являющихся членами НСП, поэтому они не должны присутствовать на заседаниях. А третий представитель (не назван) не приемлем. Передо мной неофициальный проект. (Ханан Ашрауи процитировала неофициальный проект, в котором говорится об участии палестинцев диаспоры во всех рабочих группах). Парижская группа согласилась с этим. Наша группа все еще колеблется из-за неясной формулировки. Мы думали об этом. Так как эта тема еще не закрыта, нет необходимости в немедленном ответе по безопасности, разоружению, водным ресурсам.

Джереджан: Ваша позиция такова: члены НСП будут отсутствовать только на одном раунде.

Ханан: Мы решительно против ссылки на членство в НСП. Мы хотим четко заявить, что не примем никаких предварительных условий. Я еще раз говорю: не может быть никаких предварительных условий.

Кертцер: В понедельник заседает рабочая группа по окружающей среде, в четверг по экономике. От вас – палестинцы в изгнании, включая двух членов НСП, а израильтяне еще не ознакомили нас (с порядком?). Мы объяснили израильтянам, что не будем играть роль полицейского (по выполнению) соглашения, содержания которого мы не знаем; начиная с понедельника, если в группе по окружающей среде появятся палестинцы диаспоры, мы не позволим им войти. Будет лучше, если вы договоритесь с израильтянами.

Ханан: Мы выясним сегодня или завтра. Трудности есть. Заявил ли Перес, что они поедут в Париж?

Кертцер: У них нет ответа по поводу присутствия на заседании членов НСП. Мы им сказали, что если появится Юсеф Саиг, то мы выведем его из зала заседания.

Ханан: Попытаемся решить этот вопрос. Между прочим, проблема возникла впервые. Мы подходим к этим вопросам довольно односторонне. В наших обсуждениях мы ограничились лишь Юсефом и Илиа, а они говорили еще об одном человеке.

В столице Канады Оттаве 11–12 ноября проходили заседания рабочей группы по беженцам. Глава израильской делегации протестовал против присутствия в зале заседаний д-ра Мухаммеда аль-Халляджа, заместителя главы палестинской делегации. Израильянин требовал его отстранения от участия в переговорах под предлогом, что он член НСП. Поскольку каждая делегация твердо настаивала на своей позиции, израильяне прибегли к бойкоту работы группы. Несмотря на это, д-р Аль-Халлядж выступил от имени нашей делегации в зале заседаний, затем созвал пресс-конференцию, где, отвечая на один вопрос, заявил: "Да, я участвовал в предыдущих сессиях НСП. Это не является секретом, и известно всем. Я не подавал в отставку, и меня не выводили из Совета. И если меня пригласят на последующие сессии НСП, я приму в них участие". Выход из создавшейся ситуации предложил американский представитель.

Чтобы вернуть израильского делегата в зал заседаний, сказал он, я должен убедить его в том, что Аль-Халлядж больше не является членом НСП, а сам Аль-Халлядж должен заявить, что он принимал участие в последней сессии НСП, так как его членство было действительно только на срок этой сессии, хотя это и не означает, что он не может быть членом последующих сессий, если будет приглашен. Благодаря этому предложению, израильский представитель явился на заседание группы в последний день ее работы. Ниже расскажу дословно как была решена проблема участия Израиля в рабочей группе по беженцам:

Американец: "После обстоятельной дискуссии с делегациями я рад, что израильская делегация и палестинская сторона в совместной иордано-палестинской делегации присутствуют на этом заседании.

В ходе консультаций я понял, что срок членства д-ра Аль-Халляджа в НСП закончился с окончанием последней сессии Со-

вета в 1991 г. Следовательно, в настоящее время он не является членом НСП.

Аль-Халлядж: "Как заявил спонсор, я участвовал в последней сессии НСП в соответствии с установленным порядком. Я считался членом НСП только на этой сессии. Однако это не означает, что я не смогу участвовать в последующих сессиях Совета".

Израильянин: "В связи с тем, что я услышал от спонсора, заявившего, что с окончанием работы последней сессии НСП д-р Аль-Халлядж не является больше членом Совета, Израиль будет рад принять участие в сегодняшнем заседании".

С подписанием Декларации принципов начался новый этап, который, несомненно, окажет воздействие на все последующие встречи. А все, что произошло на многосторонних переговорах, которые взяли старт после встреч в Москве, останется в прошлом. Ведь после московских переговоров мы участвовали в работе всех групп. Получили право представлять нашу сторону и палестинцы извне, и деятели, занимающие важные посты в ООП. Наши делегации могли выдвигать на обсуждение любые проблемы, волнующие палестинский народ. В ходе позитивного развития многосторонних переговоров, в потоке побед и поражений многие из тех, кто был в оппозиции, стали забывать причины своей оппозиционности.

ГЛАВА 7

РОЛЬ НОРВЕГИИ

Кому–то, возможно, покажется странным и необычным, если сказать, что карлик может совершать чудеса, которые не по силам великану. Если мы захотим найти Норвегию в списке влиятельных государств мира, то нам это не удастся. Не найдем мы упоминания о ней среди могущественных и влиятельных сил ни в современном мире, ни в древнем. Но несмотря на это, Норвегии удалось сделать то, чего не смогли сделать великаны.

Мы запишем события, связанные с переговорами в Осло, в виде исторического документа, который стал одним из важнейших достижений двадцатого века.

Осло стало тайным центром для проведения закулисных палестино–израильских переговоров не по нашей воле, и, как я думаю, не по воле израильтян. Инициатива исходила от норвежской стороны, которая сначала направила такое предложение израильтянам, и те, в принципе, приняли его. Затем состоялась встреча в Лондоне, где было достигнуто взаимопонимание между израильтянами и палестинцами по этому вопросу. После встречи мы убедились, что норвежцы проявили высокое мастерство, чтобы собрать на своей земле закоренелых врагов. Следует, однако, сказать, что в принципе идея о секретном канале не была новой ни для нас, ни для израильтян. Она прокладывала себе дорогу различными способами и исходила от разных сторон, например, от египтян и русских. Но в то время она еще не созрела. И вот ее позаимствовали норвежцы, поработали над ней и, наконец, осуществили.

Все три стороны взяли на себя сложнейшую задачу по обеспечению строжайшей секретности. Израильтяне и палестинцы должны были предпринять максимум усилий, чтобы сохранить в глубокой тайне свои передвижения. Конечно, главную ответственность за организацию секретных контактов на своей территории взяли на себя норвежцы. Они должны были сделать все, чтобы связанная с этими замыслами активность не привлекла внимание иностранных посольств, разведок, прессы, информационных агентств. Казалось, что выполнить эту задачу невозможно. Однако норвежцы успешно с ней справились, избрав тактику переездов из

одного места в другое. Ни разу не было так, чтобы в одном месте или даже в одном городе состоялось два заседания. Они также ограничили число своих представителей, участвующих в этой операции, которые сузили круг своего общения, дабы избежать утечки информации к своим коллегам из министерства иностранных дел или из других ведомств.

Если какое-то государство разработало определенный политический курс, это еще не значит, что данный курс приведет к успеху. Этот принцип находит свое яркое подтверждение, когда мы говорим о странах третьего мира.

Но не следует его отрицать и при оценке ситуации в странах второго и первого мира, так как субъективный человеческий фактор играет почти решающую роль в определении и осуществлении этого политического курса.

К счастью, норвежская команда, которая проявляла заботу о переговорах, обладала высокой степенью энтузиазма, заинтересованности и целеустремленности. Она страстно желала добиться успеха. Возможно, для некоторых членов команды главный стимул заключался в том, чтобы получить политические дивиденды и завоевать международный авторитет. И все же только этим никак нельзя объяснить те усилия, которые приложила эта команда к выполнению своих обязанностей. Им пришлось работать в неестественных для скандинавов условиях. Ведь они привыкли к своему особому порядку работы и образу жизни, который совершенно не похож на наш. Несмотря на это, они быстро привыкли к нашим обычаям и традициям в отношении к работе. Они настолько подладились к нашему распорядку, что стали работать даже по ночам. Иногда, не делая перерыва, оставались и днем, чтобы никоим образом не сорвать переговорный процесс. Все это свидетельствует о том, что причина такой самоотдачи заключалась не в погоне за политической выгодой или международным престижем для государства или отдельных лиц, а во внутреннем побуждении и в искреннем желании способствовать осуществлению мирного процесса на Ближнем Востоке. Очень часто чувства разочарования и безнадежности охватывали норвежских представителей, когда переговоры, проходившие на их территории, заходили в тупик. Однако они ни на минуту не теряли надежду на их успешное завершение.

Итак, можно сказать, что в Норвегии были обеспечены два основных условия, гарантирующие успех любого дела. Одно из условий – это, когда государство концентрирует свою политику на решении соответствующей проблемы, и второе, – когда для дости-

жения намеченной цели назначаются люди, целиком посвящающие себя обеспечению успеха своего дела. Можно сказать, что норвежцы перевыполнили поставленное перед ними задание. Они не только сыграли роль гостеприимного хозяина, заботящегося об отдыхе участников переговоров, сохранении атмосферы секретности вокруг них и выполняющего задачу прямого посредника между действующими сторонами, содействуя сближению точек зрения, предлагая идеи, альтернативы и сценарии. Они также взяли на себя роль полноправного участника этих переговоров в полном смысле этого слова. Более того, они не ограничились своими усилиями на территории страны. Каждый раз, когда появлялась необходимость придать новый импульс переговорному процессу, ознакомиться на месте с позицией руководителей обеих сторон, убедить их в правильности своих предложений, норвежцы совершали поездки между Тель-Авивом, Тунисом и Вашингтоном.

Норвежскую команду возглавил министр иностранных дел Йорген Хольст. Однако казалось, что не только назначенная команда, а весь персонал министерства посвятил себя выполнению возложенной миссии. Такое впечатление складывалось потому, что министр, будучи уверенным в своих высококвалифицированных сотрудниках, сам внимательно следил за ходом переговоров, осуществлял контакты с заинтересованными сторонами, совершал необходимые поездки, сохраняя тайный характер своей миссии. Он очень умело пускал пыль в глаза представителям средств информации, иностранных разведок, скрывая истинные причины таких визитов. Норвежские руководители смогли создать благоприятные условия на переговорах не только для сближения позиций сторон, но и для формирования человеческих отношений между членами двух делегаций с тем, чтобы зарождающийся в Осло процесс существования и взаимопонимания распространялся в будущем на оккупированные территории.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что переговоры – это не сухая политическая дискуссия, а смесь из различных интересов, чувств, ощущений, плавящихся в одном тигле. Любые переговоры, в конце концов, заканчиваются или абсолютным взаимопониманием, или полным разрывом. И если мы лишим переговорный процесс человеческого фактора, то он останется без души, даже если соглашения будут достигнуты. Такие соглашения все равно будут нуждаться в духовной и моральной поддержке, чтобы быть выполненными. Без малейшего сомнения мы можем сказать, что с этой задачей норвежская команда успешно справилась.

И министр, и его сотрудники, разделившие с ним ответственность за ход переговоров, работали с одинаковой степенью энтузиазма и желания добиться результатов. Подчиненные не ублажали и не копировали министра, выполняя порученное дело, а были равноправными участниками возложенной на всех миссии, работая с одинаковым энтузиазмом и целеустремленностью.

Терри Ларсен и его жена Мона, директор канцелярии министра, как раз и представляют собой пример таких бескорыстных сотрудников министерства иностранных дел, которые расценивали успех переговоров как свое личное и семейное дело. Я не могу забыть, как, однажды, Ларсен расстроился до слез, когда почувствовал, что переговоры оказались на грани провала. Думаю, что он переживал не потому, что не справился с поставленной задачей, а потому, что мирный процесс, в который он верил и над осуществлением которого он работал, мог зайти в тупик. Вот он, этот человеческий фактор, который создал особую атмосферу на переговорах, способствовавшую их успешному завершению. И мы благодарны за это нашим норвежским друзьям.

Норвежские дипломаты распространили ауру переговоров даже на своих жен и детей, чтобы и они почувствовали, возможно, не осознавая этого, свою причастность к важнейшим историческим мгновениям. Мы поняли это, когда нас приглашали в норвежские семьи, где каждый взгляд, каждое рукопожатие выражали теплоту сердец наших хозяев. Им удалось собрать под одной крышей старых врагов, создав для них теплую семейную обстановку, свободную от протокольных формальностей и предвзятостей. Подобное человеческое отношение вызвало в наших душах самый глубокий отклик и удвоило наш энтузиазм, направленный на достижение соглашения.

Министр Хольст за это время дважды ложился в больницу с сердечным приступом. Однако, несмотря на физические страдания, он продолжал следить вместе со своими товарищами за ходом мирного процесса даже после подписания соглашения, заботясь о том, как оно будет выполняться на практике. Норвежцы не ограничились своей моральной и политической ответственностью церемонией подписания соглашения в Вашингтоне. Они продолжали оказывать влияние на обе стороны, чтобы убрать любое препятствие, стоящее на пути практического осуществления достигнутых договоренностей.

Если палестинцы и израильтяне были виновниками торжества, проходившего на лужайке Белого дома, а Клинтон, члены его

администрации, другие бывшие и нынешние американские руководители выступали в роли его организатора, то Хольст был крестным отцом этого события, на которого все смотрели с восхищением, уважением, а иногда и с завистью.

Ведь многие хотели бы быть на его месте и осуществить его миссию.

Однажды кто-то из нас сказал: "Летопись гласит, что палестинцы происходят от османов. Так значит ли это, что палестинское гражданство получают только те, у кого палестинские предки?". И сам же ответил на этот вопрос: "После такой длительной и напряженной борьбы, в которой участвовали не только арабы, но и представители многих народов, жертвовавшие собой, своим временем, своими средствами, думаю, что нельзя дать палестинское гражданство только тем, у кого были палестинские предки. Сегодня быть палестинцем – значит не только иметь палестинские корни и соблюдать заветы предков. Ведь в памяти наших поколений навсегда останутся государства, народы, люди, которые оказали палестинской революции неоценимую помощь, шли ради нее на многие жертвы. Я вижу наш долг в том, чтобы поделиться с нашими друзьями принадлежностью к палестинскому народу, выражая таким образом нашу преданность, уважение и благодарность. Если мы этого не сделаем, то поставим под сомнение их помощь и жертвы, а нас будут обвинять в неблагодарности. Я не буду заниматься подсчетами тех, кто заслуживает нашей признательности. Это не является моей задачей. Я ограничусь тем, что сказал. Пусть те, кто придет к власти, выполнят наш долг".

За время переговоров в Осло министр иностранных дел Норвегии писал письма и получал на них ответы. Мы храним материалы его переписки. Таким образом, он не ограничился только ролью хозяина и посредника, оказавшего гостеприимство участникам переговоров, создавая благоприятные условия для их успеха, и постоянно курсирующего между Осло, Тель-Авивом, Тунисом и Вашингтоном. Он подкрепил эту роль своими письмами, которые стали историческим свидетельством того, что было сделано от его имени и от имени его страны.

18 июля 1993 г. министр иностранных дел Норвегии г-н Йохан Йорген Хольст прибыл во главе официальной делегации с визитом в Тунисскую Республику. Он решил воспользоваться представившейся возможностью, чтобы встретиться с Арафатом и обсудить с ним вопрос о контактах в Осло. В связи с тем, что, как среди сопровождавших министра лиц, так и в окружении Арафата

были люди, ничего не знавшие о канале связи в Осло, пришлось организовать две встречи. На первой в течение двадцати минут присутствовали все, кто был должен по протоколу, а затем сразу же наедине состоялась вторая между министром и Арафатом. Хольст немедленно проинформировал об итогах встречи Шимона Переса, направив ему обстоятельное письмо с Терри Ларсеном и его женой Моной.

Хольст подметил, что на протокольной встрече Арафат говорил общими словами, обращаясь больше к своим коллегам, чем к норвежской делегации. Совсем другой характер имела их личная встреча, на которой подробно обсуждались все вопросы, связанные с переговорами в Осло, подчеркивалась важность их продолжения в обстановке секретности, чтобы избежать какого-либо срыва и обеспечить их успешное завершение. Состоялся обстоятельный обмен мнениями по содержанию Декларации принципов и, прежде всего, по тем ее аспектам, которые вызвали разногласия. В свете этого, Хольст направил оптимистическую информацию о встрече с Арафатом, чтобы заверить Переса в искреннем желании его врага добиться мира.

19 июня 1993 г. Терри Ларсен вернулся с ответным письмом от Переса, который выражал признательность Хольсту за его усилия и за беседы Ларсена в Тель-Авиве. Из письма следовало, что Перес и израильское правительство воодушевлены на продолжение переговоров в Осло, на скорый поиск решений возникших сложностей. В нем также выражалась уверенность в том, что в свете разъяснений Хольста и бесед Ларсена исторический прорыв насупит. В заключение письма говорилось, что встреча между Хольстом и Пересом должна состояться в августе.

Министр Хольст оставался в Тунисе, ожидая возвращения своих посланцев из Тель-Авива. Он хотел получить информацию о реакции израильтян на свое письмо и об их отношении в целом к тому, что происходит в Осло. Когда посланцы вернулись, вся группа собралась, чтобы проанализировать имеющуюся информацию. Затем 20 июля 1993 г. Хольст сформулировал ряд вопросов, которые он собирался обсудить на второй встрече с Арафатом. Ниже приводятся важнейшие из них:

- 1) появление сообщений в некоторых израильских и западных газетах о канале Осло и какие шаги следует предпринять для опровержения этих сообщений.

2) израильтяне предпочитают переговоры в Осло, хотя и их продолжения с условием, что не произойдет затяжки переговорного процесса. Они видят в них единственную и последнюю надежду.

3) израильтяне хотят, чтобы предстоящий раунд стал решающим на переговорах в Осло. Это – мнение Рабина и израильского мини-правительства.

4) израильтяне стали проявлять некоторую гибкость в вопросе об Иерихоне.

5) безопасность – главная проблема для Израиля, поэтому они готовы всячески содействовать палестинцам в создании эффективных полицейских сил.

6) Иерусалим – очень чувствительная проблема, поэтому они предлагают перенести ее обсуждение на завершающий этап вместе с другими вопросами.

7) израильтяне выразили готовность обсудить экономические вопросы в рамках Декларации принципов.

8) главное внимание надо уделить вопросу о мерах доверия между сторонами.

Практическое осуществление первого этапа будет способствовать изменению стереотипов в позиции сторон.

9) у Норвегии нет корыстных интересов, она видит свою задачу в оказании содействия. Переговоры могут привести к успеху только при условии прямых контактов между противниками.

10) для достижения соглашения необходима решимость руководителей. У Арафата есть такая решимость, и он готов добиться одобрения соглашения палестинским народом.

11) символы и лозунги в затянувшихся конфликтах мешают их урегулированию. Следует использовать такие фразы и термины, которые дают гарантии другой стороне. Необходимо говорить о Хартии, многие положения которой вызывают недовольство израильтян. Арафат должен повторить заявления о том, что многие положения Хартии не соответствуют нынешним реалиям. (3)

Из Туниса Хольст отправился в Париж. 21 июля 1993 г. он направил Пересу еще одно письмо, в котором высказал свои соображения по поводу встречи с Арафатом и предложения по продолжению переговоров в Осло. В этом письме Хольст также информировал Переса о позиции Арафата в следующей форме:

– он считает, что подписание соглашения будет историческим прорывом.

– он обещал, что не допустит утечки информации, как это было в прошлом, когда д-р Набиль Шаат допустил такую утечку.

– он привлек особое внимание к проекту Газа–Иерихон, подробно разъяснив свою точку зрения и подчеркнув важность этого проекта для осуществления Декларации принципов.

– Арафат проинформировал об отношениях с Иорданией.

– по мнению Арафата, палестино–израильское соглашение откроет путь к достижению соглашений с Сирией, Ливаном и Иорданией.

– подчеркнул свою заинтересованность в том, чтобы иметь хорошо оснащенные войска безопасности в целях контроля за положением на оккупированных территориях.

– Арафат согласился с идеей совместного коммюнике по согласованным вопросам, но Абу Аля бал против и настаивал на принятии Декларации принципов.

– Арафат не возражал против неопределенных формулировок о статусе Иерусалима, выразив понимание особенностей израильской позиции по этому вопросу. Он также отметил, что в Декларации принципов должно быть упоминание о религиозных святынях.

– в связи с ухудшением ситуации на оккупированных территориях Арафат выразил стремление к скорейшему достижению соглашения, подчеркнув, что мир нужен обеим сторонам, и что израильтяне и палестинцы должны научиться жить в мире между собой.

– Арафат подтвердил, что готов повторить свои высказывания, сделанные ранее в Женеве, что положения палестинской Хартии не соответствуют нынешней ситуации. Он сослался на многие доказательства в пользу такой позиции, включая признание со стороны ООП двух государств и резолюций 242 и 338. (4)

Хольст провел эти интенсивные контакты всего за месяц до подписания Декларации принципов в Осло. Они подтолкнули обе стороны к более быстрому продвижению к поставленной цели и содействовали сближению точек зрения. Надежность Хольста в передаче идей и выборе вопросов для обсуждения между сторонами сыграла важную роль сначала в закладывании фундамента взаимного доверия, а затем в укреплении этого доверия, которое является краеугольным камнем уверенности одной стороны в целях и намерениях другой.

Ранее я уже говорил, что министр Хольст, воспользовавшись пребыванием министра иностранных дел Израиля в Швеции, вылетел 17 августа 1993 г. в Стокгольм, и оттуда, играя роль посредника в диалоге между сторонами, связывался с нами. В ходе этой бесе-

ды, которая продолжалась с десяти часов вечера до пяти часов утра, удалось решить все спорные на тот момент вопросы.

С подписанием Декларации принципов Хольст не прекратил свою миссию. Он продолжал выполнять ее в целях достижения взаимного признания между сторонами. На это ему потребовалось почти две недели, в течение которых он совершал частые перелеты между Осло, Парижем, Тунисом и Тель-Авивом. Договоренность о взаимном признании была подписана 10 сентября 1993 г.

Каждый, кто следил за мирным процессом и церемонией подписания соглашения у Белого дома, полагал, что посредники и спонсоры, прежде всего Норвегия, выполнили свою миссию до конца, так как им удалось привести соперничающие стороны к соглашениям и, следовательно, все вопросы, связанные с практическим заполнением соглашения, должны быть решены самими сторонами. Именно такой подход неоднократно демонстрировали американцы, отказываясь от вмешательства, несмотря на необходимость содействовать устранению разногласий, настаивая, что это дело самих переговаривающихся сторон.

Что касается Хольста, то он очень внимательно следил за переговорами, проходившими в Табе, за ходом встреч в Каире между Арафатом и Рабином. Как переговоры в Табе, так и встречи в Каире потерпели неудачу, что могло сорвать достижение соглашения. И Хольст всегда вступал в борьбу за спасение всего мирного процесса.

20 декабря 1993 г. в два часа ночи мне позвонили из министерства иностранных дел Норвегии и сказали, что министр Хольст хотел бы со мной поговорить. И, действительно, сам министр заговорил со мной слабым и дрожащим голосом. Именно в этот день он вышел из больницы после того, как у него произошел первый сердечный приступ. Он просил моего согласия на встречу в Осло с Пересом, чтобы спасти соглашение. Он умолял меня согласиться таким голосом, что мне стало неловко и за него, и за себя.

22 декабря 1993 г. в четыре часа утра в мой номер в отеле "Ридженси" в Рабате позвонил Терри Ларсен, чтобы сообщить, что министр опять оказался в больнице, но, несмотря на это, начатые им попытки созвать встречу в Осло продолжают, и министр надеется, что она состоится.

И действительно, Норвегия не прекращала своих усилий до тех пор, пока не состоялась палестинско-израильская встреча в Зальцбурге. На ней обсуждались проблемы, препятствующие осуществлению соглашения, но безрезультатно. Было решено про-

должить беседы сначала в Париже, затем в Каире, где собралась совместная комиссия по наблюдению в полном составе. И хотя не удалось прийти к окончательному соглашению, все же удалось выработать идейную основу для дальнейшего обсуждения.

И вдруг случилось неожиданное. Я почти заканчивал работу над этой главой, когда 13 января 1994 г. информационные агентства передали сообщение о смерти министра иностранных дел Норвегии Йохана Йоргена Хольста, который чуть-чуть не дожил до пятидесяти шести лет. (5)

13 сентября 1993 г. Хольст присутствовал на церемонии подписания соглашения, в достижении и осуществлении которого он участвовал, 13 декабря 1993 г. он ждал, когда это соглашение начнет выполняться, благодаря его титаническим усилиям, 13 января 1994 г. он ушел из жизни, окутанный саваном тоски и печали.

Известие о кончине Хольста вызвало у меня шок. Я перестал писать. Все слова и мысли, которые я мог о нем сказать, вдруг куда-то исчезли. Я долго не мог прийти в себя, оплакивая эту большую утрату.

1, 2, 3, 4, 5 – тексты опубликованы в приложении.

ГЛАВА 8

ПЕРЕГОВОРЫ В ОСЛО

С полной откровенностью хочу сказать, что любой палестинский руководитель, который отважился бы начать секретные переговоры, был бы обвинен в единоличных действиях и столкнулся бы с решительным отпором как со стороны арабов, так и палестинцев. Он бы оказался в такой ситуации не потому, что действовал в одиночку, а потому, что вышел за рамки общепринятого подхода к палестинской проблеме. Все мы привыкли к тому, что раз палестинская проблема волнует всех, значит, все и должны принимать участие в ее решении. Поэтому тот руководитель, который решил действовать самостоятельно, должен был обладать особого рода смелостью и непроницаемостью, а также иметь надежную поддержку. Тот, кто не имел этих качеств, никогда бы не решился начать подобную авантюру, грозящую множеством неприятностей.

Здесь следует отметить, что в ситуации вокруг палестинской проблемы прошли важные позитивные сдвиги. Их смысл заключался в том, что палестинцы обрели большую самостоятельность и стали более удаленными от политических и географических факторов влияния. В результате того, что палестинское руководство в значительной степени зависело от этих факторов, оно очень часто не могло воспользоваться благоприятными условиями, имевшими для палестинцев историческое значение. А если учесть, что палестинская проблема рассматривалась как общее дело всех арабов и мусульман, то каждая арабская или мусульманская сторона требовала своей доли, большей или меньшей, в зависимости от степени влияния в определении судьбы палестинского народа.

И все же позитивные изменения, о которых я расскажу позднее, не помешали арабским и исламским кругам излить свой гнев на палестинцев, которые, по их мнению, предали права арабов и мусульман в Палестине. Однако, им не удалось занять более жесткую позицию, благодаря важным позитивным сдвигам, которые произошли в палестинской среде, в арабском мире и на международной арене. Если бы обстановка не изменилась к лучшему, мы бы не осмелились провести наш эксперимент и подписать соглашение. К наиболее важным позитивным сдвигам я отношу уход

ООП из Бейрута в результате вторжения Израиля в Ливан. Пребывание вдали от ближневосточного региона позволило нам взглянуть свежим взглядом на весь комплекс внутренних и внешних проблем. Руководство сконцентрировало усилия на организационной перестройке внутри ООП и палестинского движения сопротивления в целом, что в итоге гарантировало ему большую независимость в определении позиции и принятия решения. Одновременно нам пришлось более внимательно следить за развитием ситуации на оккупированных территориях, чтобы держать под контролем происходящие там события и вовремя уловить исторический момент для определения контуров политического урегулирования палестинской проблемы.

ООП в жестокой борьбе отстаивала свою легитимность и получила признание со стороны большинства государств мира. Несмотря на это, определенные силы не сдавались и продолжали поиски, направленные на подрыв ее права быть единственным законным представителем арабского народа Палестины. В этих целях они хотели использовать палестино–иорданское соглашение, названное Амманским и подписанное 10 февраля 1985 г. Была развязана кампания по обвинению ООП в передаче Иордании права решить судьбу палестинцев и в сотрудничестве с Америкой в поиске мирного урегулирования.

Это соглашение так и не вступило в силу, причем американцы своими требованиями к ООП о новых уступках также способствовали его срыву.

В ответ на замораживание Амманского соглашения правительство Иордании заявило о разрыве связей с Западным берегом. В результате, иордано–палестинские отношения оказались на грани срыва. Но, благодаря мудрой и дальновидной позиции обеих сторон, выход из кризисной ситуации был найден.

Начало начал.

3 декабря 1992 г. в Лондоне состоялось заседание координационного комитета по многосторонним переговорам. После этого Фейсал аль–Хусейни, Ханан Ашрауи и Афиф Сафия, представитель ООП в Лондоне, предложили Абу Аля провести встречу с Яиром Хиршфельдом, членом Партии Труда и профессором Тель–Авивского университета, который представлял себя советником министра иностранных дел Израиля Шимона Переса и его заместителя Йосси Бейлина.

Такая встреча, в которой смог принять участие только Афиф Сафия, состоялась. Впервые Абу Аля оказался лицом к лицу с официальным представителем Израиля. Возглавляя палестинскую сторону на многосторонних переговорах, Абу Аля, в соответствии с договоренностью, не мог присутствовать на встречах и заседаниях, так как занимал официальную должность в ООП. В таком же положении оказался и Набиль Шаат, возглавлявший нашу делегацию на двусторонних переговорах в Вашингтоне. Он также не мог встретиться с израильской делегацией.

Абу Аля был членом комиссии по контролю за ходом переговоров, которая должна была осуществлять организационно-технический контроль за многосторонними переговорами. Уделяя большое внимание выполнению своих обязанностей в этой комиссии, он не мог одновременно знать все подробности двусторонних переговоров. Нельзя сказать, однако, что он слишком глубоко вникал во все детали своей работы, которая была мало ему знакома, ведь он занимался финансово-экономическими вопросами в ООП и движении ФАТХ. Комиссий в рамках многосторонних переговоров было много, поэтому он тратил много сил и времени на организационно-административные вопросы, на подбор кадров и справочного материала. Работы было у него достаточно.

На встрече Абу Аля и Хиршфельд не говорили об экономике или о ходе многосторонних переговоров. Они сразу же приступили к обсуждению политических проблем, связанных с переговорами в Вашингтоне. Хиршфельд с самого начала пытался придать встрече неофициальный характер, подчеркивая, что он всего лишь ученый, ничем не связанный и не стремящийся что-то навязывать другим. Он также отметил, что, хотя и является человеком близким к израильским руководителям, его никто ни на что не уполномочивал, и беседа с ним никого не связывает какими-либо обязательствами.

Вернувшись в Тунис, Абу Аля представил краткий отчет о встрече Абу Аммару, а тот передал его мне, чтобы проанализировать ситуацию и принять соответствующее решение. Когда я читал доклад, меня осенила мысль, которая подсказывала, что дверь к секретным контактам открыта, что этот человек не мог действовать по своему усмотрению, что, конечно, он уполномочен своими руководителями – Пересом и Бейлиным, которые послали его прозондировать нашу позицию. Мне также становилось ясно, что эта группа членов израильского правительства хочет открыть еще один переговорный канал помимо вашингтонского. Я пришел к такому выводу, поскольку нам было хорошо известно, что, в соответствии

с распределением обязанностей в израильском правительстве, на Переса возлагался контроль за многосторонними переговорами, а Рабин сохранял за собой и своими советниками непосредственное руководство двусторонними переговорами. Я заранее понимал, что если мы пойдем на тайные переговоры с теми, у кого нет полномочий от израильского правительства, то можем оказаться в затруднительном положении. Во-первых, израильское правительство не будет нести никакой ответственности, а во-вторых, такой шаг мог бы вызвать негативную реакцию со стороны официальных кругов, которые восприняли бы его как попытку сыграть на внутренних противоречиях и вызвать раскол в израильском правительстве. Такой исход мог бы привести к полному краху всего, что было уже достигнуто.

Я попросил Абу Аля дать мне еще время для изучения его доклада о встрече с Хиршфельдом, чтобы принять такое решение, которое обеспечило бы нам наименьшие потери.

7 декабря 1993 г. я встретился с Абу Аля, чтобы прийти к окончательному выводу. Обменявшись мнениями, мы приняли решение согласиться с предложением Хиршфельда и продолжить переговоры в Норвегии. При этом мы руководствовались следующими соображениями.

Кандидатура Норвегии свидетельствовала о серьезности намерений, потому что можно укрыться от вездесущей прессы, а также потому, что такие страны как Норвегия, Швеция, Дания не только не вызывают неприязни со стороны США, но, возможно, действуют с их согласия, так как не претендуют на большую роль в международных делах и отличаются высокой ответственностью. В прошлом американцы уже обращались к Швеции за содействием в организации диалога с палестинцами в 1988 г., когда Халед аль-Хасан встречался с группой американских евреев, включая Риту Хаузер. За этой встречей последовала другая, с Абу Аммаром. Затем стало ясно, что эта группа была официально уполномочена американским правительством вести переговоры под покровительством Швеции.

Предложение Израиля о проведении переговоров в Норвегии свидетельствовало о том, что норвежцы дали свое предварительное согласие. Мы также понимали, что приезд Хиршфельда в Лондон был заранее продуман и организован и что правительство Норвегии в напряжении ожидает нашего согласия на проведение встречи на своей земле.

Мы не могли поверить, что Хиршфельд является лишь университетским профессором, занятым поиском истины. Мы обладали полной информацией об этом человеке. Мы уже привыкли к такому типу контактов, когда стоящие за ними силы не хотят брать на себя какие-либо обязательства, тем более, что речь идет о прямых встречах с ООП. И если говорить о нашей ситуации, то, в случае раскрытия факта таких переговоров, правительство Рабина непременно бы пало. Именно поэтому Хиршфельд делал упор на то, что он всего-навсего ученый, защищая таким образом себя и тех, кто скрывается за ним.

Что касается нас, то мы не испытывали страха перед такого рода контактами. Мы ничего не теряли от них. Наоборот, мы считали, что серьезный диалог с нами даст плоды, а если он превратится в пустую болтовню, то и это нам не повредит.

Израильтяне не верят в нашу способность хранить тайну. Поэтому мы должны возвести непроницаемую стену секретности вокруг этого вопроса. В этой связи необходимо, в первую очередь, прекратить все разговоры о первой встрече. Если о ней будут спрашивать, нам следует отвечать, что вопрос не заслуживает внимания, и мы решили не предпринимать никаких шагов в этом направлении. Если спрашивать не будут, то мы сами должны хранить полное молчание.

В Тунисе, кроме нас троих, – Абу Аммара, Абу Мазена, Абу Аля, никто не должен знать о наших намерениях. Абу Аля, который впервые встречался с израильтянами, согласился с необходимостью хранить все в тайне, чтобы избежать неприятностей. Не следует поддерживать контакты с сотрудниками нашего представительства в Осло, чтобы они не догадались о приезде нашей делегации. Если все же они узнают, то следует говорить о контактах в рамках многосторонних переговоров.

Также следует избегать контактов со всеми представительствами ООП, расположенными по пути в Осло, т.е. в Женеве, Риме, Париже, Лондоне. И, прежде всего, надо стараться избегать общения с сотрудниками представительства ООП в Тунисе, которые должны встречать и провожать уезжающих и приезжающих, учитывая, что они находятся в аэропорту почти круглые сутки. На случай неожиданных вопросов необходимо иметь убедительные объяснительные заготовки.

Когда Абу Аля сказал, что он все же боится вести переговоры с израильтянами один на один, я предложил ему взять с собой Хасана Асфура, который работал секретарем специальной комиссии

по переговорам. Я также сказал, что им необходимо иметь третьего человека, который знает английский, поскольку в ходе бесед будут обсуждаться как политические, так и правовые вопросы. Здесь я должен отметить, что Хасан Асфур является членом ЦК Народной партии (Коммунистическая партия Палестины). Но, несмотря на это, я был уверен в его преданности своему делу, в том, что членство в партии не помешает ему выполнять свои обязанности. Таким образом я был убежден, что он не выдаст тайну о переговорах даже под угрозой исключения из партии.

Выбирая третьего члена делегации, мы остановились на кандидатуре Махера аль-Курда,¹³ который говорил по-английски. Он работал советником по экономическим вопросам в департаменте Абу Аля, затем перешел к Абу Аммару.

Затем мы перешли к содержанию переговоров, и Абу Аля сказал: " Хорошо, о чем мы будем говорить? У меня нет полного представления о перспективах двусторонних переговоров".

Он произнес эти слова, испытывая страх и осознавая тяжесть бремени и огромную ответственность, свалившиеся на его плечи в первый раз. В то же время он был твердо уверен в своих силах и в достижении успеха при хорошей подготовке, поскольку он выступал за правое дело в соответствии с нормами международного права.

Документы

Я с особым усердием занялся изучением документов, которыми обменялись палестинская и израильская делегации на переговорах в Вашингтоне. Однако вскоре прекратил это занятие, так как убедился, что они сводятся, в основном, к политическим заявлениям и уделяют больше внимания форме, чем содержанию. Каждая из сторон пыталась показать свое умение в формулировках и изощренность в опровержении доводов другой стороны. Было также ясно, что стороны не могли выйти за пределы известных политических позиций и связанных с этим обязательств.

В этой связи мы должны были подумать о других методах ведения переговоров в Осло. Нам нужна была такая методика, которая сразу подводила бы к содержанию и рамкам декларации

¹³ Из-за разногласий с Абу Аля Махер Аль-Курд покинул переговоры до их окончания, его сменил Мухаммед Абу Кош. Я встретился с Аль-Курдом и просил его не разглашать информацию о переговорах и вернуть имеющиеся у него документы. Документы он вернул, и, как показало время, тайну он сохранил. Я с уважением отношусь к его личности.

принципов. Следовало отказаться от идеи принятия совместной повестки дня с учетом опыта нашей делегации в Вашингтоне, которая прежде всего добивалась выработки согласованной повестки дня для придания правильного направления в работе. В результате, в ходе девятого раунда так и не удалось согласовать этот документ.

Более чем через год с начала переговорного процесса в Вашингтоне, который шел очень вяло, я понял, что необходимо найти новые методы ведения переговоров. Я разработал идеи, которые могли стать основой для декларации принципов. Однако я их скрывал, желая обсудить сначала в министерстве иностранных дел Египта. После совместного обсуждения и внесения некоторых поправок я просил Амира Мусу представить мои предложения израильтянам и выяснить их мнение. Однако этого не произошло. Мне пришлось удовлетвориться мнением египтян, и я решил сохранить эти предложения для более подходящего момента. Они состояли из десяти пунктов. Первый пункт касался резолюций 242 и 338. Я заимствовал его из высказываний Эдварда Джереджана, который встречался с нашей делегацией в Вашингтоне. Тогда израильтяне подвергли резкой критике наше предложение по этому вопросу, что заставило Джереджана дать свою формулировку, которую я считал приемлемой. Поэтому наша делегация, по моей просьбе, представила ее израильтянам, а я решил сделать ее первым пунктом для базовых предложений по разработке Декларации принципов.

Я также решил прозондировать мнение членов делегации американских евреев, в которую входили Стив Коген, Дан Абрахам и Оузи Оуэн. Все они были близки к Шимону Пересу и принадлежали к тем американским евреям, с которыми нас связывали давние отношения. Они регулярно приезжали на Ближний Восток, посещали нас в Тунисе или встречались с нами в Каире. Они часто виделись с Шимоном Пересом и его группой. Стив Коген неоднократно содействовал обмену мнениями между нами и Тель-Авивом.

Когда я познакомил в завуалированной форме членов этой делегации со своими предложениями, они горячо их поддержали, особенно пункты о резолюциях, безопасности и конфедерации. Они попросили меня дать им эти предложения в письменном виде, но я воздержался, пообещав отправить позже, когда предложения примут окончательную форму и будут переведены на английский.

За сорок восемь часов до отъезда делегации в Осло мы трое (Абу Аля, Хасан и я) встретились, чтобы сделать набросок идей, мнений и предложений, с которыми мы хотели выступить на пере-

говорах. Я записал все эти соображения, а также передал им некоторые материалы нашей делегации в Вашингтоне. Нижеследующий документ стал, таким образом, основой для выработки Декларации принципов:

1. Цель – достижение справедливого, прочного и всеобъемлющего урегулирования посредством прямых переговоров на основе резолюции 242 и 338 СБ ООН. Переговоры между палестинцами и Израилем будут проходить по фазам, которые являются составной частью всего процесса.

2. Сфера полномочий палестинской администрации в переходный период включает палестинские территории, оккупированные в 1967 г. Договоренность по обсуждению вопросов о выводе некоторых районов из-под административной юрисдикции должна быть достигнута на переговорах с условием, что не будет нарушений резолюций 242 и 338 и норм международного права.

3. Палестинская администрация переходного периода осуществляет все полномочия, которые будут ей переданы в соответствии с достигнутым соглашением (с учетом мер по пересмотру действующих законов).

4. Временная администрация избирается путем проведения всеобщих свободных и прямых выборов, в которых участвует все палестинское население Западного берега, включая Иерусалим и сектор Газа в соответствии с переписью от 4 июня 1967 г.

5. Наблюдение за процессом выборов и передачи власти будут осуществлять представители международного сообщества в соответствии с договоренностью.

6. Для обсуждения рабочих проблем и разрешения спорных вопросов будет создана двусторонняя комиссия (от временной палестинской администрации и израильского правительства).

7. В случае, когда комиссия по решению споров не сможет найти решения того или иного вопроса, она передает его на рассмотрение арбитражной комиссии, которая формируется из представителей государств-спонсоров, а также Египта, Иордании и ООН. В арбитражную комиссию также назначается по одному представителю от переходной администрации и Израиля или от других сторон в соответствии с договоренностью.

8. Проблемы безопасности в их стратегическом и перспективном понимании, связанные с воплощением идеи мирного сосуществования, будут рассмотрены в свете наличия доброй воли у всех сторон и в духе искреннего стремления к выяснению взаим-

ных интересов, чтобы наполнить понятие "безопасность" позитивным смыслом, обязывающим всех содействовать ее обеспечению.

9. Стороны приступают к обсуждению окончательного статуса через два года с момента начала переходного периода или раньше, в зависимости от договоренности, но, в любом случае, не позднее, чем в начале третьего года переходного периода.

10. Не препятствуя осуществлению соглашения об окончательном статусе, начинается неофициальное изучение возможности создания конфедерации с целью нахождения наилучших путей и средств обеспечения стабильности и мира в регионе.

Первая встреча

Первая встреча состоялась 20–22 января 1993 г. в Сарпборге, в ста километрах от Осло. Израильскую сторону представляли Яир Хиршфельд и Рон Пундик. Они не говорили о своих отношениях с министерством иностранных дел Израиля, но намекали, что связаны с заместителем министра Йоси Бейлиным, который всячески поддерживал и поощрял их намерение принять участие в подобной встрече. Несмотря на скромное начало, я настраивал нашу делегацию на продолжение контактов, так как знал, что такие встречи обычно так и начинаются.

Итак, встреча началась, а ее участников охватили чувства страха перед неизвестными, поскольку оказалось, что обе стороны были новичками в таких переговорах. Ввиду того, что нашей делегации предстояло встретиться лицом к лицу с израильтянами и ввиду большой ответственности, Абу Аля еще до отъезда из Туни-са написал все, что должен был сказать. Переводить его выступление должен был Махер аль-Курд. Абу Аля очень правильно решил начать встречу с выступления по-арабски, что давало ему возможность точно, полно и ясно донести до израильтян свое послание, не оставив у них места для сомнений, неясностей и двусмысленностей.

Однако, как представляется, наша делегация уже на первом заседании изложила все свои идеи, надеясь таким образом выяснить мнение израильской стороны и ее ответные действия. В силу своей профессии и в силу своих полномочий как координатора наших делегаций на многосторонних переговорах, Абу Аля затронул в своем выступлении широкий спектр проблем.

Вполне естественно, что первое заседание скорее походило на ознакомительную встречу, чем на переговоры. Поэтому его участники не занимались глубоким обсуждением каких-либо во-

просов, поднятых в выступлениях. И мы, в свою очередь, когда делали оценку итогов первого раунда, сконцентрировали внимание, прежде всего, на изучении царящей на переговорах атмосферы и высказываний израильтян.

Внимательно изучив протокол, мы пришли к двум важным выводам: во-первых, Пундик и Хиршфельд в какой-то степени связаны с министерством иностранных дел. Они не просто ученые из израильских институтов. Во-вторых, Йоси Бейлин, депутат кнессета и заместитель министра иностранных дел, доверяет им и оказывает поддержку. Наши источники на оккупированных территориях, с которыми мы срочно связались, подтвердили наши выводы.

Хотя мы считали, что авторитет Йоси Бейлина был недостаточным, чтобы гарантировать успешное начало переговоров, все же его причастность к ним свидетельствовала и о заинтересованности Шимона Переса. Этот факт, однако, тоже не вселял в нас полной уверенности. Но, несмотря ни на что, мы возлагали большие надежды на переговорный канал в Осло. Ниже приводится содержание первого протокола, ввиду его большого значения:

Первый раунд:

Протокол встречи от 21 января 1993 г. в г. Сарпборге.

Присутствовали:

С израильской стороны: Яир Хиршфельд и Рон Пундик.

С палестинской стороны: Абу Аля, Хасан Асфур, Махер аль-Курд.

Абу Аля: Мы переживаем важный и судьбоносный этап, требующий большого мужества и смелости. И все мы не должны упустить эту возможность. Не буду от вас скрывать, что если мы не используем ее, то наши народы вновь будут страдать от войны. Мы, палестинцы, настроены серьезно, и у нас добрые намерения. Мы приняли твердое решение добиваться мира. В результате затягивания переговоров в Вашингтоне наш народ охватило чувство разочарования, которым воспользовалась наша оппозиция для укрепления своего положения. Не буду от вас скрывать, что наш народ разочарован нынешней ситуацией по трем причинам:

Первая: жесткая силовая политика Израиля, которую необходимо изменить.

Вторая: все переговоры не только не были позитивными, но, по нашему мнению, привели к негативным результатам.

Третья: ухудшение экономического, социального и финансового положения на оккупированных территориях.

Израильское правительство должно устранить эти причины, если у него искренние намерения. После войны в Заливе ООП оказалась в сложной ситуации, ввиду того, что ее позицию неправильно истолковали. Не стесняясь, мы признаем, что допустили ошибки, определяя нашу позицию. Но мы начали постепенно восстанавливать отношения с арабскими странами. Абу Мазен уже посетил Катар, Саудовскую Аравию и Оман. Естественно, что Абу Мазен совершил эти визиты с согласия руководства, которое неоднократно заявляло об этом. Могу сказать, что наши отношения с Европой, скандинавскими государствами и Японией постоянно улучшаются. Что касается Америки, то прерванный диалог между нами пока не возобновлен, хотя они обещают сделать это. Думаю, что возобновление диалога с Америкой позитивно скажется на наших переговорах.

Мы доказали искренность наших намерений, когда согласились участвовать в Мадридской встрече на несправедливых условиях. Мы будем оставаться приверженцами мирного процесса, пока есть надежда на достижение успеха. Мы будем также вести борьбу в рамках мирного процесса за улучшение условий нашего участия. Думаю, что вы согласитесь с нами в том, что переговоры в Вашингтоне через пятнадцать месяцев остановились на развилке дорог, хотя в письменных приглашениях и в письмах о заверениях говорилось, что переговоры будут продолжаться год, а затем последует режим временной автономии на оккупированных территориях. Выдвигая различные предложения, мы делали все возможное, чтобы засыпать разделяющую нас пропасть. Однако это нам не удалось. Мы пришли к выводу, что несмотря на многие выступления, призывающие прекратить переговоры, нам следует их продолжить. Поэтому сегодня я останавлиюсь на некоторых предложениях.

По поводу документальной основы Эдвард Джериджан представил нашей делегации в Вашингтоне предложение, которое мы считаем приемлемым для решения вопроса о документальной основе. У нас есть другое предложение, с которым мы вас познакомим позднее. Договоренность о документальной основе облегчит ход переговоров. Я должен подчеркнуть, что документы, положенные в основу, будут иметь действие во время переходного периода.

Юрисдикция:

Не должно быть никаких сомнений в том, что она распространяется на территории, оккупированные в 1967 г. Если есть

предложения о выводе каких-либо районов из-под юрисдикции, то к соглашению по ним следует прийти в ходе переговоров, при условии, что не будет нарушена целостность территории и смысл резолюции 242.

Безопасность:

Сегодня мы выработали правильный подход к понятию безопасности с учетом интересов и потребностей каждой из сторон. В нем заложено стратегическое и перспективное видение безопасности, что дает возможность рассматривать предложения о мирном сосуществовании в регионе и находить общие интересы. Таким образом, безопасность приобретает позитивное содержание. Поэтому все будут заинтересованы в ее обеспечении без принуждения. Итак, мы создаем безопасность, основывающуюся на общности интересов, а не безопасность, защищающую от страха.

Выборы:

Как мы понимаем, палестинский переходный совет формируется путем прямых, свободных и всеобщих выборов, в которых принимают участие все палестинцы Западного берега и сектора Газа в соответствии с результатами переписи населения от 4 июня 1967 г. Принимая во внимание необходимость полного пересмотра ныне действующих законов, этот совет должен принять новые законы, касающиеся тех властных полномочий, которые ему будут переданы по соглашению.

Израиль должен осуществить следующие мероприятия, которые не нуждаются в каких-либо затратах:

1. Решить вопрос о депортированных. Мы считаем, что инициатива Израиля по возвращению депортированных с 1967 г. даст наглядное подтверждение намерений Израиля. Прежде всего, это касается определенных лиц, чье возвращение положительно скажется на мирном процессе.

2. Настало время для пересмотра роли ООП в мирном процессе с тем, чтобы она непосредственно содействовала продвижению вперед этого процесса и принятию решений в ходе переговоров.

3. Правительство Израиля должно заявить о прекращении строительства поселений в знак выражения доброй воли и отказа от экспансии. Оно также должно содействовать развитию экономики и соблюдению прав человека в целом.

4. Рабин и Перес говорили о выводе войск из Газы. Почему же на практике этого не происходит, хотя этот вопрос создает для вас проблемы? Если вывод состоится, это будет началом сотруд-

ничества, так как Газа нуждается в плане Маршалла. Можно объявить ее свободной зоной. Если вы проявите заинтересованность, то свободную зону можно распространить до Ашдода. Это очень важный и грандиозный проект сотрудничества. Все расчеты могут быть сделаны нами сообща при международном участии и в полной секретности. Эта идея возникла у нас сейчас, ранее она у нас не обсуждалась. Решение проблемы Газы означает решение экономического и социального кризиса. Я не жду ответа сейчас, но вам следует изучить это предложение в будущем, поскольку оно затрагивает одну из сфер сотрудничества в будущем. Мы должны понять, что подобные предложения окажут большое воздействие на развитие арабского мира, где можно будет создать различные отрасли промышленности, такие как автомобилестроение и производство высоких технологий. Вывод войск из Газы не является сделкой за счет Западного берега. Прошу вас не рассматривать этот вопрос в таких рамках. Мы считаем вывод войск из Газы частью важного плана по осуществлению мирного процесса, и этот шаг окажет чудодейственное влияние на всю ситуацию.

Затем Абу Аля перешел к вопросам, обсуждаемым на многосторонних переговорах.

Группа по экономическому развитию. У нас есть перечень мер, направленных на создание взаимного доверия в экономической области. Мы могли бы представить эти предложения в комиссию по экономическому развитию, надеюсь, что израильская делегация не будет возражать против них. Будет полезно как для нас, так и для вас, если Израиль даст согласие на создание банка развития, строительство цементного завода, торгового порта в Газе и на строительство жилых домов, в т.ч. и в Иерусалиме.

Группа по водным ресурсам. Я не понимаю, в чем суть логики Израиля, выступающего против обсуждения вопроса о наших правах на водные ресурсы, которые очень ограничены. Почему израильтяне не разрешают строительство канала Аль-Гор наподобие Восточного канала? Настала необходимость отменить запрет на создание палестинского национального управления по водным ресурсам, которое нуждается в поддержке и материально-техническом оснащении. На вашем месте я бы поставил этот запрос на многосторонних переговорах.

Группа по беженцам. По многим причинам, политическим и гуманным, необходимо создать благоприятный настрой на обсуждение вопроса о воссоединении семей и возвращении депортиро-

ванных, чтобы затем перейти к обсуждению других вопросов, стоящих в повестке дня этой комиссии.

Группа по окружающей среде. Когда мы поставили вопрос о создании управления по защите окружающей среды, израильская делегация, по нашему мнению, совершенно неоправданно выступила против.

Группа по безопасности. Надеемся, что не возникнет каких-либо осложнений в отношении вопроса о палестинском представительстве в этой комиссии.

Координационный комитет. Нам непонятны причины вашего несогласия с формированием комиссии по Иерусалиму. Мы считаем, что эта комиссия создала бы благоприятную атмосферу взаимоотношений между сторонами. Мы также считаем необходимым направить приглашения Ираку и Ливии, чтобы они также участвовали в политическом процессе.

Другие предложения:

Что вы думаете о канале между Средиземным и Красным морями, а также о сотрудничестве по освоению ресурсов Мертвого моря, о добыче металлов, развитии химической промышленности и развитии туризма, о создании свободной зоны в долине реки Иордан?.

Последнее замечание. Рабин говорил о возможности создания конфедерации в будущем. Мы относимся к этой идее со всей серьезностью. Хотели бы услышать ваши комментарии по этому вопросу.

После того, как палестинская делегация представила эти пункты, которые напрямую касались основных проблем, состоялся следующий диалог:

Яир Хиршфельд: Я хотел бы немедленно отреагировать на ваше выступление. То, что я услышал сейчас, имеет большое значение, выражает устремление к миру и говорит о созидательном настрое. Что касается практических вопросов, хочу сказать вам, начинайте с Газы, займитесь осуществлением нескольких проектов там. Думаю, что Партия Труда согласится с таким предложением, чтобы Газа стала образцом экономического сотрудничества. А также считаю, что большинство в партии сознает, что сотрудничество в Газе позитивно скажется на ситуации на Западном берегу.

Что касается высказанных вами предложений, то мы представим отчет нашему руководству, После этого ознакомим вас с ответами на все поставленные вопросы. Ваша откровенность и ясность поможет нам избежать многих трудностей. Рабин будет

убеждать Партию Труда действовать быстрее, так как общественное мнение в Израиле воспринимает идею об уходе из сектора Газа. Хотел бы вас спросить, есть ли у вас предложения о временном графике по Газе?

Абу Аля: В ближайший период Газа нуждается в стабильности, безопасности и развитии.

Хиршфельд: Какой же найти выход? Кому следует отдать ключи?

Абу Аля: Об этом можно договориться. ООН, представителю международного сообщества, прежде всего спонсорам.

Хиршфельд: Скорее всего, мы отдадим ключ вам?

Абу Аля: Вы проявите добрую волю, если передадите инициативу спонсорам. Что вы думаете, если забрать площадь в 100–200 км от сектора Газа и такую же площадь от Ашдода и передать ее совместной свободной зоне?

Хиршфельд: Мы могли бы внимательно изучить этот проект в рамках управления по экономическому сотрудничеству. Можно ли организовать это надлежащим образом с обоюдной выгодой? Можно ли организовать встречу между Фейсалом аль-Хусейни и Рабином по этому вопросу, а затем мы здесь на секретных переговорах продолжим работу над ним.

Йоси Бейлин и я примерно два года назад разработали в одностороннем порядке вопрос об уходе из Газы. Наш подход получил сильную поддержку не только со стороны Партии Труда, но также и со стороны Ликуда, и, прежде всего, Моше Аренса. Сейчас общественное мнение готово воспринять идею ухода из Газы.

Абу-Аля: А что будет с еврейскими поселениями в секторе Газа?

Хиршфельд: Этот вопрос нужно изучить. Возможно его следует увязать с проблемой еврейской собственности. Но более важное значение этого вопроса заключается в том, что его решение в секторе Газа станет примером, который ляжет в основу решения судьбы поселений на Западном берегу. А почему бы не использовать поселения в совместных проектах? Мы считаем, что если Израиль уйдет из сектора Газа, никто не сможет помешать ООП войти туда. Возможно, мы найдем способ, чтобы внести вопрос Газы в рамки документов, которые лягут в основу соглашения. Соглашение по Газе должно определить роль каждой стороны, а также облегчить внесение изменений в основополагающие документы.

Абу Аля: Вопрос об уходе из Газы следует рассматривать как самостоятельную проблему, не препятствующую окончательному

урегулированию и не являющуюся сделкой за счет Западного Берега.

Хиршфельд: Мы удивлены, что возникли сложности в связи с цементным заводом, так как нам известно, что получено согласие на его строительство. Мы еще раз уточним этот запрос.

Абу Аля: Сложности возникли на уровне практического исполнения. Это связано с изучением почвы, геологическими работами, а также с получением лицензии на строительство, о которой говорилось только в принципе.

Хиршфельд: Относительно банка экономического развития имеющиеся трудности связаны только с проблемой валюты. Если согласитесь использовать шекель, то не будет никаких проблем.

Абу Аля: Мы хотим иметь дело с конвертируемой валютой, а в будущем и с палестинским фунтом.

Хиршфельд: Думаю, что строительство 7500 жилых блоков в Иерусалиме будет одним из важнейших факторов доверия.

Абу Аля: Строительство жилья – одно из важнейших направлений, оно является двигателем палестинской экономики. Так как создает рабочие места и сопутствующие производства. Однако, чтобы оживить эту отрасль на практике, нужно строить и в Иерусалиме, и на общественных землях.

Хиршфельд: Почему вы настаиваете на вопросе о правах на водные ресурсы, зная, что эта проблема связана с понятием суверенитета и должна быть обсуждена на заключительной стадии? Мы, возможно, могли бы сотрудничать с вами таким образом, чтобы увеличить вашу долю в потреблении воды. Но до этого следует наладить наше сотрудничество в выполнении небольших проектов, чтобы вы смогли овладеть профессиональными навыками в управлении. Это, конечно, можно обсудить в какой-то мере на многосторонних переговорах, но в большей степени эти вопросы следует обсуждать на двусторонних.

Абу Аля: Права на водные ресурсы обсуждаются на заключительном этапе в ходе многосторонних переговоров. Мы считаем, что сейчас неправильно откладывать разговор на эту тему. Если мы воспринимаем мирный процесс как единое целое, то мы должны содействовать друг другу в достижении целей как на двусторонних, так и на многосторонних переговорах.

Хиршфельд: Что касается канала Аль-Гор аль-Гарбийя, то сирийцы забирают воды больше, чем им положено. Иорданцы попросили нас помочь им. И мы согласились. Остающихся водных источников недостаточно для строительства канала аль-Гор аль-

Гарбийя. Вы могли бы обратиться к таким государствам как Швейцария, или Канада за финансированием исследований для решения проблемы воды, например, путем сбора воды, стекающей с горной цепи, расположенной у аль-Гор.

Абу Аля: Мы не можем отказаться от наших прав на водные ресурсы. Если у нас окажется избыток воды, то сможем договориться с Иорданией и с вами в общих интересах. Но мы не согласимся с тем, чтобы кто-то забирал нашу часть на вашем участке, на участке с Иорданией или с Сирией. Мы не допустим, чтобы кто-либо забирал нашу воду.

Хиршфельд: Мы предлагаем другой подход, т. е. вам следует поставить эти вопросы на многосторонних переговорах с целью определить единую цену на воду с тем, чтобы палестинцы платили такую же цену как и израильтяне. Это поможет улучшить ситуацию. Вам также следует построить завод по опреснению воды в Газе. Мы готовы покупать излишки воды. А вы одновременно будете получать и электричество.

Абу Аля: Мы говорим больше о деталях, хотя эти проблемы очень важны. По поводу опреснительных заводов, мы считаем их невыгодными и очень дорогими. Сейчас для нас более важен вопрос о наших правах на воду. Если мы договоримся по этому вопросу, то затем перейдем к обсуждению вопросов управления водными ресурсами и укрепления водных источников. В этой области мы могли бы сотрудничать. Не забывайте, что войны шли за захват источников воды. Возможно, и в будущем будут вестись войны за обладание водными ресурсами. Если обеспечим подлинный мир, то можно будет построить, с помощью заинтересованных государств, одну-две атомные станции, которые будут важнейшим источником воды. Конечно, их строительство очень дорого (миллиард долларов).

Хиршфельд: По нашему мнению, вопрос объединения семей надо обсуждать на двусторонних переговорах, так как постановка этой проблемы в рабочей группе по беженцам в рамках многосторонних переговоров может быть увязана с правом на возвращение. А вы знаете, что израильтяне не хотят этого, ведь это значит возвращение в Хайфу и Яффу. Это приведет к нестабильности. После окончательного урегулирования и после ухода Израиля вопрос о праве на возвращение останется вашей проблемой. Вопрос о воссоединении можно рассмотреть в рамках двусторонних переговоров в увязке с шагами по созданию доверия. В это же время рабочая группа на многосторонних переговорах могла бы обсудить во-

просы улучшения положения беженцев. Имеется в виду, до тех пор, пока не будет достигнуто окончательное урегулирование.

Абу Аля: Мы рассматриваем переговорный процесс как единое целое, состоящее из двух направлений. Прогресс на одном из них облегчает достижение прогресса на другом. Хотя мы считаем двусторонние переговоры центральным направлением, однако проблема беженцев внесена в повестку дня многосторонних переговоров. Известно также, что СБ ООН принял резолюцию 237 по этому вопросу, а резолюция 194 говорит о праве на возвращение. На месте израильского правительства мы бы выступили с инициативой укрепления доверия и предприняли бы шаги по объединению семей. Мы не видим причин, оправдывающих нерешительность израильского правительства на этом направлении.

Хиршфельд: Вы смогли бы содействовать процессу объединения семей, представив несколько проектов, для выполнения которых нужны специалисты. Ведь некоторые люди, которые обращаются с запросами по объединению семей, могли бы внести свой вклад в дело осуществления этих проектов.

Абу Аля: Количество запросов об объединении семей, представленных в Красный Крест, превышает пятьдесят тысяч. И, в соответствии с резолюцией 237, все они имеют право на возвращение.

Хиршфельд: Что касается создания палестинского национального управления по окружающей среде, то мы не видим никаких препятствий для этого. Я сделаю запрос Йоси Сариду, министру по вопросам окружающей среды, по этому поводу. В отношении формирования рабочей группы по Иерусалиму, откровенно говоря, мы не понимаем вашей позиции, ни причин вашего желания. В случае формирования группы, некоторые стороны, участвующие в этой комиссии, присоединяться к дискуссии, а нужны ли нам сирийцы или саудовцы? Ведь можно вести неофициальные переговоры по Иерусалиму в самой различной форме. Вы же видите, что предпринимаются значительные шаги, только косвенным образом. Мы понимаем, что нужна договоренность об особом статусе Иерусалима, например, особый статус для ориент хаус (штаб-квартира палестинской делегации), для проживания в нем, для нахождения там различных организаций и т. д. Поэтому давайте обсуждать этот вопрос на двусторонних переговорах, нет необходимости в его интернационализации. Мы считаем, что Иерусалим должен оставаться единым. В то же время мы понимаем, что палестинцы – жители Иерусалима не должны становиться гражданами Израиля. Мы так-

же понимаем какое значение для вас имеет Иерусалим. Наш вывод таков: мы готовы обсуждать проблему Иерусалима, но только не на многосторонних переговорах.

Абу Аля: Итак, пусть будет дискуссия о Иерусалиме на двусторонних переговорах, и давайте создадим неофициальную комиссию по этому вопросу.

Хиршфельд: В этом случае израильское правительство сразу же падет, так как ШАС немедленно выйдет из правительства. У нас последнее замечание, касающееся палестинского представительства в комиссии по безопасности на многосторонних переговорах. Мы просим не вносить никаких изменений в форму этого представительства. Думаю, вы понимаете нашу позицию.

Второй раунд 11.2.1993 г.

Мы обратили внимание, что в ходе первого раунда участники обсуждали самые различные темы и проблемы, в общих чертах пытаясь лишь нащупать позиции друг друга, но не концентрировались на определенных вопросах. Проанализировав итоги этого раунда, мы пришли к выводу о необходимости продолжения переговоров. У нас также сложилось впечатление, что израильтяне не избегают разговора на нежелательные для них темы, что давало нашей делегации уверенность в том, чтобы на следующем раунде ставить на обсуждение те вопросы, которые являются основными для Декларации принципов.

Чтобы сделать выводы, которые будут полезны нам на последующих раундах, и выделить необходимые для этого этапа вопросы, мы проанализировали каждое слово в протоколе первого заседания.

Мы обратили внимание на то, что в ходе дискуссии было затронуто большинство основных пунктов, которые могли бы войти в декларацию принципов. Однако было необходимо продолжить диалог, добиваясь более четких и твердых формулировок.

Нас очень волновал вопрос о том, насколько прочно израильские участники переговоров были связаны с политической машиной Израиля. Способны ли они соблюдать взаимные договоренности? Способны ли они разъяснить эти договоренности широкой общественности?

Главный недостаток этого переговорного канала – его секретный характер. Это означает, что израильтяне смогут полностью отрицать все, что было достигнуто, или смогут раскрыть его, а, следовательно, и закрыть. Второй недостаток заключается в том,

что израильская делегация не хочет признать, что она представляет официальную сторону, хотя неоднократно и подчеркивала свою связь с тем или иным высокопоставленным деятелем. Единственное, что было точным, так это принадлежность обоих членов делегации к Партии Труда и их близость о Йоси Бейлиным, заместителем министра иностранных дел. Несмотря на все это, нас не покидали тревожные мысли в течение последующих трех раундов, в которых участвовали только Яир Хиршфельд и Рон Пундик.

Переговоры имели длительный и обстоятельный характер. Иногда мы возвращались к уже обсужденным темам, чтобы лучше в них разобраться или взглянуть на них по-новому. Однако, следует отметить, что мало-помалу между израильской и палестинской сторонами росло доверие и взаимопонимание. Обсуждение стало принимать серьезный характер, чувствовалось стремление достичь позитивных результатов.

Второй раунд начался в четверг 11 февраля 1993 г. с выступления представителя Израиля.

Яир Хиршфельд:

Я бы хотел высказаться по вопросу о депортированных. Мы пришли к взаимопониманию с США. Ситуация такова, что Рабин подорвал свой авторитет в Израиле. Мы должны прийти к такому соглашению, которое никому не повредило бы. Это возможно? Подобное соглашение улучшило бы положение обеих сторон. Однако постоянные нападки на нас со стороны Бутроса Гали и ООП осложняют наше положение.

На специальных заседаниях Рабин указывал на опасность захвата "Братьями-мусульманами" власти в Иордании. Кажется, что иракский режим постепенно завоевывает легитимность в результате интереса западных компаний к возможностям получения прибылей через сотрудничество с Иорданией.

Что касается позиции Америки в настоящее время, то, по нашему мнению, она сводится к следующему:

– Президент Клинтон уделяет основное внимание внутренним проблемам, а это значит, что американцы будут в меньшей степени заниматься международными делами.

– Становится ясным, что союз Западной Европы и США, укрепление которого стимулировал кризис в Заливе, начинает разваливаться.

– Если мы вместе придем к взаимопониманию, тогда можно будет придать новый стимул участию США в мирном процессе.

Мы получили ваше мирное послание, которое играет большую роль в формировании политического мышления у нас. Мы, со своей стороны, выражая наше стремление к миру, приехали на эту двустороннюю встречу.

Мы считаем, что необходимо добиться значительного прогресса на переговорах и ощутимого улучшения экономического и социального положения населения на Западном берегу и в секторе Газа. Однако, прежде всего, мы должны разобраться с переговорными каналами: это – Норвегия, Фейсал, Ханан, Сари Нусейба. Нам необходим политический канал, который мог бы влиять на внутреннюю обстановку в Израиле. Но надо иметь в виду, что все переговорные каналы должны работать на официальный канал и информировать его о достигнутых результатах.

Шимон Перес и Рубинштейн вернутся из Вашингтона, чтобы провести переоценку переговоров с палестинцами. Будет сделан обстоятельный и глубокий анализ. В то же время ясно, что Рабин продолжает отдавать предпочтение проведению двусторонних переговоров в Вашингтоне.

Сейчас я бы хотел разъяснить вам некоторые аспекты нашей новой политики, направленной на улучшение ситуации в секторе Газа и на Западном берегу, несмотря на возможность появления в результате этого негативных явлений в экономике Израиля. Перес официально заявил, что Израиль не желает присоединения Западного берега и Газы к своей территории. В частности, он сказал: "После воцарения мира мы могли бы рассмотреть вопрос о конфедерации". Хочу указать на другой важный аспект, который выражается в готовности Израиля выделить новые государственные земли в целях экономического развития в интересах палестинцев. Мы уверены, что, чем быстрее будет достигнуто взаимопонимание между нами, тем лучше будет для вас, нас и американцев. Поэтому сегодня мы хотим найти вместе с вами путь к решению некоторых проблем и достичь взаимопонимания.

Выступление члена израильской делегации
Рона Пундика.

Израильское правительство внесет коренные изменения в систему предоставления помощи поселениям. Действительно правительство приняло решение о новой политике, в соответствии с которой будет увеличена помощь поселениям и деревням на территории Израиля за счет сокращения помощи поселениям на Западном берегу и в секторе Газа. Другой аспект новой политики состоит в предоставлении льгот interim Self-Governing Authority

(ISGA) в осуществлении экономических проектов, несмотря на возможные негативные последствия для нашей экономики. Цель такого подхода состоит в возрождении экономики сектора Газа и Западного берега. В этой связи были предприняты следующие шаги:

1. Освобождение от налогов на три года новых промышленных проектов..

2. Привлечение инвестиций в промышленность и строительство жилья со стороны палестинцев из-за рубежа путем представления въездных виз на два года. До этого времени сорок человек из-за рубежа воспользовались такой возможностью, зная, что нет никаких ограничений на ввозимый капитал как с точки зрения его размеров, так и с точки зрения его источников.

3. Поощрение прямого экспорта.

4. Согласие на открытие независимого представительства ЕС в Восточном Иерусалиме.

5. Частичная отмена таможенной пошлины с товаров, вывозимых в Иорданию через пропускные пункты на мостах..

6. Согласие на создание восьми промышленных зон на государственных землях. Пять зон будет создано в Газе и три на Западном берегу.

7. Согласие на выдачу лицензий на создание новых проектов: 90 – в Газе и 108 на Западном берегу.

8. Административный совет цементного завода получил официальное уведомление о согласии на его строительство и о разрешении получить 15 тысяч долларов из Франции на изучение проекта.

9. Выдача лицензии на строительство мельницы в Газе или в Рамаллахе.

10. Согласие на выдачу лицензии на открытие семи новых филиалов Каирского и Амманского банков, а также согласие на открытие нового филиала банка Палестина (Газа).

11. Согласие на открытие двух новых страховых компаний, официальная аккредитация которых произойдет в течение двух недель.

12. Согласие на осуществление в принципе проектов строительства жилья на государственных землях.

Далее Пундик продолжал: "После встречи с представителями Саудовской Аравии и Катара президент Торговой палаты Израиля подтвердил необходимость содействия экономическому развитию Западного берега и сектора Газа в целях создания единой палестино-израильской экономики. Таможенных барьеров не будет, и

откроется дорога к интеграции двух экономик – палестинской и израильской. В этой связи комиссия кнессета посетила сектор Газа. После визита она призвала к коренным, а не к поверхностным изменениям экономической ситуации. Комиссия предложила обеспечить финансирование капиталовложений из-за рубежа и за счет неустраиваемых палестинских капиталов".

В заключение Пундик отметил: "Хочу сказать, что в Израиле идет коренная переоценка позиции в отношении Западного берега и сектора Газа".

Абу Аля: Операция по депортации поставила под угрозу срыва поиски мира. К сожалению, международное сообщество занято последствиями депортации и не следит за ходом переговоров. Направление делегаций как на двусторонние, так и на многосторонние переговоры стало почти невозможным делом. Особые трудности возникают при формировании делегации в соответствии с формулой, навязанной Мадридской конференцией, так как, с одной стороны, члены делегаций живут в условиях оккупации, а с другой, находятся под давлением обывателей.

Что касается американской позиции, то мы видим наш долг в том, чтобы постоянно за ней следить. Как нам кажется, Америка пытается как бы уклониться от своих международных обязательств, уделяя главное внимание внутренним проблемам. А это значит, что мы сами должны заниматься своими делами. Америка не только не будет против такого подхода с обеих сторон, но поддержит его, так как снимет с себя груз такой сложной проблемы. Поэтому напрашивается такой вопрос: "А насколько серьезны мы сами в стремлении достичь соглашения?".

Достижение соглашения о Декларации принципов явится большим прорывом, если мы хотим говорить о будущем, о сосуществовании и стабильности. Поэтому соглашение будет иметь мобилизующее значение для общественного мнения, возвращая его помыслы к временам Мадридской конференции. Возможно, мы не сможем путем переговоров в Вашингтоне добиться этого. Однако с помощью закулисных переговорных каналов, может быть, придем к этой цели. Поэтому необходимо придать этим переговорам легитимность. Мы все говорим с полной откровенностью, поэтому хочу сказать, что если у нас не будет поддержки со стороны наших руководителей, то наши надежды останутся слабыми. Конечно, в наших беседах не должно быть границ и красных линий. Поэтому я обеспокоен, прежде всего, следующим: если израильское руководство не будет получать полную информацию, значит, мы просто теряем

время. Настала пора, когда мы должны уделить нашим переговорам большее внимание, нацелив их на достижение успеха. Может быть, пора в рамках наших переговоров создать специализированные группы для обсуждения определенных тем. Мы слышали высказывание Рабина о том, что на достижение соглашения с палестинцами потребуется от пяти до десяти лет. Прошу понять, что не будет мира без мира с палестинцами, так как палестинская проблема лежит в основе конфликта на Ближнем Востоке.

Пундик говорил об уменьшении или даже приостановке поддержки жителям поселений. Мы считаем, что самым важным шагом в деле создания климата доверия будет прекращение строительства поселений. Мы не просим объявлять об этом.

Яир Хиршфельд: Между нами есть понимание того, что на прошлой встрече был достигнут прогресс. Как мы поняли, вы хотите донести до нас два посыла:

– вы выступаете за мирный процесс, но на данном этапе речь не идет о создании государства, его создание откладывается на будущее, а также, что ООП будет участвовать в процессе непосредственно и легально через несколько лет.

– вы понимаете сложность нашего положения и вы готовы проявить гибкость ради обеспечения успеха мирного процесса, т.е. вы готовы оставаться за кулисами, а затем будете постепенно выходить на сцену.

Абу Аля: Я хотел бы подтвердить, что палестинская власть в переходный период должна быть выражена путем создания временного палестинского совета. Имеется также в виду, что все мероприятия, выражающие суть переходного периода, являются составной частью этого процесса и обеспечивают выполнение резолюций 242 и 338. Мы также считаем, что должны состояться всеобщие свободные и прямые выборы под международным контролем и при участии всех палестинцев, проживающих на Западном берегу и в секторе Газа в соответствии с данными переписи населения от 4 июня 1967 г., включая Восточный Иерусалим.

Яир Хиршфельд: По вопросу о международном контроле за выборами. Перес сказал Фейсалу аль-Хусейни, что выборы, которые состоялись в 1976 г., были справедливыми. Их результатом стало избрание мэров – сторонников ООП. С другой стороны, присутствия международной прессы достаточно. Например, я считаю, что присутствие Барбары Уолтерс более важно, чем Джимми Картера. Что касается международного контроля за выборами, то его можно расшифровать так, что мы живем в таких же условиях, как

на Филиппинах. По поводу переписи от 4 июня 1967 г. вам не следует ожидать, что мы согласимся с вашей точкой зрения. Об участии жителей Восточного Иерусалима в выборах. Прошу вас понять, что тема об Иерусалиме открыта для дискуссии, но начинать ее обсуждение следует после выборов.

Абу Аля: В гарантийном письме американцы подтвердили участие жителей Иерусалима.

Яир Хиршфельд: Тогда и обсуждайте вопрос об участии жителей Иерусалима непосредственно с американцами, а не с нами. Если мы представим ситуацию, что правительство заявило о согласии на участие деятелей Иерусалима в выборах, то это правительство тут же падет. Мы считаем, что следует разработать порядок, обеспечивающий участие в выборах палестинского руководства Иерусалима. А мы могли бы осуществить это таким образом, чтобы не вызвать сильного противодействия в Израиле.

Абу Аля: Мы не сможем прийти к какой-либо договоренности о Декларации принципов без упоминания Иерусалима.

Рон Пундик: Как можно выйти с таким вопросом на партию ШАС? Вы должны понять, что если ШАС выйдет из правительства, то правительство падет. Поэтому участие в выборах палестинского иерусалимского руководства можно организовать в Рамаллахе или другом месте. Подобные организационные вопросы всегда приобретают остроту. По существующему закону, "голосование должно проводиться в ближайшем пункте". И если мы примем ваше предложение о том, что участие в выборах будет определяться на основании данных переписи населения от 4 июня 1967 г., то вопрос об Иерусалиме вызовет падение правительства.

Абу Аля: Давайте перейдем к вопросу о юрисдикции. Ведь это очень точная и важная проблема. Власть должна распространяться на все палестинские территории, оккупированные в 1967 г. В течение переходного периода некоторые районы будут оставаться под вашим административным управлением.

Яир Хиршфельд: Вопрос о полной юрисдикции над территорией в течение переходного периода совершенно не приемлем, так как он должен быть решен на заключительном этапе.

Абу Аля: Мы понимаем, что переходный период необходим для создания климата доверия между нами и как подготовительная стадия к установлению мира при определении окончательного статуса. Однако мы должны определить, на какую территорию распространяются наши полномочия на время переходного периода. С другим вариантом мы не согласимся.

Яир Хиршфельд: Мы уже говорили о создании властных структур на территориях в переходный период. Эти структуры будут осуществлять контроль над теми территориями, о которых мы договоримся. Однако вопрос о распространении юрисдикции на все территории является самым сложным, так как связан с решением проблемы поселений и Иерусалима. Давайте начнем с того, что возможно. Что касается окончательного статуса, то наши переговоры посвящены одному вопросу. Мы говорим: вывод с некоторых территорий, а вы говорите о выводе со всех территорий. Но это предмет переговоров об окончательном статусе. Следовательно, сейчас мы не можем говорить на эту тему. Ваше предложение о распространении юрисдикции на все территории, оккупированные в 1967 г. означает, что соглашение уже сейчас нацелено на проблему, которая должна быть решена только в ходе переговоров об окончательном статусе.

Что касается ухода из Газы, то мы хотим его начать одновременно с началом переговоров об окончательном урегулировании. Что касается создания арбитражной комиссии, то это очень сложный вопрос. Если мы определим сферу арбитража, то переговоры прекратятся и тогда любой вопрос, по которому возникли разногласия, следует передавать в арбитражную комиссию. Если мы все же договоримся о создании такой комиссии, то ее компетенция должна быть четко ограничена одной или двумя проблемами.

В заключение Хиршфельд перешел к вопросу о поселениях, сказав следующее: "Мы уже разработали письменные обязательства с подписью жителей поселений, в которых их требования ограничены лишь возмещением за жилье в случае их ухода. Эта компенсация будет соответствовать реальным затратам правительства на строительство домов в поселениях. Мы хотим избежать повторения эксперимента с выдачей компенсаций жителям поселений во время их ухода с Синая".

Третий раунд 20.3.1993.

Во втором раунде внимание было сфокусировано на главных темах Декларации принципов, а именно: базовые документы, совет, выборы, Иерусалим, географическая юрисдикция, уход из Газы, экономическое развитие. Таким образом стали вырисовываться контуры основных пунктов Декларации принципов. Появилась возможность представить проект, и даже не один, самой Декларации. Только двух раундов было достаточно, чтобы не только обменяться мнениями в общем по основным проблемам, но и перейти к сути

переговоров, не теряя время на формальности, на которые раньше тратились долгие часы и дни без всякой пользы.

Две причины лежали в основе озабоченности нашей делегации, стремившейся удостовериться в поддержке израильским правительством переговорного канала в Осло. Первая заключалась в том, чтобы быть уверенными, что заявления членов израильской делегации не являются пустой болтовней, а вторая в том, чтобы укрепить эти контакты, поскольку предпринимались попытки в разных местах, о чем мы уже упоминали, в целях начать дискуссию с нами по другим каналам. Мы, со своей стороны, хотели всячески пресечь подобные попытки и не дать другим израильтянам войти с нами в контакт.

Выражая удовлетворение своего руководства посланием мира, с которым обратилась на переговорах наша делегация, израильтяне говорили о приближении серьезных изменений, которые прекратят состояние вражды и создадут атмосферу дружбы и сотрудничества. Они заверили нас в том, что среди приоритетов на первом месте у них стоит палестинское направление, а затем сирийское с тем, чтобы мирный процесс опирался на две ноги. Они считали, что присоединение Сирии к мирному процессу покончит с палестинской оппозицией, базирующейся в Дамаске. Израильтяне также говорили о роли США и визите Кристофера в Иерусалим, о его беседе с Фейсалом по вопросу о депортированных. Они, в частности, сказали: "Вы упустили целый ряд возможностей. Так, например, приглашение сопредседателей к участию в девятом раунде двусторонних переговоров содержало ясную ссылку на резолюцию 242 и 338 СБ ООН. Вы могли бы лучшим образом использовать эту формулировку. Вы совершили ошибку, не договорившись о соглашении с Кристофером, когда он был в Иерусалиме. Мы подтверждаем здесь, что направили им полную информацию о наших переговорах. Норвежцы также направили свою информацию, но менее детализированную. Что касается Иерусалима в нашей позиции, то по этой проблеме существует два аспекта. Один, отрицательный, заключается в том, что наше правительство чрезвычайно осторожно в вопросе о Иерусалиме и для него невозможно упомянуть слово Иерусалим в любом контексте в переговорах с вами. Второй, положительный аспект, сводится к тому, что мы вместе могли бы предпринять множество скоординированных мер в Иерусалиме, отвечающих вашим интересам. Мы же хорошо понимаем, что по этому вопросу мы должны вести дискуссию с вами. Важным

доказательством этого служат меры, связанные с ситуацией вокруг Ориент Хаус.

Затем израильская делегация затронула тему о многочисленных попытках со стороны израильских политиков установить контакты с ООП. Израильцы отметили, что не возражают против таких контактов, но просили координировать их с каналом в Осло. Такой подход израильтян означал, что они против новых контактов. В то же время он являлся ясным сигналом о нежелательности какого-либо сотрудничества с теми, кто пытался проявить подобную инициативу.

Израильская делегация твердо стремилась к достижению согласованного документа, который означал бы желанный прорыв. Она считала, что только при этих условиях США будут оптимистично настроены на участие в переговорах. Наша же делегация выступала за необходимость участия египтян, которые с самого начала подробно знакомились с документами. Мы выступали за привлечение к переговорам министра иностранных дел Египта Амра Мусы и советника президента Мубарака по политическим делам Усама аль-База. Затем мы вновь говорили, что невозможно подписать любое соглашение без параграфа о Иерусалиме. По этому поводу произошел следующий диалог:

Яир Хиршфельд: Мы должны найти способ, как провести мысль об Иерусалиме и в каких формулировках.

Абу Аля: По поводу других предлагаемых переговорных каналов хочу сказать, что в настоящее время мы сконцентрировали все наши контакты на этом канале. Мы также считаем, что можно скоординировать все заявления по запросу о безопасности и другим темам именно здесь на этих переговорах, укрепив их значение.

Яир Хиршфельд: В связи с выборами хочу привлечь ваше внимание к роли палестинцев, проживающих в изгнании. Они – будущие партнеры. Вы могли бы начать процесс возвращения людей из других стран для участия в предстоящих выборах. Руководство могло бы представить список кандидатов на возвращение для участия в выборах. В наших общих интересах было бы полезно, если бы вернулись известные деятели. Например, вы могли бы предложить пять кандидатур для избрания в переходный совет, таких как Абу Мазен, Абу Аля.

Абу Аля: Проведение выборов должно отвечать следующим условиям:

– участие всех палестинцев, зарегистрированных на Западном берегу, в Газе и Иерусалиме 4.6.1967 г.

– участие жителей Иерусалима (выдвижение кандидатов и выборы). Голосование можно будет провести в мечети Аль-Акса и в церкви Воскресения.

– международный контроль за выборами.

Яир Хиршфельд: Идея о международном контроле неприемлема. Мы в состоянии гарантировать свободные выборы, вы это знаете из опыта выборов 1976 г. Мы предпочитаем независимый контроль за выборами со стороны палестинцев. Вы настаиваете на участии жителей, зарегистрированных 4.6.1967. А вдруг Абу Мазен не внесен в избирательные списки?

Абу Аля: Там, где мы обсуждали пункт о сфере полномочий, что вы хотите на самом деле? Хотите ли вы, чтобы переходный период стал проверкой доброй воли? Или вы хотите, чтобы мы согласились со свершившимися фактами? Если это так, то весь мирный процесс будет разрушен. И никакого выхода не будет. И никто не сможет предсказать? как будут развиваться события и каковы будут последствия. А без приемлемого для палестинцев урегулирования не будет подлинного мира. Если же вы считаете, что главная угроза вашей безопасности исходит от армий, то мы находимся в желудке Израиля, а эта опасность ничуть не меньше, чем опасность, исходящая от вооруженных армий.

Яир Хиршфельд: На сегодня границы суверенитета Израиля ограничены зеленой линией. Нынешнее правительство не хочет расширения. На переговорах по окончательному урегулированию будут определены безопасные и общепризнанные границы с внесением изменений на некоторых территориях. Вот в чем смысл резолюции 242 или принципа "Земля в обмен на мир". Если мы подпишем Декларацию принципов, например, в июле 1993 г., то начнем переговоры по окончательному урегулированию в июле 1995 г. Темой переговоров будет установление совершенно нового порядка в районе Ближнего Востока, в т. ч. рассмотрим вариант о создании конфедерации. Таким образом, уход из Газы даст вам то, что вы хотите. Те, кто в Тунисе, смогут переехать в Газу, и если вы представите предложения об экономических проектах на Западном берегу, вы сможете получить новые земли в рамках ваших полномочий и осуществить на них ваши проекты, например, проект канала между Средиземным морем и Мертвым морем.

Мы же перейдем из состояния полного контроля над всей территорией в новое состояние. Вы сможете распоряжаться частью территории и использовать право вето в отношении другой части. А третья часть земель останется под контролем Израиля

(поселения), о которой и пойдет речь на переговорах о заключительной стадии урегулирования.

В заключение этого раунда был представлен проект Декларации принципов. После этого Яаир Хиршфельд сказал, что он вернется в Израиль с этим документом, в отношении которого возможны три варианта оценки:

- ему заявят, что правительство не согласно с этим документом, и переговоры следует прекратить.

- правительство полностью согласно с этим документом.

- ему скажут, что документ нуждается в некоторой корректировке, что правительство понимает необходимость поддержки контактов с ООП, которые ведут к положительным и многообещающим результатам, и, следовательно, ему предложат продолжить работу по совершенствованию документа на переговорах в Осло.

В конце протокола наша делегация записала краткие замечания о позиции израильтян, норвежцев и американцев в следующем виде:

Израильская сторона.

Этот документ подготовлен господином Шимоном Пересом лично (документ, привезенный членами делегаций до каких-либо изменений).

- Рабин проинформирован, но ему не известны все детали.

- Команда МИДа связана, заинтересована и поддерживает итоги работы, проделанной в Осло.

- ООН показала себя как подготовленный партнер.

- Ожидаем и не возражаем против возвращения палестинского руководства из Туниса в сектор Газа.

- Что касается предстоящих выборов в переходный совет, окажем содействие возвращению палестинских руководителей первого ранга из Туниса для выдвижения их кандидатур и для участия в выборах. Необходимо наладить координацию между ними и египтянами в целях вывода ООП из изоляции.

- Уменьшение ранее указанного срока для ухода из Газы наполовину (два года, как самый крайний предел, со дня подписания соглашения).

- Впервые они долго обсуждали между собой, говоря на своем языке, и впервые также они прервали переговоры, чтобы связаться со своими руководителями.

– С большой заинтересованностью подчеркивали важность миролюбивых высказываний Абу Аммара как в его заявлениях в прессе, так и в беседах с некоторыми израильскими деятелями.

– На следующей встрече они представят документ о своем видении порядка ухода в более ранние сроки из Газы, а также свои предложения на период после вывода войск, по таким аспектам, как безопасность, наблюдательные войска, многонациональные силы, первоочередные меры в экономике, необходимые для обеспечения процесса строительства экономики, передвижения товаров и людей в целях создания атмосферы стабильности и развития, обеспечивающей мир.

– Будут созданы рабочие группы по каждому пункту и статье в рамках переговорного канала в Осло, под его контролем и материальной поддержке. Они подтвердили заинтересованность в ознакомлении Египта с итогами переговоров, глава их делегации на следующей неделе вылетает в Каир.

– Эта договоренность будет представлена на ближайшем заседании миниправительства, чтобы дать полные полномочия этому переговорному каналу и обсудить проект.

Американская сторона

Американцы информированы о переговорном канале в Осло на уровне государственного секретаря, который следит за переговорами с интересом и поддержкой.

– Согласованный документ подробно рассмотрен Даном Керццером.

– Во вторник заместитель министра иностранных дел свяжется по горячей линии из американского посольства с администрацией США.

– В ответ на приглашение государственного департамента США представитель министерства иностранных дел Норвегии направляется во вторник в Вашингтон.

Норвежская сторона.

Министр иностранных дел, его заместитель и еще два сотрудника министерства делают все возможное для создания благоприятных условий и оказывают необходимую поддержку переговорному процессу.

– Они находятся в постоянной связи с израильской стороной, с госдепартаментом США и с нами.

– Они заявили о своей готовности принять и финансировать работу специализированных групп по подготовке отчетов, исследований, схем, которые будут прилагаться к данному соглашению.

– В этот раз они выразили большой оптимизм в отношении достижения успеха на этих переговорах.

– Они считают, что после утверждения обеими сторонами документа в окончательном варианте, заключительная церемония должна быть организована американцами. По их мнению проведение этой церемонии в США будет дорогим подарком для администрации Клинтона.

Между третьим и четвертым раундами состоялись телефонные переговоры между нами и норвежцами о ходе переговоров в Осло. Мы записали телефонное сообщение Терри Ларсена от 12.4.1993 и наш ответ.

Телефонное сообщение от заместителя министра Норвегии
Терри Ларсена (12.4.1994 г.)

– Вчера наш представитель встречался с Пересом и Бейлиным.

– Рабин несколько раз встречался с Пересом для обсуждения соглашения.

– Рабин заявил, что переговоры в Осло – одно из самых важных событий и что их участники наделены всеми полномочиями.

– Соглашение можно считать вполне приемлемым для дальнейшей работы.

– На встрече 20.4. они предложат частично новый вариант для этой договоренности. Вы увидите, что некоторые предложения и формулировки взяты из достигнутого соглашения.

– Сейчас у нас хороший базовый документ.

– Они хотят продолжения этих переговоров и предлагают встречу 25. 4.

– Рабин и Перес признают, что вы –лучшие партнеры.

– Они встречались с американцами и все подробно с ними обсудили.

Они признают важность этих переговоров и считают их решающими.

– Они хотят, чтобы Осло оставался местом переговоров.

Наш ответ на телефонное сообщение.

- Мы прилагаем все усилия, чтобы принять участие в переговорах 20.4, несмотря на всевозможные трудности.
- Просим ничего не говорить на эту тему членам нашей делегации.
- Мы предлагаем, чтобы встреча состоялась 15–16.4. для парафирования соглашения.

Четвертый раунд 30.4.1993.

Норвежцы хотели, чтобы каждый раунд проходил в новом месте. Поэтому участники переговоров переехали из Сарпборга в Холтенколлен Парк, где и состоялся четвертый раунд. Это изолированное и удаленное от людей место. Члены делегации жили в одном доме в окружении большого леса. Таким образом, члены делегации вынуждены были находиться вместе и в ходе заседаний и во время отдыха. Возможность общения в свободное от работы время имела большое значение, так как давала им возможность говорить свободно и откровенно, не стесняясь эмоций.

Яир Хиршфельд: Этот переговорный канал начал действовать с момента нашей встречи в Лондоне. Тогда это была частная инициатива, в основе которой лежал принцип поиска того, что можно достичь путем прямых контактов. И мы можем сказать, что на этом пути удалось многое сделать. Этот канал получил благословение США, он пользуется поддержкой Египта. Нам удалось добиться согласия Рабина на продолжение работы в рамках переговорного канала в Осло.

Вопрос, который вас больше всего волнует, – это закрытие сектора Газа. Однако эта акция в значительной степени облегчает нам противодействие позиции блока Ликуд. Ведь блокирование Газы придает легитимность ее отделению. Таким образом, сейчас мы можем решить две задачи: обеспечить легитимность отделения и легитимность диалога с ООП. Однако необходимо добиться быстрого прогресса на переговорах, так как Рабин подвергается сильному давлению. По мнению некоторых, он пошел на слишком большие уступки. Думаю, что вы обратили внимание на его смелое выступление в День независимости, когда он сказал: "Евреи должны иметь право посещать все святыне для них места, даже если они находятся под чужим суверенитетом". И продолжая, он сказал: "Я имею в виду Синай".

Абу Аля: Мы полностью доверяем этому каналу и оказываем необходимую поддержку самой переговорной "кухне". Мы заинтересованы в очень быстром достижении успеха на этих перегово-

рах, в более быстром, чем вы думаете. Мы также проявляем особую заботу о секретном характере этих переговоров. И мы были удивлены, что Стив Кохен осведомлен о том, что здесь происходит и своими заявлениями ставит нас в затруднительное положение. Нас особенно удивило, что он информировал людей, не имеющих к этому вопросу никакого отношения. В этой связи хочу спросить, ведутся ли переговоры о Фейсалом, Зиядом Абу Зиядом, с одной стороны, и Эфраимом Снэ, с другой, и дано ли ваше согласие на это? Хотелось бы услышать ясный и откровенный ответ.

Хотелось бы получить разъяснение по еще одному пункту. Мы же договорились, что ни один вопрос не должен подниматься на переговорах в Вашингтоне до тех пор, пока мы не договоримся о нем здесь. Поэтому мы ориентировали нашу делегацию там на обсуждение общих проблем, чтобы дать возможность закончить наши переговоры соглашением.

По поводу вывода из Газы, как об этом заявлял Рабин, и фиксирования этой мысли здесь, в соглашении. После изучения этого запроса и после анализа масштаба реакции населения Западного берега и других арабов мы видим необходимость в том, чтобы за выводом из Газы последовал вывод войск с Западного берега. Население Берега будет думать, что все делается для Газы и будет чувствовать неудовлетворенность от такого развития событий. Вы должны понять значение и магию слова "вывод" для жителей. Поэтому мы предлагаем вам еще один вывод, вывод из Иерихона.

Яир Хиршфельд: Мы приступили к переговорам на этом направлении без определения задач в нашей работе. В Лондоне я встретил Дана Кертцера, который сказал мне: "У вас два пути, с одной стороны, ООП, с другой, Фейсал и Ханан. Очень важно создавать закулисные переговорные каналы в любом месте как с ООП, так и с местными лидерами.

Естественно, что мы двигались на этом направлении в ускоренном темпе. И мы делаем все, чтобы расширить круг людей, убежденных в правильности нашей работы. В то же время мы должны понимать, что стратегия Рабина и США исходит из принципа большой осторожности, чтобы не дать повод для Ликуда. Они также считают, что переговоры в Вашингтоне не должны терять поступательных темпов в последующий период в целях достижения сближения. Поэтому мы просим вас внести своим участием позитивный вклад в вашингтонские переговоры, а также обязать вашу делегацию участвовать в работе комиссий и проявлять серъ-

езное отношение к ней, хотя бы еще две недели, пока мы добьемся больших сдвигов здесь.

Хочу затронуть еще один аспект и начать разговор о содержании окончательного этапа урегулирования. В этом случае мы могли бы выработать документ, который будет подписан на последующей стадии. Мы могли бы направить нашу дискуссию на два понятия:

- 1) Палестино–иорданская конфедерация
- 2) Тройственный союз (по примеру Бенилюкса).

Я также хочу высказаться о том, как мы понимаем постепенный выход на сцену ООП в прямом смысле. Мы также должны обсудить ваше участие в выборах и выдвижение ваших представителей, время переезда ваших институтов из Туниса в Газу. Документ об окончательном статусе, если мы сумеем договориться о нем и подписать его, заложит основу создания палестинской государственности, а соглашение, достигнутое в Осло, будет частью всеобъемлющего соглашения.

Абу Аля: Вы заговорили на другом языке, свидетельствующем о нежелании в данный момент закончить работу над документом, лежащим перед нами, и подписать его. Вы отвлекаете внимание разговорами о других вопросах, пытаетесь создать впечатление, что таким образом мы движемся вперед.

Яир Хиршфельд: Мы пока не договорились по всем вопросам. Мы здесь усовершенствовали документ, а закончить его сможем в Вашингтоне. Откровенно говоря, нам нужно время, чтобы еще поработать над документом и привлечь к этому более широкий спектр людей.

Абу Аля: До каких же пор нам ждать?

Хиршфельд: Во время встречи с Рабином Усама аль–Баз сказал: "Палестинцы не могут ждать до бесконечности". Рабин спросил его: "Сколько времени они будут ждать, по–твоему?". Аль–Баз ответил: "Шесть недель". Рабин сказал: "Нам нужно больше времени, чтобы уладить наши внутренние дела". Я считаю, что мы могли бы разработать сценарий работы на каждую из предстоящих шести недель, разбив его на следующие этапы:

– В предстоящие две недели будем действовать по двум направлениям:

Первое: Делегация продолжает переговоры в Вашингтоне, внимательно слушая и улыбаясь, но не стремясь к какому–то продвижению. Второе: Нам нужна неделя, дней десять, чтобы обсу-

дить между собой в Израиле некоторые пункты соглашения. Вновь встретимся здесь, чтобы окончательно завершить соглашение.

– Последующие две недели: Окончательный текст соглашения представляется американцам. Разъясняем американцам необходимость их прямого и действительного участия.

– Две последние недели: Американцы представляют документ на переговорах в Вашингтоне как компромиссный вариант, и в течение двух недель идет его обсуждение в рамках переговоров.

Абу Аля: Нам будет трудно выждать весь этот срок в свете укрепления экстремистских тенденций среди палестинцев и ухудшения ситуации на оккупированных территориях.

Пятый раунд 8.5.1993.

Следуя установленному порядку менять места заседаний, участники переговоров провели пятый раунд в гостевом доме норвежского правительства недалеко от королевского дворца.

Хиршфельд начал свое выступление повтором об этапах развития тайных переговоров. Он сказал, что они начались со сбора информации, затем было достигнуто взаимное согласие, потом они получили официальные полномочия, затем обрели легитимность, и, наконец, были достигнуты определенные договоренности, и наступил прорыв. Он подчеркнул, что этот переговорный канал, получив официальные полномочия, должен и дальше продолжать работу. В Израиле идет обсуждение проекта Декларации принципов, чтобы придать ему окончательную форму. Однако это не означает, что делегация получила легитимный статус. Тогда Абу Аля спросил о проекте Газа–Иерихон. Хиршфельд ответил следующее:

"Этот проект Мубарак предложил Рабину. Когда Рабин услышал это предложение, его оптимизм, с которым он приехал в Египет, сменился на пессимизм при его возвращении в Израиль. Однако хочу ясно заявить, что если мы согласимся на этот вариант, то контроль за мостами будет в наших руках. Можно сначала договориться по проекту Газа–Иерихон, а затем вернуться к обсуждению вопроса о Декларации принципов. Необходимо также обсудить два пункта, вызывающие разногласия: Иерусалим и арбитраж. Поэтому мы предлагаем обсудить документ здесь, а спорные пункты на последующих стадиях. Тем более, что Рабин склоняется к необходимости достижения соглашения с вами, хотя раньше он отдавал предпочтение соглашению с Сирией. Причина этого в том, что вы доказали вашу силу, вынудив отложить на неделю начало раунда в

Вашингтоне, а Сирия без вас не может участвовать. Затем состоялся следующий диалог:

Абу Аля: Газа – часть соглашения. Утвердим его, сможем перейти к обсуждению других деталей.

Яир Хиршфельд: Задача этих переговоров – оказать поддержку двусторонним и многосторонним переговорам, а не заменить их. Рабин хочет апробировать свои методы ведения переговоров в Вашингтоне, так как убежден, что добьется большего там, а не здесь. Поэтому мы должны начинать постепенно.

ГЛАВА 9

ДОКУМЕНТ

Пятый раунд переговоров завершился составлением черного варианта документа о принципах дальнейших отношений. Этот документ основывался на проходивших в ходе всех раундов дискуссий. Тем не менее, вплоть до этого момента израильтяне говорили так, как будто они все еще в недостаточной степени верили в возможности начавшихся контактов. Более того, они заявили, что не согласны с предложенным вариантом документа, который, по их мнению, требовал дополнительного изучения. Вместе с тем, становилось ясно, что полученные ими полномочия все еще были далеки от той меры легитимности, которая позволила бы им и дальше участвовать в переговорах. Рабин продолжал колебаться, считая, что контакты с помощью Вашингтона для него более разумны и гарантированы. Он не верил до конца, что начавшиеся встречи могут привести к какому-либо соглашению. Как он считал, даже если участвующие во встречах стороны и придут к соглашению, то и в этом случае ООП не сдержит своих обязательств и не подпишет это соглашение. Было очевидно, что он не был полностью уверен в том, что американцы поддержат предполагаемое соглашение. Положение осложнялось и тем, что инициатором проведения переговоров в Осло выступал Шимон Перес, который имел собственное, отличное от Рабина, мнение по многим вопросам.

Со своей стороны, мы относились абсолютно серьезно к переговорам в Осло. Анализируя развитие событий в Вашингтоне и в Осло, мы приходили к выводу о том, что переговоры в Осло принимают все более реалистический характер. Они начинали затрагивать сердцевину проблемы, не отклоняясь на выяснение формальностей. Мы были также готовы к достижению соглашения и к его подписанию. Однако, у нас оставались все еще непреодоленные сомнения, суть которых заключалась в том, что израильтяне не пользовались поддержкой своего правительства. Они прибыли только для того, чтобы прощупать и обсудить намерения палестинцев. Они не были связаны необходимостью придерживаться высказывавшихся ими точек зрения. В конце концов, они могли заявить о том, что не обладают необходимыми полномочиями, что их

правительство отказывается их поддерживать и лишает их своего прикрытия.

Ниже приводится проект Декларации о принципах, резюмировавший проходившие в течение первых пяти раундов переговоры.

ПРИНЦИПЫ ИЗРАИЛЬСКО–ПАЛЕСТИНСКОГО ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Принципы израильско–палестинского взаимопонимания включены в три документа – Декларацию о принципах, Программу сотрудничества и взаимодействия, а также Основные составляющие "плана Маршалла".

I. Черновой вариант Декларации о принципах

1. Целью израильско–палестинских переговоров является достижение соглашения о мерах, способствующих становлению палестинской автономии на переходный период, а также созданию переходного и избранного Палестинского совета. Становление палестинских органов власти является этапом на пути к окончательному урегулированию на основе резолюций 242 и 338. При этом предусматривается, что меры переходного характера расцениваются как неотъемлемый элемент общего процесса претворения в жизнь резолюций №№ 242 и 338.

2. Для того, чтобы палестинский народ на Западном берегу и в секторе Газа смог перейти к самоуправлению на принципах демократии, на этих территориях пройдут всеобщие, свободные и прямые политические выборы под международным контролем, форма которого будет согласована в дальнейшем. Выборы должны пройти в течение трех месяцев с момента подписания данной Декларации о принципах. Соглашение же о форме и конкретных условиях выборов на основе приложения № 1 будет достигнуто не позже, чем за месяц до проведения выборов.

3. Выборы, направленные на создание переходного Палестинского совета, являются важным шагом предварительного и переходного характера в реализации законных прав и справедливых чаяний палестинского народа.

4. Властные полномочия переходного Совета будут распространены на территорию Западного берега и сектора Газа сразу же после подписания Декларации о принципах, когда начнется пятилетний этап автономии. В течение ближайшего времени между израильским правительством и палестинскими представителями будут проведены переговоры об окончательном урегулировании. Эти

переговоры должны начаться не позже, чем наступит третий год переходного периода. В ходе этих переговоров будут рассмотрены все остающиеся вопросы, включая проблемы Иерусалима, беженцев, израильских поселений, мер безопасности, суверенитета, границ, а также любые другие вопросы, представляющие интерес для обеих сторон.

5. Сразу же после подписания данной Декларации о принципах начнется передача власти от израильской военной и гражданской администраций палестинцам. Власть будет передаваться палестинским комитетам, обладающим переходными и предварительными полномочиями. Палестинское управление будет распространено на сферы налогообложения, туризма, образования, здравоохранения и социальных дел, а также на иные, предварительно согласованные сферы деятельности.

6. В интересах обеспечения наибольшего экономического роста и развития будут созданы Палестинский земельный комитет и Палестинский комитет водопользования. Оба комитета будут сформированы сразу же после подписания данной Декларации о принципах. Как Палестинский земельный комитет, так и Палестинский комитет водопользования немедленно приступят к исполнению своих полномочий, предусмотренных взаимным соглашением. Палестинский земельный комитет и Палестинский комитет водопользования, с одной стороны, и правительство Израиля, с другой, будут совместно координировать свои действия, направленные на развитие землепользования и эксплуатацию водных ресурсов.

7. Для обеспечения максимальной безопасности палестинцев Западного берега и сектора Газа переходный Палестинский совет создаст соответствующие полицейские силы, которые будут нести ответственность за обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка. Шаги, направленные на создание палестинских полицейских сил, будут предприняты сразу же после подписания данной Декларации о принципах и на основе контактов с палестинцами, Израилем, Египтом и Иорданией.

8. В интересах создания условий, благоприятных для деятельности органов переходной палестинской автономии и переходного Палестинского совета в сфере экономики, будут сформированы необходимые хозяйственные институты. Их формирование будет происходить последовательно и по мере необходимости. В число этих институтов войдут Департамент палестинских земельных угодий, Департамент морского порта Газа, Палестинский банк развития, Совет по стимулированию экспорта палестинской про-

дукции, Департамент по охране окружающей среды. Палестинские комитеты и правительство Израиля проведут переговоры по вопросам, связанным с созданием и деятельностью этих институтов.

9. Переходный Палестинский совет предпримет шаги, направленные на правовое обеспечение деятельности всех палестинских властных институтов. Эти шаги будут предварительно обсуждены заинтересованными сторонами. Обе стороны совместно пересмотрят все ныне действующие постановления и приказы военной администрации.

10. Будет создан израильско–палестинский комитет связи. На его рассмотрение будут передаваться все спорные, связанные с интересами обеих сторон вопросы. Данный комитет будет вести переговоры по вопросам сотрудничества и связи. Его решения будут передаваться заинтересованным органам обеих сторон в интересах сохранения безопасности и взаимопонимания между ними.

11. Будут проведены дополнительные переговоры и достигнуто соглашение о дополнительных мерах связи и сотрудничества между правительством Израиля и властью переходной палестинской автономии, с одной стороны, а также правительствами Иордании и Египта, с другой.

12. После подписания Декларации о принципах начнутся израильско–палестинские переговоры о передислокации израильских вооруженных сил на Западном берегу и в секторе Газа. Первый этап передислокации будет осуществлен накануне выборов в переходный Палестинский совет. Последующие этапы передислокации будут осуществляться на основе согласования между обеими сторонами одновременно с реализацией дополнительных мер безопасности (в текст Декларации будут включены приложение по безопасности), но не позже, чем по истечении второго года переходного периода. Израильские вооруженные силы будут полностью выведены с территории сектора Газа, что будет отвечать духу частичного выполнения резолюций 242 и 338. Вывод израильских вооруженных сил будет детально скоординирован с переходным Палестинским советом. Вывод израильских вооруженных сил из сектора Газа ни в коей мере не противоречит реализации принципов, согласованных в данной Декларации о принципах. Что касается Западного берега, то после вывода израильских вооруженных сил из сектора Газа там будет установлена система опеки на основе соглашения между правительством Израиля и властями переходной палестинской автономии. Обе стороны проведут переговоры о последующем частичном выводе израильских вооруженных сил из

Иерихона в течение трех месяцев со дня подписания данной Декларации о принципах и на основе принципов данной Декларации.

13. Израильская и палестинская делегации обсудят переходное соглашение, определяющее механизм и сущность будущей передачи власти.

14. Будет создана третейская комиссия по рассмотрению всех спорных вопросов. Эта комиссия будет создана только на основе соглашения между обеими сторонами и спонсорами мадридской конференции. Передача спорных вопросов на рассмотрение данной комиссии будет осуществляться только в том случае, если обе стороны не смогут достичь по ним взаимоприемлемого соглашения. Обе стороны принимают необходимость использования инструментов взаимного примирения и компромисса до момента обращения в третейскую комиссию.

Оба коспонсора Мадридского процесса подпишут как свидетели данную Декларацию о принципах и будут содействовать ее реализации.

Израильская сторона проведет консультации по следующим трем проблемам:

1. Приложения о форме и условиях выборов.

1. Палестинцы Иерусалима обладают правом участвовать в выборах в качестве избирателей и кандидатов. Палестинцы Иерусалима будут голосовать в мечети Аль-Акса и в храме Гроба Господня.

2. Все перемещенные и зарегистрированные до 4 июня 1967 г. палестинцы имеют право участвовать в избирательной кампании. Это их право не может быть нарушено, кроме тех случаев, когда определенные практические причины помешают им принять участие в выборах.

3. Необходимо достичь соглашения между обеими сторонами по следующим вопросам:

а/ система выборов,

б/ количество избираемых членов переходного Палестинского совета,

в/ форма международного контроля над выборами и кандидатуры членов контролирующего органа,

г/ законы и постановления, касающиеся избирательной кампании, включая соглашение об организации средств массовой информации, а также выдачи лицензии на функционирование радиостанции и телевизионного канала,

д/ иные вопросы.

II. Раздел об Иерихоне

/включается в пункт 12/

III. Роль коспонсоров

/включается в пункт 14/

IV. Программа израильско–палестинского сотрудничества и взаимодействия

К израильско–палестинской Декларации о принципах прилагается согласованная Программа израильско–палестинского сотрудничества и взаимодействия. Она включает:

1. Совместную программу использования водных ресурсов, подготовленную израильскими и палестинскими специалистами в области водопользования. Эта программа определит необходимые формы сотрудничества в сфере водных ресурсов в секторе Газа и на Западном берегу, включая долину реки Иордан. Данная программа будет включать подготовку исследований и проектов, имеющих отношение к правам каждой из сторон на воду и совместное использование водных ресурсов в интересах достижения окончательного урегулирования.

2. Программу развития энергоснабжения, которая предусматривает также формы необходимого сотрудничества в области производства, охраны, покупки и продажи электроэнергии.

3. Израильско–палестинскую программу, согласованную обеими сторонами, о развитии источников энергии. Эта программа будет предусматривать прокладку нефте– и газопроводов, создание нефтехимического промышленного комплекса в секторе Газа, а также скоординированную или совместную эксплуатацию газа, нефти и других энергоресурсов (солнечную энергию, нефть и т. п.).

4. Программу финансового развития и создание Палестинского банка развития.

5. Программу развития транспорта и коммуникаций, предусматривающую принципы создания зоны порта большой Газы свободной торговой зоны между Газой и Ашдодом. Эта же программа должна определить транзитные коммуникации в Газу через Израиль и другие государства, а также меры по созданию необходимых шоссейных и железных дорог и т.п.

6. Программу промышленного развития, предусматривающую создание совместного израильско–палестинского предприятия по сборке автомобилей в Газе и иных израильско–палестинских совместных проектов. Эта же программа должна предусматривать развитие сотрудничества между обеими сторонами в области ткацкой и пищевой промышленности, в производстве лекарственных

препаратов, в электронике и налаживании выпуска компьютеров, а также в иных наукоемких отраслях индустрии.

7. Программу организации взаимодействия в создании дополнительных рабочих мест и вопросах социального развития.

8. План развития людских ресурсов, предусматривающий открытие совместных израильско–палестинских мастерских и учебных кружков, а также совместных центров профессиональной подготовки, исследовательских центров и банков информации.

9. План охраны окружающей среды, предусматривающий совместные и/или согласованные действия в этой области.

10. Согласованные программы безопасности.

V. Основные принципы подготовки "плана Маршалла" для Западного берега, сектора Газа и всего региона.

К израильско–палестинской Декларации о принципах и Программе сотрудничества и взаимодействия будут приложены Основные инициативы, аналогичные "плану Маршалла" и предложенные членами "большой семерки" и другими государствами–участниками Организации еврейского сотрудничества и развития (ОЕСР). Члены "большой семерки" и государства–участники ОЕСР обязались в ходе многосторонних переговоров подготовить "план Маршалла" для Западного берега, сектора Газа и всего региона. Эта инициатива будет претворяться в жизнь после проведения выборов и создания властных структур палестинской автономии, а также переходного Палестинского совета. Со своей стороны, палестинцы получают дополнительную значительную помощь от арабских государств и различных арабских организаций и институтов.

Мероприятия по "плану Маршалла" будут состоять из двух частей. Это, во–первых, Палестинская программа экономического развития как центральное звено предлагаемой инициативы и, во–вторых, Региональная программа экономического развития.

A. Палестинская программа экономического развития. В ходе многосторонних переговоров Израиль поддержит Палестинскую программу экономического развития, состоящую из трех элементов.

1/ Программа социальной переподготовки.

2/ План развития предприятий мелкого и среднего бизнеса.

3/ Программа развития инфраструктуры /источники воды, электроэнергия, транспорт, коммуникации, людские резервы, финансовые структуры и т.п./.

Б. Региональная программа экономического развития.

Обе стороны поддержат Программу экономического развития региона, включающую реализацию нескольких ключевых проектов развития.

1) Создание Ближневосточного фонда развития и Ближневосточного банка реконструкции и развития.

2) Строительство канала Средиземное море – Мертвое море, а также реализация совместного израильско–палестинско–иорданского проекта скоординированной эксплуатации района Мертвого моря.

3/ Строительство регионального водоопреснительного и энергетического комплекса.

4/ Объединение энергосистем.

5/ Региональное сотрудничество в области транспортировки и распределения газа и нефти, а также других источников энергии. Промышленная эксплуатация этих источников.

6/ Региональный план развития туризма и транспорта.

7/ Региональное сотрудничество в других областях на основе соответствующих договоренностей между сторонами.

Шестой раунд – 21.05.1993 г.

В ходе этого раунда произошло неожиданное и позитивное событие. В израильскую делегацию, состоявшую из Яира Хиршфельда, Рана Пундика, был включен третий участник переговоров, представившийся как Ури Савир, генеральный директор израильского Министерства иностранных дел. Мы собрали о нем информацию, благодаря которой узнали, что он был одним из наиболее выдающихся представителей молодых членов Партии Труда. Его отец был в прошлом послом Израиля в одной из стран. Сам Савир занимал пост генерального консула в Нью–Йорке и отвечал за связи с сионистским лобби. В дальнейшем он работал в посольстве в Вашингтоне. Свой нынешний пост он занял только две недели тому назад, сменив на этом месте Йосефа Хадаса. Савир оценивался как человек, приближенный к Рабину, Пересу и Йоси Бейлину, хотя к последним двум в большей степени. Кроме того, он был одним из сторонников мира.

В целом, это событие успокоило меня. Я впервые почувствовал, что мы наконец–то встретились с официальным израильским чиновником, поскольку двое других членов делегации представлялись как близкие к правительственным кругам научные работники.

Мы не удовлетворились полученной информацией об Ури Савире и связались с другими организациями, среди которых было

Министерство иностранных дел Египта, для того, чтобы проверить ее подлинность. Все подтвердили нам, что он действительно является генеральным директором МИД и что на этот пост он был назначен совсем недавно.

Я должен сказать, что назначение Ури Савира не могло окончательно успокоить меня в том, что касалось состава израильской делегации. Имевшаяся в нашем распоряжении информация, а также то, о чем мы не раз слышали, свидетельствовало, что Рабин все еще окончательно не уверен в значимости происходивших в Осло контактов. Это, в свою очередь, означало, что он может в любой момент прервать их. Мы прекрасно помнили о заключенном в Лондоне в 1986 г. соглашении между Хусейном и Пересом, разорванном Шамиром и американцами, когда они с ним познакомились. Но у нас оставался только один выбор – продолжать переговоры в Осло, поддерживать их и относиться к ним со всем вниманием. Мы должны были ничего не потерять, если бы в ходе этих переговоров случилось бы что-либо непредвиденное, если израильская сторона приготовила бы нам что-нибудь неожиданное.

Ури Савир прибыл в Париж с однодневной, формально официальной миссией. Затем он сообщил израильскому послу в Париже, что проведет там еще два дня в неофициальном качестве, не нуждаясь при этом в сопровождении или помощи кого-либо из сотрудников посольства. Через два дня он тайно отправился из Парижа в Осло, оставив свой багаж в гостиничном номере, чтобы его отсутствие не показалось подозрительным. После этого он вновь вернулся в Париж так, как будто ничего не произошло, и отправился в Тель-Авив.

Действия Ури Савира доказывали, что израильтяне стремились к тому, чтобы переговоры в Осло были бы покрыты полной тайной, оставаясь абсолютно неизвестными для всех, включая, в том числе, и посольства Израиля в Париже и Осло. Иными словами, речь шла о том, чтобы эти переговоры были ограничены крайне узким кругом лиц, оставаясь неизвестными даже для работающих в Европе израильских дипломатов.

В протоколах этого раунда содержится то, что говорил Ури Савир:

"Наше руководство внимательно следит за развитием переговоров в Осло и стремится к тому, чтобы они оставались секретными. Но эти переговоры не являются альтернативой Вашингтону.

Мы не предполагали, что сможем так быстро начать официальные переговоры без посредников, поддерживаемые руководством обеих сторон".

Он выразил свое восхищение методами ведения переговоров в Осло, где происходит всеобъемлющее обсуждение проблем, которые не сводятся лишь к вопросам технического характера.

Он подтвердил, что время является важным фактором, так как движение вперед осуществляется медленно и может повернуться вспять. Необходимо как можно быстрее достичь полного мира с палестинцами.

Он критиковал некоторых посредников, отмечая, что, хотя некоторые из них и искренни, но, тем не менее, они стремятся удовлетворить собственные интересы.

Он подчеркнул, что американцы и кое-кто из арабов предостерегли их от переговоров с ООП, советовали им не вступать с ней в контакты, поскольку ООП не обладает достаточной легитимностью, раздает обещания, но постоянно отступает от них. Программу нового правительства Партии Труда он представил следующим образом:

1. Приостановка на 90% программы строительства новых поселений.
2. Приостановка инвестирования миллионов долларов в новые поселения.
3. Освобождение некоторых заключенных и возвращение на родину некоторых высланных.
4. Стремление правительства Партии Труда решить палестинскую проблему; его отказ от того, чтобы и в дальнейшем распоряжаться судьбой другого народа.

Он сказал: "И мы, и вы опасаемся за будущее. Именно поэтому и мы, и вы занимаем оборонительную позицию. Но у окруженного Израиля опасений больше, чем у вас. Карта Израиля нестабильна. Любой конфликт в регионе нанесет Израилю ущерб, даже если он и не будет участником этого конфликта". Он намекал на Ирак и Иран.

"Израиль не хочет оставаться осажденной крепостью, но ему нужны гарантии безопасности.

Демократия в регионе в целом и демократия у палестинцев, в частности, – это одна из гарантий безопасности Израиля.

Обе наши стороны не заинтересованы во вмешательстве американцев. Свидетельством тому являются документы, пред-

ставленные ими в ходе девятого и десятого раундов переговоров в Вашингтоне".

Он заявил, что предметами расхождений между израильянами и палестинцами являются проблемы Иерусалима, третейской комиссии и Иерихона.

Он задал вопрос о способности ООП претворить в жизнь достигнутое соглашение, поскольку израильяне испытывают в связи с этим опасения. Прежде всего, это относится к премьер-министру Рабину, который делает сравнения между палестинцами и Асадом, говоря о том, что сирийский президент всегда выполняет взятые из себя обязательства.

Седьмой раунд – 13.06.1993 г.

Этот раунд знаменовал собой вступление переговоров в новый этап. К участникам переговоров присоединился четвертый человек – Йозель Зингер. Наша делегация, основываясь на его высказываниях и на высказываниях его коллег, сделала вывод о том, что он является уполномоченным личным представителем Рабина. Зингер привез с собой заранее подготовленный Рабином список вопросов. Он был юридическим советником израильской делегаций на первых и вторых переговорах о разъединении войск с египтянами, а также в 70-е гг. на переговорах о разъединении войск с сирийцами. Зингер работал с "кэмп-дэвидской" группой в Табе. Он работал вместе с Рабином и Пересом. Четыре года назад он оставил правительство, отправился в Америку, обосновался в Нью-Йорке и установил связи с научно-исследовательскими учреждениями, занимающимися подготовкой исследований по проблемам мира, среди которых университет в Гарварде, Американская научная ассоциация и т. п.

Для израильской делегации, а также для нас участие Зингера в переговорах в Осло означало, что в них задействованы реальные центры принятия политических решений в Израиле. Это означало, что Рабин принял решение оказать им содействие, придать им необходимую ориентацию и, наконец, действовать на основе их результатов. Таким образом, Йозель Зингер стал качественно новым элементом в рядах израильской делегации. Он знаменовал собой переход переговоров в Осло на новый этап. Их ход изменился, а благодаря списку вопросов, привезенных Зингером, переговоры в определенной мере вернулись к своей исходной точке. Зингер говорил, что

– Рабин рассматривает проект соглашения как хороший с точки зрения внутренней конструкции и как отличный с точки зрения содержания. Однако, для Рабина все еще неясны его цветовые оттенки. В силу этого становится неясным метод реализации соглашения, которое нуждается в корректировке.

– Отсутствие продвижения вперед в ходе переговоров в Вашингтоне создает трудности для израильской правящей элиты как с точки зрения ее взаимоотношений с партией, так и с точки зрения отношений с общественным мнением и с правительством.

Комментируя попытки ряда израильтян открыть дополнительные возможности для переговоров, Зингер заявил: "Все, кто пытается найти дополнительные возможности для ведения переговоров, выступают от собственного имени и стремятся повысить свой политический престиж. То же самое относится и к палестинцам, связывающимся с этими деятелями. Мы, по крайней мере, отвечаем им так же. Главное происходит здесь. Это официальные контакты между правительством и Организацией".

Зингер заявлял также, что все документы, обсуждавшиеся в Осло и в других местах в ходе предшествовавших встреч, тщательно изучались и уточнялись специалистами в различных отраслях, как и различными учреждениями, включая и его кабинет. Он говорил откровенно и позитивно. Его речь отличалась от той, которая ранее использовалась израильтянами в отношении ООП и согласия сотрудничать с ней.

По словам Зингера, любая информация о встречах в Осло, просочившаяся в газеты, исходит от американской администрации в лице некоторых ее руководителей, усилия которых, предпринимавшиеся в течение двух прошедших лет, остались безрезультатными. Он имел в виду Эдварда Джереджана, а также тех, кто должен покинуть руководящие посты в администрации США до конца текущего года, или тех, кто занимает позицию поддержки Ликуда. Зингер сообщил, что он критически относится к методам переговоров в Вашингтоне, заявив, что все, что он читал по этому поводу, не внушает надежды.

Затем нам стало ясно, что многочисленные вопросы, которые он поставил перед нами и попросил на них ответить, возвращают нас к исходной точке начала переговоров. Было очевидно, что на основе полученных ответов будет принято решение о ходе дальнейших переговоров в Осло, а также о необходимости их продолжать.

Наша делегация почувствовала, что поставленные им вопросы означают, что Зингер попытается сорвать уже предпринятые усилия, но когда наша делегация вернулась в Тунис, когда нас выслушали и оценили ситуацию, стало ясно, что проблема наконец-то приобрела необходимую серьезность, что мы перешли на важный и ответственный этап. Вопрос отныне стоял так: переговоры в Осло будут успешными или прекратятся. Однако, поскольку Зингер связан с Ицхаком Рабином, поскольку он находится во главе израильской делегации, постольку мы можем быть уверенными в том, что израильтяне продолжат с нами переговоры. Какие же вопросы были им поставлены?

1. Выступают ли правительство и Совет как единое целое?
2. Какова форма необходимого международного контроля? Будет ли вопрос международного контроля согласован обеими сторонами? Согласуют ли они вопросы, связанные с кандидатурами международных наблюдателей и т. п.?
3. Как много времени пройдет с момента провозглашения Декларации о принципах и выборах? Будет ли этот срок равен шести или девяти месяцам?
4. Будут ли приложения по проблемам Иерусалима и беженцев обсуждаться до выборов или после их проведения?
5. Что понимается под сферой власти? Как эта сфера соотносится с проблемами поселений, Иерусалима, армейскими лагерями и безопасностью?
6. Почему беженцы упоминаются в ходе двусторонних переговоров, если речь о них должна вестись на многосторонних переговорах?
7. Как будет осуществляться передача полномочий от гражданской администрации? Будут ли они приняты представителем политической, технической или профессиональной элиты? Будет ли изменена структура гражданской администрации?
8. Каким будет статус Газы после ухода оттуда армии?
9. Каким будет положение после создания правительства и проведения выборов?
10. Почему комитеты по земле и воде вынесены в отдельные пункты? Распространяется на их деятельность то же, что распространяется на деятельность иных органов и учреждений? Иными словами, являются ли эти комитеты частью структуры переходного правительства?
11. Что подразумевается под "внутренней безопасностью" и под "общей безопасностью"?

12. Кто будет заниматься внешней безопасностью в течение переходного периода?

13. Каковы границы полномочий служб палестинской и израильской безопасности?

14. Как будут разрешаться спорные вопросы до создания правительства?

15. Считаете ли вы механизм связи четырехсторонней комиссии /Египет, Иордания, Израиль, Палестина/ последовательным и постоянным? Каковы проблемы, входящие в сферу контроля со стороны Египта и Иордании? Предусматриваете ли вы выполнение Иорданией иной роли?

16. Если будет достигнуто соглашение, то кто подпишет его в Вашингтоне? Палестинская и израильская делегации? Совместная делегация? Иордано–палестино–израильская делегация?

17. Предполагается вывод войск из Иерихона. Каким будет его статус? Как вы его понимаете?

18. Что произойдет в течение периода между выводом войск из Газы и Иерихона и выборами? Каким будет точный статус Газы? Это будет статус суверенного государства или автономии? Кто будет нести ответственность за ее внешнюю безопасность? Какой будет роль египтян в поддержании безопасности в и вокруг Газы?

19. Считаете ли вы необходимым подписать соглашение между Организацией и Израилем, которое включило бы согласованные обеими сторонами меры безопасности в Газе?

20. Сможете ли вы гарантировать разоружение населения Газы и Западного берега?

21. Сможете ли вы призвать к прекращению интифады после подписания Декларации о принципах?

22. Можете ли вы гарантировать нам, как вы гарантировали это Соединенным Штатам, что признаете Израиль и искорените террор?

23. Можете ли вы гарантировать внесение корректив в Палестинскую Национальную хартию?

24. Считаете ли вы полезным заключить соглашение с нами, касающееся этих корректив?

25. Если будет заключено соглашение между Израилем и Организацией, то кто из членов ее руководства вернется? Где они будут проживать? Вернутся ли они до выборов? Будут ли они участвовать в выборах как избиратели или как кандидаты? Будут ли они участвовать в них одновременно и в том, и в другом качестве? Вернутся ли члены руководства Организации в Иерихон? Кто будет

управлять Газой в течение периода между выводом войск и выборами? Можно ли перевести органы власти сначала в Газу, а затем на Западный берег? Можно ли подписать соглашение между Израилем и Организацией по проблемам безопасности в Газе?

26. Где будут проживать лица, ответственные за различные сферы жизнедеятельности автономии, после их переезда после обнародования Декларации о принципах? В Иерусалиме или в Иерихоне? Если вы ответите, что в Иерусалиме, то это создаст большую проблему.

27. Если вы так ответите относительно возвращения Арафата, то это создаст политическую проблему. Готовы ли вы заключить соглашение по этому поводу?

28. Хотите ли вы заключить соглашение о выборах до истечения переходного этапа? Пройдут ли они после вывода войск из Газы? Почему вы не готовы заключить это соглашение? Может быть стоит назначить членов переходного Палестинского совета, а не избирать их?

29. Настаиваете ли вы на приглашении многонациональных сил в Иерихон или Газу?

30. Настаиваете ли вы на международном контроле?

31. Как вы понимаете статус Иерихона после вывода войск оттуда?

32. Считаете ли вы необходимым обращаться к третьей комиссии по вопросам переходного периода?

33. Почему вы не считает нужным заменить слово "третьеская комиссия" словами "комиссия по урегулированию споров"?

34. Что произойдет с беженцами 1967 г., если все они потребуют возвращения и участия в выборах? Если они не вернуться, то обратитесь ли вы в третью комиссию?

35. Каким вы видите механизм объяснения содержания и текстов данного соглашения американцам?

36. Как будут совмещены узкие властные полномочия, которые будут предоставлены посла подписания Декларации о принципах в отношении Западного берега, и более широкие властные полномочия, предоставленные в отношении Газы?

37. Будут ли отношения между Газой и Западным берегом носить централизованный или децентрализованный характер?

38. Может быть, мы будем нуждаться, наряду с Декларацией о принципах, в пояснительной записке или соглашении с Организацией. Готовы ли вы к этому?

39. Если мы не сможем заключить четкие соглашения, касающиеся всех проблем, то мы будем вынуждены прибегнуть к менее ясным текстам, как это случилось с Египтом. Примете ли вы идею заключения секретных соглашений, обмена посланиями или направления посланий третьей стороне? Например, Соединенным Штатам?

40. Сможете ли вы убедить вашу делегацию в Вашингтоне в необходимости публикации совместного коммюнике?

Речь шла о совместном коммюнике, предложенном американской администрацией в ходе девятого раунда переговоров.

Наша делегация стремилась ответить на все эти вопросы, опираясь на имевшуюся у нее информацию и исходя из ранее достигнутых соглашений. Зингер записал все ответы, а затем заключил свое выступление словами: "Мы должны встретиться с Рабином и Пересом. Мы предполагаем, что их ответы будут исходить из следующих возможностей: они принимают в полном объеме сложившееся ранее положение, будет изменен уже написанный документ, будет найден компромисс между первыми двумя возможностями".

Завершилось первое заседание, в котором участвовал Зингер. Наша делегация попыталась оценить его результаты. Но единого результата мы не достигли. Лишь позднее нам стало ясно, что мы подошли к решающему этапу, что мы должны ожидать ответной реакции Рабина и израильского руководства, которые стали уделять основное внимание переговорам в Осло.

Восьмой раунд – 27.06.1993 г.

Этот раунд переговоров состоялся в штаб-квартире ФАФО в Осло. Как отмечалось выше, места встреч каждый раз менялись. Ни одно из заседаний не происходило в месте предыдущего, чтобы никто не мог заметить происходящее.

Мы постоянно стремились к тому, чтобы знать, какова реакция израильтян на ответы на вопросы, поставленные Зингером в ходе предшествовавшего раунда переговоров. Услышанное нами в некоторой степени нас успокоило. Речь шла об их серьезном отношении к этим переговорам и об их поддержке идеи их дальнейшего развития. Они отвергали попытки других начать подобные же переговоры, не считали Осло прологом к Вашингтону или акцией временного характера, призванной оказать содействие переговорному процессу, происходившему в Вашингтоне. Вот основное, о чем говорили в Осло.

"Зингер: Мы обладаем полномочиями сделать предложения, касающиеся достижения окончательного варианта документа. Этот вариант будет представлен в Вашингтоне, но не для обсуждения или для внесения в него дополнительных корректив. Мы предлагаем:

- сохранить структуру декларации о принципах, предложенную ранее,
- предложить протокольный документ, который будет заранее согласован и станет частью соглашения,
- не вводить дополнительные понятия в документ.

Рабин ознакомился с каждым словом, содержащимся в протоколах. Он хотел бы, чтобы все соглашения были представлены в письменном виде и четко проработаны. Но он продолжает сомневаться в легитимности Организации. Маневрирует ли она или пытается ввести нас в заблуждение?

Абу Аля: мы хотели бы откровенно заявить вам, что у нас также существуют сомнения относительно вашей приверженности этим переговорам, мы не знаем вашего отношения к этим переговорам, являются ли они для вас легитимными или второстепенными? В отношении же текстов мы не видим необходимости внесения в них каких-либо изменений.

Зингер: Я не думаю, что в течение двух дней мы сможем все обсудить, тем более, что вопрос о территориальных полномочиях требует значительного времени. Кроме того, Рабин просил выяснить, как будут обстоять дела с присутствием израильтян, их юрисдикцией и возможностями передвижения после ухода войск из Газы и Иерихона. Нам бы хотелось также обсудить проблему "выполнения" резолюции 242, которая не кажется нам механической, поскольку в ходе переговоров мы поняли, что окончательное урегулирование будет означать и окончательное выполнение этой резолюции. Одновременно нам представлялось бы необходимым вновь уточнить вопросы, связанные с окончательным этапом, беженцами, выдвижению кандидатур из числа жителей Иерусалима на предстоящих выборах и т. п.

Абу Аля: Абу Аля стал также задавать вопросы для того, чтобы выяснить позицию израильтян в отношении ряда необходимых деталей, приобретавших важное значение для понимания соглашения. Он задал вопрос о Газе и Иерихоне, о путях сообщения между этими районами, безопасности, возвращении представителей руководства ООП, международных силах, поселениях, комиссиях связи, сфере полномочий палестинской власти, военных рас-

поряжениях, пересмотре действующего законодательства и распоряжений, сферах компетенции палестинской власти, выборах Палестинского совета, выборах в целом и сроках их проведения.

Зингер: В ответ на эти вопросы Зингер поставил новые, еще более многочисленные, они касались путей и коридоров перехода из одного района автономии в другой, перемещении армейских подразделений и поселений. Он негативно отозвался о размещении международных сил, а также разъяснил позицию своего правительства по проблемам коридоров между районами автономии, Иерусалима и поселений. Так, он утверждал, что об Иерусалиме следует говорить меньше, чем о выборах, но, тем не менее, эта проблема будет обсуждаться в ходе заключительного этапа. Он говорил, что его правительство не обнародовало еще какого-либо курса в отношении демонтажа поселений или удаления проживающих там израильтян с их территории. Конечно, это на относилось к тому, что поселенцы могли начать сами, по собственной инициативе покидать эти поселения. Тем не менее, он отметил, что его правительство продолжит политику отказа от поддержки некоторых, созданных из политических соображений, поселений. Однако, оно не заявит об этом во всеуслышание. Идея, которая начинает преобладать в правительственных кругах, заключается в том, что в ходе контактов с поселенцами следует постепенно переходить к тому, что эта проблема найдет свое решение на заключительном этапе".

Затем Зингер представил на наше рассмотрение несколько положений, связанных с взаимным признанием обеих сторон.

1. ООП признает право Израиля на существование и обязывается признать основой взаимодействия с ним принцип мирного сосуществования.

2. ООП признает резолюции 242 и 338

3. ООП отказывается от террора и нападений на израильтян.

4. ООП заявляет о своем прекращении всех форм террора.

5. ООП не поддерживает какие-либо стороны, применяющие террористические действия и не призывает к их ведению.

6. ООП заявляет о том, что в свете ее обязательств, связанных с мирным процессом, все положения Палестинской национальной хартии, противоречащие этим обязательствам, аннулируются.

7. ООП связана своими обязательствами по отношению к мирному процессу и его целям, как это зафиксировано в приглашении к началу переговоров.

8. ООП после передачи власти избранному переходному Палестинскому совету призовет к прекращению интифады

9. ООП призывает Египет и другие страны к прекращению арабского бойкота Израиля.

Седьмой и восьмой раунды переговоров разделял очень незначительный промежуток времени. Израильская делегация стремилась как можно быстрее вернуться в Осло для того, чтобы подтвердить свое признание значимости разворачивавшихся там событий. Речь еще не шла о том, что в ходе этого раунда будет заключено соглашение. Вопрос касался, прежде всего, того, что израильтяне желали подтвердить палестинской стороне, что они серьезны в своих контактах с ней. Уже поэтому происходивший в ходе восьмого раунда диалог был направлен на обогащение обсуждавшихся вопросов, расширение перспектив и переход к анализу многочисленных деталей нового проекта предлагавшейся Декларации о принципах.

Но присутствие Зингера привело к еще одному качественно скачку в ходе переговоров, наряду с уже указывавшейся полной поддержкой со стороны Рабина контактов в Осло. С точки зрения израильтян, переговоры в Осло закладывали основы взаимного признания между Израилем и ООП. Ранее речь шла о завершении соглашения, его представлении в Вашингтоне палестинской делегации, которая должна была бы его подписать, исходя из того, что этот документ развивает предложенный американцами проект. То, что происходило теперь, заключалось в том, что ООП могла стать не только стороной тайных переговоров, но и той стороной, с которой можно вести открытые переговоры. Однако, для этого было необходимо, чтобы обе стороны завершили процесс взаимного признания.

Самое любопытное в происходящем сводилось к тому, что мы сначала стремились побыстрее завершить разработку Декларации о принципах, а уже затем приступить к обсуждению вопроса о взаимном признании. Так это и произошло, хотя в ходе событий и появились некоторые коррективы. Израильская пресса узнала о первой части процесса прежде, чем мы завершили его вторую часть. Ранее подготовленный сценарий не был выполнен.

Начиная с восьмого раунда переговоров, израильские руководители стали выступать с оптимистическими заявлениями. Так, министр иностранных дел Шимон Перес заявил о том, что палестинско-израильское соглашение во многом готово, что оно ближе к завершению, чем это себе все представляют. Сообщения же, посту-

павшие из Вашингтона, говорили о полном провале. Эти громогласные заявления поставили нас в неудобное положение. Точно в таком же положении оказались как палестинские руководители, так и руководители арабских стран, которые стали задавать вопросы о том, что скрывается за заявлениями израильских лидеров. Мы, естественно, должны были эти заявления абсолютно дезавуировать, говорить им о том, что Перес чрезмерно оптимистичен, что он предвосхищает события. Но, во всяком случае, события развивались стремительно. Дело уже не сводилось только к некоторым позитивным изменениям, связанным с приближением срока прихода к соглашению, но к позитивному подходу к ООП, к тому, что Организация может вести переговоры, брать на себя обязательства и т.п.

Заявления палестинских руководителей были в это время крайне пессимистичны. Чаще всего Арафат, когда его спрашивали о результатах переговоров, отвечал, что их итоги – "большой ноль". Так же отвечали и другие. Я же в своих заявлениях склонялся больше к оптимизму, к спокойствию, нарушая, тем самым, ту форму ответа, к которой меня призывали. Конечно, я ни коим образом не намекал на происходившие в Осло контакты. Но одновременно через нашу делегацию и израильскую делегацию, участвовавшую в переговорах, я направлял послания Пересу, прося его умерить оптимизм, который мы не могли публично разделить. Он отвечал мне, что вынужден это делать с тем, чтобы подготовить израильское общественное мнение к принятию следующего шага.

Короче говоря, на Ближнем Востоке создавалась позитивная атмосфера. Многие израильские и западные газеты публиковали сообщения о существовании тайных каналов связи, о скрытых контактах между израильянами и палестинцами. Но на эти сообщения никто не обращал внимания. Все относилось к ним, как к беспочвенным слухам. Это–то и помогло нам пройти весь путь, не опасаясь, что тайна будет раскрыта.

Следующие раунды полностью продемонстрировали способность переговоров в Осло привести к позитивным итогам. Проблема урегулирования назревала. А соглашение, как справедливо говорил Перес, было уже не за горами.

Девятый раунд – 06.07.1993 г.

Во время этого раунда израильяне предложили новый проект, который, с точки зрения своего построения, был лучше, чем предыдущий. Но этот проект содержал значительное отступление

от основных, кардинальных вопросов. Они выслушали замечания, высказанные нашей делегацией. Из их рассуждений становилось ясно, что они отошли от тактики маневрирования, поскольку они заявляли о том, что стремятся к достижению окончательного соглашения, которое будет подписано в два этапа.

Первый этап: соглашение подписывается в Осло ООП и представителем правительства Израиля.

Второй этап: соглашение подписывается Пересом и Фейсалом в ходе официальной церемонии в Вашингтоне в присутствии американцев и русских. Тогда-то и будет официально заявлено о существовании канала Осло и проходивших там переговорах.

Произошел долгий диалог относительно содержания предложенного израильтянами проекта. Он был послан нам, чтобы мы ознакомились с ним и высказали необходимые замечания. Среди положений этого проекта было несколько пунктов, специально отмеченных израильтянами и зафиксированных в протоколе.

1. Американцы: израильтяне испытывали некоторые опасения в отношении американцев. Они считали, что американцы могут убить достигнутое, как они это уже сделали в отношении соглашения, заключенного в Лондоне Хусейном и Пересом. Это было сделано ими на основе их собственных внутренних соображений, в частности, потому, что на этот раз происходили прямые переговоры с Организацией.

Мое внимание привлекло то, что израильтяне достаточно откровенно обсуждали с нашей делегацией вопрос об американцах. В отношении их они были смелы и критичны. Мое внимание привлекло также и то, что ими была потеряна вера в американскую позицию, как и в отношении определенных представителей американской администрации, израильтяне чувствовали, что эти люди пытаются исказить ход переговоров, исходя из собственных соображений. Но важнее всего было то, что израильтяне отвергли американский вариант, который был предложен в ходе десятого раунда, в силу того, что они не были убеждены в его серьезности. Со своей стороны, мы также не были в этом убеждены. Но были вынуждены его обсуждать и придерживаться его для того, чтобы не вызвать гнев американской администрации. Становилось очевидным, что израильтяне придерживались той же позиции и испытывали то же чувство. Следует отметить, что диалог с ними по поводу американского документа привел к тому, что некоторые члены нашей делегации в Вашингтоне заявили о своей отставке, что вызвало большую бурю в средствах массовой информации.

Многие из палестинских участников переговоров и члены комиссии содействия были поражены тем, что я с полным безразличием и совершенно невнимательно относился к американскому проекту. Я соглашался со всеми поправками, которые предлагали мои коллеги, не думая над ними и не возражая против них. Причиной тому было то, что я знал израильскую позицию, а также то, что я видел, что происходящее в Вашингтоне не может быть реализовано, поскольку мы находились накануне полномасштабного соглашения в Осло.

2. Организация: наша делегация заметила, что израильтяне стали относиться к ООП как к единственной стороне, с которой можно вести переговоры и заключать соглашение. Хотя у них и были опасения, а также замечания в отношении Организации, тем не менее, признание ее легитимности, определявшее ход переговоров в Осло в течение семи месяцев, несмотря на определенные недоразумения, внесло свой вклад в созидание основ взаимного доверия и возможности сосуществования.

3. Газа и Иерихон: в конце концов израильтяне смогли убедить себя в необходимости ухода из Иерихона наряду с Газой, в том, что вывод войск оттуда должен происходить одновременно. Но они продолжали считать, что то, что может быть реализовано в Газе, не может быть аналогично тому, что должно быть осуществлено в Иерихоне.

4. Иерусалим: израильтяне отказывались даже упоминать о нем. Это касалось, в первую очередь, выборов. Они говорили, что эта тема для их правительства неприемлема.

5. Беженцы: они отказывались говорить о них.

6. Безопасность: они составили себе представление о внешней безопасности, а также о практической стороне внутренней безопасности.

7. Международный арбитраж: они категорически отвергали эту идею, считая, что мы по любому – большому и малому – вопросу будем туда обращаться. Это – то, по их мнению, привело бы к срыву всего достигнутого.

Изучив израильский проект, замечания делегации и израильскую позицию, мы определили нашу позицию в отношении перечисленных выше пунктов и передали нашей делегации следующие указания:

1. Необходимо упомянуть о выполнении резолюций 242 и 338. Их упоминание должно быть четким и связанным с двумя этапами.

2. Необходимо четко определить проблемы переходного этапа.
3. Отмена военного управления и роспуск гражданской администрации .
4. Жители Иерусалима участвуют в выборах, а не только голосуют.
5. Мы имеем право создавать полицию как из числа палестинцев, проживающих в Газе и на Западном берегу, так и из числа палестинцев, проживающих за пределами этих районов.
6. Соглашение Газа–Иерихон – часть Декларации о принципах, а не самостоятельное соглашение.
7. Сектор Газа и Иерихон переходят под управление Организации в момент взаимного признания сторон.

Десятый раунд – 21.07.1993 г. Гостиница "Гальфорсбол"

Проект соглашения о Декларации о принципах становился принципиально приемлемым с точки зрения, своих рамок. Но с нашей точки зрения он нуждался во многих изменениях, чтобы стать сбалансированным, приемлемым и реализуемым в палестинской среде, а также осуществимым в будущем. Это требовало от нас внимания к каждому слову, предложению или выражению. Даже запятые и точки требовали внимания к себе, чтобы не были совершены ошибки, способные привести к разрушительным последствиям.

Мы вели переговоры с делегацией, обладавшей большим опытом ведения переговоров с другими сторонами, в частности, с египтянами. Кроме того, эта делегация опиралась на помощь целых коллективов специалистов, способных предоставить в ее распоряжение всю необходимую информацию, аналитические исследования, идеи и альтернативы. У нашей делегации такого опыта не было. У нас не было и таких возможностей, которыми располагали израильтяне. Даже если такие возможности и имелись, мы, тем не менее, не могли обращаться непосредственно к ним, так для нас эти переговоры были окружены полной завесой тайны, что делало невозможным наше обращение к тем или иным источникам информации.

Я вспоминаю, что во время обсуждения вопроса о беженцах, когда израильтяне в принципе согласились упомянуть о них, мы спорили о предлогах. Речь шла о следующей фразе: "Права беженцев не будут ущемлены, если они не смогут принять участие в выборах", целое заседание было посвящено тому, должны ли мы

употребить предлог "because" или предлог "if". В конце концов мы так и не смогли договориться и оставили текст таким, каким он был.

Примеров таких дискуссий много. Я должен повторить, что в течение всего периода переговоров в Осло мы не передавали тексты на рассмотрение юридического советника, опасаясь их возможной огласки. Именно поэтому мы опирались на собственный опыт работы с текстами. Я, например, пытался пользоваться теми остатками юридических знаний, которые получил, изучая право в Дамасском университете. Однако опираться на них было трудно, поскольку я сам не считал себя специалистом в области права.

Тем не менее, я помню, что 20.08.1993 г. мы ратифицировали Декларацию о принципах только после того, как с ее текстом ознакомился юридический советник Тахер Шаш, который был специально приглашен для этого в Осло.

В ходе этого раунда были высказаны палестинские замечания по поводу израильского проекта. Израильская делегация попросила сделать перерыв на час для того, чтобы ознакомиться с этими замечаниями и высказать по их поводу свою точку зрения. Когда заседание было возобновлено, стало ясно, что атмосфера накалена до предела и что израильтяне ощущают глубокое разочарование, считая, что палестинские предложения и замечания не столько корректируют их проект, сколько полностью его разрушают.

"Ури Савир: После того, как мы ознакомились с вашими замечаниями, мы все почувствовали разочарование. Вы совершенно неверно поняли нашу позицию. Вопрос отнюдь не связан с лингвистическими трудностями, а с основополагающими понятиями и проблемами. Мы абсолютно по-разному их понимаем. Например,

- Нельзя принять идею связи между учреждениями Иерусалима и избираемым Палестинским советом,
- Вы говорили о своем контроле над проходами, что для нас совершенно неприемлемо,
- Вы вновь упомянули беженцев 1967 г., а для нас возможность перехода к этому вопросу наступит только на заключительном этапе,
- Неприемлемы любые разговоры об исполнительной, законодательной и судебной властях в течение переходного периода,
- Для нас неприемлемо присутствие иностранных войск в Газе и Иерихоне. Проход или коридор между этими обоими районами разрежет нашу страну напополам. Для нас это совершенно неприемлемо,

– Упоминание национальных прав представляет собой вопрос, связанный с государством. Иная постановка вопроса неприемлема,

– Вы настаивали на передаче вам Иерихона как на символическом акте. Теперь же вы говорите о районе Иерихона. То же самое относится и к Газе.

Абу Аля: В ходе прошлого раунда мы говорили вам, что у нас есть важные замечания, что дискуссия еще не завершена. Вы должны знать, что если этот документ не будет принят палестинским общественным мнением, то он и не будет иметь успеха. Предложенный вами вариант обрекает документ на неуспех. Нельзя игнорировать Иерусалим. Нельзя его оставлять и на заключительный этап, не упоминая о нем сейчас. Безопасность волнует не только вас. Необходимо обсудить проблему беженцев, как и вопрос о трех ветвях власти – исполнительной, законодательной и судебной. Этот последний вопрос вовсе не нововведение, даже если речь идет и о переходном этапе.

Хиршфельд: Мы содействовали тому, чтобы переговоры в Осло перестали быть частным каналом связи, а стали официальным каналом. В этих переговорах участвует наше руководство. Уже это – большой прогресс. Но предлагаемые вами изменения содействуют тому, чтобы сегодняшний день стал поистине черным днем.

Ури Савир: Мы не можем обсуждать высказанные вами идеи. Даже если мы и сделаем это, то после возвращения к Рабину и Пересу они потребуют от нас перекрыть этот канал связи, причем немедленно. Именно поэтому мы и стремились сохранить его. Я не вижу необходимости писать протокол.

Абу Аля: Мы не осуждаем вас за то, чего вы не желаете делать. Мы хотим прийти к соглашению. Лишь дискутируя, мы можем прийти к каким-то результатам в отношении того или иного вопроса. Мы готовы обсудить выработку нового проекта, который учтет пожелания руководства каждой из сторон. Если вы этого, конечно, желаете ...".

Заседание обеих, крайне раздраженных друг другом, сторон было перенесено на утро следующего дня – 12.07.1993 г.

"Ури Савир: Разговор о национальных правах сегодня неприемлем в силу того, что это понятие связано с государством и политикой. Сейчас для его обсуждения еще не настало время. Разговор об этом пойдет в будущем. В отношении же проблемы управления определенными территориями мы хотели бы, чтобы вам было ясно, что мы озабочены безопасностью. У нас уже есть опыт, по-

скольку мы вели ряд войн и наша страна очень мала. Для нас безопасность – это не ощущение, а истина. Наши отношения с вами прошли через долгий этап борьбы. Они все еще не дают нам уверенности и спокойствия. Проблему беженцев также нужно обсуждать в будущем. Проблема же Иерусалима для нас слишком чувствительна. Мы не понимаем, почему вы настаиваете на международном арбитраже. Мы сами можем быть прекрасными партнерами. Мы не нуждаемся во вмешательстве других сторон для обсуждения наших интересов. Давайте будем искать прагматическое решение вопроса участия иерусалимских палестинцев в голосовании и выдвижении кандидатур. Зингер: Соглашение о Декларации о принципах должно включить следующие положения, касающиеся Газы и Иерихона:

1. Символический вывод войск из Иерихона и полный вывод войск из Газы за исключением поселений, которые остаются под охраной израильской армии.

2. В Иерихоне же нет поселений. Вопрос об Иерихоне не такой сложный.

3. Вопрос о коридорах и проходах между обоими районами требует уточнения многих деталей и поэтому не будет включен в соглашение.

4. Газа и Иерихон не изолированы друг от друга, они составляют часть единой автономии.

5. Полицейские палестинские силы в Газе должны быть сильнее, чем в других районах. Для нас приемлем ввод ваших полицейских сил сразу же после нашего ухода.

6. Мы согласны с присутствием иностранных наблюдателей, но не с присутствием иностранных войск.

7. Принципиально мы не возражаем против возвращения руководства Организации. Но этот вопрос должен стать предметом детального соглашения, которое будет предусматривать в том числе и вопросы перемещения членов этого руководства и те пути перемещения, которые будут ими использоваться.

Абу Аля: Упоминание Организации в Декларации о принципах предполагает важный шаг или важную встречу. Например, встречу между Рабином и Абу Аммаром.

Зингер: Это означает, что мы совмещаем два этапа. Это рискованно. Следовательно, обязательства должны быть ясны, что, по моему мнению, означает, что мы нуждаемся в дополнительном времени.

Ури Савир: Это лишь идеи и общие соображения, а не наши официальные предложения. Генеральная же идея заключается в том, что мы должны изменить суть своей работы, стать не группой актеров, которым играет скрипка, а группой актеров, которым играет оркестр, если мы вернемся к разговору о Газе и Иерихоне, то мы должны отметить, что в этом вопросе расхождения между нами велики, но высказанные мысли кажутся приемлемыми. Но есть еще и временной фактор, который может нанести ущерб секретности, окружающей эти переговоры. С помощью нашего руководства мы постараемся преодолеть трудности, если нам понадобится немедленная связь, то мы сможем поговорить через Терри Ларсена или встретиться на час или два в каком-либо из европейских государств. Но должно быть ясно, что через две-три недели все будет готово для подписания.

Абу Аля: Мы встретимся со своим руководством, а вы со своим. Встретимся, как предложено. Я надеюсь, что мы будем готовы к тому, чтобы окончательно разработать совместный документ".

Комментарий

Хотя в конце десятого раунда мы и не достигли соглашения с израильянами, тем не менее, мы могли сказать, что соглашение было не за горами. Нам нужно было укреплять связи с ними через Осло, готовить атмосферу для того, чтобы люди приняли то, что приняли мы. Это было тем более важно, что информация и сообщения из Вашингтона подтверждали провал проходивших там переговоров. Все те же сообщения отмечали наличие разногласий между руководством ООП и работавшей там делегацией, пользовавшейся прекрасным авторитетом на всех уровнях.

Оставаться в этих условиях оптимистом было очень трудно, тем более, что в этот оптимизм было невозможно поверить. Однако, я пошел на эксперимент, начав его на пленуме Революционного совета организации ФАТХ, открывшемся 17 июля 1993 г. Я пошел против течения, когда стал говорить о появившихся в ходе девятого и десятого раундов переговоров в Вашингтоне положительных моментах. Я стремился выделить некоторые простые пункты для того, чтобы доказать, что, в целом, переговоры не провалились, что перед нами много возможностей успеха. Затем я стал говорить решительно: "До конца этого года будет подписано соглашение. Это неизбежно случится в отношениях между нами и израильянами. Это соглашение будет навязано американцами. Может быть, оно удовлетворит вас, хотя может случиться и обратное. Это со-

глашение может удовлетворить или не удовлетворить израильтян, но это соглашение состоится. Я говорю здесь, отталкиваясь от фактов, а не выступая в качестве прорицателя. Соглашение будет предусматривать два этапа, – переходный и окончательный. Длительность первого составит два года, второго – пять лет. В течение этого времени мы будем пользоваться правами переходной автономии. На первом этапе нельзя будет говорить о суверенитете. Возможно, израильская армия уйдет из Газы и Иерихона. Проблемы поселений, Иерусалима и беженцев будут обсуждаться в ходе этапа окончательного урегулирования".

Иными словами, я рассказал о сущности разработанных в Осло документов, мой рассказ был достаточно детальным. Но я ни словом не упомянул Осло и не сказал о том, что существуют иные контакты с израильтянами. То же самое два дня спустя я сделал на заседании центрального Комитета. Там состоялся оживленный обмен мнениями вокруг высказанных мною положений. Некоторые из участников заседания отнеслись к ним как к бесплодным мечтам, которые не только нельзя осуществить, но даже и представить себе как реальные. В силу этого, некоторые из присутствующих стали выдвигать заведомо неосуществимые условия для того, чтобы создать трудности на пути переговоров. Кое-кто, например, говорил: "Если произойдет вывод войск из Газы и Иерихона, где будет установлена власть ООП, то для нас этого будет вполне достаточно". Я выступил против этих слов и сказал: "Без провозглашения Декларации о принципах этот проект не будет отвечать нашим национальным интересам, даже если Организация и возглавит органы власти в Газе и Иерихоне. Необходимо подготовить эту Декларацию, во-первых, так, чтобы там четко говорилось о выводе войск из Газы и Иерихона. Что же касается присутствия там Организаций, то об этом сегодня речь не идет".

Я говорил так, зная, что мы обсуждаем вопрос о взаимном признании. Но я опасался, что соглашения по этому поводу мы не достигнем. Противники соглашения забывали о любом успехе. Для них главным было присутствие ООП, хотя участие Организации в переговорах предусматривалось только на завершающем этапе. Об этом говорилось в послании о намерениях, которое я косвенным образом упомянул, когда говорил об участии в переговорах "внешних" палестинцев.

Кое-кто считал, что мы поддерживаем контакты через Египет. Эти люди говорили, что такого рода информация поступает через этот канал. В этой связи подчеркивалось, что из американ-

ской администрации и израильских кругов поступает информация, согласно которой американцы готовятся к тому, чтобы представить проект, который они навяжут обеим сторонам. В кругах кадровых работников Организации и Движения ФАТХ верили тому, что я говорил. Там не считали, что я могу что-то преувеличивать или преуменьшать, когда говорю на какую-то тему. Там подчеркивали, что я обычно лишь указываю факты таковыми, какими они и являются. В силу этого, те, кто соглашался со мной или возражал мне, успокаивались, слыша мои слова.

Одиннадцатый раунд – 25.07.1993 г.

Гостиница "Хольво-Шиули", конгресс-центр

Этот и следующий раунд переговоров характеризовались взаимными претензиями потому, что временной фактор оказывал ощутимое давление на стороны, стремившиеся прийти к соглашению и опасавшиеся, что и этот канал связи будет раскрыт и провален. Обе стороны вступили в обсуждение деталей на основе представленного нами в начале проекта. Это обсуждение показало, что между обеими сторонами существует множество кардинальных, словесных и формальных расхождений.

Мы чувствовали, что израильтяне пытаются прибегнуть к давлению, чтобы заставить нас принять то, что они предлагали, мы говорили нашей делегации, чтобы она не обращала внимания на это давление, поскольку такова обычная форма ведения переговоров. Мы подчеркивали, что члены нашей делегации не должны идти на поводу у шантажа, что мы должны добиться необходимого минимума, призванного обеспечить успех этого проекта. Следует добавить, что мы полностью несли ответственность перед руководством, которое ничего не знало и которое нашло бы тысячу и одну причину для того, чтобы дезавуировать достигнутые договоренности. Руководство могло бы обнаружить множество недостатков в соглашении прежде, чем ему удалось бы увидеть в нем и положительные стороны. Исходя из этого, было необходимо просмотреть каждое слово, каждое предложение, каждый оборот речи, чтобы затем мы могли бы защитить соглашение.

Чем более мы приближались к решающему моменту, тем более нас охватывало двойственное чувство, которое, к тому же, было и противоречивым. С одной стороны, мы приближались к заключению исторического соглашения. С другой, мы оказывались под бременем огромной ответственности, которое мы должны были нести перед руководством, палестинскими массами и, всеми

арабами. Но мы все – и участвовавшая в переговорах делегация, и ее руководители – были к этому готовы.

Мы знали, что израильтяне не упустят ни одной возможности, чтобы выразить нам свои сомнения относительно нашей позиции и нашего искреннего стремления к достижению соглашения. Они сомневались даже в нашей способности подписать это соглашение, когда наступит время его подписания. Каждый раз, когда мы поднимали ту или иную проблему, они начинали думать, что мы пытаемся найти какие-либо поводы для того, чтобы сорвать подписание.

В это же время американцы представили нам идею досрочной передачи власти в обмен на небольшую экономическую помощь. Это предложение было сделано ими для того, чтобы вывести из тупика переговоры в Вашингтоне.

Их предложение было одобрено членами вашингтонской делегации. Они считали, что оно может стать глотком свежего воздуха в душливой атмосфере, в которой находился наш народ на оккупированных территориях, что оно выведет вашингтонские переговоры из паралича. Но принятие этого предложения было бы величайшей опасностью для всего мирного процесса. Пойти на этот шаг – означало бы не только начало подлинных переговоров, но и их конец.

Американская делегация пыталась выгодно продать свое предложение, тщательно приукрасив его. Израильтяне против этого не возражали. В ходе девятого раунда переговоров в Осло мы, конечно, заметили, что израильтяне говорят об усилиях Денниса Росса, направленных на то, чтобы он смог добиться личных успехов. Разумеется, связь между этой идеей и словами членов израильской делегации не более, чем предположение. У нас нет достаточной информации, подтверждающей наличие такой связи. С другой стороны, мы видели, что норвежцы полностью отдают себя переговорам. Они косвенно делали все, чтобы переговоры в Осло достигли бы успеха. В их случае речь шла не только о моральном достижении, которое они смогли бы осуществить, если бы мы достигли соглашения. Впрочем, их моральный успех был бы вполне оправданным и законным. Мы чувствовали, что они искренне желают мира между палестинцами и израильтянами.

Идея досрочной передачи власти появилась в то время, когда Фейсал аль-Хусейни, Ханан Ашрауи и Саиб Эрайкат заявили о своей отставке в качестве членов делегации. Но достаточно скоро они заявили о том, что отказываются от этой своей инициативы.

Одновременно они отказались от мысли о поддержке предложения о досрочной передаче власти, так как мы объяснили им рискованность принятия этого предложения. Мы поставили их в известность о том, что в Вашингтоне все зашло в тупик, что, однако, не означало оправдания принятия предложений подобного рода.

События одиннадцатого раунда

Этот раунд начался в крайне напряженной атмосфере.

"Ури Савир: Когда мы вернулись с предыдущего раунда, то не были встречены с облегчением, поскольку мы не привезли положительных результатов. Мы приняли во внимание замечания Терри Ларсена, высказанные им в то время, когда он находился в Тунисе. Мы стоим сейчас перед фактором времени и опасностью того, что просочатся сведения о наших переговорах. Те, кто знаком с нашей работой, готовы признать недостаточно успешной собственную работу. Те же, кто не знаком с ней, пытаются нить. Мы просим вас высказать нам ваши новые идеи, касающиеся нашей работы.

Абу Аля: Мы прибыли на эту встречу в надежде, что подготовим окончательный вариант, который даст нам возможность перейти от этапа переговоров по текстам к этапу их реализации и практического понимания. Мы полагаем, что время стало действительно серьезной проблемой. Наша работа более не ограничена той сферой, в рамках которой она начиналась. Ваша пресса каждый день выдумывает новый скандальный рассказ. То же самое относится и к арабской прессе. За нами следят глаза всего мира и арабских стран. Кроме того, американский коспонсор вдруг стал проявлять активность. Мы ожидаем визита Денниса Росса, Кристофера и русского министра иностранных дел. Слишком много сил, не заинтересованных в том, чтобы мы так приходили к соглашению. В силу этого, мы подготовили всеобъемлющий и объективный проект, учитывающий нашу позицию, а также все факторы и проблемы".

Затем был распространен палестинский проект, привезенный делегацией. Заседание было прервано для того, чтобы он был прочитан. Израильтяне, в свою очередь, передали нашей делегации копию своего проекта.

"Ури Савир: /после возобновления заседания/ Вместе с нашим руководством мы стремились смягчить вашу прежнюю позицию, считая, что все то новое, что появилось в ней, не более, чем предложения. Но мы видим, что в распространенном вами до-

кументе содержится двадцать шесть новых моментов. Откровенно говоря, если мы возьмем предоставленные вами изменения и передадим их нашему руководству, то я считаю, что это будет концом данных переговоров. Тем не менее, давайте посмотрим на ваш документ пункт за пунктом хотя бы для того, чтобы вы увидели, сколь далеки мы друг от друга.

Абу Аля: Меня очень раздражают выражения, касающиеся прекращения этих переговоров, которые постоянно повторяет Ури Савир. Главное, чем мы вместе с вами занимаемся, заключается в том, чтобы убедить оба руководства в необходимости разумного подхода к проблемам переходного периода, а также необходимости соглашения. Я считаю, что первый документ, подготовленный в Сарпборге, может быть основой текстов и приложений к ним. Затем наступит очередь взаимной корректировки. После этого останутся нерешенные вопросы.

Если вы читаете этот документ и над вами довлеют представления, почерпнутые из чтения предшествовавших текстов, то вы найдете в нем не двадцать шесть, а двести изменений. Если мы вновь прочитаем наш документ, то найдем в нем множество недостатков. Но, я считаю, что если мы прочтем его вместе, то мы построим мост над пропастью и достигнем взаимной убежденности.

Ури Савир: Так будем же изучать ваш документ и попытаемся сравнить его с теми позициями, по отношению к которым мы уже достигли соглашения. Начнем операцию спасения".

Обе делегации начали по пунктам рассматривать проект. От их внимания не ускользало ни одно слово. Затем они фиксировали те пункты, по которым было достигнуто согласие, оставляя те моменты, которые вызвали расхождения во взглядах. В конце концов все стало ясно: в отношении чего стороны согласны и в отношении чего между ними существуют расхождения. Этот процесс занял очень много времени. В итоге, заседание было прервано на отдых. В ходе следующего заседания обсуждавшийся документ был вновь распространен. Моменты разногласия между сторонами, содержащиеся в нем, были взяты в скобки. При обсуждении этих моментов стало ясно, что достигнуть согласия можно будет только по второстепенным проблемам.

"Ури Савир: Я предлагаю, чтобы каждый из нас в течение следующего часа связался бы со своим руководством.

Абу Аля: Я считал, что там есть вопросы, которые можно решить; вопросы, в отношении которых мы можем найти совместные решения, а также вопросы, в отношении которых мы можем про-

консультироваться с руководством. Мы со своим, а вы с вашим. Но, как я вижу, положение совсем иное. Мы даже не подошли к рассмотрению основных вопросов, они все еще остаются в скобках. Мы смело пошли на то, чтобы принять идею переходного периода, хотя его условия и трудны. Но мы считали, что тем самым будет открыт путь к окончательному этапу, когда будут рассмотрены все нерешенные и трудные проблемы. Но те тексты, на которых вы настаиваете, ставят меня в неловкое положение. Я уверен, что они создают серьезные осложнения и для переходного периода, превращая те вопросы, которые необходимо решить в ходе него, в вопросы окончательного этапа. Например, в области сферы полномочий власти и безопасности вы предлагаете то, с чем невозможно согласиться или передать нашему руководству. Множество других тем сопровождаются примечаниями "как будет договорено" или "в зависимости от достигнутого соглашения". Иными словами, эти темы остаются открытыми.

Сегодня вы предлагаете новые исключения и условия, полностью лишаящие проект какого-либо смысла или содержания. Как вы можете выступить против выражения "политические права"? Ведь мы говорим и пытаемся наметить пути к историческому примирению. Я считал, но, видимо, ошибался, что мы согласны с необходимостью претворения в жизнь резолюции 242 в ходе окончательного этапа. Я представлял себе также, что мы достигли согласия в отношении проблем завершающего этапа, таких как Иерусалим, поселения, беженцы, границы, безопасность и т.д. Именно поэтому я и спрашиваю: что же нужно теперь? Чего же вы хотите? Я вернусь отсюда полностью разочарованным. Лежащие передо мной варианты сводят на нет усилия семи прошедших месяцев".

Затем Абу Аля поставил еще ряд проблем, вызывавших разочуждения. Он намекнул своим собеседникам, что он лично откажется от дальнейшего выполнения возложенной на него миссии и попросит руководство возложить ее на кого-либо другого¹⁴.

"Ури Савир: Если мы перекроем этот канал переговоров, то, к сожалению, будет нанесен большой ущерб проблеме легитимности. Будет потеряна возможность объяснения точки зрения ООП в

¹⁴ В тот день, когда Абу Аля говорил о своем желании отказаться от дальнейшего выполнения им миссии в Осло, я заявил Ахмеду ат-Тибби, доставившему мне вопросы Хаима Рамона, что я также уйду с поста главы комиссии по переговорам. Я думаю, что оба этих заявления привели к изменению позиции израильского руководства и улучшили его подходы к проходившим контактам.

Израиле. В итоге, исчезнет любая возможность встречи на высшем уровне. Ваша позиция и ваши требования будут содействовать усилению оппозиции и ее поддержке вашим требованиям, хотя такая поддержка и сомнительна. Этому учит нас наш опыт взаимодействия с израильскими правыми. Вопрос касается присутствия мужества не в деле привлечения на вашу сторону оппозиции, а в деле содействия утрате ею ее позиций.

Мне хотелось с грустью вспомнить об одной вещи. Палестинцы – жертва этой борьбы. Вы не должны продолжать придерживаться того дурного образа, который ассоциируется с вами. Этот образ связан с тем, что вы, как говорил Аба Эбан, "теряете шанс для того, чтобы упустить шанс", но не только вы в таком положении. Мы также потеряли 1971 г., когда мы могли заключить мир с Садатом. Эта потеря стоила нам слишком дорого.

Потеря этой возможности приведет нас к плохим последствиям. Будет создан блок между Соединенными Штатами и некоторыми региональными силами, поэтому я предпочитаю, чтобы мы пришли к соглашению с Организацией Освобождения Палестины непосредственно. Я прошу вас пересмотреть ваше отношение к темам, которые являются для нас запретными. Мы же, со своей стороны, будем предлагать то, что необходимо предложить¹⁵.

Я не из тех, кто сразу впадает в отчаяние. Если вы считаете, что есть какая-то надежда спасти мирный процесс, то я прошу вас предпринять для этого все усилия, понимая то, что предложено вам, и то, что вы можете достичь. Я прошу вас понять значимость подписания соглашения. Тогда мы начнем вывод войск, а палестинцы смогут жить свободно. В результате подписания соглашения будут созданы новые реальности. Среди них – экономический прогресс, создание полиции и т.д. В конце 1993 г. вы будете управлять Газой и Иерихоном. В 1995 г. начнется заключительный этап. Есть ли всему этому альтернатива? Вы знаете наши чувства... Как

¹⁵ Моше Даян писал в своих воспоминаниях о событиях 1971 г. Он отмечал: "В 1971 г. мы договорились с Садатом об открытии Суэцкого канала и об отводе войск с обеих сторон канала как с нашей стороны, так и с египетской. Когда американская администрация узнала об этом, то Никсон прислал своего специального представителя для немедленной встречи с премьер-министром. В ходе этой встречи он сказал ему: "Ни одного дюйма", т. е. не отступать". Далее Даян писал: "Если бы соглашение состоялось, не было бы войны Судного дня – 1973 г., – и мы не понесли бы столь серьезных потерь".

бы мне хотелось сообщить вам о том, как будут продолжаться наши контакты".

Основные пункты разногласий, содержащихся в проекте
25–26.07. 1993 г.

1. Статья первая Декларации о принципах (параграф второй):

Израильское предложение:

"Меры переходного характера являются неотъемлемой частью всего мирного процесса. Переговоры об окончательном статусе приведут к выполнению резолюций 242 и 338, принятых Советом Безопасности, как об этом договорились обе стороны в соглашении о заключительном этапе".

Палестинское предложение:

"Меры переходного характера являются неотъемлемой частью всего мирного процесса. Переговоры об окончательном статусе приведут к выполнению резолюций 242 и 338, принятых Советом Безопасности, во всех их положениях".

2. Статья пятая Декларации о принципах (параграф третий)

Израильское предложение:

"В ходе переговоров об окончательном статусе каждая из сторон может вынести на обсуждение любую проблему. Палестинские представители уже заявили о том, что они поставят вопросы Иерусалима, беженцев, поселений, мер безопасности, границ, а также отношений и сотрудничества с другими соседями. Израиль заявил о том, что он поставит на обсуждение вопросы окончательного статуса Западного берега и сектора Газа, а также отношений с соседями".

Палестинское предложение:

"Эти переговоры приведут к соглашению по всем оставшимся вопросам, включая Иерусалим, беженцев, поселения, меры безопасности, границ, отношений и сотрудничества с другими соседями, равно как и иные взаимовыгодные проблемы".

3. Статья седьмая Декларации о принципах параграф пятый

Израильское предложение:

"После церемонии формирования Совета гражданская администрация будет распущена".

Палестинское предложение:

"После церемонии формирования Совета гражданская администрация и органы военного управления будут распущены".

4. Статья восьмая Декларации о принципах.

Безопасность и общая безопасность.

Статья гласит: "Для гарантии общей безопасности и внутренней палестинской безопасности на Западном берегу и в секторе Газа Совет сформирует сильную палестинскую полицию. Израиль же будет продолжать выполнение принятых им обязательств ..."

Израильское дополнение:

"по защите от внешней угрозы или угрозы терроризма в отношении израильтян, а также по общей безопасности израильтян".

Палестинское дополнение:

"Израиль же будет продолжать выполнение принятых им обязательств по защите от внешней угрозы".

5. Статья двенадцатая Декларации о принципах.

Связи и сотрудничество с Иорданией и Египтом.

Израильское предложение:

"Обе стороны (правительство Израиля и Палестинский совет) пригласят правительства Иордании и Египта участвовать в установлении дальнейших отношений и организации сотрудничества между правительством Израиля и Советом, с одной стороны, а также правительствами Иордании и Египта, с другой".

Палестинское предложение:

"Обе стороны пригласят правительства Иордании и Египта участвовать в установлении дальнейших отношений и организации сотрудничества между правительством Израиля, Советом, Иорданией и Египтом, в определении, наряду с прочим, сферы сотрудничества, проблем, которые требуют своего разрешения, а также способов устройства и приема лиц, перемещенных в 1967 г."

6. Статья четырнадцатая Декларации о принципах.

Вывод израильских войск из сектора Газа и района Иерихона.

Израильское предложение:

"Израиль будет осуществлять ускоренный и соответствующий графику вывод израильских вооруженных сил из сектора Газа и района Иерихона в соответствии с достигнутыми договоренностями, обозначенными в протоколе, входящем в Приложение II. Штаб-квартира Совета будет находиться в Иерихоне".

Палестинское предложение:

"Израильские вооруженные силы выводятся из сектора Газа и района Иерихона в соответствии с протоколом, входящим в Приложение II. Органы Совета будут располагаться в секторе Газа и в Иерихоне до момента инаугурации Совета".

7. Приложение 1, параграф третий

Формы и условия проведения выборов.

"Будущий статус перемещенных палестинцев, который был зарегистрирован 4 июня 1967 г., не будет ставиться под сомнение (израильское предложение – "потому что они") (палестинское предложение – "если они") не смогут участвовать в процессе выборов из-за причин практического характера".

Хотя одиннадцатый раунд и закончился тем, что обе стороны выразили свой пессимизм, их отношение к переговорам было на самом деле формой оказания каждой из сторон давления друг на друга. В то же время, пункты разногласий были определены, и переговоры начали фокусироваться на них. Это означало, что был достигнут огромный прогресс. Но пока никто не проявлял оптимизма, поскольку возможность провала переговоров в самый последний момент оставалась. К их срыву могло привести какое-либо слово, выражение или предложение. Поэтому контакты были интенсифицированы при участии норвежцев, которые играли важную роль не только в организации самих контактов, но и в сближении точек зрения сторон. После завершения разработки проекта, включая как те пункты, по которым было достигнуто соглашение, так и те, по которым сохранялись разногласия, мы подняли другую проблему. Речь шла о необходимости обратить внимание на пограничные пункты (Газа–Египет–пограничный пункт; Иерихон–Иордания–пограничный пункт) и возможности контроля над ними со стороны палестинцев.

Обе стороны достигли консенсуса в отношении того, что как только Декларация о принципах будет подписана, будут начаты переговоры о взаимном признании, которые, в случае их успеха, приведут к выработке соглашения о размещении руководства Организации освобождения Палестины в секторе Газа и Иерихоне. Мы предложили также, чтобы министр иностранных дел Израиля направил послание своему норвежскому коллеге об охране и сохранении религиозных, общественных, культурных и иных организации и учреждений Иерусалима. Таким образом, общая картина все более и более прояснялась. Недостатки проекта соглашения будут устранены в ходе исчерпывающих, проведенных в последнюю минуту переговоров.

Двенадцатый раунд – 14.08.1993 г.
(Комментарий)

Обе стороны использовали этот раунд только для того, чтобы попытаться снять скобки, в которые были заключены вызывавшие

расхождения пункты. Это сопровождалось настоящим соревнованием между обеими делегациями, предлагавшими выражения, слова, знаки препинания (точки и запяты), способные повлиять на содержание соглашения.

Зингер пересмотрел ряд пунктов, которые, исходя из израильской позиции, должны были находиться в центре внимания. Они включали следующее:

- Вывод израильских вооруженных сил из Газы и Иерихона при условии, что штаб-квартира Палестинского совета будет располагаться в Иерихоне.

- Выражение "всеобъемлющая", применительно к безопасности Израиля, не может быть снято.

- Вывод израильских войск из Иерихона не будет затрагивать мосты над Иорданом.

- Вывод войск из Газы не будет полным. Некоторые подразделения будут оставлены на территории сектора.

- Израильцы не возражают в отношении использования выражения "политические права".

- Израильская делегация выразила сомнения в отношении возможности быстрой передачи власти палестинцам.

Ури Савир разъяснил израильскую точку зрения и на ряд спорных проблем, включавших окончательный статус, уход израильской военной администрации, ответственность Израиля за безопасность мостов. После того, как были определены пункты разногласий, стороны перешли к обсуждению вопроса о взаимном признании.

Этот раунд также закончился констатацией наличия явных расхождений по целому ряду пунктов соглашения. Израильская сторона вновь заявляла о возможности приостановки переговоров в Осло в силу проявившихся в ходе их развития противоречий и трудностей.

ГЛАВА 10

РЕШАЮЩИЕ МГНОВЕНИЯ

Семь часов в жизни и истории палестинского народа были записаны на пленку; семь часов диалога по телефону положили конец самому серьезному конфликту XX столетия, наметили первые шаги по пути, ведущему к свободе палестинского народа, определили черты будущего развития региона и осуществили то, его не смогли достичь в течение двенадцати месяцев участники бесполезных переговоров в Вашингтоне. Эти семь часов были ознаменованы заключением всеобъемлющего соглашения о начале периода автономии, включая вывод израильских войск из сектора Газа и района Иерихона.

Обе стороны в Осло все еще обсуждали некоторые пункты соглашения. Часть из них отстаивалась нашей делегацией, часть – израильской. Мы думали, что никогда не сможем окончательно договориться и что соглашение никогда не станет реальностью.

Однако, спустя немного времени, 17 августа 1993 г. Шимон Перес прибыл в Стокгольм и на основе ранее достигнутого соглашения встретился с норвежским министром иностранных дел Йоханом Йоргеном Хольстом, архитектором и крестным отцом палестино–израильских секретных переговоров, чья страна в течение почти девяти месяцев выступала в роли хозяина для их участников. Сейчас должна была наступить очередь Швеции. Оба министра обменялись точками зрения, и Хольст согласился связаться с Тунисом по телефону и озвучить сказанное израильским министром иностранных дел. Переса беспокоило заключение соглашения, так как он поставил в зависимость от него свою политическую репутацию и свое будущее в правительстве Рабина.

Иными словами, начались переговоры между Стокгольмом, Тунисом и Тель–Авивом. В кабинете Арафата в Тунисе вокруг телефона собрались сам Арафат, Ясир Абд Раббо, Абу Аля, Хасан Асфур и я. На другом конце провода, в Стокгольме, были Шимон Перес, Йохан Хольст и Йозель Зингер. В то же самое время Ицхак Рабин был у телефона в Тель–Авиве. Ури Савир находился у телефона в Иерусалиме. Разговор начался с обсуждения "горячих" пунктов и поправок, которые было необходимо внести, и точки зре-

ния каждой из сторон в отношении них. Состоялось несколько телефонных разговоров. Затем было решено сгладить все расхождения и была назначена встреча в четверг, 19 августа 1993 г., в Осло, где обе стороны должны были приступить к окончательной разработке соглашения.

Последний телефонный разговор закончился в пять часов утра следующего дня. Мы стояли и в растерянности смотрели друг на друга, не в состоянии поверить, что наступил финал. Мы не обменялись ни единым словом пока кто-то из нас не сказал, что нужно пригласить фотографа, чтобы обессмертить этот исторический момент. Но мы тут же поняли, что завершилась или почти завершилась всего лишь маленькая битва. За нею должно было последовать большое сражение. Как мы будем его вести? Как мы сможем добиться успеха в условиях более серьезного вызова? Добьемся ли мы победы?

В кабинете Арафата мы собрались примерно в десять часов вечера предыдущего дня, 17 августа 1993 г. Мы собрались потому, что нам сказали, что Арафату позвонит из Швеции норвежский министр иностранных дел Хольст. Арафату было сообщено, что Хольст и израильский министр иностранных дел Перес ждут нас, чтобы начать диалог с ними и обсудить все еще оставшиеся разногласия. Это была историческая и, может быть, неповторимая возможность обеспечить прорыв.

Хольст думал, что проблемы могут быть решены по телефону, поскольку Перес был рядом с ним, а в случае необходимости можно будет связаться с Рабином в Тель-Авиве, где он тогда находился. Таким образом, могла состояться конференция по телефону между израильтянами, палестинцами и норвежскими друзьями. Мы поняли, что наступил решающий момент. Эту возможность нельзя было упускать, тем более, что Шимон Перес выразил горячее желание рассмотреть все проблемы и достичь их разрешения до того, как в средствах массовой информации появятся сообщения о переговорах в Осло, что, конечно, нанесло бы по ним удар. Йохан Хольст и его помощники увидели в этом редкую возможность достичь желанного результата и, тем самым, обеспечить себе место в истории.

Между Тунисом и Стокгольмом состоялось девять телефонных разговоров. Они длились семь часов. Такое же количество разговоров состоялось и между Стокгольмом и Тель-Авивом для консультаций с Ицхаком Рабином. Говоря кратко, спорные проблемы были разрешены следующим образом.

1. Статья 1

Расхождения по этой статье касались выполнения резолюций 242 и 338 Совета Безопасности с оговоркой израильтян о том, что это выполнение должно соответствовать тому, о чем обе стороны достигнут соглашения в ходе имеющих постоянный статус переговоров, и палестинской точке зрения о том, что все это, вне сомнения, должно быть зафиксировано в Декларации о принципах. Была принята палестинская точка зрения, и утвержденный текст статьи стал звучать следующим образом: "... переговоры об окончательном статусе приведут к выполнению резолюций 242 и 338, принятых Советом Безопасности, во всех их положениях".

2. Статья пятая(параграф третий)

Этот параграф относится к вопросам, которые должны были затронуть на переговорах, имеющих постоянный статус. Израильяне не хотели фиксировать эти вопросы в Декларации о принципах, аргументируя это тем, что любая из сторон может поднять тот или иной вопрос на носящих постоянный статус переговорах. Палестинская же сторона настаивала на том, что эти вопросы должны быть специально обозначены в Декларации о принципах с тем, чтобы обе стороны могли обсудить их и найти для них решение в ходе дальнейших переговоров. По телефону было достигнуто соглашение о том, что эти вопросы будут обозначены в Декларации о принципах. Таким образом согласованный текст статьи предусматривал: "... принимается во внимание, что эти переговоры должны затрагивать следующие нерешенные вопросы – Иерусалим, беженцы, поселения, меры безопасности, границы, отношения и сотрудничество с другими соседями, равно как и другие проблемы, представляющий взаимный интерес".

3. Статья седьмая/параграф пятый

Первоначально, израильское правительство согласилось с идеей роспуска гражданской администрации, но настаивало на сохранении института военных властей на оккупированных территориях. Это аргументировалось тем, что там существовали израильские поселения и находились израильские граждане. Тем не менее, мы настаивали, чтобы и гражданская, и военная администрации были ликвидированы в силу невозможности сосуществования двух властей – внутренней палестинской и израильской военной – на территории Западного берега и сектора Газа.

После длительных телефонных дискуссий была согласована следующая формула: "После инаугурации Палестинского совета

гражданская администрация будет распущена, а органы военного управления будут выведены".

Абу Аля вел переговоры по телефону. Остальные же из нас следили за диалогом с помощью динамика, который позволял нам слышать то, что происходило на линии со Стокгольмом. Абу Аля излагал палестинскую точку зрения, затем, примерно на полчаса, воцарялась тишина. Мы предполагали, что в это время шли консультации между Стокгольмом и Тель-Авивом.

Была уже половина второго дня, а мы закончили только с тремя пунктами. Еще несколько требовали разъяснений. Кабинет, где мы сидели, был окутан клубами сигаретного дыма и заполнен ароматом арабского кофе. Кофейные чашки были разбросаны по всему столу, а пепельницы переполнены. Телефон должен зазвонить снова, и мы начнем обсуждение еще одного пункта.

II. Приложение II (параграф четвертый)

С момента достижения соглашения о выводе израильских войск из сектора Газа и района Иерихона мы пытались разрешить проблему контроля над коридорами перехода с территории автономии, а также Египта и Иордании. Израильцы отказывались даже обсуждать эту проблему, считая, что контроль относится к вопросам внешней безопасности, за которую они продолжали нести ответственность в течение всего переходного периода. Более того, поскольку контроль над этими переходами (по сути дела, пограничными пунктами) являлся атрибутом суверенитета, то, по их мнению, было бы некорректно, если бы временная палестинская администрация, на которую были возложены только функции внутреннего самоуправления, осуществляла бы такого рода контроль. Мы, тем не менее, настаивали на том, чтобы найти компромиссную формулу между израильской и нашей позициями до тех пор, пока не была принята неопределенная, но приемлемая формула: "Упомянутое соглашение будет включать осуществление мер, направленных на координацию между обеими частями автономии, включая и коридоры переходов: а/ Газа–Египет, б/ Иерихон–Иордания".

Состоялась длительная дискуссия по параграфу пятому того же Приложения, касавшемуся штаб-квартиры, откуда палестинское руководство будет осуществлять свою деятельность. Мы хотели, чтобы органы ООП располагались бы не только в секторе Газа и Иерихоне, но также и в других местах Западного берега. Это было важно, в частности, после проведения выборов в Палестинский совет. К счастью, компромисс был достигнут, и была принята следующая формулировка: "Штаб-квартиры властных структур и выс-

ших должностных лиц Палестинской администрации в соответствии с этим Приложением и статьей шестой Декларации о принципах будут расположены в секторе Газа и в районе Иерихона до начала церемонии формирования Совета".

Оставались лишь мелочи. Было три с половиной часа утра, и мы хотели в течение часа достичь их приемлемого решения. Среди оставшихся вопросов были следующие.

– Переговоры, имеющие постоянный статус. Мы приняли гибкую формулу, определив временные границы их начала и допуская сокращение их продолжительности. Таким образом, мы согласились с тем, что эти переговоры начнутся как можно раньше, но не позже, чем начало третьего года переходного периода (Статья пятая, параграф второй).

– Мы пришли к соглашению о возможности иностранного присутствия (временные международные силы) для наблюдения за выводом израильских вооруженных сил из Газы и Иерихона. Против этого израильтяне ранее возражали.

Когда телефонные переговоры с Хольстом и Пересом были завершены, а основные пункты, вызывавшие разногласия сторон, были согласованы, было решено провести встречу в Осло, чтобы парафировать Декларацию о принципах. Было уже пять часов утра 18 августа 1993 г. Я связался с нашим послом в Каире Саидом Камалем и попросил его прислать нашего официального консультанта по юридическим вопросам Тахера Шаша (с начала переговоров он находился вместе с палестинской делегацией в Вашингтоне) как можно скорее в Осло, чтобы он ознакомился с текстами и удостоверился в их правильности и точности до их подписания. Но Шаш ничего не знал о переговорах в Осло. Мы не могли заранее поставить его в известность о характере его миссии. Его попросили приехать в Осло, остановиться в гостинице "Глаза", где его должны были встретить и объяснить ему, что он должен делать. Его просили уехать в Осло из Каира, сделать это тайно и самому заказать билет. Соблюдение секретности его поездки было очень важно.

Шаш сделал все так, как его просили. Он прибыл в Осло в пять часов вечера, в четверг, 19 августа 1993 г. Его встретил Абу Аля, вручивший ему текст Декларации о принципах и попросивший его просмотреть документ и высказать свое мнение. Шаш внимательно изучил текст и, спустя несколько часов, проинформировал Абу Аля, что это хороший документ без каких-либо недостатков. Затем он вернулся в Каир.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ – 20 АВГУСТА 1993 г.

/Минуты встреч/

Между тем, наша делегация 18 августа 1993 г. вылетела из Туниса в Осло, чтобы парафировать соглашение. Это было сделано в два часа 20 августа 1993 г. А одиннадцать часов спустя, в три часа пополудни того же дня, состоялось последнее заседание, на котором присутствовали обе делегации, достигшие соглашения о своих будущих действиях. На заседании произошло следующее:

"Ури Савир: Необходимость сохранять секретный характер происходящих переговоров вплоть до момента, пока они не станут открытыми. Это очень серьезный вопрос. Пока желательно поддерживать контакты, например, с Набилем Шаатом. Мы готовы продолжать посылать к нему людей, так как такие контакты являются хорошим прикрытием для переговоров.

Абу Аля: Мы отдаем себе отчет в деликатном характере этого вопроса и разделяем ваше мнение. Мы даже хотели бы сохранить секретность этих переговоров для того, чтобы могли спокойно продолжать свою работу комиссии.

Зингер: По поводу семи пунктов. Я знаю, что в вашем распоряжении текст по-арабски. А есть ли у вас английский текст?

Абу Аля: Да, у нас есть неофициальный перевод.

Зингер: Могли бы вы передать его нам ?

Абу Аля: Будет лучше, если я просто зачитаю перевод (затем он медленно, чтобы записать его, читает).

Зингер: Из дискуссии между вами, Савиром и Хиршфельдом я понял, что вы отказались выполнить наше требование о прекращении интифады, что вы не можете подтвердить, что она будет прекращена.

Абу Аля: Интифада не может быть прекращена принятием решения. Посмотрите, что происходит в Египте. Государство принимает решения, но есть группы, работающие против этого. Таким образом, дело не в принятии решения. Мы должны вместе с вами работать непосредственно на местах, чтобы убедить наш народ, а не принимать решение, которое приведет к конфронтации между нами и нашим народом. Решение не будет служить делу мира, к которому мы стремимся. Видимо, вы обратили внимание на то, что в тексте, который я читал, содержатся ясные указания на безопасность и мир. Интифада – мирное сопротивление оккупации и несправедливости. Должны быть ликвидированы причины, приведшие к началу интифады.

Зингер: Мы не уполномочены обсуждать сейчас текст или тезисы. Мы можем только размышлять. Есть ли определенная дата, когда интифада будет закончена.

Абу Аля: Когда настанет реальный прогресс в углублении мирного процесса, народ сам изменит свое поведение. Но интифада не может закончиться на основе принятого решения. Интифада – это не каникулы.

Зингер: Можно ли в Тунисе напечатать листовку, призывающую к окончанию интифады?

Абу Аля: Нет, это невозможно. Интифада продолжается потому, что вызывающие ее причины продолжают сохраняться. Пока не будет явного прогресса здесь, она будет продолжаться.

Ури Савир: Когда ООП станет представлять палестинский народ в глазах израильской общественности, тогда ее руководство должно будет нести ответственность за происходящее. Мы не просим вас о невозможном, о чем-то таком, что похоже на необходимость сказать народу: "Будьте счастливы!". Однако, ООП имеет влияние на народ. За распространяемыми в Газе и на Западном берегу листовками стоит ООП, и ООП дает указания. Мы нуждаемся сейчас в том, чтобы направить энергию народа к миру. Организация освобождения Палестины может это использовать. Мы знаем, что там есть ХАМАС, и мы не ожидаем, что ООП сможет все контролировать. Но для нее возможно опубликовать воззвание, целью которого станет трансформация усилий народа от насилия к производительному труду и миру.

Абу Аля: Мы не можем просить наш народ прекратить интифаду. Я уже сказал, что ее причины все еще существуют. Мы должны строить будущее для наших детей, вытащить их из состояния войны, бедности, обеспечить их возможностью работы на оккупированных территориях. Сохранение оккупации и ужасающие условия жизни – вот что является причинами непрекращающейся интифады.

Зингер: Разве ООП, ради позитивного развития собственного народа, не может использовать иные методы для того, чтобы прекратить интифаду? Право же, лучше обратиться к народу со словами о том, что трудиться лучше, чем бросать камни, что сотрудничество лучше, чем насилие?

Абу Аля: В заявлении об этом не будет ни слова. В заявлении и Декларации говорится лишь о терроризме и упоминается безопасность, что мы поддерживаем. Нам нужно достичь прогресса

здесь. Позвольте мне задать вам вопрос. Вы хотите видеть ООП сильной или слабой?

Зингер и Савир: Мы хотим, чтобы она была сильной.

Абу Аля: Хорошо, давайте достигнем соглашения о заявлении, которое будет содержать ваши гарантии. Когда будет достигнут прогресс здесь, мы сразу же попросим наш народ направить свои усилия в конструктивном направлении.

Хиршфельд: Мы хотим сказать нашему народу со всей откровенностью, что Израиль ведет переговоры с ООП как лидером палестинского народа. Это означает, что ООП должна нести ответственность за происходящее.

Савир: Мы хотим признать ООП. Это требует от ООП, чтобы она положительно воздействовала на израильское общественное мнение накануне признания. Другими словами, наша просьба, если она будет осуществлена, должна сломать барьер между израильской общественностью и ООП. Мы хотим изменить политику Израиля. И мы хотим, чтобы вы помогли нам это сделать. Во время церемонии парафирования Декларации Перес сказал: "Никто не хочет видеть конфликт продолжающимся. Мы должны стремиться к лучшему будущему наших детей и будущих поколений".

Абу Аля: Вы хорошо знаете ООП. В ее политике произошли коренные изменения, и это серьезный сдвиг в сторону мира. Вы не должны перегружать ООП проблемами, которые ее ослабят. Принятием решения интифаду остановить невозможно. Вы знаете это. Прочитанный мною текст Декларации вполне удовлетворителен и отвечает вашим требованиям. Единственный путь к тому, чтобы остановить интифаду, и то известно вам, -- ликвидировать вызвавшие ее причины: -- оккупацию, угнетение и экономическую стагнацию.

Зингер: Можете ли вы сказать, что продолжение интифады не связано с Декларацией о принципах, относительно которой мы достигли соглашения?

Абу Аля: Интифада -- это не здание, которое можно разрушить. Но в Декларацию мы можем добавить слова о том, что мы, например, вступаем в новую фазу развития.

Зингер: Интересно. Это хорошо, что сделали эту домашнюю заготовку. Мы -- нет. Но что вы могли бы добавить в Декларацию?

Абу Аля: Например, указание на то, что мы вступаем в новый период взаимоотношений, экономического развития и кооперации. Что-то в этом роде. Не в ваших и не в наших интересах требовать

прекращения интифады. Давайте не будем загонять самих себя в угол.

Зингер: Ваши слова произвели на меня большое впечатление. В них содержатся выражения, которые могут быть упомянуты в Декларации. Документ о Декларации о принципах полон выражений, означающих "мир и сотрудничество". Почему же ООП не может сказать еще и "прекратите интифаду"?

Абу Аля: Декларация о принципах – это фундаментальный шаг к миру, который отражает изменения в политике ООП. Вполне достаточно уже имеющихся документов.

Зингер: Я прошу вас понять наше требование. Вы уже упомянули терроризм в заявлении, сделанном вами в Каире, а также в другом, сделанном в Женеве. Не могли бы вы повторить это положение в Декларации?

Абу Аля: Наша позиция в отношении терроризма не изменилась. Текст Декларации ясен и содержит то, что вы уже упомянули.

Зингер: Вы сказали Ури Савиру о проекте другого заявления, который включает пункты по поднятым здесь проблемам и вопросам. Могу ли я получить копию этого проекта?

Абу Аля: Я зачитаю его (читает медленно, чтобы было можно записать текст). Это идеи и размышления нашей стороны. Я надеюсь, что вы осознаете, что вам нужен не только лист бумаги и не давление на ООП. Вы нуждаетесь в сильной ООП. Реальная проверка намерений состоит в сотрудничестве между нами и в претворении в жизнь Декларации о принципах. Каждый из нас может совершить ошибку, но мы должны координировать свои действия. Я предлагаю, чтобы Абу Мазен и Перес встретились и согласовали бы текст, потому что есть вопросы, на которые я не могу ответить. Затем могла бы состояться встреча и с Арафатом. Зингер: Перес не будет заниматься обработкой проекта текста. Это работа экспертов. В любом случае, мы все еще работаем над ним.

Савир: В наших интересах усиливать и поддерживать ООП. Есть много других вещей, которые мы могли бы сделать. Речь может идти об упрочении наших отношений с Европой, установлении отношений с Америкой, создании комиссии по вопросам экономики и в других областях. Но для этого необходимо, чтобы Перес убедился в том, что ООП изменилась и стала действительным партнером в мирном процессе. Я понял сейчас, что вы готовы выступить с заявлением. О его содержании я сообщу Рабину и Пересу. Я должен вам сообщить, что мы не ожидаем каких-либо изменений в

составе нашей делегации, участвующей в обсуждении вопроса о Декларации. О развитии событий мы будем вас информировать.

Абу Аля: Мы поняли друг друга и ждем вашего ответа.

Савир: Встреча Переса и Абу Мазена не будет встречей для проведения переговоров. На ней будут приниматься решения. Было бы лучше, если и в этом случае мы будем следить за развитием событий, как мы это делали в отношении документа Декларации о принципах. Считаю, что следовало бы и в дальнейшем использовать Осло как канал для ведения переговоров.

Зингер: Предположим, что руководство Организации освобождения Палестины возвращается в Газу. Будет ли Арафат, например, председателем Совета или же он, не являясь председателем Совета, будет, по сути дела, руководить делами?

Абу Аля: Я не думаю, что он будет председателем Совета. Он сам определит свою роль. Но он останется необходимой инстанцией при организации любых действий.

Зингер: Будет ли ООП правительством? Будете ли вы, например, отвечать за финансы?

Абу Аля: Я даже самому себе не задаю этого вопроса. Конечно, ООП будет руководить делами. Но как? Точно не знаю. Если у вас есть соображения по этому поводу, то, пожалуйста, поставьте меня о них в известность.

Зингер: Может существовать специальный орган, отвечающий за проведение действий, связанных с тем, о чем говорится в Декларации о принципах. Но у Организации более широкая сфера ответственности, включая и внешние отношения. Это означает, что могут существовать два органа. Но это все лишь идеи.

Абу Аля: Сфера ответственности ООП гораздо шире, чем сфера ответственности упоминаемого в Декларации о принципах Палестинского совета. Мы предлагаем, например, – это то же всего лишь идеи, – собрать Палестинский национальный совет в Газе с тем, чтобы решения Совета были бы скоординированы с положениями Декларации о принципах.

Ури Савир: Мы знаем, что руководить и властвовать будет Арафат. Но в Газу невозможно переместить все органы присущие, государству. У Организации существуют все органы государства. Может быть, у Арафата будет центр в Газе и другой центр за рубежом, чтобы не смешивать переходный и окончательный этапы. Впрочем, это всего лишь мои размышления.

Зингер: Мы должны вместе над этим подумать.

Ури Савир: Я не задаю никому вопроса о повестке дня и о проблеме созыва Палестинского национального совета. Я думаю, что это не легкий вопрос.

Абу Аля: Если Организация освобождения Палестины будет в Газе, то это значительно облегчит выполнение того, о чем мы договорились в Декларации о принципах.

Ури Савир: Существует еще много вопросов, над которыми нам всем стоило бы подумать вместе".

ГЛАВА 11

СМОГЛИ ЛИ МЫ СОХРАНИТЬ ЗАВЕСУ СЕКРЕТНОСТИ НАД ОСЛО?

Сохранить в тайне проходившие в Осло переговоры было трудно, если не невозможно, что определялось обстоятельствами объективного характера. Мы были вынуждены раскрыть суть этих переговоров, сохраняя, тем не менее, окружавшую их завесу секретности, как на арабском и международном уровнях, так и на палестинском. Нам было очень трудно выбрать людей, организации или государства, которые должны были знать об их проведении. Трудность этого выбора состояла в том, что он не должен был повредить встречам в Осло и, в силу этого, не привести к полному раскрытию тайны, а также сорвать развивавшийся процесс. Для нас было необходимо укрепить позицию участников переговоров и их руководителей ради их охраны, а равно и ради того, чтобы заранее заручиться поддержкой этих людей со стороны заинтересованных сил. Это обстоятельство, в свою очередь, требовало проведения соответствующих действий. Мы оказались между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, нужно было сохранить необходимую завесу секретности, с другой, – добиться поддержки результатов этих переговоров, если они окажутся успешными.

Когда начались переговоры в Осло, израильская делегация предложила поставить в известность об этом американское и египетское правительства. Палестинская делегация довела это предложение до нашего сведения. Мы согласились с ним, поставив условие, что израильтяне сообщают о начавшихся переговорах американскому правительству, мы же – египетскому. Шимон Перес сообщил необходимые сведения представителям американской администрации – Уоррену Кристоферу и Дану Кертцеру. Но оба они не отнеслись с достаточной серьезностью к поступившему сообщению, ограничившись лишь тем, что приняли его к сведению, не придав вопросу какого-либо внимания или значения.

Со своей стороны, мы поддерживали связь с Амром Мусой и Усамой аль Базом, ставя их в известность о всех подробностях переговоров. И тот, и другой постарались сохранить получаемые сообщения в тайне. Естественно, они передавали необходимую ин-

формацию президенту Мубараку. Однако, стремясь сохранить эту информацию в тайне, представители египетской администрации не сообщили ее более никому.

Египтяне достаточно часто встречались с американскими представителями, среди которых были Деннис Росс и другие. Но они никогда не раскрывали им эту тайну, воздерживаясь упоминать в ходе этих встреч об Осло. Они знали, что те американские представители, с которыми они встречались, были исключены из списка тех, кто был в курсе событий. В силу этого, тема Осло даже не затрагивалась. Разговоры между американскими и египетскими лидерами ограничивались лишь диалогами в связи с Вашингтоном и вокруг Вашингтона.

В Египте же нами был поставлен в известность о происходящих событиях Саид Кемаль. Однажды я взял с собой Абу Аля для того, чтобы он разъяснил египтянам детали происходящего в Осло. Многие члены руководства были удивлены поездкой Абу Аля в Каир, так как было известно, что он не играет какой-либо роли в сфере контактов с египтянами.

Нами было разъяснено, что его поездка в Каир связана с процессом многосторонних переговоров, что египтяне интересуются в некоторыми деталями, которые нужно согласовать с ними. Только под этим предлогом я смог взять его одного в египетский МИД, где он встретился с Амром Мусой. Никто так и не догадался, что он сопровождал меня в Каир с этой целью.

Мы живем в Тунисе. Тунисцы никоим образом не вмешивались в наши внутренние дела. Они не пытались навязать нам какое-либо мнение или позицию, оставляя нам полную свободу действия на собственной территории вне зависимости от того, нравилось или не нравилось им наше поведение. Очень часто мы обращались к ним с просьбами передать американцам или представителям европейских стран то или иное мнение, позицию или просьбу. Это полностью исключало возможность оставить их в абсолютном неведении относительно происшедшего в Осло. Мы знаем их преданность нашему делу, их готовность оказать нам любую услугу, предпринять усилия ради нас. Итак, мы должны были рассказать им об Осло. Но как?

Нужно было сделать это в ходе разговора с глазу на глаз с министром иностранных дел или с государственным секретарем по иностранным делам. Эта встреча должна была состояться вне стен тунисского Министерства иностранных дел. В конце концов, я встретился наедине с Саидом бен Мустафой и рассказал ему о пе-

реговорах в Осло, содержании палестинско–израильских контактов, о нашем стремлении сохранить в тайне происходящее. Я сказал ему, что наше стремление поделиться о происходящем с тунисцами определялось доверием к ним, знанием того, что они позитивно отреагируют на это событие, а также тем, что мы нуждаемся в их совете. Я сказал ему также, что буду подробно информировать его обо всем, что будет происходить в будущем. В течение всего срока переговоров тунисцы ни словом не обмолвились о переговорах, не намекнули о них ни одной заинтересованной стороне. Они даже сделали вид, что им ничего не было известно в момент заявления о подписании соглашения, чтобы не ставить нас в неловкое положение.

Его величество король Хасан II несколько раз говорил нам о необходимости прямых контактов с израильтянами. Мы всегда отвечали ему, что они этого не хотят, что мы желали бы установления такого рода контактов. Мы подчеркивали, что израильтяне отвергали всех направляемых им посредников. 27 рамадана 1413 г. Хиджры мы с Фейсалом аль–Хусейни были у марокканского короля. Он отвел меня в сторону и вновь заговорил со мной о прямых контактах с израильтянами, спросив меня: "Почему вы не связываетесь с израильтянами? Разве в их позиции не произошел прогресс?". Я ответил ему: "Да, ваше Величество. Произошло новое событие, мы сейчас проводим с ними встречи". Он ответил мне: "Прекрасная новость. Прошу вас сразу же сообщать мне обо всем, что происходит", во время этой встречи мы достигли договоренности о том, что марокканский посол в Тунисе будет связываться со мной, получать необходимую информацию и немедленно передавать ее без каких–либо посредников его величеству. Контакты с Хасаном II поддерживались таким образом до 17.08.1993 г., когда марокканский посол в Тунисе ушел в отпуск. Но в тот день я сообщил нашему послу в Марокко об окончательных результатах, когда мы все подготовили для подписания, и передал ему необходимую информацию, а он немедленно составил отчет, тайно переданный Его величеству через главу марокканской секретной службы бригадного генерала Аль–Кадири. 20.08.1993 г. я связался с ним по телефону и попросил поставить его величество в известность о том, что соглашение уже парафировано.

Когда с момента начала переговоров в Осло прошло уже несколько месяцев, мы почувствовали неловкость из–за того, что не поставили в известность Иорданию и, прежде всего, его величество короля Хусейна лично. Иордания была нашим партнером по

переговорам, она предоставила в наше распоряжение необходимое юридическое прикрытие, способствовавшее нашему приезду в Мадрид. Иордания помогала нам в ходе "переговоров в коридоре" в начале заседаний в Вашингтоне, и ее помощь продолжалась до тех пор, пока иорданцы и палестинцы не стали вести переговоры самостоятельно. Мы всегда говорим о том, что мы можем войти в конфедерацию с Иорданией. Мы часто подчеркиваем особый характер отношений между иорданским и палестинским народами. Все эти причины заставляли нас понимать, что нам не удастся избежать гнева короля Хусейна, если будет достигнуто соглашение с израильянами, а он будет застигнут врасплох сообщением об этом соглашении. Мы предложили Абу Аммару сообщить королю о происходящем и сказать ему, что мы поставим его в известность о всех результатах во время встречи между этими двумя деятелями, которая должна была состояться в апреле. Когда Абу Аммар вернулся из Аммана, мы узнали, что он обо всем сообщил королю, и что тот был очень доволен полученной информацией. Но я—то знаю, что Абу Аммар обладает одной особенностью. Если он хочет и одновременно не хочет кому—либо о чем—либо сообщить, то он говорит так, что его собеседник ничего не понимает. Поэтому я решил сам отправиться в Иорданию и подробно рассказать королю обо всем, что произошло. Но к моему полному разочарованию в Аммане короля не было, и мне пришлось вернуться ни с чем. Пришлось отправиться туда еще раз и вновь попытаться ему обо всем рассказать. Но и на этот раз меня постигла неудача. Король был не один, я также был не один. Просить его уединиться со мной, чтобы рассказать ему об Осло, было неприлично. Я мог вызвать раздражение присутствующих, возможные вопросы и подозрения с их стороны. Я вернулся в Тунис, откуда я хотел предпринять третью попытку. Но и ее результат был таким же — король покинул Амман. Тогда я решил поговорить наедине с общим и близким к королю другом. Это д—р Ашраф аль—Курди. Я сказал ему: "Прошу тебя передать Его Величеству, что я уже три раза приезжал в Амман, чтобы поговорить с ним по очень важному делу, связанному с переговорами. Но сделать мне этого не удалось. Надеюсь, что четвертая попытка станет успешной".

Но четвертой попытки не было. В Осло состоялось подписание. Сообщение об этом появилось в израильской прессе. Король Хусейн был страшно разгневан, считая, что мы пытались скрыть от него переговоры с момента их начала и до самого завершения. Не

знаю, примет ли он мои доводы и извинения, но я говорю ему полную правду.

Утром 17.08.1993 г. мы полностью завершили переговоры в Осло. Все было готово для того, чтобы через несколько дней приехала делегация для подписания соглашения. Меня посетил саудовский посол в Тунисе Ибрагим ас-Саад. Мы говорили с ним о многом. Я сказал ему, что мы почти пришли к соглашению с израильтянами, и попросил его передать эту новость королю Фахду лично. Конечно, я сказал ему о том, что эту новость нужно сохранить только в очень узком кругу, поскольку полученная им информация еще не только нигде не публиковалась, но и сам процесс переговоров еще не завершен. Соответствующее сообщение было передано королю. Король немедленно ответил нам, что он счастлив, что его королевство поддерживает наше решение, что он сам желает нам всяческих успехов. 20.08.1993 г. я передал саудовскому послу, которому я обещал давать всю необходимую информацию, сообщение о том, что в Осло состоялось подписание и что мы готовим текст соглашения для прессы, для чего потребуется некоторое время.

Этим арабским странам мы сообщили о переговорах в Осло. Следует отметить, что нам не задавали там лишних вопросов. Но в них внимательно следили за всем происходящим. К получаемой от нас информации они относились очень серьезно. Конечно, мы просили их не публиковать и не распространять эту информацию. Все оказались на высоте ответственности. Мы хотели поставить в известность все заинтересованные арабские страны. Но, вместе с тем, мы боялись, что если эти переговоры провалятся, то нас обвинят в несерьезности и неспособности вести политические переговоры.

Так обстояли дела с арабским уровнем. Что же касается международного, то было невозможно, чтобы о происходящем не знали оба коспонсора. Даже если бы мы не поставили их в известность, то их разведка все равно узнала бы о переговорах. Если израильтяне официально известили США, то нашим долгом было поставить в известность русских, с которыми нас связывали старые дружеские отношения. У нас существовала совместная координационная комиссия, которая ежемесячно собиралась или в Москве, или в Тунисе. С момента создания этой комиссии прошло уже пять лет, но ее заседания никогда не срывались. Это свидетельствовало о стремлении русских и дальше развивать с нами дружеские и скоординированные отношения.

Но русские были совсем не те, как во времена советского марксистского правления. Железная рука, которая раньше держала в строгости чиновников и высшее руководство, стала мягкой. В отличие от прошлого, стало невозможно сохранять информацию и секреты. Поэтому мне пришлось серьезно задуматься, прежде чем сообщать эту новость русским. Мне нужно было выбрать нужное время, а также нужного человека, которому бы я верил и который не разгласил бы полученную информацию или не предоставил ее информационным агентствам или разведывательным службам.

У меня был друг, которого я знал уже двадцать лет. Я с ним познакомился, когда он был советником–посланником в посольстве Советского Союза в Дамаске. Затем он стал работать в центральном аппарате, был послом в Омане и Ираке, и, в конце концов, стал директором Департамента Ближнего Востока и Северной Африки. Иными словами, он возглавлял тот отдел, который непосредственно нас курировал и ежедневно нами занимался. Этим человеком был Виктор Посувалюк. Я полностью ему доверял, так как мне казалось, что он проявляет интерес к палестинской проблеме, а также всеми силами стремится к развитию наших двусторонних отношений. Он пытался устранить возникавшие на пути развития этих отношений препятствия, что было особенно существенно накануне войны в Заливе и в ходе неудавшегося переворота против Михаила Горбачева, когда некоторые члены палестинского руководством поддерживали противников советского президента. Как известно, наши противники активно эксплуатировали эту позицию и требовали закрыть посольство Палестины в Москве. Однако этот человек защищал нас, смог пойти против течения, добился сохранения посольства и отношений и даже развития этих отношений.

Я поставил Виктора Посувалюка в известность о переговорах в Осло. Это было важно потому, что ранее я обращался к нему с просьбой посодействовать тому, чтобы израильтяне установили бы с нами канал связи через Москву. Но израильтяне отказались это сделать. Я поставил его в известность, и он очень серьезно отнесся к полученному сообщению. Он сказал, что это единственно правильный путь ("если вы хотите прийти к позитивным результатам"), поскольку переговоры в Вашингтоне – это шантаж с помощью света, речей, ответных слов и выяснения позиций.

Когда мы были накануне открытия одиннадцатого раунда, который должен был состояться в августе 1993 г., Виктор попросил меня приехать в Москву для работы в рамках координационной комиссии. Он сообщил мне, что хочет познакомить меня с русским

посланником, который будет связан с нашей делегацией, его нужно было поставить в известность о наших идеях, просьбах и мнениях. 23.08.1993 г. я приехал в Москву. Мы провели официальную рабочую встречу, на которой присутствовал наш поверенный в делах в Москве. На встрече были также некоторые сотрудники отдела Ближнего Востока и Африки. Речь шла о документе, переданном нашей делегации накануне завершения десятого раунда г-ном Джереджаном, об обсуждении этого документа, когда Деннис Росс, а затем Уоррен Кристофер совершили поездки в регион, об американских усилиях, направленных на сближение палестинской и израильской позиции. Я сказал, в частности, что мы предложим несколько позитивных и конструктивных идей, направленных на то, чтобы и этот раунд не постигла судьба предыдущих. Заседание закончилось рабочим обедом с заместителем министра иностранных дел г-ном Колоколовым. После этого я остался один на один с Виктором и сказал ему: "Забудь все то, о чем мы говорили в ходе официальной встречи. В Осло мы парафировали соглашение с израильтянами. Может быть, нам даже не потребуется одиннадцатый раунд, потому что все закончилось. Американцы до сих пор ничего не знают. Израильтяне попросили три дополнительных дня для того, чтобы поставить в известность американцев. Прошу тебя, сохрани это в тайне до тех пор, пока Шимон Перес и министр иностранных дел Норвегии не посетят Вашингтон, чтобы лично поставить об этом в известность Кристофера".

Я еще не успел закончить своих слов, как Виктор бросился меня целовать и поздравлять с этим великим историческим свершением. В порыве радости он даже забыл спросить меня о деталях происшедшего. Он забыл также спросить о сущности соглашения, его пределах, перспективах и проблемах, которые оно поднимает. А видел, что в его глазах сияет счастье и гордость. Мне казалось, что от радости он заплачет. После этого ко мне пришел корреспондент газеты "Аль-Хайят" в Москве Джалаляль аль-Машта. Он спросил меня о сути переговоров, о том, что там происходило. Я сказал ему: "Я дам вам приоритет в освещении событий. В течение шести месяцев, даже пяти будет достигнуто решение палестинской проблемы. Будьте уверены, что я отвечаю за каждое произносимое мною слово". Однако Джалаляль не отнесся к моему сообщению как к приоритетному.

Работники нашего посольства присутствовали на этой встрече и от удивления раскрыли рты. Они не привыкли слышать от меня таких определенных и решительных слов, затем они попросили

меня разъяснить им смысл сказанного и дать дополнительную информацию. Я сказал им: "Запомните сегодняшнее число. Каждый следующий день будет укорачивать названный мной срок. Заявляю откровенно, без недомолвок, без измышлений и с полной ответственностью: соглашение – реальный факт".

Так обстояли дела с международным уровнем. К счастью, не просочилось никакой информации, правда, Виктор сделал выговор израильтянам за то, что они скрыли от русских сообщения о переговорах в Осло. "К сожалению, – сказал он им, – вы игнорировали нас, хотя мы – второй коспонсор мирного процесса, вы ничего не сказали нам о контактах в Осло. О них нам сказали палестинцы. Мы благодарим их за доверие к нам".

Конечно, раздражение, высказанное русскими израильтянам, поставило их в неловкое положение. Более того, следствием этого было то, что мы почувствовали себя неловко в наших взаимоотношениях с израильтянами, мы ведь не сообщали им о том, что поставили русских в известность о переговорах в целом. Это было сделано для того, чтобы они поняли, что им необходимо поступить так же, как поступили мы.

В составе исполкома ООП только трое знали о происходивших контактах. Это были Ясир Арафат, Ясир Абд Раббо и я, этого не было достаточно для того, чтобы направлять работу других его членов. Такой человек, как Башир аль-Баргути, генеральный секретарь Палестинской компартии, пользующийся достаточной степенью уважения, высоко оцениваемый и обладающий чувством глубокой ответственности, живущий на оккупированной территории, основной участник группы, ведущей переговорный процесс, защищающий его необходимость, должен был быть уже с самого начала нами проинформирован. Он должен был вместе с нами обмениваться идеями и советами, заниматься тем, чем занимались мы. Он должен был вместе с нами участвовать в защите соглашения после его подписания. Его точка зрения уважалась многими. Уже одного этого было бы достаточно для того, чтобы убедить поддерживавших его людей в необходимости соглашения.

Аль-Баргути был поставлен в известность о том, что происходило в Осло. Он выразил в этой связи свое полное удовлетворение и пожелал переговорам успеха. В ходе различных мероприятий я постоянно, до момента подписания поддерживал с ним контакты. Он выступил в поддержку соглашения, все члены его партии заняли идентичную ему позицию. Это помогло нам добиться большинства в исполкоме.

Абу Махер активный работник ФАТХ, пользующийся уважением в палестинских кругах за свою справедливость, открытость и честность. Он одно время принимал участие в комиссии по контролю за переговорами в Вашингтоне, высказывал самостоятельные суждения по их поводу. Даже после того, как он перестал этим заниматься, я постоянно снабжал его документами, передавал ему информацию, чтобы он был в курсе происходивших там событий.

Когда были начаты переговоры в Осло, я сразу же поставил его в известность об этом. Я постоянно информировал его о ходе процесса и развитии событий вокруг него, разумеется, Абу Мохер никому ни словом не обмолвился о том, что ему что-то известно о происходящем. Он сохранял все в тайне, стремясь гарантировать секретность переговоров. Когда соглашение было подписано, он открыто выступил в его поддержку. Его знаменитое выступление, состоявшееся 11.10.1993 в Центральном Палестинском Совете, где он достойно защищал соглашение, гневно и объективно опровергая тех, кто требовал разрыва договоренностей и осуждал руководство, в огромной степени повлияло на то, что большое число членов руководства и Революционного совета поддержало соглашение.

Было бы полезно указать и на отставку Махмуда Дервиша с поста члена Исполкома. Эта отставка произошла до объявления о заключенном в Осло соглашении. Она была вызвана совсем другими причинами, а не соглашением. Атмосфера в Тунисе внушала горечь и разочарование. Дервиш был членом комиссии по контрактам за переговорами в Вашингтоне. Он, в целом, знал о переговорах в Осло. На возможности решения проблемы он смотрел сердцем поэта и умом политика, он смотрел на них как испытанный человек, страдавший от оккупации, когда он жил в Израиле, понимавший менталитет израильтян, среди которых он жил более двадцати лет. Он знал образ жизни израильтян, их мышление, горизонты их устремлений, их противоречия и внутреннее положение. Поэтому-то, в конце концов, он и стал сторонником продолжения переговоров в Осло и последовавших за ними процессов. Он постоянно призывал меня не отчаиваться, не терять надежды, не отстраняться от идеи переговоров. Но все же он ушел в отставку. Это случилось потому, что работа в Исполкоме не отвечала его точке зрения как человека искусства, его чувствам как поэта, противоречила его творчеству как литератора.

Между стремлением сохранить завесу тайны над переговорами в Осло и опасениями возможности возникновения спонтан-

ных реакций в момент объявления о подписании соглашения существовали тонкие расчеты. С одной стороны, мы стремились окружить нашу работу максимальной секретностью. Это—то и поразило мир и потрясло многих, кому никогда не приходило в голову, что палестинцы, представляющие собой странную и удивительную мозаику партий и движений, могут хранить тайну и в течение целых девяти месяцев не позволяют со своей стороны ни одному слову просочиться в прессу или другие средства массовой информации. С другой же, мы целенаправленно и четко выбирали тех, кого можно в той или иной степени, в той или иной форме известить о происшедших событиях. Речь шла о палестинском уровне, включая членов Исполкома и ЦК, об арабском и международном уровнях. Соотношение между секретностью и выбором тех, кто был информирован, было точно рассчитано. Мы выбирали тех, кто в нужное время мог бы нам помочь. Иными словами, в той мере, в какой мы соблюдали секретность, в такой же информировали различные стороны, которым мы доверяли и которые могли бы гарантировать сохранение тайны. Эти стороны сохранили ее и поддержали нас. Мы знали, что человек — просто человек — враждебен тому, что ему неизвестно. Иными словами, неинформированность соответствующих сторон приведет их к отказу от мысли поддержать нас только потому, что они ничего не знали о происходящем. Даже если они и не высказали бы в категорической форме свой отказ, они, тем не менее, поставили бы нас в неловкое положение, которое впоследствии вылилось бы в наше недоверие к ним или их недоверие к нам. Именно этого мы и старались избежать, потому что мы всегда нуждаемся в тех, кто сможет нас поддержать, кто не будет выступать против нас или, по крайней мере, займет в отношении нас нейтральную позицию.

С того момента, как, начиная с 21.05.1993 г., в переговорах стал участвовать генеральный директор израильского Министерства иностранных дел Ури Савир, я начал чувствовать уверенность в канале контактов через Осло. С этим каналом я стал связывать некоторые надежды, которые стали заставляя меня более оптимистично высказываться в присутствии моих помощников и сотрудников, а также тех, с кем я встречался в самых различных местах. Все удивлялись моему оптимистическому тону, слыша одновременно заявления различных членов руководства и членов делегации. Они говорили крайне пессимистично, заявляя, что переговоры в Вашингтоне зашли в тупик, что они не вернутся на следующий раунд переговоров.

Начиная с мая 1993 г., мой оптимизм усилился. Я стал выражать надежду на успех, используя для этого самые различные поводы, прежде всего газетные комментарии и заявления. Во время закрытых заседаний я говорил резко и решительно, отмечая, что решение проблемы будет найдено до конца года. Вспоминаю в этой связи один любопытный случай. В Тунисе я встретился с Хасибом Саббагом, который меня спросил: "Слишком с большим оптимизмом ты говоришь. В чем здесь причина?". Я ответил: "У меня много информации, которая заставляет меня быть оптимистом. Я знаю, что происходит в Израиле и Америке. Я уверен, что очень скоро решение будет найдено". Хасиб ответил мне: "Я верю тому, что ты говоришь. Могу ли я полностью опираться на твои слова?". Я сказал: "Будь спокоен. Я вижу решение проблемы так же близко, как я вижу тебя. Решение неизбежно приближается".

Потом я намекнул ему на то, что происходят некоторые, покрытые тайном подвижки. Я рассказал ему о сущности будущего решения, осветил все факты и проблемы, которые нужно будет решать.

Саббаг поверил каждому моему слову. Он стал распространять полученные сообщения, не вдаваясь в детали и не ссылаясь на источник информации. Саббаг утверждал при этом, что решение будет найдено до конца года и что он во все это верит. Его услышал Мухсен Каттан – известный палестинский богач, мой друг, видный член Национального совета и Национального фонда, бывший в конце 60–х годов председателем Национального совета, ушедший в отставку и из Национального совета и из Национального фонда во время войны в Заливе, протестуя против проиракской позиции ООП. Он так прокомментировал его слова: "Полная чушь. Абсолютная бессмыслица. Тот, кто тебе это сказал, живет иллюзиями и фальшивыми мечтами. Организация распространяет подобные слухи для того, чтобы оправдать свое существование, для того, чтобы отвлечь внимание от ее ухудшающегося положения, которое уже почти привело к ее распаду. Распад же этот начался в результате ее бездумной политики, проводившейся во время войны в Заливе".

Саббаг настаивал на правильности своей позиции и ни на йоту не отступал от нее. Они обсуждали этот вопрос в ходе встречи, на которой присутствовало много людей и среди них Абдель Маджид Шоман, глава совета правления Арабского банка. В конце концов, Каттан сказал: "Заклучим пари? Я заплачу тебе миллион долларов, если до конца года будет заключено соглашение. А ты

тоже заплатишь мне миллион долларов, если в назначенный срок соглашение не будет заключено. Эта сумма будет отдана в качестве пожертвования в благотворительный фонд". Саббаг принял пари, которое официально подтвердил Шоман. Затем Саббаг в ужасе связался со мной: "Ты уверен, что все, что мне сказал, правда?". Он добавил: "Я заключил пари с Мухсеном Каттаном на миллион долларов". Я ответил: "Успокойся! Можешь повысить ставку". Меньше, чем через полтора месяца было объявлено о заключении соглашения. Саббаг выиграл пари.

Когда мы пришли к решению о начале диалога с израильтянами в Осло, мы столкнулись с финансовыми проблемами. Речь шла о расходах делегации, оплате билетов и проживания там, не привлекая к этому внимания сотрудников Национального фонда. Я договорился с Абу Аля о предоставлении мне личного займа на сумму десять тысяч долларов. Этот заем был записан на мое имя в бюджете движения ФАТХ. Я обязывался в соответствующее время погасить его. Я действительно получил эту сумму и передал членам делегации достаточно денег для того, чтобы они оплатили свои проездные билеты и проживание. Я поставил перед ними условие – не обращаться к сотрудникам аппарата Организации с просьбой забронировать им билеты. Они должны были сами направиться в представительства авиакомпаний и купить там билеты, но так, чтобы полет в Осло был не прямым. Они должны были оказаться там, посетив до этого другие места. Более того, каждый член делегации должен был добираться в Осло своим маршрутом. По пути туда они не должны были встречаться ни в одном европейском городе и, где бы они ни оказались, не обращаться в палестинские посольства по пути следования. Члены делегации категорически не имели права пользоваться телефонами. Им предписывалось возвращаться не одновременно и из различных пунктов. В Осло они должны были избегать даже случайной встречи с нашим послом в Норвегии или с кем-либо из сотрудников посольства.

Когда первые десять тысяч долларов закончились, я попросил новую ссуду в десять тысяч долларов. Мне пришлось делать это в третий, четвертый и пятый раз. Когда сотрудник бюджетных органов ООП вручал мне пятую ссуду, то он сказал: "Дорогой брат Абу Мазен! Количество ссуд растёт, а вы не только не погашаете их, но и не даете нам отчета в том, как вы их расходуете. Ваш счет будет закрыт". Я сказал ему: "Я собираюсь погасить их в самое ближайшее время, в течение срока не более двух недель". И, на

самом деле, не прошло и двух недель, как было заявлено о заключении соглашения. Тогда я и смог сказать этому сотруднику: "ваши деньги отправились в Осло. Вот необходимые финансовые документы". Так я избавился от ссуд.

Так развивались дела на палестинской стороне. А происходило ли что-либо заметное на израильской? Конечно, мы не знали ничего о том, кому в Израиле известно о канале связи через Осло. Рабин ограничил число людей, имевших информацию о переговорах там только "мини-кабинетом министров" – несколькими министрами, видными советниками и приближенными к нему чиновниками. Однако Шимон Перес был несдержан. Он делал многочисленные заявления, из которых можно было понять, что что-то происходит под прикрытием завесы секретности. Когда он говорил: "мы и палестинцы близки к достижению решения в большей степени, чем это предполагают некоторые", а делалось это в то время, как политики и журналисты не видели ничего утешительного в итогах переговоров в Вашингтоне, то все делали те выводы, которые можно было сделать. Все понимали, что где-то готовится стряпня. Свои оптимистические заявления Перес делал представителям прессы почти ежедневно. Он ни в коей мере не отрицал слухи о встречах с ним и совещаниях с другими лидерами. Он заставлял работать фантазию политиков и журналистов, воображавших невесть что по поводу этой темы. Одновременно он хотел подготовить израильское общественное мнение к мысли о нашей приемлемости для него. Поэтому он не пропускал ни одного случая, чтобы не подчеркнуть свой оптимизм, свою убежденность в том, что время урегулирования неизбежно приближается, порой он позволял себе так много откровенничать, что казалось, что он вот-вот все раскроет.

19.07.1993 г. Шимон Перес был в Осло. Вечером того же дня вместе с сопровождавшей его делегацией он был приглашен на ужин послом Израиля в Норвегии. Была договоренность о том, что в тот момент, когда Перес прибудет в ресторан, его попросит к телефону норвежский министр. По телефону Пересу должны были сказать, что важные обстоятельства требуют его присутствия в резиденции премьер-министра. По сути дела, этот вызов был связан с тем, что должно было состояться парафирование декларации о принципах. Перес должен был присутствовать на этой исторической церемонии. После подписания он вернулся назад, к членам делегации и сотрудникам посольства так, как будто ничего не произошло.

Когда мы были на заключительном этапе переговоров в Осло, то договорились с израильской делегацией, что обнародование соглашения будет выглядеть следующим образом. Текст соглашения посылается американцам, которые, в свою очередь, возвращают его обеим делегациям так, будто это американское предложение в его окончательном варианте, делегации должны или принять его, или отвергнуть. Но израильтяне допустили утечку текстов декларации и приложений к ней. Документы были опубликованы газетой "Едиот ахронот". Естественно, это испортило предварительную договоренность. Мы должны были перестроить сценарий обнародования соглашения. Американская администрация оказалась в крайне неловком положении. Ей было известно о проходивших переговорах, но она не относилась к ним с достаточной серьезностью. Ей не было известно и о парафировании соглашения в Осло. Если бы в этот момент американцы заявили, что они обо всем знают, что они стоят за этим соглашением, то все поняли бы, что они лгут. Если бы они заявили, что ни о чем не знают, то все подумали бы, что они последние, кто об этом узнал. А Америка, тем не менее, первый координатор переговорного процесса. Возникла необходимость проведения консультаций о способе американского заявления, касающегося переговоров в Осло. Мне стало известно, что американцы консультировались с д-ром Усамой аль Базом о том, как они должны объявить о канале палестино-израильских контактов через Осло. Так или иначе, но способ был найден. Им стало заявление Государственного департамента США, в котором говорилось, что израильтяне и палестинцы достигли соглашения при важной роли Соединенных Штатов. Такого рода форма была найдена после встречи Уоррена Кристофера с Пересом и Хольстом.

13 октября 1993 г. было последним сроком утверждения палестино – израильского соглашения законодательными органами обеих сторон. Затем должна была немедленно начаться работа специальных комиссий по претворению Декларации о принципах. 10.10.1993 г. Арафат и Рабин достигли соглашения в Каире о создании этих комиссий, которые должны были действовать под руководством Высшего комитета, названного Комиссией по контролю. Эта комиссия должна была проводить свои совещания в Каире под моим руководством с палестинской стороны и под руководством Шимона Переса – с израильской.

После завершения работы этой комиссии на ее первом заседании была проведена встреча между мной и Пересом. С его сто-

роны на этой встрече был Йоси Сарид, израильский министр экологии, с нашей стороны – Саид Кемаль, посол Государства Палестины в Каире. Между нами была достигнута договоренность о тех проблемах, которые будут рассматриваться Комиссией по контролю и другими специализированными комиссиями. Кроме того, мы рассмотрели некоторые второстепенные вопросы. После этого Амр Муса, египетский министр иностранных дел пригласил нас на обед в здании Министерства иностранных дел. Я сидел вместе с Йоси Саридом, с которым мы говорили о многом, так как я был уже давно знаком с ним, хотя никогда раньше на подобных мероприятиях мы и не встречались. За обеденным столом он рассказал мне о своей политической биографии, начиная с того, как он был в Партии Труда, как он конфликтовал с Голдой Мейр, как ушел из партии и вступил в Движение гражданских прав, которое возглавляет Шуламит Алони. После этого он рассказал мне о создании тройственной коалиции, получившей название МЕРЕЦ, и о том, как в качестве представителя этого движения он стал министром в коалиционном правительстве вместе с лейбористами. Он очень не любил Рабина, резко критиковал его, отдавая предпочтение Шимону Пересу, считая его более открытым и гибким с точки зрения его политической позиции. Но, тем не менее, он уважал Рабина и сказал мне следующее: "Я не отступлю от него, потому что он владеет обстановкой".

Затем разговор перешел к израильско–палестинскому соглашению, важности его реализации и необходимости быстрых действий в этом направлении. Сарид подчеркнул, что премьер–министр, полностью доверяющий ему, посвятил его в ход переговоров в Осло. Сарид же сохранил поступавшую ему информацию в тайне, так как считал, что происходившие события очень серьезны и очень важны. Он не мог с кем–либо говорить на эту тему и искренне считал, что было бы лучше, если бы он не знал эту тайну, поскольку она была для него тяжелым бременем.

Далее он сказал: "Премьер–министр не был полностью уверен в канале контактов через Осло. Может быть, потому, что за этими контактами стоял Шимон Перес. Рабин же надеялся на то, что дела в Вашингтоне пойдут лучше, потому что за ними стояла Америка. Но затем Рабин резко переменял свою позицию. Это случилось тогда, когда ему через Ахмеда ат–Тибби было передано ваше письмо на имя Хаима Рамона, министра здравоохранения. Это было письмо, содержавшее пять вопросов и пять ответов".

Я сказал Сариду: "Но ведь эти вопросы и ответы были вам известны. Их ведь до этого долго обсуждали в Осло. Они не содержали ничего нового".

Он ответил: "На него подействовали не ответы. Его позицию переменяло само устное послание".

Тут—то я вспомнил, что произошло. В момент, когда Ат—Тиби с вопросами прибыл в Тунис, переговоры нашей делегации с ее коллегами по израильской делегации в Осло зашли в тупик. Дело касалось ряда основополагающих проблем. Было принято решение приостановить переговоры и вернуться в Тунис. Психологически я очень переживал происходящее. Свой гнев я вылил на Ат—Тиби и направил через него жесткое послание Рамону и Рабину. Я заявил, что мы прекратим переговоры, а я сам уйду с поста комиссии по переговорам. Конечно, я ни словом не обмолвился о том, что происходит в Осло. Свои слова я попросил его передать израильтянам. Впоследствии стало ясно, что Ат—Тиби был достаточно умен. Он сказал Хаиму Рамону, что Абу Мазен накануне отставки. Это, естественно, приведет к прекращению переговоров и, в итоге, к падению правительственной коалиции в Израиле. Таким образом, переданное Ат—Тиби послание изменило весь ход переговоров.

После подписания соглашения я говорил с Ат—Тиби и объяснил ему смысл того послания, которое я просил его доставить. Он был необыкновенно счастлив потому, что он смог передать нечто такое, что сыграло важную роль в мирном процессе, хотя сам он об этом и не знал. Но ему так хотелось, чтобы этот процесс достиг своей цели.

О переговорах в Осло знали немногие. Трое вели их непосредственно в Осло, трое — руководили процессом. Была достигнута договоренность о том, чтобы между Тунисом и Осло не использовались каналы телефонной связи, поэтому никто не знал номеров телефонов членов делегации. Более того, частые переезды членов делегации внутри Норвегии сделали крайне трудным осуществление телефонной связи с ними.

Но мы позволили делегации ненадолго и в зашифрованной форме связываться с нами. Каждый из обсуждавшихся в ходе переговоров вопрос был пронумерован. Один экземпляр этой нумерации хранился у нас, другой — у делегации. Таким образом, если мы и говорили друг с другом по телефону, то говорили о цифрах, не вступая в детали обсуждавшегося вопроса и в течение очень короткого времени. Как подтвердилось впоследствии, прослушивание наших телефонов не дало какого-либо результата. Ни одно из тех

государств, спецслужбы которых любят прослушивать линии международной телефонной связи, не получило интересующей его информации, хотя в течение девяти месяцев мы иногда и вели разговоры. В ходе каждого раунда переговоров (некоторые из них длились сорок восемь часов, другие же – семьдесят два часа) мы осуществляли только один или, если условия переговоров были особенно трудны, два телефонных разговора. Чаще всего по телефону говорил Хасан Асфур. На другом конце провода бывал только я. Абу Аля разговаривал очень редко, только если для этого был существенный повод. Но количество его переговоров можно сосчитать на пальцах одной руки. В течение всего срока переговоров делегация ни разу не разговаривала по телефону ни с Абу Аммаром, ни с Ясиром Абд Раббо.

Конечно, мы не проводили никаких встреч ни в официальных кабинетах членов делегации, ни в официальных кабинетах руководителей. Все необходимые встречи мы устраивали только в моем доме, потому что я привык к тому, что ко мне приходили только те, с кем я заранее договаривался о встречах. Тем самым, мы были уверены, что никто не постучит в дверь, не помешает нам и не увидит присутствующих в доме. Разумеется, посетитель, никого не увидев в доме, не сможет задуматься о причинах встречи. Все встречи происходили по ночам, в разное время и недолго. Все вопросы обсуждались очень быстро. По их поводу сразу же принимались решения. Участники встреч расходились поодиночке, а не все вместе. К счастью, члены делегации ни у кого не вызывали никаких подозрений, никому не приходило в голову, что они могут участвовать в каких-то переговорах.

Когда мы говорили по телефону, то называли переговоры в Осло словом "многосторонние". Разрешалось задавать только один вопрос: "как дела на многосторонних?". На этот вопрос отвечали только одним словом: "хорошо" или "плохо". Говорить долго или задавать дополнительные вопросы запрещалось. Задававший вопрос должен был ждать личной встречи, чтобы выяснить детали и более подробно их обсудить.

Если нужно было выяснить по телефону дату выезда или приезда делегации, то задавался вопрос: "Вернулся ли летчик?". Речь шла о Хасане Асфуре. Абу Аля называли "Ахмед". Никогда не называлась страна, где проходили переговоры, никогда не назывались имена норвежских организаторов. Исключение составлял только один член норвежской делегации, которого называли "Абу Аджля". Его настоящее имя было Терри Ларсен, руководитель ор-

ганизации ФАФО в министерстве иностранных дел, ныне посол, служит в министерстве иностранных дел Норвегии. Так его назвали члены нашей делегации, потому что он всегда торопился и спешил¹⁶. Собственно, этот его псевдоним стал шифром для обозначения норвежской делегации и Норвегии.

Мое имя наша делегация никогда не произносила. Но норвежцы дали мне псевдоним по-английски "THE HOLY SPIRIT" – "Святой дух". Этим именем меня называли члены всех трех делегаций. Когда кто-либо хотел упомянуть меня, то использовал этот псевдоним. Лично мне неизвестно, почему так меня назвали.

После того, как к израильской делегации примкнул генеральный директор израильского МИДа Ури Савир, переговоры в Осло пошли лучше, и мы почувствовали, что приезд этого человека означает, что в израильской позиции происходят позитивные изменения. Дело заключалось в том, что первые двое членов израильской делегации Хиршфельд и Рон Пундик все время подчеркивали, что они присутствуют на переговорах только как представители научных кругов, не более того. Участие Савира в переговорах вызвало в нас прилив энтузиазма в отношении этого канала и повысило внимание к нему. Спустя один раунд после его приезда израильская делегация также получила кодовое название – "Абу Джаафар". Откуда взялось это название?

Да, Абдель Латыфа Абу Хаджля, генерального директора политического департамента цен называли "Абу Джаафар" – "Отец Джаафара" – по имени его сына-первенца. Его пост соответствовал посту Ури Савира в министерстве иностранных дел Израиля. Может быть поэтому-то и появилась мысль назвать израильскую делегацию и, в частности, Ури Савира именем "Абу Джаафар". Этот псевдоним стал известен представителям всех трех делегаций – палестинской, израильской и норвежской.

¹⁶ Дословно по-арабски "Отец спешки"

ГЛАВА 12

ГАЗА – ИЕРИХОН. ОТКУДА И КУДА?

Уже давно лидеры Израиля, представлявшие все политические партии как левого, так и правого толка, говорили о необходимости вывода войск из сектора Газа. Так было и во времена правительства Ликуда, так было и во времена правительства Партии Труда. Но все их заявления в этом смысле не встречали никакой реакции с палестинской стороны. Более того, некоторые палестинские лидеры отрицательно относились к этой идее, резко выступая против.

Давид Бен-Гурион называл Газу "раковой опухолью". Многие израильские политики, военные и журналисты лишь подтверждали правоту этого высказывания, оценивая его с собственной точки зрения так как они его понимали. Хаим Барлев, начальник штаба Армии обороны Израиля говорил: "Днем мы захватываем Газу, а партизаны захватывают ее ночью", многие представители израильской армии называли ее "проклятым сектором", "тараканьим гнездом", "змеиным камнем". Дело дошло до того, что про Газу стали говорить как о "раковой опухоли, от которой должно избавиться здоровое тело, чтобы в нем не распространились ее метастазы".

Израильтяне, представлявшие правящую элиту, руководства различных партий, простой народ или армию в своем большинстве были убеждены в ненужности пребывания в этом районе. Израильские газеты помещали на первых страницах заголовки, политические лидеры публично заявляли, что настало время избавиться от этого "кошмара". Эта точка зрения усилилась, когда газета "Маарив" летом 1993 г. провела опрос общественного мнения. Его результаты были опубликованы и показали, что 77% опрошенных выразили свою поддержку идее ухода Израиля из сектора Газа немедленно. Половина же опрошенных связывала уход из Газы с заключением всеобъемлющего соглашения. Некоторые министры израильского правительства считали необходимым быстрее уход из Газы и на основе одностороннего решения. Эту точку зрения представляли "голуби" Партии Труда и левые партии. Существовало и иное мнение – предпочтительности переговоров по по-

воду ухода. Это мнение выражал Рабин и его группировка, бывшие выразителями воли большинства в правительстве и Партии Труда.

Некоторые палестинские представители говорили, что Израиль стремится избавиться от тяжелого бремени, как с точки зрения проблем безопасности, так и с точки зрения экономических расходов и социальных издержек, которое ему приходится нести в секторе Газа. Другие же заявляли, что интифада в секторе Газа в самом разгаре. Если разрешить Израилю уйти оттуда, то это будет означать провал восстания, что не отвечает палестинским интересам. До тех пор, пока Израиль будет сталкиваться с трудностями в секторе Газа, нам следует не содействовать облегчению его бремени, а, напротив, сделать так, чтобы Израиль как можно глубже увяз в песках этого района. Третьи говорили о том, что за уход Израиля из Газы придется заплатить слишком большую цену. Он уйдет только оттуда. Нам придется выпутываться из сложившегося там положения. Израиль же поглотит и аннексирует остальные оккупированные территории.

В одном из своих заявлений Ицхак Рабин сказал: "Мне бы хотелось, чтобы сектор Газа был затоплен морем". Когда кое-кто стал критиковать его за это заявление, обвиняя в нарушении прав человека, в том, что он становится расистом, Рабин ответил: "Я вовсе не имел в виду те выводы, которые вы сделали из моих слов. Палестинцы прекрасно поняли смысл моего заявления".

Мое внимание привлекло первое заявление высокопоставленного израильского чиновника об уходе из сектора Газа. Но я не ответил на него, поскольку расценил это заявление как слова для прессы, которые никогда не будут оформлены как позиция или политическое решение. Даже тогда, когда заявления по этому поводу стали делаться достаточно часто, я никогда не пытался в ходе встреч с прессой или политических заседаний акцентировать на них внимание. Мне продолжало казаться, что речь все еще не идет о позиции или возможности политического решения. Тем не менее, я считал, что уход Израиля не только из сектора Газа, но и с любой пяди палестинской земли будет огромным достижением, если, конечно, при этом не будут выдвигаться какие-либо предварительные условия или требования. Некоторое время спустя, я стал подчеркивать, что у меня нет возражений против ухода Израиля из Газы, если, конечно, это стремление израильтян обойдется без выдвигаемых перед нами определенных обязательств.

Все критиковали новые акценты в моих выступлениях, оправдывая свою критику необоснованными выдумками.

Ицхак Рабин сделал серьезное заявление, сказав: "Если мы достигнем с палестинцами Декларации о принципах, то я не буду возражать против ухода из сектора Газа". Сразу же после этого я сделал заявления ряду газет и информационных агентств, что мы готовы принять уход из сектора Газа, если он будет осуществлен в рамках согласованной Декларации о принципах. Некоторые из членов ЦК пытались критиковать это заявление, не ознакомившись с его смыслом и положениями. Это происходило потому, что никто не думал об этом, никому не приходило в голову, что этот уход может быть реализован, а его идея в случае необходимости окажется приемлемой для израильтян.

Я высказал свое мнение Абу Аля, главе делегации, которая вела переговоры в Осло. Он категорически отверг его, заявив, что "наряду с тем, что я не уверен в такой возможности, израильтяне никогда не согласятся с этой мыслью. Поэтому обсуждать ее сейчас абсолютно бесполезно".

Между нами состоялось несколько встреч и, в конце концов, Абу Аля согласился с тем, что идея ухода израильтян из сектора Газа, как образец, полезна. Тем самым будет выражена палестинская позиция, заключающаяся в том, что мы настаиваем на выполнении резолюции 242, где речь идет о выводе войск. Кроме того, это будет испытанием для израильской позиции в отношении выполнения той же самой резолюции в том, что касается вывода войск из Газы.

Хотя позиция Абу Аля и не была последовательной, я договорился с ним и с делегацией, которая также приняла эту идею, о том, что она будет высказана противоположной стороне в Осло. Затем мы посмотрим на реакцию израильтян и оценим степень их готовности принять эту мысль.

Когда в Осло наша делегация выдвинула идею вывода войск из Газы, израильтяне сочли ее странной, расценили ее как шутку, в лучшем случае заслуживающую улыбки. Но Абу Аля настоял на том, чтобы она была включена в повестку переговоров. Когда израильтяне попытались исключить ее, он сказал им, что их премьер-министр Рабин заявил, что он согласен с выводом, если будет достигнута Декларация о принципах. "А здесь, – сказал он, – мы и обсуждаем Декларацию о принципах. Так почему же нам не обсудить эту идею?". Израильтяне заметили на это, что сказанное Рабиным предназначено лишь для прессы, а не является выражением официальной точки зрения. Абу Аля же заявил: "Нам не кажется, что глава правительства может выступать клоуном перед журналиста-

ми. Мы, однако, не знаем, говорит ли он на двух языках – языке для переговоров и совершенно ином -- для прессы. Мы считаем, что, когда премьер–министр говорит о чем–то, то он говорит серьезно. Наше руководство отнеслось к его словам со всей серьезностью и поручило нам сообщить вам об этом. Говоря откровенно, это испытание для вас в том, что касается постановки серьезных проблем”.

Израильяне не сказали ни да, ни нет. Израильская сторона заявила, что она должна обратиться к своему руководству для того, чтобы узнать его мнение по этому поводу, что она сомневается в том, что ее руководство одобрит эту идею. Но Абу Аля намекнул израильянам, что для нас это чрезвычайно важно и что без этого вопроса Декларация о принципах не пройдет.

В ходе следующего раунда израильяне, в принципе, согласились с идеей вывода войск из сектора Газа, но не пожелали высказаться по поводу связанных с этим деталей. Мы им намекнули, что сектор должен перейти к стороне, обладающей высокой степенью ответственности и способной обеспечить там безопасность и порядок. Эта сторона должна найти ответ на основные вопросы, волнующие население сектора – социально–экономическое положение и ситуация в сферах безопасности и управления. Мы почувствовали, что израильяне считают приемлемой идею передачи сектора Газа после их ухода оттуда руководству Организации. Но это обстоятельство нуждалось в дополнительных мерах. Мы не вникали в суть деталей, решив оставить их на момент окончательной разработки Декларации о принципах, а затем вернуться к ним.

Когда Абу Аммар заслушал отчет делегации об израильской принципиальной позиции относительно ухода, он стал выдвигать другие требования. Например, он сказал, что сектора Газа не достаточно, что израильяне должны уйти из какого–то места с территории Западного берега. Он заявлял, что иначе начнут говорить о том, что урегулирование включает только Газу и не относится к Западному берегу. Поэтому, подчеркнул он, мы должны выдвинуть требование вывода войск, например, из Иерихона.

Вскоре Арафат стал употреблять выражение "Газа – Иерихон" как выражение идеи одного проекта. Об этом проекте он стал говорить тем лидерам и руководителям, с которыми встречался. Мы почувствовали, что он сужает рамки проекта Декларации о принципах, употребляя это выражение. Арафат был уже не способен обратить свое внимание на другие проблемы Декларации, постоянно ограничиваясь вопросом о том, что стало с проектом "Газа –Иерихон". Дело дошло до того, что, когда, впоследствии, было

достигнуто соглашение, некоторые деятели стали думать, что это соглашение относится лишь к Газе и Иерихону, что поэтапное решение стало двумя поэтапными решениями, одно из которых известно, а второе еще нет. Находились и такие деятели, которые заявляли, что окончательное поэтапное решение и есть уход войск из Газы и Иерихона.

Накануне визита Рабина в Исмаилию Абу Аммар и президент Мубарак провели встречу, в ходе которой Абу Аммар попросил египетского лидера прощупать мнение Рабина о проекте "Газа – Иерихон". Президент Мубарак не знал подоплеку этой проблемы, так как Абу Аммар ничего не объяснил ему. Именно поэтому он прямо спросил Рабина об этом. Рабин очень разозлился и отказался обсуждать этот вопрос. Потом говорили, что Рабин отправился в Египет с большой радостью, а вернулся оттуда разъяренным.

В преддверии поездки Кристофера в регион мы были в Египте. Это было связано с подготовкой палестинского ответа на черновой проект, предложенный американцами нашей делегации незадолго до окончания десятого раунда переговоров. Когда мы подготовили подходящий вариант, который египтяне должны были передать американцам, а наша делегация – Кристоферу во время его пребывания в Иерусалиме, с нами решил поговорить Абу Аммар. Он совершал в то время визит в страны Юго-Восточной Азии. Он сообщил нам, что получил предложение от американцев, переданное ему Даном Кертцером, одним из помощников Кристофера, через Ханан Ашрауи. Дан Кертцер беседовал с ней и сообщил, что Америка согласна с проектом "Газа – Иерихон". Тем самым, как он считал, мы должны были представить ему наше видение этого проекта.

Откровенно говоря, я не верил, что американцы согласны с этим проектом. Речь шла о второстепенном, за пределами переговоров разговоре между Ханан и Кертцером об этом вопросе. Кертцер сказал ей: "Ну, что ж. Давайте. Что у вас есть по этому поводу?".

Арафат же ухватился за эти слова, считая, что это серьезный американский проект, что это "дар" Америки, от которого не следует отказываться. Когда мы ему сказали, что такого рода идеи и предложения содержатся в Декларации о принципах, которую мы завершаем, то он сказал: "Я хочу проект "Газа – Иерихон". Что я буду делать с Декларацией о принципах? К чему она мне? Помещу в рамку и повешу на стенку?".

Израильтяне едва не взбесились, когда услышали о нашем требовании ухода и из Иерихона. Поначалу они решительно отказались даже говорить об этом, но наша делегация настойчиво разъясняла им причины этого требования, подчеркивая, что речь идет о двери, открывающей Западный берег. Мы говорили им, что требование вывода войск из Иерихона символично по отношению ко всему Западному берегу, что уход оттуда не может привести к негативным последствиям, поскольку в этом районе нет поселений. Доводы следовали один за другим. Израильтяне попросили времени на размышления и контакт с самим Ицхаком Рабиным. Они отмечали, что Перес ничего не должен знать об этой жизненно важной для них проблеме.

По возвращении израильтяне заявили: "Мы согласны с уходом из города Иерихона и передаче его под ваше управление, когда начнется выполнение соглашения". Однако мы продолжали выдвигать наши требования. Израильтяне вышли из себя, но часть этих требований приняли, отказавшись от других. Тем не менее, даже те требования, выполнение которых представлялось им невозможным, не были полностью ими отброшены.

Когда мы потребовали вывода войск не только из города Иерихона, но и с территории прилегающего к нему района, они решительно отвергли это. Затем мы сузили понятие "район" Иерихона, но они вновь отказались. Наконец, соглашение по этому поводу все же было достигнуто, но при условии последующего достижения соглашения.

Затем последовал разговор о коридоре прохода в Иерихон. Мы намекнули на то, что этот коридор должен быть частью обоих районов автономии. Они не желали идти на удовлетворение этого требования, так как считали, что этот коридор разрежет напополам Государство Израиль, к чему, как они говорили, им не хочется прилагать руки. Они предложили идею надежного коридора для важных персон. Мы же отвергли ее, не считая возможным применение понятия безопасности только к важным персонам. По нашему мнению, речь шла о неравноправии, скорее оскорбляющем, чем охраняющем важных персон. В конце концов, они согласились с тем, что этот коридор будет безопасным как для людей, так и для средств транспорта.

Но все эти детали не покрывали проблемы Газы и Иерихона. Существовали и другие, которых следовало бы здесь коснуться. Важнейшей среди них был вопрос о коридоре Газа–Иерихон–Иордания. Мы хотели, чтобы под нашим контролем были два кори-

дора, соглашаясь и на совместный контроль над ними со стороны палестинцев, и международных полицейских сил. Израильцы вначале не только отвергли идею двух коридоров, они отвергли и предложение о том, чтобы эти коридоры были под нашим контролем и контролем наших коллег. Они отмечали, что тем самым нарушается внешняя безопасность, которая является и останется во время переходного периода сферой израильской ответственности. Диалог завершился соглашением об упоминании этих проходов, а также о том, что вопрос о контроле над ними станет предметом последующей договоренности между нами и ними. При этом они не желали делать никаких уступок по вопросу о нашем участии в этом контроле.

Соглашение о выводе войск из Газы и Иерихона стало предпосылкой к обсуждению вопроса отношений между Организацией Освобождения Палестины и Израилем. Это произошло потому, что вывод войск, естественно, предполагал, что должна появиться какая-то сторона, несущая ответственность за оба этих района в течение периода между началом реализации соглашения и выборами. Как известно, выборы должны были состояться в течение девяти месяцев с момента подписания Декларации о принципах. Таким образом, было согласовано, что после парафирования соглашения станет возможным обсуждение условий, необходимых для взаимного признания.

К сожалению, некоторые заявления выдали наличие соглашения, представив его так, как будто речь идет только о Газе и Иерихоне, как будто он содержит только один пункт – проект "Газа – Иерихон". Но в соглашении действительно только один пункт касается Газы и Иерихона. Однако оно содержит и другие пункты, искусно связывающие переходный и окончательный этапы. На основе этого соглашения большая, если не вся, часть властных полномочий в Газе и Иерихоне переходила к ООП. Это должно было произойти сразу же после ухода израильской армии из этих районов. Одновременно некоторая часть властных полномочий должна быть передана ООП и в остальных районах Западного берега на срок до проведения выборов, после которых согласованные властные функции должны быть полностью переданы палестинцам. Иными словами, развитие событий в Газе и Иерихоне мало чем отличалось от развития событий в других районах Западного берега. Единственное, что отличало ситуацию в Газе и Иерихоне, с одной стороны, и ситуацию в остальных районах Западного берега, заключалось в том, что в первом случае сразу же после вывода

израильских войск их место должна была занять палестинская администрация, во втором же – предполагалась передача власти и передислокация израильских вооруженных сил, которые должны были покинуть палестинские города, деревни и иные населенные пункты и накануне выборов переместиться в четко обозначенные и известные районы.

Тема Газы и Иерихона была особым пунктом Декларации о принципах. Мне кажется, что эта тема явилась лакмусовой бумагой, с помощью которой проверялись и испытывались искренность израильтян и их планы на будущее.

ГЛАВА 13

НЕОЖИДАННОСТЬ

В два с половиной часа утра в пятницу 20.08.1993 г. была парафирована Декларация о принципах. Но прежде, чем израильские газеты опубликуют тексты соглашения, четыре приложения к нему и согласованный протокол, мы должны были встретиться с палестинским руководством и членами делегации, отправлявшейся в Вашингтон для возобновления одиннадцатого раунда проходивших там переговоров.

Еще до того, как операция была раскрыта, состоялись пленумы Исполкома и палестинского руководства. Я опасался вынесения документов на повестку дня Исполкома, считая, что сведения о них могут преждевременно просочиться. Некоторые члены Исполкома не удержались бы от того, чтобы опубликовать всю полученную информацию в арабских газетах.

Для этого я прибег к хитрости, чтобы избавиться от необходимости говорить. Я отправился к Джамалю ас-Саурани, секретарю Исполкома, и спросил его, может ли он гарантировать сохранение секретности той информации, которую я собираюсь сообщить в своем выступлении. Я подчеркнул, что эта информация крайне важна и совершенно секретна. Ас-Саурани ответил мне, что гарантировать этого он не может. Это-то и дало мне оправдание для отказа от выступления. Сохранить молчание мне помогло также и то, что на следующий день иорданские газеты напечатали сообщения о вопросах, обсуждавшихся Исполкомом прошлой ночью. По сути, это был детальный протокол заседания. Сообщалось даже о том, чего на самом деле не было.

Заседания Исполкома проходили, а я не раскрывал рта, не говорил ни слова о соглашении. Но я переговорил с некоторыми членами Исполкома, которым доверял и которые могли хранить тайну, ознакомив их с Декларацией о принципах. Вопрос касался получения их поддержки, когда документ будет официально вынесен на обсуждение пленума Исполкома.

Сразу же после окончания заседаний пленума Исполкома я попросил о встрече находившихся в Тунисе членов ЦК для того, чтобы сообщить им о сути и деталях Декларации. Мне не хотелось,

чтобы ситуация все больше и больше осложнялась. Равным образом мне не хотелось оказаться под прицелом двух палестинских органов руководства. Я хорошо знаю палестинских руководителей. Даже если у них и не будет возражений против Декларации, они все равно будут возражать против нее только потому, что им о ней ничего не было известно или их не поставили о ней в известность. Все они считают себя равными членами руководящих органов, равными с точки зрения возложенной на них ответственности, а поэтому должны быть равными и с точки зрения информированности. Человеческая природа заставляет многих делать вид, будто бы им известны сокровенные тайны происходящего вокруг них. Кроме того, каждый, кто знает какую-либо тайну, непременно поделится ею со своими друзьями, приближенными, знакомыми и родственниками. Это делается для того, чтобы продемонстрировать им собственную осведомленность. Разумеется, знакомя других с этой тайной, человек потребует от них, чтобы они никому о ней не говорили. Но все эти люди сделают наоборот, потребовав уже от других, чтобы они ничего никому не говорили. Каждый вокруг будет все знать, Через день и даже меньше тайна доходит до ушей газетчиков. И все разрушается.

Проблема тайны – это обоюдоострый меч. С одной стороны, секретность полезна для ведения переговоров, но с другой – это слабое место людей, ведущих эти переговоры. Эти люди находятся под лупой, которая увеличивая главную тему, захватывает и их личные качества.

Учитывая сложность создававшейся ситуации, мы обратились к Исполкому ООП и ЦК движения ФАТХ с объяснением содержания соглашения. Естественно, что на нас обрушилась волна критики, связанная с тем, что члены обоих руководящих органов не были знакомы с ходом переговоров. С большим трудом нам удалось убедить членов и того, и другого органа перейти от необходимости ознакомления с документом к другим вопросам, касающимся обсуждения соглашения. Тем не менее, личные обиды продолжали довлеть над позицией некоторых коллег. Однако, подавляющее большинство и членов Исполкома, и членов ЦК одобрило соглашение, считая, что то, чего нам удалось добиться, представляет собой достижение, реализация которого была бы невозможна без использования канала контактов через Осло.

Наиболее серьезной трудностью для нас была необходимость ознакомить с документом делегацию, прибывшую для получения инструкций в связи с одиннадцатым раундом переговоров, и

выработать отношение к американскому документу, представленному в конце десятого раунда. Ради этого документа регион посетил Деннис Росс, а вслед за ним туда приехал и госсекретарь Кристофер. Целью этих поездок было стремление американской делегации активизировать дипломатические усилия и оказать давление на заинтересованные стороны, чтобы заставить их принять формулу, способную стать основой для Декларации о принципах, по поводу которой обе стороны должны были провести переговоры.

Когда делегация прибыла в Тунис накануне открытия одиннадцатого раунда для получения инструкций и проведения обычных консультаций с руководством, возникла необходимость контактов с ней, чтобы сообщить ее членам о достигнутом и за несколько дней до этого парафированном в Осло соглашении. Сообщение о соглашении было для делегации огромной неожиданностью. Ее члены не верили собственным ушам. Кто-то был согласен с этим документом, кто-то выступил против него. Но члены делегации смогли оправиться от шока и познакомились с деталями, одоблив достигнутое нами и признав, что ничего подобного в Вашингтоне не удалось бы достигнуть.

Американцы, когда их вновь поставили в известность о происшедшем, снова не приняли это сообщение всерьез. Они отнеслись к нему, по сути дела, с безразличием. Более того, американцы, кажется, напрочь забыли о том, что о проходящих переговорах им сообщали и раньше. Когда Кристофер в конце июня 1993 г. прибыл в Израиль, и израильтяне вновь сообщили ему о том, что они говорили ему раньше, он сказал: "Эти встречи отражают лишь степень оптимизма Переса и Абу Мазена. У них не будет никаких результатов".

ВЗАИМНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Девять месяцев переговоров в Осло между Организацией и Израилем были достаточным сроком для того, чтобы убедить израильтян, что прямые переговоры с руководством ООП значительно лучше, чем переговоры через делегацию, не обладающую достаточными полномочиями для самостоятельного действия. Кроме того, наша делегация в Осло продемонстрировала высокую степень ответственности в отношении договоренностей по всем обсуждавшимся вопросам. Наряду с этим, наша делегация проявила серьезное отношение к вопросу сохранения секретного характера переговоров. Тем более, что в израильскую прессу просочилось достаточно много информации о развивавшемся процессе. Пале-

стинская же сторона постоянно опровергала появлявшуюся информацию, заявляя о том, что переговоры ни в коей мере не ведутся.

Проявленная нашей делегацией высокая степень ответственности заставила израильтян прийти к мнению о необходимости перехода на иной уровень оценок. Речь шла о том, чтобы отказаться от точки зрения, согласно которой Организация была орудием терроризма, к точке зрения, в соответствии с которой она становилась партнером в переговорах, а затем к ее признанию. Если Декларация о принципах была важным событием, то событием большей важности выступало взаимное признание. Оба исторических противника завершали противостояние и садились рядом, признавая существование друг друга.

В политическом отношении для нас, палестинцев, развитие событий в этом направлении не было трудным. В 1988 г. Палестинский национальный совет принял палестинскую инициативу, в которой было четко выражено стремление признать Израиль. Конечно, психологически и морально для многих это было крайне сложно сделать. Но для Израиля вопрос был еще более трудным. Израильтяне категорически отвергали возможность признания Организации Освобождения Палестины. Они отвергали сам факт существования палестинского народа. Эта идея была унаследована ими с того момента, когда в начале нынешнего столетия Теодор Герцль посетил Палестину и заявил о том, что "земля без народа должна принадлежать народу без земли". Эта идея стала базовой для последующей выработки позиции любой израильской политической силы, как, впрочем, и любой международной силы. Следует отметить, что ни декларация Бальфура, ни принятый Лигой Наций мандат, дававший Великобритании право на управление Палестиной, ни в коей мере не касались вопроса о существовании палестинского народа. Если о нем и говорили, то речь шла (в декларации Бальфура) об "иных общинах, живущих на территории Палестины".

Конечно, признание в морально–психологическом плане было для нас трудным. Но в плане политическом эти трудности не возникали. Для израильтян же это было трудно с обеих точек зрения. Однако, в процессе развития политического процесса, участниками которого были обе стороны, было необходимо идти на переоценку ценностей.

Йозель Зингер, глава израильской делегации на переговорах в Осло, говорил: "Признание Организации Освобождения Палестины заставляет нас выдвигать ряд условий и требований. Вы должны

их удовлетворить, если вы этого хотите". Абу Аля возразил ему: "Наша Организация открыто смотрит на эту проблему. Мы стремимся к серьезному совместному обсуждению этого вопроса. Иными словами, мы стремимся к вашему согласию на то, чтобы этот вопрос изучить".

Израильская делегация представила следующие вопросы для обсуждения:

1. Признание права Израиля на мирное и безопасное существование.
2. Принятие резолюций 242 и 338.
3. Согласие с принципом переговоров по поводу переходного и окончательного этапов. Переговоры, как единственный путь к достижению политического урегулирования.
4. Искоренение терроризма.
5. Отказ от любых форм насилия и террора.
6. Отмена статей Палестинской национальной хартии, противоречащих праву Израиля на существование или противоречащих данным вопросам.
7. Ясир Арафат как глава Организации Освобождения готов к встрече с любым израильским лидером.

Мы с глубоким вниманием изучили эти предложения. Наш подход к ним был абсолютно серьезным. Это определялось тем, что мы действительно стремились к взаимному признанию, которое ликвидировало бы все препятствия, сохранявшиеся на пути прямых переговоров между обеими сторонами. Суть вопроса заключалась в том, что мы на самом деле стремились разъяснить, что палестинская делегация представляет Организацию, что она назначена ООП, которая руководит и направляет все стороны ее деятельности, являясь, в конечном итоге, первой и последней инстанцией, к которой обращается делегация. Но, несмотря на все предпринимавшиеся нами в этом направлении попытки, правительство Израиля отказывалось признать Организацию, квалифицируя ее как террористическую, стремящуюся действовать в интересах разрушения Государства Израиль.

Израильяне стремились категорически опровергнуть в глазах всех, что они ведут переговоры с Ясиром Арафатом, президентом Государства Палестина, которое признано более, чем ста государствами мира. Они утверждали, что имеют дело только с Организацией. Они упорно настаивали на отмене всех статей Палестинской национальной хартии, которые отрицали законность существования Израиля. Но, в то же время, они требовали немед-

ленного прекращения интифады. Другие же выдвигавшиеся ими вопросы также не были новыми для ООП, которая не раз и в официальной форме заявляла, что придерживается соответствующих положений, хотя Израиль и не брал на себя каких-либо обязательств. Иными словами, мы считали, что, если нам придется еще раз заявить о необходимых обязательствах, то это ничему не повредит.

Мы стремились к тому, чтобы предлагавшееся нами признание Израиля не включало бы в себя категоричное подтверждение того, что мы решили отменить те статьи Национальной хартии, которые противоречили законности существования Израиля. Их отмена была исключительной прерогативой Палестинского национального совета, что и следовало четко сказать противоположной стороне. Кроме того, нам было трудно психологически и с точки зрения наших отношений с народом принять предложение о прекращении интифады. Принять идею прекращения восстания в условиях сохранения оккупации для нас было невозможно, тем более, что соглашение все еще не было официально подписано. В силу этого, мы договорились о том, что будет парафировано письменное обязательство, которое будет направлено министру иностранных дел Норвегии, о том, что после подписания соглашения Арафат в одном из своих публичных выступлений обратится к народу с призывом к спокойствию и переходу к мирному созиданию. Этот призыв будет, по сути дела, обращением к народу о прекращении интифады.

Переговоры о взаимном признании заняли более десяти дней. Речь шла не об определенных пунктах соглашения по этому поводу, но о выборе выражений и слов, чем были озабочены обе стороны. Диалог по этому вопросу шел, в основном, через норвежского министра. Последняя встреча состоялась в Париже, где была достигнута окончательная договоренность о формуле трех писем – письме о признании с нашей стороны, письме о признании со стороны израильского правительства и третьем письме от Ясира Арафата министру иностранных дел Норвегии по вопросу об интифаде.

Все эти документы были подписаны в половине двенадцатого вечера в четверг, 09.09.1993 г. Это произошло через полчаса после того, как завершился пленум Исполкома ООП, где были приняты и заверены эти письма.

Многим в Исполкоме ООП и в ЦК движения ФАТХ никогда не приходило в голову, что когда-нибудь мы сможем прийти к этому

соглашению. Некоторые из членов этих двух органов говорили, что достаточно добиться упоминания в Декларации о принципах "палестинского народа", остальное же – неважно. Другие заявляли, что нам было бы достаточно того, что Газа и Иерихон переходят под управление ООП. Третьи считали, что подписание этой Декларации Организацией Освобождения Палестины будет "историческим свершением". Четвертые же, прочитав Декларацию, говорили: "Это больше, чем то, к чему мы стремились". Самое странное заключалось в том, что все эти люди, когда мы объяснили им, что соглашение правдиво, что в нем нет недомолвок или умолчаний, отошли от своих слов и заявили о своей, ничем не обоснованной, оппозиции соглашению.

Все они считали невозможным достижение соглашения, и уже поэтому высказывали в отношении него оговорки. Эти люди считали, что соглашение невозможно реализовать, и именно поэтому они выступили против него. Им казалось, что таким образом им удастся сохранить в глазах народа собственный образ незапятнанным, поскольку они всегда занимали подобную позицию. В конце концов, эти люди ничего не теряли. Некоторые из них рассматривали свою оппозицию соглашению как выражение сугубо собственной позиции, говоря, что они были далеки от переговоров или были отстранены от их ведения. Если они были далеки от них, то именно поэтому они и выступают против того, что делали другие. В рядах оппозиционеров была действительно любопытная группировка. Ее члены заявляли, что мы не можем претворить соглашение. Мы не можем этого сделать, поскольку не существует достаточных экономических, административных и технических предпосылок для этого. Для них это было достаточным поводом для того, чтобы выступить против соглашения. Но, в целом, соглашение рассматривалось как историческое событие, требующее высокого уровня ответственности, отказа от личных пристрастий. Большинство палестинского руководства смотрело на соглашение через призму интересов будущего, народа и родины, поднимаясь над узостью и ограниченностью личных точек зрения и проявляя высокий уровень ответственности.

Быть руководителем – это не только иметь высокий пост и привилегии. Это, прежде всего, мужество, понимание чаяний народа, стремление созидать будущее и служение идеалу, требующее огромной самоотверженности. Быть руководителем – это не сохранение существующего положения, не забота о собственной пози-

ции или работа в комфортабельном офисе, далеком от подлинной жизни.

Американская администрация заявила о том, что подписание Декларации о принципах состоится 13.09.1993 г. Ею же было объявлено, что документ с израильской стороны будет подписан министром иностранных дел Шимоном Пересом. Мы же, как это у нас водится, не решили, кто войдет в состав нашей делегации и кто подпишет соглашение. Хотя было естественным предполагать, что с палестинской стороны соглашение подпишет Фарук Каддуми, наш министр иностранных дел. Но господин Каддуми заявил о своем неприятии договора и отказался ехать в Вашингтон. Тут о своем желании присутствовать на церемонии заявил Абу Аммар, что требовало, чтобы там присутствовал также и Рабин. Складывавшаяся ситуация потребовала срочных и детальных сорокавосьмичасовых переговоров накануне назначенного срока подписания. В конце концов, приглашения на церемонию были направлены и Арафату, и Рабину. Мне было поручено подписание соглашения от имени Организации Освобождения Палестины. У меня были некоторые оговорки в отношении поездки, но многие предприняли необходимые усилия для того, чтобы они были сняты. Я подчинился решению, хотя и думал, что мне удастся этого избежать, но безуспешно. Таким образом, я оказался на борту самолета марокканского короля вместе с нашей делегацией, отправившейся 12.09.1993 г. в Вашингтон.

Проведенные нами в Вашингтоне сорок восемь часов были заполнены различными встречами, контактами и официальными мероприятиями. На некоторых из них стоит остановиться, говоря об этой исторической поездке.

В момент подписания Декларации о принципах, ООП и Израиль еще не достигли взаимного признания. В силу этого, в преамбуле соглашения отмечалось, что палестинская делегация выступает в рамках совместной Иордана–палестинской делегации. Это было естественно, тем более, что переговоры в Вашингтоне проходили на основе этой формулы. Но после подписания соглашения о взаимном признании стало необходимым скорректировать преамбулу и изменить название подписывающей палестинской стороны с тем, чтобы это было соглашение между правительством Израиля и Организацией и чтобы оно было подписано от имени Организации. Когда мы прибыли в Вашингтон, этот вопрос еще не был решен. Нам казалось, что по существу решение не потребует много времени, что корректировка будет произведена автоматически без

предварительных просьб или проведения дополнительных переговоров. Мы заметили, тем не менее, что находящаяся в Вашингтоне делегация ничего не предпринимает для того, чтобы внести необходимые изменения. Делегация ожидала нашего приезда и считала, что мы выступим с инициативой контактов с израильтянами, американцами и норвежцами. Мы чувствовали, что израильтяне не хотят чего-либо менять под предлогом нехватки времени. Они заявляли, что уже находящиеся в Белом доме готовые документы не могут подвергаться правке, что они уже готовы для подписания.

В последние минуты, предшествовавшие церемонии подписания в Вашингтоне Аль-Фахум, член находившейся там палестинской делегации, записал следующее:

"Понедельник 13.09.1993 г. В шесть часов утра со мной связался один из членов израильской делегации, представившийся как помощник Шимона Переса. Он попросил переговорить с Абу Мазеном о том, чтобы назначить встречу между ним и Пересом на шесть часов вечера того же дня. В то же самое время Абу Аммар из своего номера в гостинице разбудил Ахмеда ат-Тиби и попросил его связаться с Пересом по вопросу об изменении первого параграфа соглашения, где говорилось, что речь идет "о соглашении – Декларации о принципах между палестинской частью иордано-палестинской делегации и израильской делегацией". Изменить этот параграф было необходимо так, чтобы в нем говорилось о "делегации Организации Освобождения Палестины и делегации правительства Израиля".

Ахмед ат-Тиби получил полуотрицательный, полуположительный ответ. Рабин согласился с тем, что Организация Освобождения Палестины будет упомянута как сторона, подписывающая соглашение, в конце страниц. Ат-Тиби поставил об этом в известность палестинское руководство. Абу Аммар заявил ему, что этого недостаточно, заявив, что он вновь должен отправиться к Пересу и Рабину. Абу Аммар разбудил Ат-Тиби, заявив ему: "Мы не подпишем это соглашение, так как в нем не содержится упоминания об Организации Освобождения Палестины". Арафат требовал, чтобы Ат-Тиби связался с Ицхаком Рабином, Шимоном Пересом и находившимся в Тель-Авиве Хаимом Рамоном.

Примерно в восемь часов Хасан Асфур, Мухаммед Абу Куш и Ахмед ат-Тиби были отправлены на встречу с израильской делегацией. Все трое вернулись, не добившись какого-либо результата. В ходе встречи Ат-Тиби пригрозил Пересу, заявив, что палестинская делегация и Ясир Арафат не придут в Белый дом. Абу Ам-

мар потребовал от всех членов делегации не покидать гостиницу и не отправляться в Белый дом, если не будет изменен необходимый параграф.

В восемь часов сорок пять минут все члены палестинской делегации собрались в резиденции Абу Аммара для того, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. В девять часов утра Абу Аммар принял Джеймса Бейкера и проинформировал его о развитии событий. Когда Бейкер спросил: "Когда же будет подписано соглашение?", Арафат ответил: "В одиннадцать часов". Бейкер заметил ему тогда: "Если так, то израильтяне согласятся с внесением изменений в десять часов пятьдесят восемь минут".

Время приближалось к 9.35. Тут вмешалась Ханан Ашрауи и заявила: "Мы опаздываем. У палестинской делегации едва хватит времени для того, чтобы добраться до Белого дома и занять места на церемонии подписания". Ханан Ашрауи и Набилъ Шаат провели очень напряженные контакты с Россом, Миллером и Джереджаном. Целью этих контактов была корректировка документа. Однако ответом им было – "нет".

Абу Аммар попросил членов делегации отправиться в Белый дом. Сам он остался в гостинице вместе с Абу Мазеном и мной. В последний раз Абу Аммар отправил Ахмеда ат-Тиби в резиденцию израильской делегации для того, чтобы сообщить им о том, что подписания не будет, если в текст первого параграфа соглашения не будет внесено название – "Организация Освобождения Палестины". Около десяти часов Абу Мазен задал вопрос: "Что же мы будем делать, если текст не будет изменен?". "Мы не подпишем соглашения", – ответил Абу Аммар.

В 10.10 зазвонил телефон. На другом конце провода был Ат-Тиби, который сообщил Абу Аммару, что Перес согласился заменить слова "палестинская делегация" словами "группа Организации Освобождения Палестины в составе совместной иордано-палестинской делегации". Абу Аммар согласился с этим изменением.

В 10.15 мы выехали в Белый дом. Кортёж прибыл туда примерно в половине одиннадцатого. Абу Аммара и Абу Мазена провели во внутренний зал Белого дома, где находились президент Клинтон, Рабин, Перес и двое помощников. В сопровождении сотрудника протокольного отдела я направился на лужайку, где должно было происходить подписание. Мое кресло было поставлено рядом с помостом, на котором стоял стол для подписания.

Я попросил встречи с американским юридическим советником или ответственным за протокол подписания, чтобы взглянуть в последний раз на тексты соглашения, которое было необходимо подписать. Американский советник стал объяснять мне сценарий подписания, но я настаивал на том, чтобы увидеть тексты договора с тем, чтобы убедиться, что в него было внесено согласованное изменение. Увидев тексты соглашения, я понял, что в него не было внесено никаких изменений. Более того, я обнаружил, что последний параграф составлен следующим образом:

"Шимон Перес: от правительства Израиля.

Махмуд Аббас: от палестинской делегации".

В тексте соглашения ООП ни разу не упоминалась.

Я немедленно поставил об этом в известность американского советника, заявив ему, что получил строгие инструкции не передавать соглашение Абу Мазену, если в него не внесены необходимые изменения. Я потребовал от него немедленно переговорить с Пересом, находившимся внутри Белого дома, и получить от него разъяснения.

Американский юридический советник поспешил внутрь Белого дома для совещания с Пересом. Я же подошел к первому ряду присутствовавших и попросил Ханан Ашрауи вместе со мной решить возникшую проблему. Когда американский советник вернулся, я попросил его говорить в присутствии Ханан. Он сказал, что Перес подтвердил свою готовность внести изменения и что Абу Мазен в момент подписания может своей рукой изменить слова "палестинская делегация", вычеркнуть их и вставить вместо них слова "Организация Освобождения Палестины". Тогда Ханан потребовала, чтобы Абу Мазен подписывал соглашение до Переса для того, чтобы исправление было принято и юридически утверждено. Американский советник заявил, что протокол предусматривает, что первым подписывает Перес. Ханан вернулась на свое место, посоветовав мне проявить настойчивость.

Я потребовал у американского советника перепечатать последнюю страницу заново. Он действительно поспешил в типографскую службу, расположенную внутри Белого дома, для того, чтобы внести исправления во все четыре копии соглашения. Назад он вернулся с израильским юридическим советником Йоэлем Зингером. Новые страницы были приложены к тексту соглашения. Затем я потребовал перечеркнуть неисправленную последнюю страницу каждого экземпляра. Это было сделано.

Первая же страница была исправлена от руки. Слова "палестинская делегация" были заменены на "группа Организации Освобождения Палестины в иордано–палестинской совместной делегации". Израильский советник подписал это исправление нашими инициалами.

Около десяти минут двенадцатого началась церемония подписания. Опоздание составило только десять минут. Но все было сделано так, как мы этого хотели".

В Белом доме нас принимали президент Клинтон с супругой Хилари, а также экс–президент Джордж Буш, экс–президент Джимми Картер с супругой, вице–президент Гор и другие. Среди присутствовавших был министр иностранных дел Норвегии – настоящая звезда церемонии, человек, лично содействовавший доведению соглашения до подписания. Затем в зал вошли Ицхак Рабин с супругой и Шимон Перес. Они стояли довольно далеко от нас. Президент Клинтон и остальные видные американцы стали перемещаться между нами для того, чтобы "убить" остававшиеся до начала церемонии полчаса. Все подчеркивали значимость усилий заинтересованных сторон, которые смогли заключить соглашение в обстановке строжайшей секретности. Завеса тайны над переговорами, продолжавшимися полных девять месяцев, не позволила узнать о них не только журналистам, но и разведкам великих держав. Все говорили о возможностях претворения соглашения, необходимости придерживаться его текстов, деятельности по решению экономических и социальных проблем, которые возникнут в момент реализации договоренностей. Клинтон совершенно ясно заявил о том, что Америка выполнит свои обязательства по экономической помощи. Он коснулся также и вопроса организации переговоров. По его словам, если бы переговоры проходили только в Вашингтоне, то они не могли бы быть успешными. Они тогда проходили бы на глазах у всего мира, средства массовой информации концентрировали бы на них всеобщее внимание, а члены делегаций обеих сторон способствовали бы такому вниманию, делая заявления обо всем перед журналистами. Таким образом, за столом переговоров постоянно возникала бы ситуация, когда записывалось бы все, что говорилось. Иными словами, говорить откровенно не представлялось бы возможным. За каждое сказанное слово пришлось бы нести ответственность перед руководством, ответственными лицами и народом. В Вашингтоне переговоры происходили бы как бы на улице. В Осло же стороны могли абсолютно свободно выра-

жать свои мысли, что и позволило им прийти за рекордно короткий срок к поразительным результатам.

Высказывания президента Клинтона слышал и норвежский министр, который стал еще больше ощущать свою значимость. Ведь он и его страна оказали теплый прием участникам переговоров и содействовали их успешному завершению. Я был поражен тем, как откровенно говорит глава самой могучей державы мира, как он оказывает честь своим гостям, не считая зазорным столь ясно говорить о переговорах, первым коопонсором которых он является, хотя его—то и не поставили в известность о деталях процесса. В конечном итоге, он смог поставить результаты переговоров на службу интересам его страны.

В честь израильской и палестинской делегаций Уоррен Кристофер пригласил нас на обед, где присутствовали все бывшие госсекретари США, некоторые министры иностранных дел арабских и зарубежных стран, которые были на церемонии подписания. На обеде присутствовали также ответственные сотрудники госдепартамента США. Среди присутствовавших находился Генри Киссинджер, автор теории "позапной дипломатии", госсекретарь США в эпоху Никсона и Джеральда Форда. От имени палестинской делегации к присутствующим обратился Ясир Абд Раббо, а от имени израильской — заместитель министра иностранных дел Израиля и Йосси Бейлин. Он сказал: "Я был и остаюсь противником создания независимого палестинского государства. Но это соглашение, подписание которого мы сегодня отмечаем, сделало возникновение этого государства фактом, который более невозможно игнорировать". Я повернулся к Йосси Бейлину и сказал ему: "Если бы Голда была жива, то она приказала бы вздернуть вас за то, что произошло, на виселице". В конце обеда мы случайно столкнулись, выходя из здания государственного департамента, и Бейлин мне сказал: "Вы сделали отличную работу".

В половине пятого в день подписания 13.09.1993 г. мы все — члены делегации встречались с государственным секретарем Уорреном Кристофером. До начала встречи Кристофер захотел встретиться наедине с Абу Аммаром и мной. Мы вошли в его кабинет, где находился также и Деннис Росс. Кристофер сказал: "Я выражаю свое восхищение тем, что вы сегодня сделали, и поздравляю вас. Я вернулся с церемонии, которая объединила евреев и арабов, где я заметил торжество духа примирения, царившего все три последние часа. Этот дух поразил меня. Ваше мужество и мужество премьер—министра Израиля открыло новые перспективы. Пе-

ред нами не будет трудностей и препятствий. Мы начали движение наверх. Я считаю, что ваше обязательство является важнейшим из обязательств, которые когда-либо брал на себя в мире руководитель. Мне трудно точно сказать, сколько человек слушало вас сегодня. Но, в любом случае, их число превышает сто миллионов человек. Поэтому я считаю, что необходимо покончить с неясностями и опозданиями в анализе и решении проблем. Очень важно, чтобы взятые вами обязательства были четко и недвусмысленно выполнены. Эти же слова я скажу моим друзьям в Израиле. Есть очень важная проблема. Я имею в виду искоренение насилия. Я думаю, что ваше обязательство прекратить насилие привлечет весь мир. Именно поэтому и я хотел бы поговорить с Вашим Превосходительством о важности искреннего продвижения к прекращению насилия, о том, что ваше обязательство в этом смысле было бы откровенным. Не существует одного пути к искоренению насилия. Иногда случается так, что вы делаете определенный шаг, когда вам известен источник насилия. Иногда вы говорите об этом открыто. Но нельзя ожидать, что вы будете железным человеком, способным сделать все. Я хотел бы, чтобы вы поняли, что существует огромная потребность сделать это. Я говорю в духе дружбы, которая возникла между нами, потому что успех соглашения зависит от этого. Есть и другая тема, по поводу которой я говорил во время обеда с господином Аббасом. Это экономические вопросы. Я предлагаю в этой связи, чтобы у вас были бы практические проекты, благодаря которым люди почувствовали бы пользу соглашения".

Далее стал говорить Деннис Росс. Он сказал: "Я хотел бы подчеркнуть один момент, связанный с улучшением общей атмосферы. Государственный секретарь уже говорил о прямой связи между вами и израильянами. Чем быстрее вы создадите различные специализированные комиссии, в частности, по безопасности, экономике, тем быстрее соглашение принесет пользу. Это будет непосредственно воздействовать на психологию израильянов, которые почувствуют, что с помощью этих комиссий можно будет дать сильный толчок развитию отношений. Кроме того, комиссии будут важным элементом процесса разъяснения нового этапа развития событий и новой ситуации. Необходимо как можно быстрее создать механизм деятельности этих комиссий".

С того момента, когда в Осло начались переговоры, я настойчиво требовал от членов делегации и советовал им не ограничиваться лишь долгими и скучными заседаниями за столом пере-

говоров. В свободное время было важно неожиданно сесть каждому члену делегации рядом с кем-либо из израильтян, поговорить о личных вопросах, избавиться от официальных формальностей переговоров. Это было важно для того, чтобы создать человеческие отношения, которые сыграют свою роль в деле убеждения других людей и убеждения самих себя. Хотя я знал, что такие встречи и беседы оказывают на людей лишь ограниченное влияние, я понимал также, что злоупотребление ими вызовет негативную реакцию. Таким образом, чем чаще пользуешься таким способом развития отношений, тем более негативно они влияют на незащищенного участника переговоров.

С момента начала Мадридского процесса и переговоров в Вашингтоне мы требовали от палестинской делегации, чтобы ее члены стремились к созданию пусть и ограниченных, но личных, человеческих контактов с членами израильской делегации. Мы считали, что нужно выйти за жесткие рамки официальных формальностей, которые могут оказаться характерным элементом этих переговоров, в которых участвовало слишком много членов различных делегаций и которые и в большом, и в малом избыточно освещались средствами массовой информации. Члены нашей делегации, тем не менее, не были согласны с этим требованием, опасаясь, что их могут обвинить в установлении незаконных контактов, что начнут сомневаться и обвинять самих членов делегации. В результате такого подхода, были упущены многие возможности неофициального обмена идеями в интересах достижения взаимопонимания в отношении официально обсуждавшихся проблем.

Но опыт участников переговоров в Осло в этом отношении был успешным. Они стремились создать человеческие отношения с членами израильской делегации. Одновременно наши делегаты имели широкое поле для официальных действий в ходе переговоров. Это поле давало им возможность упорно и настойчиво вести переговоры, когда речь шла об основных проблемах и коренных вопросах, где было невозможно выйти за поставленные нашей делегации четкие пределы.

В этой области делегация быстро приобрела опыт методики ведения переговоров. Она постоянно стремилась в удобное время снизить потолок выдвигаемых предложений, когда ей было видно, что израильская делегация не может принять требуемое. Снижая этот потолок, наша делегация постоянно стремилась выйти на тот уровень, который ей предписывался руководством. Я часто

удивлялся тому, как вели себя ее члены. Но когда делегация возвращалась, и я знакомился с деталями, мне приходилось поддерживать ее начинания.

Метод ведения переговоров, применявшийся делегацией, был одним из основных факторов, способствовавших достижению многих результатов. Эти результаты часто не принимались в расчет, и никто не предвидел, что в конце концов они появятся.

Встреча с Пересом была теплой, хотя и для него, и для меня она была первой. Вместе с тем, присутствие на этой встрече уже знакомых друг другу обеих делегаций содействовало большей ее теплоте. Мы начали беседу о практических шагах, которые можно осуществить для того, чтобы люди глубже поверили в соглашение.

Перес сказал: "Следует начать контакты, пусть даже и неофициальные, уже сейчас с целью изучения вопроса о создании комиссий и их составе. Это необходимо для продолжения переговоров. Не забывайте также о создании полицейских сил, что предполагает наличие нужных для этого финансовых средств. Кроме того, необходимо предоставить финансовую помощь различным организациям, среди которых, в первую очередь, университеты. В том, что касается общей финансовой поддержки, я предлагаю создание американо-европейской комиссии, в состав которой войдут и представители израильской и палестинской сторон. Некоторые вопросы требуют неотложного решения, например, строительство опреснительных заводов в Газе и организация телефонной связи. Может быть, стоит подумать о предоставлении права на ее создание частной компании. Важно обратить особое внимание на жилищное строительство в Газе, население которой остро в том нуждается. Им нужны и жилье, и рабочие места. Видимо, мы будем нуждаться в совместных арабо-еврейских инвестиционных кампаниях. Я думаю, нам нужно говорить на языке действия, единым с языком международного сообщества. Я не вижу препятствий в подготовке специалистов у нас с помощью приглашаемых извне экспертов. Делать это нужно и в Газе и в Иерихоне. Однако, принятие мер, направленных на развитие взаимного доверия как в отношении заключенных, так и высланных, а также разблокирования Иерусалима, станет возможным только после обсуждения соглашения в кнессете. Тогда и начнут реализовываться невидимые меры, связанные с разблокированием Иерусалима". В самом конце своих слов он предложил создать ежедневно действующую комиссию связи в составе Абу Аля и Ури Савира.

Поездка в Америку закончилась посещением Нью-Йорка для встречи с Генеральным секретарем ООН Бутрусом Гали. Он выразил свое восхищение подписанием израильско-палестинского соглашения. Может быть, среди арабов он был тем человеком, который в наибольшей степени был восхищен случившимся, потому что он был первым, кто заявил о своей солидарности с покойным президентом Анваром Садатом. Бутрос Гали, в отличие от иных министров иностранных дел, после подписания кэмп-дэвидских соглашений никогда не отказывался от своей поддержки Анвара Садата.

Бутрос Гали предложил помощь ООН и ее специализированных организаций в деле реализации задачи создания палестинской инфраструктуры. Он проявил огромный энтузиазм в отношении направления исследовательских экспертных групп на оккупированные территории, где они могли бы приступить к изучению перспектив создания этой инфраструктуры непосредственно на месте.

ГЛАВА 14

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Долгая и многосторонняя борьба палестинского народа была направлена на восстановление своего поправленного достоинства, прав и места среди народов Земли в собственном независимом государстве. Эта борьба была искренним выражением его нежелания подчиниться навязанной ему реальности. Эта борьба не была мстью. Она выражала его коллективное желание в то время, когда он был изгнан с родной земли. Этой борьбой руководила Организация Освобождения Палестины.

Интифада на оккупированных территориях была естественным продолжением этой борьбы. В ходе ее палестинцы выразили свое стремление быть равными израильтянам, которые были против их существования и стремились покончить с ним. Но и израильтяне, когда борьба палестинцев достигла своего апогея, убедились в ее справедливости.

Проходившие ранее в обстановке секретности встречи и контакты сыграли важную роль в прояснении многих обстоятельств, казавшихся неосуществимыми в обстановке кровавой борьбы в регионе. Исчезли фальшивые теории и иллюзии, господствовавшие ранее над умами людей. Палестинцы выдвинули цель, и израильтяне поняли эту цель. Обе стороны должны были идти на взаимодействие, закончившееся проведением совместных переговоров, подписанием Декларации о принципах и признании Организации Освобождения Палестины.

Если говорить об израильских стремлениях, отвлекаясь от объективных условий, следует отметить, что Израиль был создан, прежде всего, на основе теории Герцля, гласившей: "Земля без народа должна быть предоставлена народу без земли". Вплоть до настоящего времени лозунгом партии Херут выступает создание Израиля на обоих берегах реки Иордан. Некоторые же истолкователи Торы утверждают, что "земля израилева" простирается от Нила до Евфрата.

Вплоть до шестого раунда переговоров в Вашингтоне Элияким Рубинштейн употреблял выражение "Иудея и Самария", когда

он хотел говорить о Западном берегу. В лучшем случае, говоря об оккупированных территориях, он называл их "территориями".

Это касалось земли. А что же касается народа, то было, по сути дела, запрещено употреблять и пользоваться словом "Палестина", потому что Израиль занял ее место, а само это слово могло применяться лишь в разговоре об истории древнего мира. То же самое относилось и к жителям Палестины, которых называли "арабскими жителями". Это означало, что эти жители пользуются, в лучшем случае, только гражданскими и религиозными правами. Очень часто их называли "членами неиудейских общин". Это выражение было почерпнуто из Декларации Бальфура, включенной в текст мандата Лиги Наций. Оно осталось жить и после того, как Израиль захватил Западный берег и Газу, где в 1978 г. была создана так называемая гражданская администрация, становление которой было призвано придать смысл сказанному выше.

В течение десяти раундов переговоров в Вашингтоне их израильские участники отказывались употреблять выражение "палестинский народ". Они говорили "палестинцы". В прошлом даже американская администрация вплоть до 1988 г. отказывалась говорить "народ". Но когда состоялось в 1988 г. заседание Палестинского национального совета, президент Буш направил послание королю Хасану II. Это послание содержало подарок Палестинскому национальному совету. Подарок заключался в том, что в послании говорилось о том, что, начиная с даты его составления, американская администрация будет использовать выражение "палестинский народ" вместо слова "палестинцы".

Обратимся к историческим источникам. В 1921 г., когда в Великобританию прибыли Муниф аль-Хусейни и Иса аль-Иса, Черчилль, в то время министр колоний, отказался их принимать в качестве чьих-либо представителей. Они были приняты как уважаемые люди. В 1985 г. Тэтчер отказалась принять митрополита Илью Хури и Мухаммеда Мульхема в качестве представителей Организации Освобождения Палестины. Встреча, таким образом, не состоялась.

Я вспоминаю все эти исторические свидетельства и факты для того, чтобы сказать, что если бы все зависело только от Израиля, то эта страна ничего не признала бы и не приняла никакого решения. Так, например, на одном из этапов борьбы палестинцев и для того, чтобы покончить с этой борьбой, были придуманы так называемые ассоциации деревень. Но затем от этой выдумки при-

шлось отказаться, так как эти ассоциации не смогли существовать, столкнувшись с отвергавшим их народом.

Мы не утверждаем, что наша подпись под Декларацией о принципах создает независимое палестинское государство. В документе нет ни одного пункта, который бы предусматривал его создание. Мы должны признать, что было достигнуто лишь соглашение о создании переходной автономии на Западном берегу и в Газе. В принципе, выбор Газы и Иерихона не означает, что палестинское управление будет ограничено только этими районами. Такое прочтение Декларации ошибочно и политически ущербно. Если вернуться к тексту соглашения, то, например, в его статье четвертой говорится: "Обе стороны рассматривают Западный берег и сектор Газа в качестве единого территориального целого. Его единство должно быть сохранено, как и его безопасность в течение переходного периода". Раздел четвертый статьи пятой гласит: "Обе стороны согласны с тем, что соглашения переходного периода не могут быть изменены или отменены вследствие переговоров об окончательном статусе". Среди прочего это означает также и то, что переходный этап не заканчивается так называемым выбором Газы и Иерихона. Он включает весь Западный берег и сектор Газа. Везде и одновременно будут передаваться определенные властные полномочия (статья 6 соглашения).

Параграф четвертый статьи седьмой соглашения гласит о том, что будут созданы определенные властные структуры, занимающиеся вопросами электроснабжения, портом, окружающей средой, экспортными операциями, земельными угодьями и водными ресурсами. Все эти властные структуры уже несут на себе некоторые черты суверенитета, которого мы в будущем стремимся достигнуть.

Элементы, базовые основы и приоритеты переходной автономии полностью отличаются от приоритетов статуса независимости. Кроме того приоритетные потребности образования, подобного нашему, должны реализовываться прежде других и быть первоочередными с точки зрения их исполнения. Ведь мы получаем выжженную землю, которая нуждается в самом необходимом, что потребно для жизни, начинающейся с нуля.

Что же касается того, чтобы в задачу Совета самоуправления входило выполнение обязанностей от имени Израиля, то это опровергают многие пункты соглашения, которых мы касались и которые детально разъяснили.

Как известно, палестинский и израильский народы не разделены глубокой цивилизационной пропастью. Между обоими народами не существует значительного разрыва с точки зрения уровня культуры. Близость обоих народов с точки зрения культурного и цивилизационного плане очень быстро приведет к уходу в прошлое взгляда свысока, все еще существующего у израильтян в отношении палестинцев. С точки зрения же экономической, возможности палестинцев, которые будут раскрыты, – если это произойдет, – в условиях существования палестинских властных структур, превратят их родину в очаг процветания. Даже если им и не удастся конкурировать с израильтянами, тем не менее, экономический разрыв между обеими сторонами не будет очень велик.

При обсуждении темы суверенитета мы должны принимать во внимание природу переговоров и палестино–израильского противостояния. Это противостояние специфично, как специфичен и суверенитет. Тот суверенитет, который нами обсуждался, изначально относителен, обладает особой природой, связан не с принципом суверенных национальных прав, а с созданием в основе своей несуществующего национального бытия. Более того, механизм реализации соглашения должен привести к появлению и кристаллизации иных факторов и аспектов суверенитета. Они будут возникать во все большей и большей мере, соответствующей степени реализации соглашения.

Быть может, недостаточность определения понятия "законные политические права" и было упущением переговоров. Но, на самом деле, в той или иной форме это выражение было зафиксировано в документах. В преамбуле Декларации говорится о "признании политических и законных прав обоих народов". В третьем параграфе статьи третьей Декларации отмечается: "Выборы явятся предварительным переходным шагом важного характера, направленным на осуществление законных прав Палестинского народа и его справедливых требований".

Мы считаем, говоря о Декларации о принципах, а не о детальном соглашении, что вопрос суверенитета поставлен и обозначен. Тем более, что Декларация, в принципе, опирается на международное право и подчеркивает направленность на его реализацию.

Руководство нового политического образования на Ближнем Востоке впервые в истории ближневосточного региона требует всеобъемлющего видения будущего этого образования. Речь не идет лишь о его становлении, форме, эволюции и отношениях с

Израилем. Речь идет, прежде всего, о существовании этого образования в центре территорий, занимаемых арабской нацией, его отношениях с соседями, в первую очередь, и другими арабами, во вторых. Эти разнообразные по содержанию и сложные отношения должны быть точно просчитаны, чтобы это образование не стало бы лакомым кусочком для израильтян, и чтобы оно сохранило свой арабский характер, без которого оно не сможет обойтись.

Взгляд на Декларацию о принципах позволяет резюмировать те вопросы, которые потребуют упорного труда, связанного с их реализацией в течение двух следующих лет. В той мере, в какой претворение соглашения будет мирным, опирающимся на четкие и прочные базовые принципы, в той же мере станет возможным переход к решению тех проблем, которые встанут перед нами на заключительном этапе. Они связаны с завершением нашей борьбы за независимость и поиском справедливого решения вопроса о беженцах на основе международного права. Естественно, говоря о независимости, мы предполагаем решение проблем Иерусалима, поселений, границ, отношений с соседями и безопасности.

Израиль стремится аннексировать некоторые районы Западного берега и сектора Газа. Он будет стремиться установить свой контроль над источниками воды, он не собирается отказываться от аннексии Иерусалима. Для нас же принципиально решение этих вопросов на иной основе вне зависимости от того, создадим ли мы независимое государство или конфедерацию. Для многих понятие "конфедерация" кажется достаточно смутным. Для нас же это понятие должно отталкиваться от того определения, которое дает международное право: "Конфедерация есть совместное соглашение между двумя или более независимыми образованиями". Это означает, что конфедерация не представляет собой альтернативы независимому государству, как и наоборот. Но конфедерация создается на основе существующего независимого государства. Иного пути к ее созданию не дано. В силу этого, мы не должны связывать, с одной стороны, стремление Израиля к аннексии и господству и, с другой, тем выбором (конфедерацией), который будет в конечном итоге сделан. Вне зависимости от того, каким окажется этот выбор, мы должны бороться за полную реализацию резолюции 242. Израильские войска должны быть выведены со всех оккупированных в 1967 г. территорий. Палестинское образование должно суверенно распоряжаться всеми находящимися на его территории природными богатствами, включая и источники воды.

Когда мы говорим о проблеме беженцев, нам необходимо четко различать два вопроса. Во-первых, это формы решения этой проблемы, которые будут определены в ходе переговоров, которые начнутся через два года. Во-вторых, возложенная на плечи палестинского государства ответственность за беженцев. Этот второй вопрос касается, прежде всего, палестинского государства, которое должно облегчить страдания изгнанного со своей земли народа в период, предшествующий окончательному решению самой проблемы. Ответственность государства, в данном случае, включает в себя право гражданства для каждого палестинца, где бы он ни проживал, право на социальное обеспечение, включая образование, здравоохранение и пенсионное обеспечение. Эта ответственность охватывает также организацию отношений с палестинской диаспорой, гарантию прав ее членов в странах их проживания до тех пор, пока эта проблема не будет окончательно решена в ходе переговоров с Израилем.

Поначалу израильтяне отказывались очертить круг тем окончательного этапа. Они предлагали каждой из сторон выдвинуть те темы, которые кажутся ей подходящими для их обсуждения за столом переговоров, но так, чтобы другая сторона не давала бы никаких обязательств, связанных с этими темами. Но текст соглашения определил эти темы. Более того, соглашение обязывает израильтян обсуждать их. Эти темы и определяют черты окончательного этапа, в частности, когда идет речь о границах, отношениях с соседями, мерах безопасности и вопросах, представляющих взаимный интерес. Уже не приходится говорить о трех принципиальных темах – беженцах, поселениях, Иерусалиме.

Как известно, Иерусалим был аннексирован Израилем по решению кнессета. Однако, уже постановка этой проблемы на повестку дня переговоров окончательного этапа означает для израильтян, что это спорный вопрос, что решение об аннексии более неправомочно. Но мы должны понимать, что подобные проблемы требуют для своего разрешения огромных усилий и длительного времени. Эти проблемы требуют борьбы и терпения. Существует риск, но истории неизвестны соглашения, которые не содержали бы риска.

Западные страны во главе с Соединенными Штатами обязались оказать палестинскому образованию экономическое содействие, с помощью которого оно могло бы встать на собственные ноги. Сразу же после окончания церемонии подписания Декларации о принципах Америка призвала богатые государства провести

в Вашингтоне конференцию для решения этой задачи. Конференция состоялась. В ходе ее работы было принято решение о предоставлении палестинскому образованию 2,6 миллиардов долларов, которые предполагается израсходовать в течение пяти лет. Но для того, чтобы эта сумма была получена, было выдвинуто условие, связанное с природой создаваемой этим образованием экономической инфраструктуры и отношениями между ней и другими структурами образования, а также Организации. Тем более, что условия Международного банка и государств-доноров требуют четкой системы использования, предполагающей, что выделяемые средства ассигнуются непосредственно, без посредников в соответствующие объекты. Государства-доноры должны быть спокойны в отношении того, что их средства используются должным образом.

Рационализм и общественное благо предполагают привлечение научных и хозяйственных кадров, а также специалистов в области финансов и в других отраслях в различные сферы экономики для того, чтобы создать такие институты, которые содействовали бы экономическому подъему на освобожденных территориях. Специалисты и учреждения, в которых они будут работать, должны пользоваться полной свободой в применении своих дарований. Естественно, мы будем выбирать их среди тех, кто пользуется хорошей репутацией, среди людей, стоящих выше всяких подозрений.

Есть еще один вопрос, связанный с передачей власти от израильтян палестинцам. Для нас это трудный экзамен, поскольку речь идет об обретении хороших технических, научных и административных кадров, которые займут место израильтян, управлявших всеми административными органами и департаментами в течение двадцати шести лет. Мы должны также подобрать хороших руководителей властных структур. Они должны быть представлены уважаемыми и известными своим патриотизмом и моральной незапятнанностью людьми. В их число должны входить представители практически всех слоев общества. Именно они должны подготовить проведение выборов, проведение которых предусматривается в течение трех месяцев после окончания вывода войск из сектора Газа и района Иерихона. Разумеется, если не произойдет что-то такое, что в силу субъективных причин исключит возможность проведения выборов.

Я не считаю, и мы не должны считать, что палестинский народ изберет отличный от свободного и демократического образ жизни. Тот стиль жизни, который он предпочтет, будет, разумеется,

опираться на свободу мысли, совести и слова. Свободная экономика станет частью этого образа жизни. Должна возникнуть система политического плюрализма, разнообразия идейных течений и мнений. Сегодня уже очевидно, что идея монопартийности, партии-авангарда, управляемой и связанной с правительством экономики, потерпела крах, отброшена временем. Эта идея не приемлется народами в конце двадцатого столетия. Палестинский народ, в течение нескольких десятков лет боровшийся с оккупацией за обретение свободы, не позволит какому-либо правителю лишить его этой свободы.

Руководители и кадровые работники палестинского образования в своем большинстве или в своем подавляющем большинстве, если не все, должны быть уроженцами Западного берега и сектора Газа. Это связано с необходимостью решения задач практического свойства и отвечает интересам успешного решения этих задач. Это смыкается с обстоятельствами морально-психологического характера, вытекающими из структуры нашего общества, не отличающегося от окружающих его обществ с точки зрения гуманитарных и общественных отношений. Это связано и с политическими причинами, вытекающими из задачи взаимодействия между палестинцами, проживающими на территории автономии, и палестинцами, осевшими за ее пределами. Необходимо создать органическую связь между внутренним и внешним руководством. Внешнее руководство должно заниматься вопросами международных связей, а также решением задач, определяемых природой окончательного этапа, в частности, проблемы беженцев, решить которую в обозримом будущем, скорее всего, не удастся.

Я понимаю, что эта мысль будет с трудом воспринята многими из тех, кто сегодня готовится занять высшие посты в палестинском образовании, кто выдвигает себя на руководящие должности, считая, что именно так они получают компенсацию за годы длительной борьбы. Однако, эта мысль никого ни к чему не обязывает. Она выражает лишь личную точку зрения на будущее родины, которое, в свою очередь, требует от нас четкости, открытости и поиска таких решений, которые в наилучшей степени удовлетворили бы чаяния народа.

Лишения и горести, которым некоторые подверглись в течение долгих лет изгнания и чужбины, не должны отвлекать наше внимание от истины, заключающейся в том, что палестинская родина представляет собой неотъемлемую часть этой нации, что мы не можем перестать быть арабами. Мы должны всегда помнить о

том, что лишения и горести не сопоставимы с теплом и нежностью, что они лишь часть великих жертв, которые были принесены во имя родины и ради нее.

Остается большой вопрос, связанный с тем, как не допустить, чтобы палестинская экономика не оказалась бы, как это происходит уже сейчас, придатком экономики Израиля. Палестинская экономика должна стать частью арабского рынка и арабской экономики. Решение этого вопроса не может быть реализовано на основе лозунгов, жестких клише и пожеланий, которые ничему не могут помочь. Этот вопрос должен решаться на базе обращения к субъективным и объективным условиям, он предполагает максимум точности, мудрости и ответственности ради достижения намеченной цели. Мы должны признать, что нынешнее положение палестинской экономики (если только то, чем мы располагаем, можно назвать экономикой) целенаправленно связано с экономикой Израиля. Палестинская экономика практически полностью привязана к израильской экономике. Если у израильтян возникнут добрые намерения, нацеленные на подъем жизненного уровня нашего народа, то это не должно заставлять нас думать, что эти намерения будут призваны избавить нас от жесткой экономической хватки израильтян. Для них важен, хотя территориально и небольшой, палестинский потребительский рынок, располагающий значительным количеством рабочей силы. Но, кроме того, за палестинским рынком стоит арабский рынок, который рассматривается израильтянами в качестве объекта экспансии и закабаления. Так или иначе, но палестинский рынок представляет собой важный источник процветания, упрочения и дальнейшего развития израильской экономики. Естественно, Израиль, как каждое развитое государство, заинтересовано в поиске и обеспечении широких рынков сбыта и дешевой рабочей силы.

Но вернемся к уже поставленному большому вопросу: как избежать подчинения израильской экономике? Ответим на него, что это, в конечном итоге, палестинская проблема. Но, в основном, это также и общеарабская проблема. Мы, палестинцы, несем ответственность за создание специализированных институтов и учреждений, за привлечение капиталов и за цивилизованное взаимодействие с миром, основанное на современной научной и технической базе. В равной степени, мы несем ответственность и за установление тесного взаимодействия с ближними и дальними, по отношению к нам, странами арабского мира. Это взаимодействие требует интеграции на основе взаимных интересов. Это тем более

важно, что мы должны пройти через четыре этапа: постепенное отдаление от израильской экономики, неэквивалентное сотрудничество с этой экономикой, обеспечение эквивалентного сотрудничества с ней и, наконец, общеарабская экономической интеграция.

Мы знаем, что эта задача трудна и сложна. Но если каждая сторона будет четко осознавать свою ответственность, если она будет выполнять то, что возложено на нее, то к концу двадцатого столетия экономическая ситуация в регионе будет отличной. Однако, для этого необходим серьезный подход к проблеме создания единого арабского рынка.

А это ведет нас к постановке другого большого вопроса. Как можно завершить достигнутый палестинцами политический успех и построить на его основе подлинную независимость?

Нельзя провести какую-либо параллель между нами и любым другим народом, достигшим автономии, а в дальнейшем и независимости. Нельзя провести какую-либо параллель между нами и другим народом, землю которого вначале заселили другие, а затем он достиг независимости.

Палестинское образование появилось на свет в результате столкновения с уже существующим, господствующим и дееспособным израильским образованием. Оно стремится отделиться от него и создать независимую политическую структуру. Эта структура должна быть жестко огорожена. Причем, воздвигаемая ограда должна быть прочной, неразрушимой и непреодолимой.

Тексты соглашения, прочитанные как предпосылка независимости, недостаточны для созидания независимости. Конечный результат будет определяться соотношением сил. Сила важнее права, даже если весь мир сегодня и говорит о суверенитете права и выражает ему свое уважение. Конечно, помыслы и чаяния законны и необходимы. Но все определяет реальность. Разумеется, никто не отрицает нашего права изменить ее, но, чтобы ее изменить, нужно учитывать ряд условий:

– Новое образование должно быть выразителем интересов всего палестинского народа, где бы ни находились его сыны. Право гражданства для любого палестинца в этом образовании должно быть священо, где бы он ни проживал. Это не государство Западный берег и сектор Газа, – это Государство Палестина.

– Беженцы должны почувствовать, что они заинтересованы в связи с этим государством. Эта связь должна опираться не только на обстоятельства национальной принадлежности, но и на защиту

этим государством их общих интересов после окончания переговоров об окончательном урегулировании их статуса.

– Мы должны, прежде всего, уважать в нашем новом образовании права человека. Это образование должно строиться на современных демократических основах, на свободе, политическом плюрализме и свободной экономике, что, однако, не означает отсутствия государственного сектора в основных отраслях народного хозяйства. Мы должны переходить от революционного мышления к мышлению государственному, создавая необходимые институты и учреждения, создавая кадры и людей, для которых будет принципиально важной высокая эффективность труда, упорство в достижении поставленных целей и творческая самоотдача.

Некоторые государства выдвинули лозунг: "Лояльность прежде всего, а затем – творчество". Осуществление этого лозунга привело эти государства к трудностям и катастрофам.

Мы не должны преуменьшать значение отношений с соседними арабскими странами. Нам необходимо установить с ними тесные политические, общественные, цивилизационные связи, распространяющиеся также и на область культуры. Эти отношения станут важным фактором эволюции палестинского образования в сторону обретения им независимости. Нам нужно отказаться от соперничества и вражды по отношению к ним. Наше образование нуждается в прочных связях со всеми арабскими государствами, которые внесут важный вклад в созидание этого образования.

– Установление прочных отношений со всеми государствами мира окажет непосредственное воздействие на процесс строительства этого образования, предоставив ему необходимые возможности роста, самосохранения и развития. Это образование должно строить разветвленную сеть международных действенных связей, охватывающих проблемы экономики и культуры, а также технического сотрудничества в цивилизационном плане, раскрывающем облик нашего народа и реальности в которой он существует.

– В заключение следует отметить, что мы должны строить отношения с Государством Израиль на основе взаимного доверия. Это должно успокоить израильтян в отношении их нового соседа и старого врага. Они смогут понять, что наше образование способно пройти путь от противостояния до нормализации без злоупотребления или нерадивости. Оно пройдет этот путь соответственно тому, как это сделали другие арабские страны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Текст письма Арафата Хольсту от 09.09.1993 г. об участии палестинского народа в созидании, о необходимости его поощрения на продвижение по пути мирного процесса и искоренении терроризма.

2. Письмо Арафата Рабину от 09.09.1993 г. о признании права Израиля на существование в условиях мира.

3. Письмо Рабина Арафату о признании Организации от 09.09.1993 г.

4. Письма о взаимном признании и обязательствах в отношении Восточного Иерусалима.

5. Соглашение о Декларации о принципах, заключенное в Осло 09.08.1993 г. и парафированное Абу Аля, Хасаном Асфуром, Ури Савиром и Йозлем Зингером.

6. Соглашение о Декларации о принципах, заключенное в Вашингтоне 13.09.1993 г. и содержащее внесенные в него в последние минуты поправки. Эти поправки были заверены инициалами Йозля Зингера и Хаиля аль-Фахума. Окончательное подписание соглашения было осуществлено Абу Мазеном, Пересом, Кристофером и Козыревым.

Текст письма, подписанного Арафатом, об участии палестинского народа в созидании, о необходимости его поощрения на продвижение по пути мирного процесса и искоренении терроризма

Ваше Превосходительство
министр иностранных дел Норвегии
Йохан Йорген Хольст!

Хотел бы подтвердить Вам, что в моем публичном заявлении при подписании Декларации о принципах будет заявлено о следующих позициях:

В свете наступления новой эры, свидетельством чему становится подписание Декларации о принципах. Организация Освобождения Палестины направит свои усилия на то, чтобы поощрить палестинский народ на Западном берегу и в секторе Газа на участие в реализации мер, которые приведут к нормализации, отказу от насилия и терроризма, к содействию в достижении мира, стабильности и позитивному отношению к вопросам созидания, экономического развития и сотрудничества.

Искренне Ваш
Ясир Арафат,
председатель Организации
Освобождения Палестины
09.09.1993 г.

II

Ниже следуют тексты писем, которыми обменялись палестинский лидер Ясир Арафат и премьер-министр Израиля Ицхак Рабин в связи с соглашением о взаимном признании между Организацией Освобождения Палестины и Израилем

09.09.1993 г.

Господин премьер-министр!

Подписание Декларации о принципах является собой свидетельство начала нового этапа в истории Ближнего Востока.

Основываясь на этом убеждении, я хотел бы подтвердить следующие обязательства:

Организация Освобождения Палестины признает право Государства Израиль на существование в условиях мира и безопасности.

Организация Освобождения Палестины принимает резолюции Совета Безопасности 242 и 338.

Организация Освобождения Палестины подтверждает, что подписание Декларации о принципах представляет собой историческое событие, которое открывает собой новую эру мирного сосуществования без насилия и иных действий, угрожающих миру и стабильности. Основываясь на этом, Организация отказывается от применения террора и других насильственных действий. Она берет на себя ответственность за то, что все члены и представители Организации Освобождения Палестины подчинятся данной гарантии, а также за противодействие нарушениям и нарушителям порядка.

Отталкиваясь от перспектив этого нового этапа и подписания Декларации о принципах, а также опираясь на палестинское соглашение, принять резолюции Совета Безопасности 242 и 338, Организация подтверждает, что те статьи Национальной хартии, которые отказывают Израилю в праве на существование или не соответствуют выраженным в данном письме обязательствам, становятся с настоящего момента недействующими и невыполняемыми. В соответствии с этим, Организация Освобождения Палестины передаст этот вопрос на рассмотрение Палестинского национального совета с целью официального одобрения внесения необходимых изменений в Национальную хартию и мер, связанных с этим.

Ясир Арафат,
председатель Организации

Освобождения Палестины.

III

Господин Ясир Арафат,
председатель Организации
Освобождения Палестины!

Отвечая на Ваше письмо от 09.09.1993 г., хочу подтвердить Вам, что в свете высказанных в нем Ваших обязательств, правительство Израиля приняло решение признать Организацию Освобождения Палестины в качестве представителя палестинского народа. Правительство Израиля вступает в переговоры с Организацией Освобождения Палестины в рамках мирного процесса на Ближнем Востоке.

09.09.1993 г.
Ицхак Рабин,
премьер–министр Израиля

IV

Письма о взаимном признании и обязательствах в связи с Восточным Иерусалимом

Постоянная миссия наблюдателей
от Палестины при ООН

Постоянная миссия наблюдателей от Палестины при Организации Объединенных Наций выражает свои наилучшие пожелания Постоянной миссии Норвегии при ООН и будет ей признательна, если это закрытое послание будет переправлено Его Превосходительству г-ну Йохану Йоргену Хольсту, министру иностранных дел Норвегии.

Примите заверения в нашем глубоком уважении.
Нью-Йорк, 29 сентября 1993 г.

В Постоянную миссию Норвегии
при Организации Объединенных Наций,
825, Третья авеню, 39 этаж,
Нью-Йорк

Королевское Министерство иностранных дел,
Министр иностранных дел

Осло, 26 октября
1993 г.

Председателю Ясиру Арафату,
Организация Освобождения Палестины,
Тунис

факс № 095–216–1–787.174

Дорогой друг!

Подтверждаю Вам получение мною письма, касающегося Восточного Иерусалима, как это было оговорено обеими сторонами, подписанное израильским министром иностранных дел Шимоном Пересом.

Я привезу это письмо со мной на совещание в Париж 5 ноября и покажу его Вашим представителям, как мы об этом и договаривались.

Позвольте мне также передать Вам приглашение посетить Норвегию в удобное для Вас время. Я знаю, что у Вас очень плотный график работы, но для нас будет большим удовольствием принять Вас здесь.

С наилучшими пожеланиями,
Йохан Йорген Хольст.

Министр иностранных дел
749503

Иерусалим, 11 октября 1993 г.

Дорогой министр Хольст!

Я хотел бы подтвердить Вам, что палестинские учреждения Восточного Иерусалима, интересы и собственность палестинцев Восточного Иерусалима имеют большую значимость и будут охраняться.

В силу этого, все палестинские учреждения Восточного Иерусалима, включая экономические, общественные, образовательные и связанные со сферой культуры, святыни христианства и ислама представляют собой неотъемлемое достояние палестинского населения.

Не стоит даже говорить о том, что мы не только не будем препятствовать их деятельности, но, напротив, выполнение ими их важной миссии будет только поощряться.

Искренне Ваш
Шимон Перес,
Министр иностранных дел Изра-
ля.

Его Превосходительству
Йохану Йоргену Хольсту,
Министру иностранных дел Норвегии

9 сентября 1993 г.

Господин Председатель!

Отвечая на Ваше письмо от 9 сентября 1993 г., я хотел бы сообщить Вам, что в свете обязательств ООП, содержащихся в Вашем письме, правительство Израиля приняло решение признать ООП в качестве представителя палестинского народа и начать переговоры с ООП в рамках ближневосточного мирного процесса.

Искренне Ваш
Ицхак Рабин,
премьер–министр Израиля
10.09.1993 г.

Ясиру Арафату,
Председателю
Организации Освобождения Палестины

Соглашение о Декларации о принципах, заключенное в Осло 09.08.1993 г. и парафированное Абу Аля, Хасаном Асфуром, Ури Савиром и Йоэлем Зингером

Окончательный утвержденный проект от 19 августа 1993 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРИНЦИПАХ ДОГОВОРЕННОСТИ В СФЕРЕ ВРЕМЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Правительство Государства Израиль и Палестинская команда (в составе иордано–палестинской делегации на мирной конференции по Ближнему Востоку) ("Палестинская делегация"), представляющая палестинский народ, договорились о том, что настало время положить конец десятилетиям конфронтации и конфликтов, признать обоюдные законные и политические права и стремление жить в условиях мирного сосуществования, взаимного уважения и безопасности, достичь справедливого, окончательного и взаимоприемлемого мирного урегулирования и исторического примирения на основе согласованного политического процесса.

В этой связи обе стороны выражают свое согласие со следующими принципами:

Статья 1.

ЦЕЛЬ ПЕРЕГОВОРОВ

Целью израильско–палестинских переговоров в ходе происходящего ближневосточного мирного процесса является, наряду с иными вопросами, создание Временной Палестинской автономии, выборного Совета ("Совет") для палестинского народа на Западном берегу и в секторе Газа на переходный период, не превышающий пяти лет, ведущий к окончательному урегулированию на основе резолюций Совета Безопасности 242 и 338.

Статья XVI

ИЗРАИЛЬСКО–ПАЛЕСТИНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Обе стороны стремятся к созданию многосторонних рабочих групп как инструмента претворения "плана Маршалла", региональных и других программ, включая специальные программы для За-

падного берега и сектора Газа, как это предусмотрено в протоколе, включенном в Приложение IV.

**Статья XVII
ДОПОЛНЕНИЯ**

1. Данная Декларация о принципах вступает в силу через месяц после ее подписания.

2. Все протоколы, прилагаемые к данной Декларации о принципах или включенные в нее в ходе последующих переговоров, рассматриваются в качестве ее неотъемлемой части.

Составлено в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия,
___дня _____ месяца 1993 г.

За правительство Израиля

За Палестинскую делегацию

Засвидетельствовано:

От Соединенных Штатов
Америки

От Российской Федерации

Соглашение о декларации о принципах, заключенное в Вашингтоне 13. 09.1993 г. и содержащее внесенные в него в последний момент поправки. Эти поправки были заверены инициалами Йоэля Зингера и Хаиля аль-Фахума. Окончательное подписание соглашения было осуществлено Абу Мазеном, Пересом, Кристофером и Козыревым

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРИНЦИПАХ ДОГОВОРЕННОСТИ В СФЕРЕ ВРЕМЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Правительство Государства Израиль и команда ООП (в составе иордано-палестинской делегации на мирной конференции по Ближнему Востоку) ("Палестинская делегация"), представляющая палестинский народ, договорились о том, что настало время положить конец десятилетиям конфронтации и конфликтов, признать обоюдные законные и политические права и стремление жить в условиях мирного сосуществования, взаимного уважения и безопасности, достичь справедливого, окончательного и взаимоприемлемого мирного урегулирования и исторического примирения на основе согласованного политического процесса.

В этой связи обе стороны выражают свое согласие со следующими принципами:

2. Все протоколы, прилагаемые к данной Декларации о принципах или включенные в нее в ходе последующих переговоров, рассматриваются в качестве ее неотъемлемой части.

Составлено в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, тринадцатого сентября 1993 г.

За правительство Израиля
Шимон Перес

За ООП
Махмуд Аббас (Абу Мазен)

Засвидетельствовано:

Уоррен Кристофер
От Соединенных Штатов
Америки

А.Козырев
От Российской Федерации

ОБ АВТОРЕ

ИМЯ: Махмуд Аббас (Абу Мазен)

МЕСТО И ДАТА РОЖДЕНИЯ: Сафед (Цфат) , 1935 г.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: Женат, имеет трех сыновей – Мазена, Ясира и Тарика. Имеет четырех внуков.

ОБРАЗОВАНИЕ: Начальная школа в г. Сафед (Цфат), затем вместе с родителями эмигрировал после событий 1948 г. в Сирию, где закончил среднюю школу.

Магистерская степень права Дамасского университета.

Степень кандидата исторических наук получена в Институте востоковедения РАН, Москва.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ: Опубликовано одиннадцать работ /монографий/ по вопросам арабо–сионистского противостояния. Имеет большое количество опубликованных научных статей.

Работает над подготовкой "Хроники палестинской проблемы". Уже вышло в свет более 40 томов, объем каждого – около 300 страниц.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: Начал политическую деятельность в середине 50–х годов, создав в 1954 г. в Сирии Палестинское общество.

В конце 50–х годов участвовал в создании Движения ФАТХ. Был среди немногих принявших в 1965 г. решение о начале палестинской революции.

Член Палестинского национального совета с момента вступления Движения палестинского национального освобождения (ФАТХ) в Организацию Освобождения Палестины.

Член Исполкома ООП, с 1980 г. – глава Департамента меарабских и международных отношений. Наряду с этим, исполнял обязанности:

- главы палестинской стороны в совместной Иордано–палестинской комиссии,
- главы палестинской стороны в совместной советско–палестинской, а затем российско–палестинской комиссии,
- глава Союза палестинских обществ дружбы,
- был первым в рядах движения ФАТХ, кто выдвинул идею контактов с миролюбивыми еврейскими силами в Израиле и за его пределами,

– активно содействовал принятию Палестинским национальным советом в 1977 г. решения о начале диалога с еврейскими и израильскими силами, поддерживающими законные права палестинского народа,

– после выдвижения Палестинским национальным советом палестинской мирной инициативы в 1988 г. возглавляемый им Департамент принимал участие и руководил организацией всех форумов и встреч с представителями израильских и еврейских сил, происходивших в Европе, Америке и других местах,

– после начала арабско–израильских переговоров в 1991 г. возглавил комиссию по контролю над переговорами как в двустороннем, так и в многостороннем аспектах.

– осуществлял контроль за ходом секретных переговоров.

Председатель комиссии по вопросам переговоров, созданной после заключения Соглашения "Газа – Иерихон" в 1994 г.

Являлся заместителем главы Палестинской делегации на церемонии подписания "Декларации принципов" в Вашингтоне 3 сентября 1993г.

От имени Палестинской стороны подписывал Временное Соглашение в Вашингтоне 28 мая 1995 г.

В 1996 г. избран Секретарем Исполкома ООП.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ	3
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ	5
ОТ АВТОРА	7
ГЛАВА 1 В САМОЛЕТЕ ПО ПУТИ В ВАШИНГТОН	8
ГЛАВА 2 НАЧАЛО ПУТИ	21
ГЛАВА 3 РОЛЬ ШВЕЦИИ	33
ГЛАВА 4 ЗАКУЛИСНЫЕ КОНТАКТЫ С БЛОКОМ ЛИКУД	55
ГЛАВА 5 КОНТАКТЫ С ПАРТИЕЙ ТРУДА	75
ГЛАВА 6 КОНТУРЫ МАДРИДА	113
ГЛАВА 7 РОЛЬ НОРВЕГИИ	141
ГЛАВА 8 ПЕРЕГОВОРЫ В ОСЛО	151
ГЛАВА 9 ДОКУМЕНТ	187
ГЛАВА 10 РЕШАЮЩИЕ МГНОВЕНИЯ	225

ГЛАВА 11 СМОГЛИ ЛИ МЫ СОХРАНИТЬ ЗАВЕСУ СЕКРЕТНОСТИ НАД ОСЛО?	236
ГЛАВА 12 ГАЗА – ИЕРИХОН. ОТКУДА И КУДА?	254
ГЛАВА 13 НЕОЖИДАННОСТЬ	262
ГЛАВА 14 ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	279
ПРИЛОЖЕНИЯ	290
ОБ АВТОРЕ	301
ОГЛАВЛЕНИЕ	303

Лицензия ЛР № 030697 от 29 июля 1996 года
Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1 Усл. печ. л. 19,00
Тираж 2000 экз.

Отпечатано в Типографии КТ РФ

